

*Александра
Тейл*

ЖУРАВЛЬ
в садах

Она оставила в прошлом не только ненавистное общежитие, но и любимого человека. И снова не на кого рассчитывать, кроме себя. Кто бы мог подумать, что такое положение закончится браком с человеком, не подходящим ей ни в чем, кроме одного: он тоже борец-одиночка.

- [Журавль в ладонях](#)
 - [Часть 1. Сергей — Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Часть 2. Ульяна — Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Часть 3. Иван — Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 -
 -
 - [Глава 4](#)
 -
 -
 -
 - [Глава 5](#)
 -
 -
 -
 - [Глава 6](#)

- -
 - [Эпилог](#)
-

Журавль в ладонях

Александра Гейл

Цикл: Синичка 2

Часть 1. Сергей — Глава 1

Разумеется, когда я рассказала друзьям о нашем с Ванькой разрыве, те посочувствовали, но не удивились. Еще бы, симпатичный, видный парень, не замеченный в серьезных отношениях, и девочка-простушка, которая решила подарить ему свою верность и преданность. Да меня за глаза называли камикадзе!

Уже вечером, не без помощи Лоны, я поняла: все подумали, будто это Ванька меня бросил, а не наоборот. Сразу стало так противно-противно, будто я та сама забитая зубрилка, влюбленная в самого красивого и популярного мальчика школы... Да-да, слишком много сериалов, но суть верна. И хуже всего то, что Расскажи я правду о расставании, друзья бы решили, это не более чем попытка собрать по крупицам остатки собственного достоинства.

В общем, во вторник я собралась с силами и объявила о своей новообретенной свободе, а в пятницу вечером ее обмыла в одном из баров в компании Риты, Иришки, Егора и Лоны. На мне был старый свитер и ни следа косметики, в кошельке жалко болталась последняя пятитысячная купюра. Но стол украшали пять стопок и почти пустая бутылка коньяка Курвуазье. Я понимала, что друзья — такая штука, которой необходимо безжалостно поковыряться в ранах друг друга, и решила, что чем растягивать это «удовольствие» на месяцы, лучше выпиться и отмучиться за несколько часов.

— А знаешь, одной быть здорово, — настаивала Иришка, противореча собственным словам недельной давности. — Отдохнешь, насладишься своей новой квартирой, свободными временем, а потом случится самое приятное: новый букетно-конфетный период.

Я улыбнулась, но подумала, что черта с два. Отношения с Ванькой подсказывали, что таких как я по ресторанам не водят. У бытия своей-в-доску девчонкой есть миллион плюсов, против одного огромного и жирного минуса: их не завоевывают.

— И все же задница была классная! — прервала мои мысли Рита.

— Прости? — переспросила я, подумав, что отвлеклась и потеряла нить разговора. Но ничего подобного!

— Я говорю, Саф, — отчеканила она, облокачиваясь на стол и откровенно наслаждаясь моим замешательством, — свобода или нет, но однажды ты сможешь рассказать детям от благопристойного мужчины с ранними залысинами о том, что имела честь подержаться за одну из самых аппетитных задниц в мире.

Из-за алкоголя мне показались ее слова безумно смешными. Я хохотала очень громко, но все же не так истерично, как Иришка. А вот лицо Егора стало красным-красным. Окончательно смутившись, он опрокинул в рот остатки коньяка и, пытаясь сохранить невозмутимый вид, отвернулся к сцене, где меланхоличный пианист уже полчаса усыплял своими этюдами толпу. Однако финт не удался, и нашим взорам предстало оттопыренное пылающее ухо. Успевшая захмелеть Лона закрыла ладошкой рот и глупо захихикала.

— Никаких детей, никаких мужчин, никаких задниц! — воспротивилась я. — Seriously, ты строишь отношения, на что-то надеешься, переживаешь за человека, а он потом... сбегает. И ладно бы к какой-нибудь красавице-юристке — нет! В армию, Карл! — горестно запричитала я.

— Ты очень пьяная, — посочувствовала мне Иришка. — Но, знаешь, армия все-таки лучше. Если скачет с автоматом по барханам, значит не нагулялся. А если по бабам шляется

— это на всю жизнь.

— В Астрахани нет барханов, — встрял на свою голову Егор.

— А тебя, молодой человек, никто не спрашивает. Ты — ик — в оппозиции, понял?

— напустилась Иришка на единственного, кто под руку подвернулся. — И вообще, что не так с тобой, если пятничным вечером ты сидишь в компании двух старых дев, новоиспеченной почти-разведенки и вечной невесты?

— Так... — вмешалась я. — Когда вы в последний раз поднимали эту тему, наутро проснулись вместе. И это было ужасно. На вас было тошно смотреть. А когда вы расплевались и устроили холодную войну, стало еще хуже. Поэтому угомонитесь. Вы уже один раз расстались, потому что не понимаете друг друга. И хватит этого.

Но так уж повелось, что за мной последнее слово не оставалось никогда. Махом допив коньяк в стопке, Ритка сощурилась и погрозила мне пальцем:

— Ха! Проецируешь!

Как сказала сестра, поминки отношений устраиваются всего однажды, без повторов на девять и сорок дней. И их нужно просто пережить.

С тех пор тема под названием «Иван Гордеев» в разговорах со мной была закрыта. Никому не нравится слушать о наших переживаниях, вот друзья и не провоцировали. Я влюбилась в потрясающего парня, он в меня — нет, все закончилось расставанием. Разумеется, мне было ужасно паршиво, но нужны ли были эти подробности окружающим? Нет. Я прекрасно понимала, что по-своему они правы, но равнодушие вызвало желание отдалиться. И пусть мы регулярно встречались за обедами, в свободное время я все чаще выбирала уединение.

Вот так, несмотря на попытки не скатиться в депрессию, я оказалась на самом ее дне. Беспощадные долги лишали меня всех материальных радостей жизни, а единственный человек, с которым хотелось общаться — моя сестра — активно строила собственную личную жизнь и готовилась к свадьбе. Разными, кстати, способами.

Все майские праздники сестра должна была провести с Романом и его родителями, которые, равно как и все люди их возраста, являлись горе-садоводами. Половину лета они корячились над грядками, чтобы в итоге привезти пять супернатуральных луковиц, три свеклы и один нездорового вида помидор. Как невеста Романа, Лона обязана была помогать, хотя ей стоило посочувствовать. Проживая в общежитии, мы разве что зеленый лук на подоконниках выращивали. И когда моей сестричке ставили задачу прополоть грядку, пульс Лонки учащался вдвое. Однажды она уже перепутала морковку с сорняком, еле пережила припадок будущей свекрови и теперь дико боялась повторить свою чудовищную ошибку.

В общем, вся эта преамбула к тому, что, проиграв битву сватьям и их полевым работам, на праздники я осталась одна. И если первое мая в компании попкорна и сериалов прошло вполне себе сносно, то второе — куда сложнее. А третьего я отбросила в сторону плед, натянула старые джинсы и отправилась на работу за документами. Ну что еще может быть нужно одинокой и успешной девушке двадцати пяти лет, как не удивить начальника? Ни за что бы не подумала, что такое решение станет началом целой череды сюрпризов.

Началось с того, что скучающий охранник очень обрадовался посетителю и взялся поболтать. Расспросил о делах, праздничном досуге и, наконец, бесконечной помолвке Лоны. Я честно ответила, что сестра уже купила платье и издеваться скоро будет не над кем, но, как обычно, ничего этим не добила. Лона, Роман и их бесконечная помолвка были топ-темой для насмешек в «ГорЭншуранс» уже долгие месяцы. Народ просто перестал верить,

что после полуторалетнего ожидания сестра все же появится на работе с кольцом на пальце. В общем, не отрегировав на мои уверения в том, что платье понарошку не покупают, охранник еще чуть-чуть позубоскалил, а затем, будто спохватившись, заявил, что более не задерживает, а то попадет еще. Я ничего не поняла, но предпочла сбежать, не уточняя, ибо не хотела продолжать глупый разговор.

Все прояснилось только когда я вошла в приемную. Поскольку в выходной день непрошенных визитеров не ожидали, начальник не стал закрывать дверь кабинета, и я без труда услышала разговор. А еще узнала оба мужских голоса.

— Насколько мне известно, дела у вас идут не слишком успешно, — услышала я привычно безапелляционного Гордеева.

— Правда? — раздался насмешливый ответ Новийского. — А я и не подозревал.

— Вы руководите проверяющими, — презрительно напомнил начальник.

— И вы меня вызвонили в выходной день за тем, чтобы отчитать?

Повисла продолжительная пауза, во время которой я старалась не дышать, дабы не выдать своего присутствия. Мне казалось, что грядет что-то важное, очень хотелось дослушать разговор. А обнаружь меня начальник, мигом дверь бы захлопнул.

Наконец, зашуршали бумаги.

— Нет. Я просил вас прийти, чтобы предложить место моего заместителя. Мне нужен достойный преемник, и я решил попытать счастье с вами. Соглашайтесь, я готов научить вас всему при условии, что затем вы выкупите у меня контрольный пакет акций и возглавите «ГорЭншуранс» после моего ухода.

После этого я зажала рот рукой и оперлась о столешницу. Новость стала для меня почти ударом. То, что сказал Гордеев, ставило крест на его отношениях с сыном навсегда. Ванька всегда терпеть не мог Новийского. Не потому ли, что отец обмолвился, что был бы счастлив видеть в роли своего ребенка кого-то вроде Сергея? Может, я все придумала, но Николай Давыдович иногда здорово перегибал. Он умел задеть словом даже посторонних. И если бы вдруг решил, что сравнение с Новийским способно простимулировать сына, вряд ли бы стал думать дважды.

— Вы же понимаете, что я откажусь, — мягко проговорил Сергей, запуская мое сердце снова. — При всех достоинствах «ГорЭншуранс», это негосударственная организация. Если я вложу в нее все силы, а, зная вас, уверен, что меньшего не потребуется, то потеряю шансы в политике. — Немного помолчав, Новийский хмыкнул и продолжил: — Знаете, в чем прелесть руководства над собаками- ищейками? Есть прекрасная возможность знакомиться с людьми. За нарушенные правила очень выгодно делать... одолжения. И просить взамен разные мелочи. Например, можно попросить пересмотреть мнение на допущенные мной в прошлом ошибки.

— Вы о Юлии? — поинтересовался Гордеев, а ответа дожидаться не стал. Он уже знал, на какие собирается жать кнопки. — Думаете, про нее забудут? Думаете, она оставит вас в покое?

— О ней можно не беспокоиться. Глупо биться, когда можно сыграть на сочувствии. Люди любят жалеть пострадавших. Особенно русские люди. Юлия — не проблема. Как только она попытается что-либо предпринять, я ответу взаимностью. Достаточно будет нескольких громких заявлений, чтобы она оказалась мстительной лгуньей. Конечно, при поддержке нужных людей. А именно над этим я сейчас и работаю.

— Тогда вам необходима снежно-белая репутация, которая исключает шашни с разного

рода девицами в кабинете и не только.

Повисла непродолжительная пауза.

— Болтливая у вас помощница, — сухо сообщил Новийский.

— Нет. Была бы болтливая, если бы рассказывала о моих пассиях вам, а в противном случае — верная. Чувствуете разницу?

— Еще как, — скупно отозвался Сергей, и я очень удивилась такой формулировке.

Поняв, что разговор свернул на опасную дорожку, я перегнулась через стол, открыла ящик и как можно тише достала папки. Пока Новийский с Гордеевым обсуждали еще какие-то варианты, я собрала комплект необходимых документов. Уже покидая приемную, услышала слова прощания и поспешила к лифтам. Думала, что запрыгну в кабину до того, как мое присутствие будет обнаружено, но лифт кто-то перехватил, и пока я дожидалась его возвращения с первого этажа, ко мне присоединился Новийский. Просто подошел и встал рядом. Не зная, что сказать, я косо взглянула на него, скупно поприветствовала и еще теснее прижала к груди папки.

Лифт звякнул, двери открылись, и Сергей жестом велел мне проходить вперед. Едва представив, что меня ждет с десятков этажей напряженного молчания, я сдалась первой.

— Я не хотела подслушивать, — сказала поспешно. — Это карма так работает. Вы пробуждаете во мне все худшее.

— Так это я виноват? — издевательски поинтересовался Новийский, нажимая кнопку закрытия дверей лифта.

— Нет, я правда не специально. Так получается. Это месть, наверное. Из-за того, что я видела вас в кабинете с блондинкой, вы мне очень не понравились. С тех пор я, вроде бы, изменила свое отношение, но Вселенная решила отомстить и сделать так, чтобы и я вам не нравилась.

— Так теперь виновата Вселенная? — Ни интонации, ни выражение лица собеседника не изменились. — Знаете, не думал, что у вас с моей бывшей женой найдется что-то общее, но талант обвинять все вокруг, лишь бы не себя — определенно.

Он сказал это настолько ровно, что я несколько раз моргнула, пытаясь понять, насколько серьезно заявление.

— Да вы издеваетесь! — вынесла вердикт.

— Чуть-чуть, — хмыкнул Новийский и, помолчав, добавил: — Вижу, вам нечем заняться.

— Ну, если это можно назвать словом «нечем»...

— Именно так это и называется, — перебил он меня. — Поверье, я знаю. Сам так давно занят «нечем», что сегодня решил изменить привычкам и посетить Эрмитаж. С детства живу в Петербурге, но ни одного раза не заходил в последние залы без спешки. Нужно же когда-то исправляться! Как считаете?

— О, — выдала я. — План неплох, но сегодня выходной день, и вы будете стоять в очереди до самого вечера.

— С этой маленькой проблемой я уже разобрался. Прежде чем идти сюда, заглянул на Дворцовую набережную и подкупил парочку ребят, чтобы подержали мне место.

— Это самое хитрое, что я слышала в этом месяце, — пришлось признать.

— Благодарю, — усмехнулся Новийский и позволил мне выйти из лифта первой.

— А вдруг они вас надуют? — спросила мнительная часть меня. — Ребята, которые

держат очередь?

— Ну, я обещал им вторую половину суммы при возвращении, — хмыкнул Сергей.

— А что до первой, неужели произведения искусства того не стоят?

Я была вынуждена признать его правоту, но попыталась спрятать улыбку. Шутливый, ничего не значащий разговор понравился мне больше, чем все два дня в компании пледа и сериалов. Что было удивительно, если принять во внимание нежелание общаться.

И тут бамц...

— Присоединитесь? — спросил вдруг Новийский.

— Что? — переспросила, прикладывая пропуск к турникету.

— Раз уж вам нечем заняться, присоединитесь к моей экскурсии?

И вот не смейтесь и не удивляйтесь, следующие два года моей жизни подобные диалоги случались по паре раз на день, потому что политики, даже начинающие, очень редко говорят честно, открыто и без завитушек. К такой манере общения непросто привыкнуть. Особенно если ты простоватая девчушка по кличке Саффри.

— С вами в Эрмитаж? — удивилась я. — Зачем?

— Ну хотя бы потому что вас запросто можно впечатлить моими скудными познаниями в живописи. К тому же, я не любитель ходить по музеям в одиночестве, а если начну приставать к туристам, меня сочтут маньяком. Плюс, это отличная возможность помириться.

На пару секунд я задумалась: а нужно ли мне это примирение? Но решила, что раз уж Гордеев решил накинуть хомут на шею Новийского, то так просто не отстанет. Посчитай он это резонным, запросто пошел бы даже на продуманный шантаж.

Я, конечно, понимала, что Новийский вряд ли легко отступится от своего решения, что он состоявшаяся личность, которую голыми руками не взять. Но ведь Гордеев лишь притворялся Николаем, по факту оставаясь хитрым Давыдовичем. И Сергей оказался на мушке. Сначала ему навязали Шульцева вкупе с компаньонкой в виде назойливой чужой помощницей, а затем и вовсе предложили приобрести то, что даром было не нужно. Боже, Николай Давыдович действительно носился со своей компанией, как с писаной торбой! И тому пытался всучить, и другому. То с одного бока заходил, то разворачивался на сто восемьдесят градусов и менял тактику. Но никак не мог подобрать себе преемника, удовлетворяющего всем критериям. Ни в коем случае не подумайте плохого: компания «ГорЭншуранс» была и остается лакомым кусочком. Это хорошо налаженная система, где компетентные сотрудники не только прекрасно исполняют свои обязанности, но и ратуют за общее дело. Многие пришли бы в восторг, предложи начальник теплое местечко им. Но, знаете, есть женщины, которые не умеют выбирать мужчин, а есть Гордеев, который никак не мог найти человека, удовлетворяющего всем его взыскательным требованиям.

— Я так и не получил ответа, — напомнил Новийский.

— С такой тягой музеи не в радость, — показала я ему стопку корочек.

— Так вернитесь и передайте охраннику. Мы отошли от дверей всего на двадцать метров, — легко решил проблему Сергей.

— Там конфиденциальная информация...

— Я вас умоляю. Кто в здравом уме станет это читать? — закатил глаза Сергей. — Спорю, даже если он заскучает, предпочтет открыть не папки, а какого-нибудь набившего оскомину Чейза.

Я хотела отказаться, правда хотела, но слишком верила в Гордеева, который уже довел сына до армии, а меня — до водительских прав. И не стала портить отношения с потенциальным будущим руководством «ГорЭншуранс» еще на подлете. В общем, взяла и сказала «хорошо». Мне даже в голову не могло прийти, что это станет началом чего-то.

Добравшись до Дворцовой набережной, мы обнаружили, что очередь практически подошла, что было весьма к месту. Для майского Петербурга погода была почти чудесной, но Нева нас не пожалела, и из-за ветра я замерзла в момент. Оглядев длинный хвост очереди позади, я мысленно окрестила людей безумцами. Заскучать мне, однако, не дали. Новийский составил целый список всего, что нужно делать, и что делать не рекомендуется. Первые залы он собирался пробежать чуть не бегом, и ни в коем случае не отставать, ибо иначе ни за что не найдемся. Именно тогда я поняла, что у каждой картины мы будем висеть на века. А ведь моя любовь к искусству была так скромна...

Как только мы прошли контролеров, Новийский подставил мне локоть, предлагая взяться. Я как представила себя бегающей под ручку с разведенным политиком, так чуть не расхохоталась в голос, но день уже был настолько странным, что очередная дерзость потонула в общем шквале. Я знала, что это просто жест вежливости и попытка не потеряться в толпе, но было очень некомфортно.

По дороге в «дальние залы», куда мы вынуждены были добираться чуть ли не бегом, Новийский рассказывал мне об экспозициях. Даже пытался оправдать свое невнимание к части коллекции Эрмитажа, рассказывал о командировке в Москву и последнем визите в Третьяковскую галерею, а потом спросил, была ли там я. Пришлось признаться, что я ни разу не была в столице, да и Петербург покидала всего пару раз. Новийский очень удивился. Кажется, ему и в голову не приходило, что такое возможно.

Кстати, нехватка эрудиции, вызванная, в первую очередь, финансовыми ограничениями, явилась одной из причин, по которым я не стала искать работу по специальности — журналистике. Забывшись, я зачем-то рассказала и об этом. Тогда Сергей пожал плечами и сказал, что нет ничего более наживного, чем кругозор. Посоветовал больше общаться с Гордеевым, который пусть и сухарь, но человек очень образованный. Представив, как я бы пристала к начальнику с вопросами о Рубенсе, я чуть не расхохоталась в голос, но покивала.

Когда мы пробежали все, что Сергей счел в достаточной мере освоенным, у меня дико колело в боку. Но от присутствующих я не отличалась. Все добравшие до конца экспозиции посетители выглядели так, будто готовы упасть и выбираться из Эрмитажа уже ползком. И когда Новийский, полюбовавшись моим страдальческим выражением лица, предложил присесть, меня загрызла совесть. Тем, кто преодолел все залы, стулья были нужнее. Тогда Новийский предложил постоять около лучшей картины в зале.

— Не думаю, что хотела бы иметь в своем доме нечто подобное, — пожалала я, разглядывая очередной выполненный в коричнево-золотой гамме портрет, на мой скромный вкус ничем не отличающийся от остальных. — Либо нужно иметь жилище, где стены обиты деревянными панелями, зеркала установлены в резные рамы ручной работы, а в библиотеке десяток стеллажей под самый потолок и еще огромный глобус на ножках.

— Да, — кивнул Новийский, заложив руки за спину. — Согласен, предметы роскоши обязывают, но этого мало. Иметь в доме чужой портрет не каждый согласится. Я бы тоже не хотел.

— Значит, против собственного не возражаете? — прицепилась я к словам.

— Почему нет? — с энтузиазмом спросил он.

— Увековеченная история семьи на полотнах размером с этаж. Что это за грех? Гордыня?

— Именно, — хмыкнул Сергей. — Но разве не она двигает нас вперед? Лень создает функциональное, а гордыня — прекрасное. Создать нечто потрясающее и назвать своим именем мечтает каждый. Не отрицайте.

— И именно из этого разряда «ГорЭншуранс».

В тот миг портрет был окончательно позабыт, а Новийский испытующе уставился на меня.

— Только не говорите, что вы пришли сюда по приказу Гордеева, чтобы переубедить.

— Ч-что? — несколько опешила я. — Вы сами меня позвали...

— Верно, но он же хитрый черт, кого угодно подговорит и обманет. А вас это еще и восхищает.

— Гордеев меня не восхищает, — покачала я головой.

— Еще как, — не согласился Новийский.

— Нет! — резко отозвалась и, осознав промашку, отвернулась. — Этот человек разрушил отношения со своей семьей и остался в полном одиночестве, но так и не признал свою неправоту. Он заслуживает жалости, а не восхищения.

Повисло молчание. Я упорно не смотрела на собеседника, пытаясь сделать вид, что рассматриваю картину. Однако мне помешали: какой-то особенно дотошный посетитель загородил ее спиной и наклонился ближе, чуть не ткнувшись носом в раму. И только он, старчески шаркая, отошел, набежала толпа судорожно хватавшихся за фотоаппараты китайцев.

— От Ивана есть новости? — нарушил молчание Сергей. — Если не ошибаюсь, он должен в скором времени вернуться.

— Но не вернется. Даже он сам не знает, когда это теперь случится.

— Думаете, Гордеев вызвал меня поэтому?

Я понятия не имела, сколько было известно Новинскому о нас с Ванькой. Иногда достаточно было шагнуть в лифт, чтобы узнать все офисные сплетни. Ну или Гордеев мог правдиво объяснить Сергею мое отсутствие в те выходные, когда мы поехали кататься на лыжах. Как бы то ни было, я не стала даже намекать на какие-либо отношения с Иваном. Его они не касались. Вместо этого повернулась к Сергею, взглянула на него и предельно честно сказала:

— Я тоже думаю, что Гордеев заставит меня играть против вас, принуждая согласиться на должность заместителя «ГорЭншуранс». Но еще я думаю, что вы поступили правильно, отказавшись. Уверена, что в скором времени меня пошлют ставить вам палки в колеса. Я люблю в своей работе все, кроме вот этой части, поэтому не буду отказываться. Если не хотите настоящих неприятностей, подыграйте.

Губы Новийского дрогнули в едва заметной усмешке. Не сказав ни слова, он жестом предложил мне двигаться дальше. Я даже немного расстроилась, решив, что мой благородный порыв не оценили.

Глава 2

Если бы после прогулки по Эрмитажу меня заставили давать показания в суде, обязательно задали бы два проясняющих ситуацию вопроса: почему я пошла посмотреть экспозицию с едва знакомым мужчиной и как часто занимаюсь подобными вещами в принципе. Потому что это является нехарактерным поведением. Во всяком случае для меня. Зная Новийского, я не исключала, что ему не составляло труда пригласить кого-нибудь в музей, напоить кофе или подвезти до дома. Но сама-то я так поступать не привыкла. Так зачем согласилась? Из карьерных соображений? Потому что было скучно и одиноко? Или, может, хотела поделить напополам свою депрессию, раз каждый из нас с Сергеем столкнулся с личными проблемами? Я не знала ответа на свой вопрос, и поэтому скрыла от Поны факт прогулки. Сказала, что провела выходные очень скучно. И почувствовала себя отвратительно, когда сестра начала извиняться за то, что обрекла меня на вынужденное одиночество.

Забирать документы из будки охранника с утра пораньше было не более приятно. Тот, который взял бумаги на хранение, был из числа моих любимчиков, а вот его коллега, заступивший на смену дружелюбием не блистал. За неподобающее обращение с архиважной информацией я получила полноценную выволочку, а еще обещание в следующий раз «настучать» Гордееву. В общем, Эрмитаж при всем своем очаровании даром не прошел!

И тем не менее жалеть не получалось, потому что после разговоров о Ваньке, хитром начальнике и наших сложных взаимоотношениях, Новийский провел мне блестящую экскурсию по музею. Остальным литературным жанрам он, по собственному признанию, предпочитал биографии. Оттого мог рассказать много интересного о создателях полотен и скульптур как о живых людях со своими слабостями и прегрешениями. Мне это было куда интереснее техники мазков. От некоторых подробностей я даже заливалась краской и смеялась так громко, что зрители начинали недовольно шипеть. Тогда Сергей очень достоверно раскисался и обещал, что шуметь мы больше не станем. Но ему явно нравилось меня подначивать. Впрочем, я бы на его месте тоже стала. Да вот только было нечем.

Когда я вернулась домой, эйфория сошла на нет, оставив за собой чувство какой-то обреченности. Я всегда чувствовала себя серой, пресной, ужасно скучной, а после всего, что мне так легко и весело рассказал Новийский, это ощущение лишь усилилось. Я плюхнулась на диван и закрыла лицо подушкой. Если даже в животе и начали зарождаться бабочки, они тут же передохли под прессом острого приступа самобичевания. Иными словами, возвращаться в серую реальность своей жизни было очень болезненно.

Последний из выходных дней я провела за компьютером. Пыталась хоть как-то поднять свой образовательный уровень. Разумеется, практически все время потратила на поиски книг по трекерам. Накачала себе целую библиотеку, но открыв первую же книгу, пригорюнилась. Сидеть и пялиться в буквы в гордом одиночестве было совсем не так интересно. Да и потом, я могла сколько угодно мечтать стать такой же эрудированной, как Гордеев или Новийский, но чего ради? Друзья бы не оценили, Лона бы не поняла, а уж мама... мама пришла бы в ужас, начни я перечислять ей особенности голландской школы живописи. Она бы тут же отвела меня в больницу, требовала справку о невменяемости, а затем насильственно выдала замуж за первого попавшегося уборщика.

После выходных по типу «американские горки» и выволочки от охранника

(охранника!), я явилась на рабочее место в дурном настроении. Особо угрюмо бросила на стул сумку, ткнула кнопку на системном блоке и взялась за застежку куртки, как вдруг в приемную ворвался Гордеев и велел мне не раздеваться понапрасну. Я не стала уточнять, так как в лифте он шелестел какими-то бумагами, и даже в фойе этого занятия не бросил. Но когда я остановилась около его машины, высунул голову из папки, нахмурился и спросил:

— Разве похоже, что у меня есть время вести машину? Мы едем на вашей!

От такой новости у меня всерьез задергался глаз. Ладно, допустим незнание города с точки зрения автомобилиста мог поправить навигатор, но моя манера вождения все еще оставляла желать лучшего. Воображение тотчас нарисовало больничную койку и злющего Гордеева с пробитой головой и приказом о моем увольнении. Но был ли выбор? Единственное, что мне оказалось под силу — проверить, пристегнулся ли начальника.

Добрались мы, к счастью, без приключений. Если не считать инцидента с парковкой. Я наотрез отказалась останавливаться около нужного дома под знаком, несмотря на то, что не стала бы одинокой в своем правонарушении, и Гордеев долго ругался. Надо спешить, времени нет, а тут придется обходить два здания! Ворчал долго и прочувствованно, однако спустя некоторое время смилостивился и рассказал, что целью нашего визита был осмотр помещений, запланированных под новый клиентский центр компании.

Остатки интерьера за темными витринами указывали на то, что присмотренное заведение являлось в прошлом то ли баром, то ли рестораном. Ни вывески, ни столиков уже не осталось, но барная стойка все еще располагалась прямо напротив входа. Владелец нас дожидался на месте, однако встретил, прямо скажем, неприветливо. Когда скрипнула дверь, упаковывавший вещи мужчина, вскинул голову и недвусмысленно нахмурился, но заговорить первым не успел.

— Добрый день! Александр Крюков? Николай Гордеев, — невозмутимо представился начальник. — Мы разговаривали с вами по телефону вчера. Это моя помощница Ульяна Сафронова, — властно махнул он в мою сторону перчатками.

Однако мужчина не проникся величием гостя:

— Я уже говорил, и повторяю, что залог внесен, помещения более не продаются.

Отчеканив это, он ловко выпрыгнул из-за стойки, подскочил к двери и сорвал табличку «продается», словно доказывая серьезность заявления.

— Сколько составляет неустойка в случае отказа от сделки? — буднично поинтересовался Гордеев, не став тянуть кота за хвост. Параллельно он оглядел потолок, но даже с места не сдвинулся, что мне показалось странным.

— Не ваше дело.

Крюков уткнулся в свои коробки, демонстрируя нежелание продолжать разговор. А я еще удивилась: зачем начальнику потребовалось именно это место? Пусть район неплох, в остальном-то... можно найти куда более приличное офисное здание. И не придется воевать с прежними владельцами или заниматься полной перепланировкой.

— Я готов заплатить за это место двойную цену, уверен, что это покроет указанную сумму.

Владелец так и застыл, сминая в руках упаковочную бумагу. В его глазах застыло недоумение, но и жадность тоже.

— Если передумаете, свяжитесь с Ульяной Дмитриевной. Удачного дня.

Он развернулся и вышел, а я, стряхнув оцепенение полезла в сумку за визиткой.

Выскочив следом за начальником, обнаружила, что у дверей меня дожидаться не стали. Побежала за Гордеевым, чувствуя себя собачонкой. И только догнала и перевела дыхание, как услышала новый приказ:

— Свяжитесь с Новийским. Пусть проверит данные на это место, владельца и потенциального покупателя.

— Простите, а при чем здесь Сергей Афанасьевич? — непонимающе переспросила я.

— При том, что чертов БТИ и его проверяющие нынче епархия Новийского, — очень «подробно» объяснили мне. — Вас никто не просит понимать. Сделайте, и все.

Обычно Гордеев требовал, чтобы я знала все досконально и не допускала ни малейшей путаницы. В общем, указания поступили нетипичные, но даже если я почуяла подвох, не посчитала безопасным продолжить расспросы. Оказавшись в машине, я набрала Новийского и очень удивилась, когда Николай Давыдович навис надо мной коршуном, собравшись подслушивать.

— Добрый день, Ульяна Дмитриевна, — привычно прошелестело в трубке негромкое приветствие Новийского, и я, встряхнув головой, попыталась отогнать дурные предчувствия.

— Сергей Афанасьевич, и вам того же.

— Благодарю. Чем могу помочь?

Заметив, как Гордеев помахивает рукой, подталкивая переходить ближе к делу, закатила глаза, но подчинилась.

— От лица Гордеева можно попросить вас проверить данные об одном выставленном на продажу заведении и его владельце.

В трубке раздался тяжелый вздох.

— Через пару часов будет, — покорно проговорил Новийский. — Нужен адрес, название, имя собственника.

Но когда я перечислила данные, в трубке повисла гнетущая тишина. Я думала, что, может, он что-то записывает или пробивает сразу через компьютер. Но когда молчание затянулось секунд на двадцать, отвела телефон от уха, чтобы проверить соединение. Все было в норме.

— Сергей Афанасьевич? — переспросила осторожно.

— Буду в «ГорЭншуранс» через час, — наконец, выдал он резко и отключился.

Я ничего не понимала, но сияющая физиономия начальника была явно не к добру.

— Отлично, — безмятежно отозвался Гордеев. — Трогайтесь, Ульяна. Негоже заставлять Сергея ждать.

Я едва успела повесить в шкаф куртку, как в приемную влетел Новийский.

— Добрый день, дамы! — приветствовал он в своей манере, подхватил меня под локоть и весьма бесцеремонно потащил в кабинет начальника. — Ульяна Дмитриевна, сейчас вы побудете... буфером, если не возражаете.

Да уж, пожалуй, возразишь, когда в тебя как клешнями вцепились...

— В деле чего? — спросила я напряженно.

— В деле переговоров. И, если что, втянул вас в это не я!

Выглядело как попытка оправдания совсем уж недостойных порывов, оттого я лишь недоверчиво хмыкнула.

Оказавшись вместе со мной в кабинете, Новийский плотно прикрыл дверь и развернулся ко мне лицом. На Гордеева, который оглядывал сценку с явным любопытством

и удовольствием, даже внимания не обратил. Я и не представляла, что Новийский способен проявить... неучтивость.

— Ульяна Дмитриевна, — обратился Новийский, опять же, не к начальнику. — Вы наверняка обо мне мало знаете.

Я скорчила страдальческую мину и повертела ладонью, показывая, что это правда лишь отчасти. Некоторые моменты биографии этого человека меня весьма и весьма интересовали в силу причин, которые я не слишком желала признавать.

— Во всяком случае, о моих родных, верно? — предложил он более подходящий вариант.

С этим я согласилась.

— Так вот вы наверняка не знаете, что моя мать довольно долгое время являлась весьма успешным шеф-поваром, пока отец не предложил ей открыть собственный ресторан.

Гордеев не без удовольствия откинулся в кресле и скрестил руки на груди, наслаждаясь театрализованным представлением.

— Вашими родителями я не интересовалась, — призналась я честно. — Но это, вроде как, вау, поздравляю! Как чудесно сложилась ее жизнь!

Начальник фыркнул, но смех подавил. Собственно, я не представляла, какой от меня ждут реакции на происходящее, но Новийский точно к чему-то вел. Вряд ли приятному.

— И совсем недавно у них с отцом был юбилей, сорок лет совместной жизни. Чудесная дата, верно?

Ну еще бы!

— Счастья им и долголетия, — сообщила я так же неуместно и по-дурачки. Но надо же было как-то реагировать, ибо обращались ко мне. — Чтоб до пятидесяти и дальше.

Гордеев уже скалился, не скрываясь. А вот Новийский в этом месте испытующе на меня поглядел и добавил:

— Буферу достаточно кивать, — подсказал, ну я и закивала. Отчетливо. Это мне пришлось по душе! Всяко легче, чем банальные ответы придумывать. — Прекрасно, уже значительно лучше, — похвалил Сергей мою старательность. — Так вот на годовщину бракосочетания, всего несколько дней назад, в качестве подарка я решил подарить им ресторан и предложил создать сеть. Внес залог, затем показал место. Здание расположено в отличном, оживленном месте, ремонт потребуется лишь поверхностей, прошлый владелец согласен хоть сейчас, сделка на мази... Идеально!

Начав понимать, что к чему, я стрельнула глазами в Гордеева и тяжело вздохнула. После полутора лет работы с ним я еще чему-то удивлялась. Недаром ведь отметила, что бар господина Крюкова не слишком походит на офис!

— Однако кое-кто об этом узнал и решил стянуть помещения прямо из-под носа! Предложил сумму в два раза превышающую рыночную. И как бы это объяснялось? Есть идеи?

Он серьезно спрашивал у меня? На всякий случай я покивала, как и положено буферу, но что еще было ответить? Нет, я понимала, что Гордеев хитрый гад, но все же это переходило все границы... и да, восхищало. Так повернуть все, разузнать и обставить, чтобы никто не заподозрил. Ну ведь слов нет!

— Тяжела участь работников разномастных канцелярий Ульяна Дмитриевна. Все-то узнаешь в первую очередь, но что поделать? Финансовые возможности столь скромны. Кто

угодно может перебить цену.

Новийский подпрыгнул, как ужаленный и не без раздражения уставился на Гордеева. Но так и не обратился к нему напрямую.

— Что вы, Ульяна Дмитриевна, беспокойство о моих финансовых возможностях крайне преждевременно. И, кстати, цену «второго покупателя» я уже перебил.

Они серьезно собиралась устраивать аукцион из-за нескольких комнат с несвежим ремонтом?! Я чуть было не открыла рот и не предложила найти каждому помещение за обычные деньги, а оставшейся частью суммы погасить мой долг за квартиру. Seriously, меряться кошельками в присутствии человека, которому еще вчера было негде жить, как минимум неприлично. Привели голодающего в супермаркет, видите ли. И Гордеев еще что-то там вякнул про скромные финансовые возможности. Стало обидно!

— Надолго ли, Ульяна Дмитриевна, надолго ли, — продолжал, тем не менее, Гордеев. — «Бывшие люди» слишком привыкли к хорошей жизни, чтобы легко адаптироваться к меньшим нуждам. Еще парочка годовщин или парочка любовниц, и все, что нажито непосильным трудом — фьють!

Они правда смотрели оба на меня и жестикулировали отчаянно, но при этом не требовали никакой реакции. Решив, что это может продолжаться довольно долго, я без приглашения уселась на стул и попыталась представить себя зрителем в театре. Тем более что актеры отрабатывали на совесть.

— Допустим, я уступлю и найду другое заведение, Ульяна Дмитриевна, но пострадает человек, которому уже наплели с три короба. А в чем он виноват?

— Алчность, Ульяна Дмитриевна, алчность всех нас погубит. Кто же виноват, что владелец продался за большие деньги? С другой стороны, кто бы не продался? Разве вы бы не продались?

Новийский аж стрельнул глазами в сторону начальника при этих словах.

— Очевидно, что не все продаются, Ульяна Дмитриевна, иначе зачем бы мне пытаться сохранить пост начальника какой-то там канцелярии, если есть более выгодное предложение?

— Ну, Ульяна Дмитриевна, каждый хочет набить себе цену. Все стоящие девицы ломаются, прежде чем продаться с потрохами. В этом их винить нельзя. Правду ведь говорят: что легко достается, то не ценится.

После этого я поняла, что Новийскому воспитание не позволит играть так же грязно, а значит он в заведомом проигрыше. И изобразила фэйспалм. Это, разумеется, никого не остановило.

— По-настоящему стоящие девицы, Ульяна Дмитриевна, ни в коем случае не должны продаваться. Совсем недавно один мой знакомый восхвалял верность принципам. Иначе кто угодно сможет перекупить их, было бы лучшее предложение.

— Мало какие принципы настолько стойкие, Ульяна Дмитриевна. — Гордеев поднялся из-за стола и взялся за пульверизатор, намереваясь то ли опрыскать листочки растений, то ли загасить собственное раздражение. — Мы же живем в век возможностей и зачастую даже не подозреваем, что нам понравится в действительности, не так ли?

На это Новийский обернулся и уставился прямиком на Николая Давыдовича. Диспозиция поменялась, мужчины застыли друг против друга, позабыв обо мне.

— Не держите меня за дурака, который сам не знает, чего хочет, — вдруг резко отозвался Сергей. — Вы растили компанию для сына, которому она оказалась не нужна, и

это обидно. Понимаю. Но взваливать весь этот груз ожиданий на меня? С чего, вообще, такая честь?

— Кстати о моем сыне, — задумчиво начал Гордеев, а у меня внутри аж все заледенело. — На сколько он тебя, Сергей, — подчеркнул голосом уничижительность обращения. — Младше? Семь лет? Восемь? Это тьфу. Сначала он хотел учиться, потом — кататься по Азии, вернулся, пыжился тут и что-то пытался делать, в чем-то был неплох, даже поумнел и нашел себе не глупую подружку. — И без зазрения совести кивнул на меня.

Новийский никак не отреагировал. То есть либо его самообладание было воистину железным, либо он о нас уже откуда-то знал.

— А потом вдруг взбрыкнул, — продолжил Гордеев. — Сказал, что ничегошеньки ему не нужно. Ни денег, ни семьи, ни компании, ни девушки. И вообще пойдет он в армию, а потом и вовсе там останется еще на годик, ибо не так уж и плохо. Собственно, примерно то же самое я наблюдал год назад, когда ты строил-строил семью и карьеру, а потом решил, что к черту, начинаем с чистого листа! Ты точно так же не представляешь, чего хочешь. И я предлагаю тебе лучший вариант. Ты его заслуживаешь уж всяко больше, чем мой сын.

Я не выдержала этого прессинга. Эмоции хлынули через край. И за Ваньку было обидно, и за Новийского, и вообще моя любовная трагедия только что стала аргументом в борьбе за «правое дело». Кому такое понравится?!

— Как понимаю, вы нашли способ общаться без буфера? Тогда я пойду. Мне, вроде как, поработать бы!

Я вышла в приемную, не дожидаясь разрешения и хлопнула дверью. Да, разозлилась.

— Козлы, — меланхолично отозвалась Катерина, отправляя в рот ложку диетического йогурта.

— В точку, — выплюнула я раздраженно.

Ничего особо криминального, но эта короткая и емкая характеристика спасла нервы миллионам женщин по всему миру. И мне тоже полегчало.

Слоняясь вечером по дому без определенного занятия, я из духа противоречия отправилась варить кофе. Казалось, что если пойти наперекор рекомендациям не пить стимуляторы на ночь, сделать как хочется, а не как правильно, то полегчает. Такой вот жалкий демарш. Однако что-то в этом было: терпкий запах кофе всегда ассоциировался у меня с силой, и очень хотелось ее позаимствовать. Потому что с некоторых пор я почувствовала, что мой внутренний резерв существенно истощился. Год назад я ничего не боялась. Боролась с собой, с обстоятельствами, с общественным мнением, даже с неверием родных. Я многого добилась, но проиграла Ваньку. Не имело значения, сколько вложено сил, сколько сделано правильно, просто я неверно оценила ситуацию.

Теперь у меня была квартира, стабильность на работе, нормальные отношения с друзьями и коллегами, но я даже за Лону перестала воевать, и это пугало. Не сказать, чтобы депрессивная Сафри превратилась в конченную размазню, но мне было не по себе. Я потеряла огромный кусок веры в свои силы, и желала немедленно пришить его обратно. Кому еще в меня было верить? Кто бы еще стал за меня сражаться? Уж точно не посторонние люди.

И как только напиток оказался готов, пропитав ароматом всю квартиру, я налила себе чашку кофе и вышла на лоджию. Оттуда открывался отличный вид на здание, в котором располагался зимний сад — место, где мы с Ванькой были счастливы. Мрачно отхлебнув горький черный кофе, я мысленно окрестила себя идиоткой. И почему не подумала, что

стоит рухнуть карточному домику счастья, как у меня перед глазами — всего-то в соседнем здании — останется болезненное напоминание о былом? Откуда в Сафри годичной давности имелось столько мужества, чтобы наперекор всему с головой броситься в омут отношений? Ей следовало быть осторожнее, много осторожнее.

Должно быть, в зимнем саду уже тогда высадили все цветы. Больше года прошло, могли бы успеть озеленить что угодно, но проверять я не хотела. И не хотела туда идти, боялась наплыва воспоминаний. Я. Боялась. И за это было стыдно.

От грустных размышлений отвлек звонок мобильного. Я зашла в комнату и не без удивления обнаружила, что на линии Новийский.

— Слушаю, — настороженно проговорила в трубку, опасаясь новых подлянок со стороны Гордеева. Как ни крути, а кровь он умел портить виртуозно.

— Ульяна Дмитриевна.

В тот день я столько раз слышала это обращение, что чуть не попросила Сергея называть меня просто по имени. В последний момент сдержала порыв.

— Я хотел извиниться за сегодняшнее. Думаю, Гордеев, как обычно, такими вещами не озаботился.

— Он считает, что вся благодарность и извинения содержатся в моем окладе. И что-то в этом есть. А на вас мне сердиться не за что. Диалог с буфером вышел весьма занимательным.

— Рад слышать, — четко отрапортовал он и после этого перешел к цели звонка: — Можно задать личный вопрос?

— Задавайте, — ответила я, несмотря на то, что опознала в его предусмотрительности банальный жест вежливости.

— Благодарю. Объясните, пожалуйста, почему вы не хотите, чтобы я работал в «ГорЭншуранс»? Из-за Ивана?

Мне совсем не понравилось, что он приплел Ваньку, хоть нечему было удивляться. Каждый бы подумал, что таким образом девушка прикрывает тылы своего парня. Вот только Ванька был мне не парнем, а держать для него местечко, от которого он так жаждал откреститься, было бы сущей глупостью.

— Я этого не хочу, потому что вы не хотите, — поправила я. Было сразу понятно, что Новийский не разберется в таком странном ответе, и пришлось пояснить: — Мне нужно думать, что можно поставить перед собой цель и ее достичь, даже если это сложно. Нравится наблюдать за такими примерами в реальной жизни. У вас отличные шансы сделать карьеру в политике, и не стоит сворачивать на более простую, но чужую дорожку.

— Хм, это весьма неожиданно, но приятно, — откровенно ответил Новийский.

Он помолчал, и я уже приготовилась к прощанию, но нет.

— А, знаете, раз уж в рядах Гордеева завелся шпион... — не оправдал мои надежды Новийский.

— Не перегибайте, — тут же спустила я его с небес на землю. — Я уже говорила, что раз я работаю на Гордеева, то пляшу под его дудку.

Услышав смешок, догадалась, что это была провокация, на которую я повелась слишком легко. Смутилась.

— Виноват, — максимально серьезно ответил Сергей. — Но все же не будете ли вы так любезны оказать мне услугу?

— Вам обязательно говорить витиеватыми канцеляризмами? — поинтересовалась я кисло.

— Это такое условие сотрудничества? — съехидничал Новийский.

— Да, а что? — тут же ощетибилась я.

— Туше! — насмешливо отозвался собеседник. — Я хотел попросить вас не предавать Гордеева, а всего лишь отвлечь.

— В каком смысле? — недоуменно поинтересовалась.

— Хочу его обмануть. Видите ли, моя матушка... весьма придирчива, угодить ей непросто. Она одобрила свой будущий ресторан, и на другой ни за что не согласится.

Ему стоило посочувствовать, ибо я прекрасно знала, что такое упертая матушка!

— Так вот я собираюсь сделать вид, что отступил от сделки, а вы мне подыграете. План весьма бесхитростен, поэтому без вашей помощи обдурить Гордеева будет непросто. Но я обязан попытаться.

— А вы не думали просто прикинуться, что согласны на предложение Николая Давыдовича, а потом махнуть ручкой и...

— Экая вы добрая! — фыркнул он. — Да стоит мне заявить о своем согласии, как я тут же окажусь прикован к рабочему столу цепями!

Вот уж святая истина. Я даже отругала себя за недалёковидность.

— Хорошо, что от меня требуется?

— Ничего особенного. Ведите себя как обычно, копайте в сторону будущих сделок и сплавляйте Гордееву информацию обо всех моих действиях, кроме тех, что касаются бара Александра Крюкова.

— Идет.

— Правда? — неподдельно обрадовался Новийский. — А я уж думал, придется вас подкупить!

Я мысленно отругала себя за упущенную возможность.

— Не пыхтите так явно, — засмеялся в трубку Сергей. — По горячим следам прогулки по Эрмитажу я порылся в своей библиотеке и нашел парочку книг, которые могли бы быть вам интересны. Все равно занесу их, как случай представится, не возвращать же на полку.

— Эм... хорошо, — согласилась я, делая себе мысленную пометку запомнить на века лицо Катерины, когда она это увидит.

— Вот и чудно. Судя по настрою Гордеева, это будет очень скоро. Тогда, заранее спасибо за содействие и сладких снов, Ульяна Дмитриевна.

— И вам спокойной ночи, — ответила, покосившись на полупустую чашку кофе.

Сбросив звонок, я внезапно обнаружила, что самоистязательный настрой оказался перебит, и в предвкушении авантюры настроение медленно, но верно, поехало вверх. Победно показав дому напротив язык (очень по-взрослому), я задернула шторы и плюхнулась на любимый диван. Решив попробовать уснуть, взбила подушку и поправила одеяло, но зачем-то полезла в соцсети, чтобы посмотреть, нет ли новостей от Поны. Новое сообщение было. Поторопившись, и не разобравшись, что делаю, открыла окно переписки.

«Привет. Поговорим?» — писал Ванька.

Значок уведомления погас, известив отправителя о том, что получатель почитал сообщение, и я отругала себя за спешку. Взглянув на зеленый кружок (собеседник онлайн), я тихонько вздохнула, и тут же увидела, что мне снова пишут.

«По-дружески», — высветилось издевательское уточнение.

Закусив губу, открыла поле ввода и написала:

«Привет»

Я сама не знала, зачем согласилась с ним разговаривать, но тем не менее положила начало чему-то новому и не имеющему названия. Чему-то, что спустя пять лет закончилось жарким сексом у стенки и океаном проблем на горизонте.

Два дня спустя Новийский сообщил Гордееву, что любезно уступает ему право выкупа помещений под клиентский центр, раз уж они ему так приглянулись. Спустя полчаса мне позвонил разгневанный владелец и возмутился, что вот у него было два покупателя, а теперь ни одного. Я сердечно извинилась перед мужчиной и заверила, что попытаюсь переговорить с начальником. Еще через полчаса получила от Гордеева два номера риелторов, к которым обращался Новийский, и требование выяснить, что за недвижимостью он заинтересовался на этот раз.

Катерина ржала в голос, слушая, как я прикидываюсь осипшей, но авторитарной матушкой Сергея, возжелавшей выяснить, что именно решил приобрести ей в подарок сын. Один из риелторов сразу расчувствовался и раскололся, а вот второму пришлось пудрить мозги долго, но не безуспешно. По итогам дня мной могли гордиться все. Гордеев был уверен, что мы движемся в правильном направлении, Новийский спокойно доделывал свои дела. И только я одна напоминала выжатый лимон.

Вспомнив о том, что ко мне в гости на примерку свадебного наряда собрались мама с сестрой, я грязно выругалась. После дня сплошных переговоров обсуждать оборки и шпильки не было никакого желания, и я свернула в магазин, чтобы купить продукты на сложный салат. От мамы не так много способов отделаться, но готовка и уборка неприкосновенны, они бы точно освободили меня от осточертевшего зефирного платья.

Не так давно я поменяла старый шкаф из общежития на новенький, встроенный. Маме обновка понравилась настолько, что теперь почти все пространство внутри занимало белое подвенечное платье. Оно было пышным, с корсетным верхом (не сложишь, не сомнешь). А еще оно каждое утро мешало мне задвинуть двери-створки. Так и подмывало сказать маме, что раз уж у Поны простаивает собственная комната в общежитии, а у нее самой так и вовсе две из трех, то почему бы не оставить платье где угодно, только не в моей скромной однушке. Это было бы справедливо. И, конечно, злобно. С другой стороны, именно такой меня и считали. Жаль, что жалобы на мой скверный характер не мешали им хранить в в моей квартире барахло.

— Я думаю, нужно отдать его в ателье, пусть добавят кружев на декольте, — вдохновенно вещала мама из комнаты, пока я остервенело кромсала салатные листья. — Это скроет складочки.

— Складочки? — опешив, переспросила сестра, которая изобилием «складочек» никогда не отличалась. Я, не выдержав, хмыкнула.

— Да, Лона, складочки, подмышками. Они есть у всех девочек, у которых грудь нормального размера. Можно, конечно, обойтись хорошо подобранным бюстгалтером без бретелей, но с кружевами будет еще красивее.

Разумеется, кружев на платье было уже в несколько слоев...

— Мам! — крикнула я, решив, что сестру пора спасать. — Оставь ее складочки в покое! И нарвалась, конечно, на неприятности.

— Уля, даже не видела. Хочешь, чтобы твое мнение учли — иди сюда и посмотри. Выглядит безобразно.

Лона после этого издала какой-то странный звук, смутно напоминающий жалобный всхлип, и я была вынуждена со вздохом отложить нож.

В комнате меня застала куда более забавная картинка, чем ожидалось. Мама прыгала вокруг Лоны, взбивая платье, а сестра при этом выглядела как несчастная невеста из фильма ужасов. Растрепанные волосы, грустная мина, скособочившаяся фата, шнуровка на платье на диагональ...

— Ее «складочки», мама, связаны с тем, что ты не умеешь затягивать корсет, — фыркнула я. — И не подумайте, что я жалею Романа, но на его месте я бы от такой невесты сбежала. Ты во что превратила свою младшую дочь?

— Ты думаешь, так просто собрать невесту в одиночку?! — тут же бросилась в наступление мама.

Очень кстати вспомнилась причина, по которой я остригла волосы. Пока я ходила в детский сад, мама каждое утро упражнялась на мне в плетении французских кос. Но как только она выходила за порог, воспитательница усаживала меня на табурет и распускала весь этот ужас. А еще велела врать, что переплели меня после тихого часа, потому что иначе велик был риск нарваться на скандал. Когда я пошла в школу, ритуал ежедневных издевательств над моими волосами продолжился, и в середине первого класса учительница оставила меня после урока для разговора. Она велела попросить маму меня постичь, потому что на нее, в отличие от ребенка, разумные доводы не действовали.

Когда подросла сестра, я взяла на себя ответственность за ее прическу. Мама, конечно, сопротивлялась (две косички — слишком просто для такой красивой девочки!), но тщетно. Стоило ей соорудить на голове у Лоны очередное воронье гнездо, я брала в школу расческу и переплетала сестру перед уроками. Мои аккуратные и бесхитростные кося вряд ли могли испортить «красивую девочку» сильнее, чем торчащие то тут, то там петухи и забытые прядки волос по бокам. Годом к одиннадцати сестра научилась красиво заплетаться сама, а в память об этих баталиях осталась разве что психологическая травма.

— Надо было позвать Иришку! — проворчала я, отругав себя за непредусмотрительность. — Она по пятнадцать свадеб за год посещает, всяко лучше было бы.

— А знаешь все почему? — тут же оцетинилась мама. — Потому что ни одна из моих дочерей еще не вышла замуж! — не успокоилась мама.

— Мам, извини, но это ни при чем. Просто у тебя руки не из того места.

Судя по выражению лица, большего оскорбления маме я нанести не могла.

— У тебя же был такой хороший мальчик. Добрый, порядочный. Вот зачем ты с ним рассталась? — понеслась шарманка.

— Мам, он в армии, — напомнила я.

Разумеется, я не рассказывала ей о нашем разрыве. Я же не самоубийца. Для нее Ванька должен был оставаться в армии два года, потом прийти и «бросить» меня, пару месяцев поискать от поминания «всех мужиков — сволочей», а затем остаться в далеком прошлом.

— Так надо было ждать, а не фыркать. Подумаешь два года вместо одного! С твоим характером и в таком возрасте другого уже не найти, — «приласкали» меня, двадцатипятилетнюю старушку.

Я в шоке открыла рот и уставилась на Лону, которая крепко зажмурилась, молитвенно сложила руки и начала шептать, вроде бы «прости, прости, прости».

— А ты все это заслужила! — мстительно сообщила я сестре, с особым удовольствием разглядывая ее волосы, которые из-за обилия лака для волос торчали чуть ли не параллельно

полу.

— О чем ты говоришь? — не догадалась о причинах сама, но вдумываться не стала, и со своих любимых рельсов не сошла: — Он и тебе помогал, и Илоне, и вообще сплошь положительный юноша. Разве что в армию зря отправился. А вдруг его пристрелят или глаз выбьют. Представляете, у моей коллеги их бухгалтерии сыну в армии выбили глаз.

— И он теперь ходит с повязкой, как пират? — воодушевилась я. — Или с протезом.

— Уля! — возмутилась мама и укоризненно на меня уставилась. — Кто же спрашивает такие вещи?!

— Уля, — вмешалась Понка, пока мы не сцепились снова. — Ты сегодня снова весь день занималась Новийским? — переход темы получился очень грамотным. Ничто, кроме упоминания другого мужчины не удержало бы внимания мамы.

— Это кто? — тут же оживилась мама.

— Один политик. Коллега нашего директора, — продолжила Лона, а мама скривилась.

— Ни к чему ей политик. Они все скользкие.

Я украдкой показала сестре большой палец. Но до прощения было ой как далеко!

— Он посадил в тюрьму собственную жену, представляешь? — продолжила Лона. — Она спуталась с каким-то жуликом, нарушила закон, и Новийсий сдал обоим властям.

— Какой некультурный человек! — возмутилась мама. — Мужчина должен защищать свою женщину, даже самую непутевую!

Я зажала рот, чтобы не рассмеяться в голос. Хотя, если не знать Сергея, со стороны его история выглядела далеко не ангельски.

— Вы обе должны потребовать у этого директора, чтобы он не принуждал вас общаться с таким человеком! — безапелляционно заявила она.

— Мам, да брось, — усмехнулась я, пока Лона аж тряслась от сдерживаемого смеха. — Он меня не обидит.

По каким-то космическим причинам я была на сто процентов уверена, что права. Мне и в голову не приходило, что Сергей способен причинить мне какой-то вред. Но, увы, мало кто разделял мои убеждения.

— Жену обидел, а тебя — нет? — фыркнула мама. — Не странно, что будучи такой наивной ты до сих пор ходишь в девицах!

— У меня там на плите убегает. Салат.

Сестра, не выдержав, прыснула, а я спешно ретировалась, пока мама не сообразила, что над ней издеваются.

К концу рабочей недели я малодушно достала из принтера листок свежей бумаги, собираясь писать заявление об увольнении. Один из риелторов Новийского пообещал обратиться в полицию с жалобой на телефонное хулиганство. И не на Гордеева, который явился устроителем этого импровизированного террора, а на меня — безвредную подчиненную, которой не было дела до того, кто и какую недвижимость собрался приобрести. И только я успокоила расшатанные нервы валерьянкой, как в приемную явился Новийский с бутылкой шампанского, чтобы отпраздновать «удачное приобретение». Решил порисоваться своим успехом перед Гордеевым. А вот о том, что меня после этого обязаны были четвертовать, он, очевидно не подумал.

Гордеев, к его стыду, так ни о чем и не догадался, и потому сделка по продаже будущего

ресторана прошла без сучка, без задоринки. Полагаю, не последнюю роль сыграло в этом удивительное актерское мастерство Александра Крюкова, который пришел в ГорЭншуранс «угрожать» Николаю Давыдовичу иском по поводу сорванной покупки бара. Я видела эту сценку только в записи, но вопли мужчины о том, что он засудит Гордеева, звучали очень убедительно.

Николай Давыдович, однако, принял новость с пугающим спокойствием. Целый час я прислушивалась к непринужденному смеху за стенкой, поглядывая на таящий в себе огромные перспективы пустой лист бумаги. И успокаивала себя тем, что даже если все закончится плохо, меня никто не покалечит.

Но только минуло шесть часов вечера, и я выключила компьютер, намереваясь позорно сбежать, как Гордеев высунулся из кабинета и велел мне задержаться. Разочарованию не было предела. В кабинет меня никто не приглашал, но мне удалось заметить, что бутылкой шампанского не побрезговали, ибо стояла она под столом. Пустая.

— Что вы, Сергей Афанасьевич, — услышала я издевательское. — Раз уж моя помощница ухитрилась прошляпить сделку, пусть теперь доставит вас домой с комфортом!

В тот момент я поняла, что за «оплошность» свое еще получу и очень расстроилась. Да, в своей травле Новийского он был неправ, но терять его доверие не хотелось. Стало так неприятно, будто я его предала. А впереди еще маячили три выходных дня, за которые мне предстояло измаяться в ожидании кары начальственной. Ведь Николай Давыдович не из тех, кто прощает даже в мелочах, а я уже второй раз пустила коту под хвост дело всей его жизни...

Дождаясь, пока мужчины наговорятся и прикончат выпивку, я лениво раскладывала на телефоне пасьянс, мысленно уговаривая себя успокоиться. И провела за этим занятием минут сорок пять. Но жаловаться было бы глупо, ведь, можно сказать, отделалась малой кровью. Когда они выходили в приемную, Гордеев уверял гостя, что с удовольствием бы отметил знаменательное событие, но, увы, у него уже есть планы. Вот если бы предупредили заранее... Новийский, не сдержавшись, хмыкнул. А начальник мрачно взглянул на меня и кивнул на Сергея. Мол, вези.

— Вы пристегнулись? — спросила я у внепланового пассажира. — А то по сравнению со мной вы за рулем настоящий профи.

— О, это действительно страшно! — иронично отозвался Сергей. — Пожалуй, я еще и помолюсь.

— Так куда едем? — спросила я, игнорируя шпильку и запуская на телефоне навигатор.

А сама все думала: уволят теперь или нет? И без того паршивое настроение скатилось в глубокий минус, и я пожалела, что не написала заявление, как подумывала. Напряжение быстро превратилось в головную боль, притупив и без того не безупречные реакции. В итоге, от нервов и усталости, я то забывала включать поворотники, то нечаянно включала дальний свет, то слишком резко тормозила.

— Думаете, он меня уволит? — не выдержав, спросила. Ну а что, Новийский и сам виноват.

— Нет, не уволит. Гордеев долго привыкает и тяжело отвыкает. А вы ему, помимо прочего, нравитесь. Но нервы потреплет. Или вы надеялись, что он простит вам мелкий саботаж?

Именно на это я и надеялась, но озвучить мысль постеснялась.

— Для вас эта машина слишком тяжелая, — сменил тему Новийский. — Массивная, не

верткая, крупногабаритная. Конечно, она вас не слушается. Машину нужно подбирать под себя, а эта не ваша.

— Вы правы. Это Гордеев настоял, чтобы я ее водила. Она принадлежала Ване, а после ссоры с Николаем Давыдовичем, он отдал ключи и ушел.

— Удивительно, что при таком административном таланте Гордеев каждый раз намеревается посадить за руль неподходящего человека... — задумчиво проговорил Сергей, а я удивилась точности метафоры, но предпочла сменить тему.

— А какая машина подошла бы мне?

— Маленькая, красная... и на автомате, — без запинки ответил Новийский.

При упоминании автомата я попыталась обидеться, но губы так и заплясали, норвя сложиться в улыбку.

— Расскажите мне про Александра Крюкова. Это вы уговорили его устроить спектакль в фойе «ГорЭншуранс»?

— Вы это видели? Он очень переживал, что получилось недостоверно, — с энтузиазмом поинтересовался Сергей.

— Да по нему институт сценических искусств плачет! — воскликнула я и пустилась в рассказ.

К концу поездки настроение несколько улучшилось, и когда Новийский предложил подняться к нему за обещанными книгами, я не почувствовала особой неловкости.

Если до того дня я и могла заподозрить правдивость слов Гордеева о финансовых проблемах Сергея, то после — никогда. Его квартира была обита деревом чуть ли не от пола до потолка. Паркет, панели на стенах, двери, плинтуса, оконные рамы... Так и потянуло заглянуть в ванную комнату, чтобы убедиться, что хозяин и там себе не изменил. Интересно, наверное, вытаскивать из неожиданных мест занозы. От такой мысли пришлось спрятать улыбку.

— Проходите, — любезно предложил Сергей. — В зале на столе лежит проект ресторана, можете посмотреть, что именно вы спасли. А я пока принесу книги.

Не став притворяться, что мне не любопытно, я прошла в «зал» и растерялась. Стол был не один. Да и вообще, отсутствием мебели комната похвастать не могла. Диван, несколько кресел, журнальный столик стояли посередине комнаты напротив телевизора, на ковре, боком к электрическому камину, около окон стоял выдавший виды рояль, у стены стоял большой стол с массивным подсвечником и корзиной фруктов, он явно предназначался для приема гостей. Должно быть, предполагалось в случае необходимости сдвинуть мягкую мебель к стене и поставить его в центр комнаты. У противоположной стены стоял, кажется, даже не стол, а секретер, и именно на нем располагался чертежный проект: лист формата А1 со схемой. Подняв голову, я убедилась, что обстановку завершает массивная хрустальная люстра и даже усмехнулась. Обстановка как в романтическом замке... Разве что портрета владельца не хватало.

— Вот, — услышала я голос Сергея, который вошел в комнату с тремя книгами в руках. — Разобрались?

— Простите, меня слишком заинтересовала ваша люстра. Она точно не упадет? — опасливо спросила я.

Новийский, кажется, удивился.

— Если упадет, проектировщики этого здания расплатятся не скоро, — сообщил он и

вернулся к схеме: — Во-первых, мы перенесем вход...

И тогда я поняла, что этот зануда непременно попросит краткий пересказ прочитанного. Отделаться не удастся. И если две книги были по размеру небольшими, то третья пугала габаритами.

— Здорово.

— Спасибо, — ответил Новийский. — За помощь.

Осознав, что стою и смотрю на него слишком пристально, я смутилась и опустила взгляд на проект. Надо было уезжать, пока что-нибудь не случилось.

— Я...

— Не хотите это отметить? — бесцеремонно перебил меня Новийский. — У меня есть отличное вино.

— Я бы с радостью, но я за рулем, — напомнила.

— Я знаю, — ответил он.

В попытке понять, что происходит, я сморщила брови и недоуменно тряхнула головой. Ответом мне был тяжелый вздох. И выражение лица у Сергея стало таким, будто у него заболели разом все зубы.

— Ульяна, это вежливый способ спросить, не желаете ли вы остаться на ночь. И психологически легче.

Признаться, я не ожидала от себя такого спокойствия на его предложение. Подозревала, может, или хотела чего-то в этом духе. Но какая разница? Я не шарахнулась в сторону сбивать антикварную мебель, и это был несомненный успех.

— Я... — начала сбивчиво, не в состоянии ни принять решение, ни сформулировать мысли. — Это так... неуместно.

Пусть я и ссылалась на неуместность предложения, за категоричное «нет» его принять было невозможно. Но, в конце концов, где букеты, которые мне пророчила Иришка? Это бы хоть как-то подготовило меня к подобному! Или я должна была догадаться по книжкам или Эрмитажу? Он зажимал в своем кабинете блондинку, а значит относился к вопросам отношений без особого трепета, не то что я.

— Я не... — снова начала и замолчала. «Я к такому не готова». Почему-то у меня никак не получилось произнести эту фразу.

— У меня есть отличное калифорнийское мерло. Или вы предпочитаете белые вина? — спросил Новийский.

— Нет, красные, — ответила я и сама не поняла, что таким образом выразила согласие. Однако за руку меня ловить не стали. Джентльменский жест после перенапряжения последних дней, а еще на фоне затяжной апатии, в которой я оказалась после разрыва с Ванькой, стал последней каплей. И вдруг померещилось, что идея не так уж и плоха. — Красные, — повторила я увереннее.

— Замечательно. Я тоже за красные, — не выдал эмоций Новийский.

Следуя за Сергеем в кухню, я размышляла о том, что психология — очень интересная наука...

Кухня Новийского была совмещена со столовой, но кроме этого я не запомнила ничего. Была слишком поглощена внутренним конфликтом. Сначала я окрестила себя дурехой за то, что согласилась на близость, к которой была явно не готова, потом распереживалась из-за необходимости предпринимать какие-то действия. Но взглянула на абсолютно

невозмутимого Сергея и осознала, что стоит мне сказать «нет», как он запросто послушается. Роль насильника ему шла примерно так же, как мне

— розовый бантик.

— Если вдруг вас смущает изобилие бутылок на полках, — начал Новийский вообще о другом. — Чтобы вы не подумали обо мне плохого, скажу еще худшее: у меня, видите ли, дурной характер и сложно угодить с подарком, — насмешливо добавил он. — Поэтому друзья предпочитают откупаться вином.

Я охотно согласилась на предложенную тему для разговора. Это было предпочтительнее обсуждения любимых поз Камасутры, которую я, к слову, ни разу не видела.

— Вы отвечаете им взаимностью?

— Нет, стараюсь быть более оригинальным, — усмехнулся он. — Иначе бы не жаловался.

— С подарками всегда сложно, — вздохнула я и, видимо, от нервов призналась: — Вот уже месяц не могу придумать, что подарить сестре на свадьбу.

— У вас есть сестра? — заинтересовался Сергей, и я уставилась на него с открытым ртом. Его вопрос поразил меня до глубины души.

— Вообще-то да, и вы, наверное, единственный, кто об этом не знает. Она работает в «ГорЭншуранс» курьером.

— Вы похожи? — с интересом спросил Новийский.

— Нет, — настороженно ответила я. — Но мне совсем не нравится ваш тон. Вы имеете в виду что-то не очень хорошее.

Вместо ответа он протянул мне бокал.

— Я уверен, что непохожи. Иначе Гордеев бы мне уже посоветовал ее в секретари. Он любит учить уму-разуму на собственном примере.

— То есть?

— То есть порой он на удивление бесцеремонен, — виртуозно выкрутился Сергей, так и не объяснив мне своих слов. — Если у вас с сестрой близкие отношения, подарите ей то, что можно открыть через десять лет счастливого замужества.

— Знаете, — фыркнула я. — Я бы предпочла, чтобы этого замужества не было вовсе. Ни счастливого, ни несчастного.

— Тогда — тем более, — улыбнулся Сергей. — Сестра расценит это как долгожданное одобрение, а избранник — как издевку. И все останутся в выигрыше.

Мысль была интересная, но очень уж Новийская. Моей прямолинейности совсем не подходила.

— Боюсь, что для меня это слишком оригинально, — пробормотала я, а Сергей поднял бокал.

— Что ж, за удачное завершение сделки, — произнес он тост.

Я последовала его примеру без энтузиазма:

— И за то, чтоб меня из-за нее не уволили, — закончила мрачно.

— Если Гордеев попытается, скажете, что в случае чего я обещал пристроить вас в БТИ. Глазом не моргнете, как передумает. У этого человека нездоровая нелюбовь к госструктурам, и он скорее отступится, чем отдаст родному государству то, что считает своей собственностью, — отшутился Новийский и сделал первый глоток.

Вино было приятным, никакого уксусного запаха или горького послевкусия, от которого

тянет поморщиться. Но и закуски не прилагалось. Стоило вспомнить о том, что с обеда в моем животе не было ни крошки, как тонкий расчет оказался очевиден. Не сдержавшись, я мрачно посмотрела на Новийского, будто во всем был виноват лишь он один. Будто это не я согласилась на недвусмысленно высказанное предложение.

За разговорами и тостами я не заметила, когда именно закружилась голова. Только направившись в уборную в полной мере ощутила эффект от мерло. Брызнула в лицо водой, чтобы сбить со щек жар, но ничего не вышло. Вернулась на кухню, непослушными пальцами достала из сумки телефон и не без удивления обнаружила, что на часах уже одиннадцать. Это был последний шанс уехать, на такси, и малодушная часть меня почти взяла верх.

Чувствуя себя отчаянной, глупой и пьяной, я уже открыла рот, чтобы извиниться и попросить проводить меня до двери, но пропустила момент, когда Сергей обошел стойку, за которой мы прежде сидели друг против друга, и приблизился. Так и застыла, глядя на него со страхом в глазах.

— Можешь уйти, если хочешь, — сказал он.

И, будто опровергая собственные слова, медленно наклонился ко мне для поцелуя. Я очень старалась не вспоминать Ваньку, всеми силами. Собственно, и согласилась большей частью из желания о нем поскорее забыть. Предать его, разорвать последнюю ниточку, которой бы мысли связаны. После этой ночи он перестал бы быть единственным мужчиной, с которым я оказалась близка. Да, порыв недостойный, да, использование, но и Новийский... чем он-то был лучше? Можно подумать, он предложил мне остаться от большой и чистой любви. Ха!

Когда мы потом со смехом вспоминали первую ночь, он легко признавал, что это был расчет наполовину с любопытством. Получится или нет? И если да, то что именно? В конце концов, в чем был риск? Я точно не походила на буйно помешанную девицу, которая преследует каждого мужчину, обратившего на нее свое внимание. Но уж точно никто не ожидал, что это закончится пятью годами брака.

Стоило закрыть глаза, как голова всерьез закружилась, и мне пришлось опереться о столешницу спиной. Теплое чужое тело оказалось совсем рядом, и непривычные ощущения совсем дезориентировали. Мой рот ласкали незнакомые, пахнувшие ягодами, чуть горьковатые от вина губы. И как-то нелепо само собой подумалось, что уж за поцелуи мне не должно быть стыдно. Если чему я научилась у Ваньки, так именно этому. Тьфу, снова о Ваньке.

Поцелуй получился долгим и медленным, заменителем романтики. Тягучие ласки длились ровно до тех пор, пока я, решившись, не взялась за ворот пиджака Сергея и не потянула его с плеч. Ничего криминального в этом жесте не было, кроме, разве что, побуждения к продолжению, чем не преминули воспользоваться. Новийский бесцеремонно расстегнул молнию на моей слишком узкой юбке-карандаш и, словно куклу усадил на барный стул. Спустя минуту обвивая ногами его талию (прошу заметить, с комфортом!), я все думала: и как успела докатиться до жизни такой? Пьяная и довольная собралась отдаться единственному мужчине, который сумел напугать мою маму. А если вспомнить дядюшку Фрейда, возможно, именно из-за ее неодобрения.

Как ни удивительно, распутничать у нас выходило со вкусом, коего я сначала никак не ожидала. Расстегивая рубашку, порвала колготки о ремень Сергея и даже не расстроилась, ибо в машине можно ехать и без оных. И когда он предложил выпить еще по полбокала вина на этот раз на брудершафт, я вдруг осознала, что юмор и отсутствие завышенных ожиданий

сделали то, о чем я и подумать не могла. Звенящее нервное напряжение, которое пронизывало пространство каждый раз, стоило мне раньше оказаться наедине с парнем (с Ванькой), пропало без следа. Хуже того, я настолько ослабила контроль, что вино еще сильнее ударило в голову.

Я и не думала сопротивляться, когда Сергей, наконец, отвел меня в спальню. Не боялась, не сомневалась. От льющейся в открытую форточку прохлады кожа покрылась мурашками. Хотела попросить закрыть окно, но не успела, так как Сергей потянул меня к кровати, по пути избавляя нас обоих от остатков одежды. И стало отчего-то не холодно. На миг, когда Сергей прижался ко мне, даже не пытаюсь скрывать желание, я растерялась от неожиданности. Но потом поняла, что было бы глупо рассчитывать на то, что взрослый мужчина будет щадить мои все еще стыдливые чувства. И я не стала прятаться или закрываться, позволила себе не только отдавать. Я разрешила себе хотеть и не чувствовать за это вины.

Той ночью я узнала, что принимать взрослые решения иногда приятно.

Проснувшись утром без одежды в чужой постели и одна, я попыталась подобрать себе достойное определение. Корить себя за случайную ночь в постели со взрослым мужчиной ни капельки не собиралась, но любовницей окрестила. Тут уж бесспорно виновна.

На подушке рядом с моей сохранился след от головы Сергея, которым я успела вдоволь налюбоваться, уговаривая себя откинуть восхитительно объемное и уютное одеяло. То, что Новийский предложил мне «остаться на ночь», а не просто секс, говорило в его пользу. После всех событий минувшего дня я настолько устала, что не вылезла бы из-под его теплого бока и под дулом пистолета. Да, у его любовниц было множество плюсов: хорошее вино, приятные разговоры, большая уютная кровать в распоряжении до самого утра. И никто не стоит, главное, над душой.

На контрасте вспомнилось, как в наш первый раз с Ванькой я проснулась от крика Лоны за стенкой, а затем другой, когда спина оказалась в кровь расцарапана о бетон... И, наверное, мазохистка, раз думала об этом с тоской и сожалением. В конце концов, когда наши сердца обманывались комфортом.

Но плюсы игнорировать было сложно: рядом с кроватью уже был заботливо приготовлен пушистый мужской халат и теплые тапки. Пытаясь вернуться в реальность, я прислушалась к шумевшему за окном городу, а еще заметила, что часовая стрелка неумолимо приближалась к отметке «десять». Признаться, я намеревалась прокрасться к себе домой в районе семи или максимум восьми, а тут...

Нашла дверь в хозяйскую ванную и попыталась проверить, как выгляжу. Волосы пришлось пригладить руками, так как воспользоваться чужой расческой без спроса я не решилась. У меня вообще с утренним этикетом были серьезные проблемы.

Сергей хозяйничал на кухне, но ухитрился почувствовать меня затылком, обернулся и благодушно улыбнулся.

— Доброе утро, — неловко выдала я, попытавшись пригладить волосы.

— Доброе, — ответил он.

— Уже так много времени.

Мне внезапно пришло в голову, что я понятия не имею, о чем говорят в таких случаях.

— Ты куда-то спешишь? — лениво отозвался Новийский.

— А я должна? — решила я взвалить ответственность на него.

— Нет, не должна, — решил он эту проблему, без труда разгадав смысл вопроса. — Только если твой трижды звонивший телефон не означает серьезные неприятности.

Я испуганно взглянула на дисплей и увидела, что все три звонка от Лоны. Это был худший вариант. Маму можно было игнорировать без последствий, сестру — нет. Даже Гордеев был предпочтительнее: с ним бы точно не пришлось объясняться на личные темы. Да, спала и не слышала телефон, неважно, где именно спала. Следовало перезвонить как можно скорее. Сообщив об этом Новийскому, я набрала номер Лоны.

— Если бы я не был в курсе подробностей твоей биографии, то по выражению лица решил бы, что это ревнивый муж, — хмыкнул Сергей, а я улыбнулась и приложила палец к губам, а затем вышла в коридор.

Чутье меня не подвело: сестра оказалась на взводе, но причиной тому, к счастью, явилось не только мое молчание. Да, я не взяла трубку и виновата, но ее снова запрягли на

полевые работы, и это немного сместило фокус внимания. Еще три дня в компании свекра, свекрови и Романа вдохновляли ее примерно так же, как змея за пазухой.

— Уля, ты знаешь, что нельзя не брать трубку. Почему я должна за тебя волноваться? — набросилась она на меня, даже не поприветствовав.

— О, — протянула я с издевкой. — Ты станешь прекрасной мамой!

— Это не смешно. Я не смогла до тебя дозвониться, даже домой заезжала.

— А вот от этой новости я чуть не поседела. — Но забыла ключи от квартиры, а ты не открыла домофон. — И мой инфаркт снова отдалился на добрые двадцать лет. — Я испекла брауни, привезла... и вынуждена была оставить Катерине! Сказала, что ты потом заберешь, но на ее месте отдавать бы не стала и была права!

Я все еще чувствовала возмущение, но мой желудок грустно взвыл от такого кощунства, напоминая, что он обделен вниманием аж с прошлого обеда.

— Могла бы их взять с собой на дачу, — невозмогая себя, ответила.

— Не увиливай! — резко осадил меня сестра. — Почему ты не отвечала?

— Я, видимо, так крепко заснула, что не услышала звонков. Только-только встала.

— Вы что, опять пили с Ритой? — подозрительно спросила сестра.

— Нет. Просто Гордеев меня совсем замотал. — Я врала так отчаянно, будто от этого зависела моя жизнь. Но не объяснять же было, что я вдруг согласилась переночевать у мужчины... да еще у какого! — Сумку с телефоном оставила в коридоре, а домофон, должно быть, случайно отключила.

Я очень надеялась, что сестра не догадалась проверить наличие машины. Это я бы никак не объяснила.

— Больше так не делай! Ты помнишь, что было, когда я в последний раз не брала трубку.

— Я больше не буду. Обещаю, — максимально искренне ответила я. И я действительно не собиралась ночевать у Новийского или забывать об обязанностях перед родными.

— Хороших тебе выходных! — недовольно отчеканила Лона и бросила трубку.

Вернувшись в кухню Новийского я обнаружила на столе (столе, а не барной стойке) завтрак. Апельсиновый сок, круассан, глазунья, разрезанная напополам черри, парочка ломтиков сыра и кофе. Даже застыла на мгновение и снова подумала, что опыт получаю просто незабываемый.

— Как в европейском отеле, — заметив мой взгляд, похвастался Новийский, одним движением расправляя салфетку и укладывая ее на колени.

Перед ним красовался точно такой же набор продуктов...

— Это сестра.

— Я догадался, — легко ответил Новийский.

— Я не стала ей рассказывать, — ответила я. — Хотя понятия не имею, как поступают в таких случаях, — призналась, уткнувшись взглядом в салфетку, которую разглаживала на коленях.

— По совести, — усмехнулся Сергей. — Ты уже взрослая, можешь делать что хочешь. А рассказывать ли... твоё дело.

— Но ты бы не хотел, — закончила я.

— Я считаю, что не о чем, — поправил он. Однако между строк легко читалось остальное.

Не могу сказать, что не понимала его слов или была категорически не согласна с ними. Я давно позиционировала себя как взрослого человека, который может самостоятельно принимать решения. Мне было чем это подкрепить: хорошая работа, новая квартира, определенные жизненные перспективы. И если бы я пришла вдруг к маме или сестре и сказала: «любимые, я переспала с мужчиной», — при всем том, что обычно ни о чем вообще не отчитывалась, меня бы поняли неправильно. Я бы не предложила познакомить родных с избранником на одну ночь, не сообщила о намерении продолжить отношения, не огорошила тем, что подцепила опасную венерическую болячку... Я не знаю, какие еще могут быть в этом случае «не», но одно точно: полезной информации такая новость не содержала, а вот близких бы обеспокоила. Потому я даже не стала искать в словах Новийского глубокий смысл. У меня уже имелся собственный.

— Чем собираешься заняться на выходных? — спросил Сергей, как мне показалось, из вежливости.

— Сегодня я повешу бельевую веревку, — максимально серьезно сообщила я, наблюдая, как от удивления вытягивается лицо собеседника.

— Ну которая поднимается, знаешь? — Мне отчего-то ужасно захотелось подразнить его своей посредственностью. — Там по четыре шурупа с каждой стороны, это для девушки очень серьезно, — покачала головой для пущей убедительности. — Если друзья соберутся, то еще мы сходим в бар, поиграем в дартс или какие-нибудь настольные игры. Если не соберутся, то можно навестись в гости к маме. Она обижается, когда я долго не навещаю ее.

— Замечательный план, — кашлянув, согласился Сергей.

— А чего ты ожидал? — тут же ошетибилась я, только и ждавшая подвоха. Новийский постучал пальцами по столу и усмехнулся.

— Что у тебя нет планов и можно куда-нибудь отправиться. Но состязаться с бельевой веревкой, каюсь, не готов.

От растерянности я моргнула и рассмеялась.

— Если провести вместе ночь, а потом еще и день, то «не о чем рассказывать» становится более зыбким, — напомнила я.

— Ты его недооцениваешь, — усмехнулся Новийской. — «Не о чем рассказывать» действует ровно до тех пор, пока ты сама не захочешь от него избавиться. А если твои друзья настолько жестоки, чтобы оставить тебя на растерзание маме, то я с удовольствием составлю компанию во время игры в дартс. Если, конечно, позволишь.

Это было неожиданно, а еще, как всегда, грамотно. Новийский оставил мне отличный простор для маневра... На этот раз я могла выбирать, хочу ли провести с ним еще один вечер. А я действительно не знала, хочу ли и будет ли это во вред или на пользу. Антракт был необходим почти так же сильно, как горячий душ и новая сушилка для белья — уж этими двумя пунктами программы никак нельзя было пожертвовать.

Припарковав машину около дома, я еще пару минут собиралась с силами, чтобы открыть дверцу. Без преграды в виде капрона, юбка казалась удивительно неприятной, на блузке (прямо на груди) красовалось винное пятно, а волосы упрямо торчали под неожиданными углами. В таком виде мне было очень некомфортно. А возвращаться домой — тем более. Я даже сравнила себя с Керри Бредшоу. Для нее это было нормально. И если бы ее застукали за утренним возвращением домой в непотребном виде, то просто смущенно улыбнулась бы. А я, скорее всего, провалилась сквозь землю. Необъяснимо, но факт.

Как ни странно, в памяти всплыли слова Романа по поводу моего засоса на шею, что это момент моего триумфа. О нет! Он был тогда, в машине. Я провела ночь в постели политика, который даже будучи женатым не гнушался развлекаться с какими-то белобрысыми девицами модельной наружности, а тут вдруг пригласил меня остаться на ночь, после чего накормил очень даже вкусным завтраком и попытался напроситься на дартс. От стыда я закрыла лицо руками, потеряла его, а затем решительно толкнула дверьцу авто.

Разумеется, с моим феерическим везением я повстречала всех соседей. Сначала у входа в подъезд, потом — на лестнице и, наконец, перед дверью квартиры. Того самого немолодого дяденьку, с которым мы обменивались пожеланиями крепкого здоровья после каждого чиха, ибо звукоизоляция оставляла желать лучшего. Внезапно и очень не к месту подумалось, что реши я пригласить на ночь к себе мужчину, об этом будет осведомлен весь подъезд... Как вообще жить в таких условиях?

Закрыв за собой дверь, я распласталась по ней спиной и застонала. То, что недавно казалось приключением, превратилось в моральные терзания. Я буквально обалдевала от собственной смелости и наглости Сергея. Он предложил мне остаться. Мне! Девушке, которая, вроде, никогда не выказывала ему какой-то особенной симпатии. Неужели был так уверен в своей неотразимости? Или был обо мне лучшего мнения, считая «взрослым человеком, у которого есть определенные потребности. Фу. Неужели люди так действительно говорят?

Тряхнув головой, я начала раздеваться прямо в прихожей и бесцеремонно отправила всю одежду в бельевую корзину. Сама же встала под горячий душ, намереваясь немножко прийти в себя. Но, как бы то ни было, я оказалась вынуждена признать, что цель достигнута: я больше не чувствовала злости на Ваньку. И не ощущала себя вдовой: ни на привязи, ни в принципе. Ну разве что веселой вдовушкой в самом пошлом смысле этой фразочки. Ай какая молодец. Отомстила, доказала! Воспользовалась моментом.

За свое поведение было не стыдно только по одной причине: мы с Новийским друг друга стоили. Прикрывшись достойным мотивом, привел девицу домой, напоил, соблазнил. Как-то не получалось после такого чувствовать себя виноватой за использование его в качестве таблетки от прошлых отношений. Решив, что все мы теперь квиты и иже с нами, я просто переделалась в свой джинсовый комбинезон и взялась за дрель.

Стоя на хлипкой табуретке с дрелью в руках, я навлекла на себя праведный соседский гнев не меньше часа, но так и не добилась успеха. Потому что с моим ростом приложить силу под правильным углом не получалось. Или нужно было взять вторую табуретку и поставить ее поверх первой, но желания самоубиться я как-то не испытывала. В итоге, лишь испортив прежде безупречную обшивку лоджии, я расстроилась и попыталась слезть. Оступилась и уперлась рукой в стекло, оставив на нем отпечаток раскрытой ладони. Пока оттирала, все таранилась на здание с зимним садом. Оно смотрело на меня укоризненно. Знало, видимо, как низко я пала.

Поддавшись порыву, я расправила на стекле тряпку так, чтобы закрыть большую часть дома. Хотела притвориться, что его нет вовсе. Как здорово бы было! Отругав себя за глупость и мнительность, я вздохнула и скосила глаза на телефон. В нем под именем Новийского крылось чудесное противоядие от грустных мыслей. Жаль только разгуливать по Петербургу с этим человеком было огромной ошибкой. Он неоднократно выступал перед

камерами, его изображение украшало передовицы газет... Его могли запросто узнать или подстергать с фотоаппаратами, так что идти с ним никуда идти.

Бросив тряпку прямо на лоджии, я взяла в руки телефон и полистала список контактов, нашла Новийского, задержалась... и покрутила имена дальше, пока не нашла Катерину. Следовало поблагодарить ее за то, что впустила на свою территорию Лону и ее брауни, а в качестве компенсации за неудобства попросить съесть пирожные вместо меня. Мне показалось, что это будет хорошим извинением за вмешательство в личную жизнь. Сама я пару раз заходила к секретарше Гордеева, один раз по-соседски, второй — по работе, но то, что сестра попробовала воспользоваться той же лазейкой могло существенно подпортить отношения с излишне скрытной Катериной. А я этого очень не хотела!

Заставить принять в подарок брауни удалось только помянув племянников. Брать пирожные для себя Катерина отказывалась, но большая семья и миловидные ребяташки сестры являлись настоящей ахиллесовой пятой. Я знала, что соседка по приемной пригласила их к себе на праздники — услышала в телефонном разговоре, и потому воспользовалась информацией в своих интересах. Тем более что за выпечку Лоны стыдиться не приходилось никогда.

Усевшись прямо на пол, я полезла в соцсети посмотреть переписку с друзьями. Учитывая общий настрой компании, шанс на то, что дартс состоится, был мизерным, но чем черт не шутит. Оказалось, этим вопросом задавалась не я одна.

Беседа с ласковым названием «группа двигателей цинизма в массы» радовала, собственно, именно тем, что было заявлено.

Георгий Куцев: «Мы, вроде, собирались пойти в бар уже сегодня. Девушки, вы как?»

Иришка Андросова: «Вы меня, ребят, простите, но мой футболист с отпадной фигурой, наконец, пригласил меня к себе домой. По моим скромным девичьим ощущениям, он перетянул с этим примерно на неделю, поэтому срочно нужно брать быка за рога! А то кто ж знал, что мальчик такой стеснительный. В общем, я пас»

Маргарита Терская: «Ты там не переусердствуй. Если футболист приглашает тебя домой, чтобы показать мячи, то это может быть вовсе не фигурально!»

Георгий Куцев: «И после стольких лет я еще удивляюсь, что меня игнорируют... Лона, Сафри, вы где?»

Ульяна Сафронова: «Я за тебя, не кипятись»

Георгий Куцев: «А твоя сестра?»

Ульяна Сафронова: «Еще не всю морковку высадила. Исправляется»

Маргарита Терская: «Вот почему в свои тридцать четыре я все еще не замужем...»

Ульяна Сафронова: «Рита, ты пойдешь или нет?»

Маргарита Терская: «Мне так лень. Может, придете ко мне на кино? У меня есть попкорн!»

Георгий Куцев: «Можно подумать, его у тебя хоть когда-то нет. Не хочу смотреть ваши мелодрамы, я пас»

Маргарита Терская: «Какие мелодрамы? Иришка же уходит, а мы с Сафри согласимся даже на вторжение пришельцев»

Я была против вторжения, но не стала спорить. Мне показалось, что Егор рассчитывал увидеться с Лоной (да-да, так и не переболел), а теперь разочаровался и отказывается идти именно по этой причине.

Ульяна Сафронова: «Так, имейте в виду, что своим нежеланием меня видеть вы вынуждаете меня идти на чай к маме. И не думайте, что я это скоро забуду!»

Маргарита Терская: «Я же согласилась поделиться попкорном! Это не какие-нибудь... мячики»

Георгий Куцев: «Я пошел, не хочу слушать про мячики...»

Иришка Андросова: «Саф, хочешь я попрошу своего футболиста найти тебе кого-нибудь кроме мамы?»

Маргарита Терская: «Оставь ее в покое, она по своей большой любви страдает»

Ха-ха, знали бы они!

Иришка Андросова: «Как думаете, подложить пуш-ап в два слоя или одного хватит?»

Осознав, что это конец, а вечер безнадежно накрылся, я отложила телефон и откинулась на диван. Не друзья, а черт-те что! Один раз потребовалось от них пойти выпить, чтобы не позволить мне поддаться уговорам сладкоречивого политика (снова), и вот пожалуйста! Никакой помощи. Одна мячики с футболистом собралась гонять, вторая попкорном объедаться на диване, третья морковь сажает, а четвертый собрался одиноко лить слезы невзаимной любви. И что было делать? К маме идти, вопреки угрозам, совершенно не хотелось, а после вчерашних приключений не лезли ни книжки, ни фильмы. Может, я просто искала оправдания своему желанию поддаться темной стороне своей натуры и набрать номер Новийского, но... как бы то ни было, я не устояла.

Уговаривала и отговаривала себя до последнего, пыталась удержаться на пороге пропасти, но я больше не только не чувствовала себя хорошей девочкой, я даже не хотела такой быть. Той самой неопытной, дрожащей, как осиновый лист, Сафри, спотыкающейся от каждого мужского взгляда о собственные ноги. С Сергеем я не ощущала неловкости, а его мир, к которому я не единожды зарекалась приближаться, оказался слишком притягательным, чтобы даже не постоять на краешке. Я была уверена в своем «не о чем рассказывать», я не собиралась планировать с ним ничего дальше одного вечера, но я набрала его номер и пригласила в бар. Правда с одним условием: если кто-то ткнет в него пальцем и скажет «Новийский», то мой драгоценный политик глазом не моргнув соврет, что не виновен и в жизни никого с такой фамилией не встречал.

Глядя, как Новийский вылезает из машины такси, я аж поморщилась. Вот и устраивай такому вечеринку вчерашних студентов. Попыталась придраться также к его внешнему виду, но решила по этому поводу не возмущаться. Ведь и сама попыталась привести себя в порядок. В кожаной куртке, из-за которой мы с Лоной обошли пять торговых центров (ради достойного соотношения цена-качество, конечно) я себе почти нравилась. И такая вещь не обязывала. Это было очень важно.

— Так, — перехватила я Новийского, не позволяя сделать ко входу и шага.

— И тебе добрый вечер, — усмехнулся он.

Я предпочла проигнорировать этот выпад.

— Сейчас я расскажу тебе правила, потому что вчера мы играли по-твоему, а сегодня...

— Ты заказываешь музыку. Я уже понял, — кивнул Новийский, явно сдерживая улыбку.

— Точно. Поскольку вечер в баре просто обязан быть легким и непритязательным, тебе придется оставить за стенами этого заведения такси, вино и воспитательные речи.

От таких слов брови Новийского поползли вверх.

— Будем пить пиво, закусывать орешками, кидать дротики и рассказывать глупости.

— Я уже в полном восторге, — уверил меня Сергей и, легко обойдя меня, открыл дверь.

Просверлив его напоследок недоверчивым взглядом, я вошла внутрь и огляделась по сторонам. Внезапно все происходящее показалось страшной ошибкой. Этот вечер слишком напоминал то, что было у нас с Ванькой, и если раньше я хотела затереть старые воспоминания новыми, то теперь вдруг подумала, что стоило держаться за них крепче. Они были очень неплохи. Но Сергей уже обогнал меня и направился к ребятам, которые играли в дарст, чтобы занять очередь. Наверное, мне стоило порадоваться скорости реакции спутника, но его предприимчивость вдруг показалась мне именно тем, от чего я просила этим вечером отказаться. Что ж, горбатого исправит только могила! За мной, видимо, оставалось право выбора столика. Я и выбрала: самый маленький, на двоих. Никаких диванчиков, никакого удобства. Разумеется, и сама пострадала от такого выбора, но усть Новийского уж очень хотелось! А он и бровью не повел.

Расправившись с заказом (в виде двух бутылок «Короны» и вазочки с орешками), мы принялись изучающе смотреть друг на друга. Я ждала, когда Сергей проколется, а он это легко разгадал и обратил все внимание на меня и мои нехитрые дела:

— Как поживает веревка? — выдал Новийский с виду безобидный, но больно бивший по самооценке вопрос.

— Прекрасно! — ядовито сообщила я, раздражаясь. Никогда бы не призналась вслух, но мне хотелось, чтобы он предложил помощь. Еще тогда, у него в квартире. И, конечно, я бы от таковой отказалась, потому что нечего Сергею делать у меня дома, но... женщины такие женщины. — Продолжает занимать половину комнаты, — огрызнулась.

— Половину комнаты?! — издевательски воскликнул Новийский. — Так у тебя, не веревка, а многокилометровый канат на катушке?

Я предпочла не отвечать: поморщилась и отвернулась.

— И веревка не далась в руки, и друзья бросили, — продолжал язвить Сергей. — Это что ж они предпочли бару и дартсу?

— Тебе правда интересны мои друзья? — понадеялась я отделаться от не самой приятной темы.

— Ну это же твой вечер, — легко отбрил Новийский. — Ты сама сказала. И я согласен: это справедливо.

— Иришка — самая зажигалочка из нас — нашла себе молодого человека и предпочла провести вечер в его компании, а остальные просто воспользовались возможностью не пойти.

— Какие-то недружные друзья, — подметил Сергей.

— Просто у нас разные интересы.

— У всех они разные. Скажешь, у нас с тобой одинаковые? А я вот здесь и, прощу заметить, ничуть не страдаю.

Не сдержав улыбку (раскусил так раскусил!), я облокотилась о стол и наклонилась к Новийскому, намереваясь объяснить свою точку зрения, раз он просил так любезно.

— Сам понимаешь, что люди сходятся неспроста. Например, от одиночества. Мы все были одиночками, когда познакомились, и, подтрунивая друг над другом из-за этого, сплотились. Иришка, например, всю жизнь искала принца, Ритка распугала всех знакомых парней, Егор... Егор 1Т-ШНИК, сам понимаешь, а Лонка собирается замуж уже целую вечность. Ее помолвке полтора года. А к моменту заключения брака будут все два. Это

отдельная тема для смешков. И вот каждый раз, стоит кому-нибудь обзавестись парой, у всех остальных портится настроение. И начинается: Ритке вдруг милее попкорн, Егор надеялся увидеть Лону...

— Погоди-ка, то есть этот Егор влюблен в твою сестру? — переспросил Новийский недоверчиво. — В чужую невесту?

— В общем, да, — смутилась я. Не думала, что его зацепит такая мелочь, а, выходит, проболталась, будто тайну выдала. Хотя каждый, кто видел Егора около Лоны, мог с уверенностью сказать: парень влюблен по уши.

— И это при том, что упорно не обращает на него внимания? — недоверчиво спросил Сергей, будто в чем-то уличить мою сестру пытался. Более абсурдного предположения он сделать не мо...

— Так, — широко улыбнулась я. — Поясняю: Лона совсем не такая, как я. Она милая, добрая и отзывчивая. Она кивает и смотрит в рот собеседнику. Ей легко удается заставить парней чувствовать себя особенными. Поэтому на ней женится Роман и поэтому в нее влюблен Егор...

Новийский фыркнул, а я замолкла и вопросительно на него уставилась. У него не осталось выбора, кроме как пояснить свою реакцию.

— Не думай, что я их не понимаю. Я на такой женился. Сначала Юлия казалась мне идеальной. Смотрела в рот, кивала и слушала, даже вопросы в тему задавала. Спустя год совершенно одинаковых вечеров в компании самого себя я вдруг понял, что ей абсолютно плевать. Для нее было пресным и скучным все, что я делал или говорил...

— За интерес к внутреннему миру девочек тебе, конечно, плюсики в карму, но моя сестра не такая, — резко перебила я, а в ответ на издевательски приподнятую бровь добавила: — Она добрая. Твоя Юлия доброй не была. Если бы ты познакомился с Поной, ты бы сам это увидел.

— Ну что ж, буду надеяться, что это знакомство состоится, — ничуть не поверив, отозвался Новийский. Сдается мне, только для того, чтобы не приставала. Каждый знает, что самое мудрое — отчаянно кивать, но делать по-своему.

От раздора нас спасли орешки. Видимо, я хрустела ими с таким угрюмым видом, что Сергей не выдержал и расхохотался. Злиться после такого стало сложно, ведь он не был из числа людей, которые охотно делились улыбками, а тем более смехом. Однако решив не сдаваться без боя, я смяла в руке салфетку и бросила ее в Новийского. Тот в ответ пристыдил меня взглядом. Мол, очень по-взрослому.

Долго ждать своей очереди дартс не пришлось, и только ребята встали из-за стола, мы заняли их место. Как оказалось, в дартс я играла на порядок лучше Сергея. Но его это, как ни странно, не трогало. Вдохновенно втыкая дротики то в края мишени, то в стену, Новийского лишь отшутился, что ничего-ничего, вот пойдем в боулинг — отыграется. В это я охотно поверила!

Боулинг можно было записывать в разряд моих персональных пыток. При росте метр в прыжке и общей subtilности, я всегда играла детскими шарами. Да-да, теми самыми, которые летят по абсолютно непредсказуемой траектории и не сбивают кегли даже при идеальном попадании. Но это только полбеда! Дальше — хуже. В нашей скромной компашке друзей имелся, видимо, пришелец. Это я о Ритке говорю. Играть с ней в боулинг

было решительно невозможно. Откуда в девушке, предпочитающей всем видам деятельности валяние на диване перед экраном, взялось умение играючи управляться с

пятнадцатикилограммовыми шарами, я не представляла. Наверное, ее в детстве похитили инопланетяне и вживили микрочип с особым (и весьма бесполезным) навыком. И нет бы она приняла свою суперсилу как данность и позволила нам убогим играть спокойно без нее — так нет, каждый раз присоединялась, чтобы доказать свое превосходство! В итоге, пока она развлекалась на дорожке, раз за разом сбивая кегли, остальные грустно сидели на диванчиках и... чахли. Всего раз у Риты появился достойный конкурс в лице Ваньки, но и тот проиграл, снял воображаемую шляпу и театрально поклонился маэстро.

Стоило вспомнить о Ваньке, как чувство вины захлестнуло с новой силой. Это он любил дартс и простые забавы, а я взяла и привела в «наше» место другого мужчину. Даже мысль, что это слишком сентиментально, а Ваньке было бы плевать, не спасала. Но я ведь сознательно выбрала, я ведь хотела...

В попытке в очередной раз выбраться из депрессивного омута, я принялась учить Сергея бросать дротики. Как ни смешно, он сопротивлялся и все повторял, что это не гольф, чтобы заморачиваться правильной стойкой и замахом, но потихоньку поддавался и даже добился некоторого прогресса. Это мне очень польстило, и настроение слова поехало вверх.

К своему стыду вынуждена признать, что под конец вечера мне и в голову не пришло отправиться домой. Только переступив порог квартиры Сергея во второй раз, я вдруг осознала, что поступаю глупо. Несмотря на все споры с мамой я не собиралась оставаться старой девой, а разведенный политик с совершенно иным социальным статусом был шагом далеко в сторону. Не следовало с ним связываться, не следовало поддаваться. Разве из таких отношений может получиться что-то хорошее.

Я была уверена, что мы с Сергеем — плохая пара вплоть до того дня, когда Новийский сделал мне предложение.

Глава 5

В последний день майских праздников я твердо решила завязать с нашим с Сергеем «общением», иначе сестра бы меня раскусила. Один неосторожный мечтательный взгляд в сторону, и расспросы обеспечены. И это было мудро, а вот честно рассказать о намерениях Новийскому оказалось глупостью. Я это сделала, чтобы убедить себя, а не его, но Сергей воспринял мои слова неправильно. Я так и не поняла, на что он в отношении меня рассчитывал, но вдруг взял и окрестил трусихой. Я целый день пыталась понять, что бы это значило, накручивая себя всеми способами. Уже к вечеру, к приезду сестры, от моего хорошего настроения не осталось и следа, и встретила я ее в привычно раздраженном состоянии. Благо удалось заставить Романа повесить веревку, и на том спасибо!

За чередой непривычных событий я совсем забыла о том, что меня на работе поджидает расправа, и очень зря. Оказалась морально не готова к своеобразному понижению до должности курьера. Слава богам, не в трудовой, но, черт дери Гордеева, я три дня пробегала по глупейшим поручениям, а затем получила нагоняй из-за не подготовленных документов! Вжик, и недели как не бывало. Все вернулось на круги своя, и только книжки на столе напоминали, что уикэнд в компании Новийского мне не приснился.

Опять написал Ванька, рассказывал о том, что они куда-то выезжали, и вот вернулись. Попытки идти дальше сделали свое дело, и теперь с ним разговаривать стало легче. Наверное, это чувство обиды, с которым я носилась последние два месяца, наконец, исчезло. Мы очень хорошо поговорили. Я рассказала ему о мести Николая Давыдовича. Понимала, что злость злостью, а новостей об отце Ваньке не хватало. Хотела уже рассказать о Лоне и ее глупом белом платье, а потом вспомнила, что мечтала пойти на свадьбу сестры вместе с Ванькой и свернула беседу. Решила, что на первый раз шагов навстречу с меня довольно. Немножко пооткровенничали, и будет.

Но я никак не ожидала, что в результате такой вот милой, доброй беседы меня возьмет да и расколется... Сан Саныч. Всегда подозревала, что этот хитрюга проницателен, но ведь не настолько! Если бы я пропускала йогу из-за ночевки у Сергея (но ведь нет, то были выходные), я бы еще поняла, но он по одному лишь разговору с Ванькой догадался! И второй хорош, который ни разу не Штирлиц. Сразу побежал, видите ли, впечатлениями обмениваться...

Только я вышла из зала йоги в понедельник утром, как обнаружила, что Сан Саныч протирает тряпочкой лобовое стекло моей отчаянно нуждавшейся в мойке машины. Так и застыла столбом в дверях, мешая другим девчонкам. Отмерев, отправилась выяснять, чем обязана такой чести... А сенсей обернулся ко мне, лукаво улыбнулся и погрозил пальцем. Сказал, что пусть хоть «новый друг» меня не обижает. У меня челюсть отвисла от такого заявления, а щеки заалели ака флаг ЦК КПСС. После такой реакции отрицать вину бесполезно. Сан Саныч, однако, на этом не успокоился, сграбастал меня в медвежьи объятия и сказал, что я заслуживаю всего самого хорошего, нечего тут смущаться. Я и не думала спорить... вот только «новый друг» был никакой и не друг вовсе, потому и благословение показалось чуточку не к месту. Пришлось поблагодарить и спастись бегством.

Было нечто сверхъестественное в том, как нас с Новийским сводила судьба. А это точно была она. Если в действиях начальника можно было заподозрить некий умысел, то догадка

Сан Саныча, мое внезапное решение забрать документы с работы именно в тот день, когда Гордеев предложил Сергею место зама, и прочие вещи точно происходили по воле свыше. И это не желало заканчиваться: стоило немножко отойти от утреннего разговора с сенсеем, как Николай Давыдович позвал меня в кабинет и велел отправиться в магазин за подарком для Новийского. Минуты три я ошалело таращилась на начальника, пока тот разговаривал по телефону, не без раздражения поглядывая на застывшую истуканом помощницу.

— Что? — наконец, спросил Гордеев, закончив разговор. — Вам особые указания нужны?

— По-подарок? — отчего-то начала я заикаться.

— У Сергея Афанасьевича что-то вроде юбилея. Тридцать пять лет, будем отмечать. И нужен подарок.

Я спала с мужчиной, который на десять лет старше. Кошмар!

— И, по-вашему, я выберу что-то приличное? — возмутилась я.

— Можете выбрать неприличное, — легко разрешил Гордеев. А потом негромко пробормотал: — Он этого заслуживает.

— Но я совершенно не умею выбирать подарки и не знаю, что мужчины дарят друг другу...

— Если вы закончили задавать дурацкие вопросы... — начал Гордеев и указал мне ручкой на дверь.

Пришлось подчиниться. Внезапно мне пришло в голову, что недаром хитрец Новийский рассказывал мне о вине, которое дарят все знакомые... Знал, что Гордеев отправит за подарком меня и своего рода подготовил к сюрпризу. Оставалось минимум: узнать, которое вино достаточно хорошее, чтобы сгодиться в подарок. Это можно было сделать совершенно разными способами. Например, стробовать названия с Гордеева и оставить в том же месте голову, попросить консультацию у Ритки и расплатиться за помощь такой же бутылкой (конечно, пожертвовав средства из своего кармана) или послушать советы работников супермаркетов и купить дорогую дрянь. Но был еще вариант, причем намного лучше предыдущих.

— Ну и каким вином пополнить вашу коллекцию? — поинтересовалась я у Новийского, едва он взял трубку.

— А мы снова на «вы»? — услышала я вместо ответа.

— Не увиливайте, — отрезала.

— Думаю, будет справедливо распить эту бутылочку вместе после вечеринки. Но, конечно, если мы снова на «вы», об этом не может быть и речи.

— Об этом в любом случае не может быть речи, — вздохнула, доставая из сумки зонтик и ступая под проливной дождь.

Знал Гордеев, когда отправить меня за покупками. Марафонский кросс по всему Петербургу, очевидно, еще не окончен. Зря я надеялась, что за выходные начальник смилостивится.

— Из-за нашего маленького уговора я уже вторую неделю играю в «принеси то, не знаю что». Гордеев на меня злится, и облажаться нельзя. Поэтому скажи название вина, год, страну и где этот «комплект» продается.

Увлечшись болтовней, я не заметила лужу и наступила прямо в нее. Посмотрела вниз и обнаружила, что по рассеянности ушла с работы в красных туфлях. С грустью обернулась на

здание «ГорЭншуранс», но решила не возвращаться. Уж очень не хотелось объясняться. Да и вообще, для чего-то же мне нужна машина! Подумала и свернула в сторону парковки.

— Хм, — продолжил, тем временем Новийский. — А ты какое любишь? Столовое или поярче?

Я застонала в голос.

— Такое, как было в прошлый раз вполне подойдет, — выкрутилась, смутно представляя, что из вин предпочитаю. Главное, чтобы не уксус, который продается в большинстве магазинов.

— В тот первый раз, когда ты оставалась у меня ночевать? — словно невзначай уточнил Новийский.

Мне только что виртуозно напомнили, что я переспала с мужчиной... и не единожды.

— Да-да, именно тогда, — согласилась, забираясь в салон машины. Лишь бы поскорее закончить разговор.

— Оно привозное, — не без злорадства сообщил Сергей, буквально добив меня этим.

— Тебе целых тридцать пять лет, не стыдно издеваться над девчонкой? — мрачно поинтересовалась я.

— Мне еще тридцать четыре, и если над чем я и издеваюсь, то только над твоими попытками все отрицать. Не над тобой, — поправил Новийский. — Сейчас почти пять часов вечера, до конца рабочего дня ты вернуться в офис не успеешь, подъезжай к БТИ, выберем вино вместе.

И куда только делось его «можешь уехать, если хочешь»? Зря не воспользовалась возможностью сбежать! С другой стороны, технически я могла бы проигнорировать сомнительное предложение выбрать вино в компании Сергея и остаться без подарка, но опасение, что, если вернусь с пустыми руками, Гордеев пустит меня на котлеты, победило. Так и пришлось вбивать в навигатор адрес БТИ.

К моему удивлению при личной встрече Новийский повел себя по-джентльменски, не заставил себя ждать, не вынудил зайти в офис и даже не стал сыпать намеками. Продиктовал мне адрес какого-то винного подвальчика и пошел к своей машине. Я даже усомнилась, с тем ли человеком разговаривала по телефону каких-то полчаса назад. Уж больно покладисто он себя вел. Заманивал?

— Хозяин этого заведения мой давний знакомый. Он грузин и прекрасно разбирается в винах, — рассказывал мне Новийский, помогая спуститься по лестнице вниз.

Не будь на мне туфли-убийцы, я бы предложенную руку не взяла, уж больно церемонно мы выглядели, но страх перед переломанными ногами победил.

— Никаких подделок, — продолжал свою рекламную кампанию Сергей.

— Поняла. Шампанское на новый год буду покупать только тут.

— Мне кажется или мои попытки поддержать непринужденную беседу воспринимаются как изнасилование мозга?

— А ты думаешь, мне есть что на это сказать? — тут же перешла я в наступление. — У меня нет любимых владельцев винных погребков. Хочешь подскажу строительный магазин, в котором можно купить недорогую и симпатичную плитку? С этим мне куда проще.

— Я романтик, а ты — прагматик. Я не забыл, если ты об этом.

Отчего-то мне показалось такое определение обидным.

— Я о том, что не могу понять, чего ты хочешь, — раздраженно сказала, опустив руку

на плечо Сергея и не позволяя ему открыть дверь. — И моей прагматичной душонке это не по нраву.

— Хочешь обсудить это здесь?

Стоя на узкой лестнице, где мы помешали бы любому встречному? Не особенно. Но я не собиралась и дальше пребывать в неизвестности. Отрицать то, что меня по необъяснимым причинам тянуло к Сергею, было бесполезно. Да и взаимность становилась все очевиднее. Но что все-таки это было? Если бы не Эрмитаж, мы так и остались бы людьми, знакомыми лишь по работе. Переход к каким-то непонятым, внезапно откровенным отношениям оказался слишком резким и внезапным, и я запуталась. С Ванькой мы сначала познакомились, потом подружились, и лишь впоследствии начали встречаться. А Новийский? Несколько встреч по работе, одно случайное столкновение, и мы уже в постели. Подумать только, еще недавно мы едва друг друга знали. Мне было достаточно истории с его женой, а он был в курсе моей работы и домашнего адреса. Все. И вдруг мы оказались в постели, причем поспешили настолько, что даже названия такой резкой смене диспозиции не придумали. Я знала только одно: мы не встречаемся. Пили вино, играли в дартс, дважды ночевали вместе. Не густо, ведь да?

Хозяин подвальчика оказался добродушным грузином до мозга костей. Говорил с акцентом, товар расхваливал, комплименты отсыпал. Если бы не Сергей, я бы никогда не подумала, что у такого можно купить нечто стоящее. Он выставил на прилавок бутылок пять вина, не забывая при этом пристально вглядываться в наши лица в надежде узреть на них искреннюю радость. Но я делала, что называется, морду кирпичом, а Новийский раз за разом требовал «что-то более экзотичное». Наконец, хозяин погрозил нам пальцем, ловко сграбастал все бутылки, спрятал под витрину, а затем отправился в помещения для персонала.

— А я была уверена, что вы давно знакомы, — покосилась я на Новийского. — И он уже знает, насколько дивное диво ты предпочитаешь.

— Это своего рода ритуал, — легко объяснил Сергей. — Он всегда предлагает товары среднего качества, устраивает покупателям своеобразную проверку на прочность. Проще говоря, красуется и набивает себе цену. Не могу сказать, что мне нравится это его качество, но результат того стоит. Просто к каждому нужен свой подход. Приходится привыкать.

— Я смотрю, это у тебя девиз дня, — фыркнула я, припоминая «прагматика».

— Скорее жизни, — поправил Новийский. — И так?

— Что? — подозрительно спросила под пристальным взглядом собеседника.

— Он не скоро вернется. Можем продолжить прерванный разговор. Ты пыталась у меня что-то спросить.

— Верно, — нервно выдохнула я. — Я хотела спросить, что ты делаешь. Так вот: что ты делаешь? В смысле со мной. Какое вино? Какой юбилей? У меня четко распланированная жизнь: удачное замужество годам к тридцати, карьера, где-то в том же районе дети... С этим планом даже мама и сестра спорить не будут, потому что он безупречен! А вот вино в него никак не вписывается.

— Если я не ошибаюсь, у тебя примерно пять неохваченных лет между сегодняшним днем и «замужеством годам к тридцати». Столько вина не выпьешь! — отшутился в той же манере Новийский.

— Нет! — припечатала я. — Во-первых, осталось всего четыре с половиной года, а во-

вторых, ты плохо меня знаешь. Если я начну искать кандидата в мужья уже сегодня, то найду только на пороге пятого десятка! Я же ужасная. Нет у меня времени на твое вино, — демонстративно отмахнулась я от Сергея.

— Не понимаю, как мое вино мешает твоим поискам, — весьма резонно заметил Новийский, облачиваясь о прилавок и явно потешаясь над моими надуманными проблемами. — Со мной, между прочим, можно обсуждать кандидатов. Я неплохо разбираюсь в людях.

— Чушь! Твоя бывшая жена — ночной кошмар. А предлагаешь ты какое-то извращение, я для него слишком консервативна.

Новийский усмехнулся и недобро сощурился:

— Конечно, ты же на Гордеева работаешь. Недавно сама говорила, что упираться рогом, как он, — огромная глупость. А теперь туда же.

— Зато ты в своих взглядах слишком либерален, — огрызнулась. — Чем твой подход лучше?

— Тем, что никому не вредит.

С этим спорить оказалось сложнее, и я замолчала, закусив губу.

— Из-за тебя мне приходится врать, уже сейчас приходится. И мне это не нравится. Но разве я смогу объяснить родным, что пью вино с человеком, у которого за плечами плюс десять лет паршивого багажа? Ты сделал невозможное: ты заочно не понравился моей маме, а это что-то да значит. Я не помню второго человека, который бы ее настолько не устроил.

— Отлично. Значит, с ней вином делиться не станем.

Я устало вздохнула. Казалось, мои попытки донести до Сергея мысль разбивались еще на подлете.

— Не думай, что я тебя не понял, — поспешил уверить Новийский. — Но если уж говорить о неприятных вещах, то давай обоюдно. К моему паршивому багажу прилагается немало полезного. Такого, чем ты не обладаешь вовсе. — Под его внимательным взглядом я покраснела. Да уж, напоминание о том, что в отличие от Новийского я ничего из себя не представляю, радости не вызвало. Он не акцентировал на этом внимание, но и не забывал. Никогда. — Однако мне твоя компания приятна, и я не вижу достойных аргументов в пользу отказа от общения. Не хочешь говорить маме или кому там еще ты привыкла сообщать о «распитии вина»

— пожалуйста. Газетчики уже вдоволь покопались в грязном белье моей семьи, и скрывать подробности личной жизни я вовсе не против: меньше информации просочится. Но если тебе нужны только правильные и кристально чистые отношения, о каких не стыдно рассказать, то за этим не ко мне. Мой опыт подсказывает, что это очень скучно и редко себя оправдывает.

— А держать в любовницах личную помощницу то ли друга, то ли неприятеля, конечно, куда веселее, — проворчала я.

А внутри все аж зачесалось от мысли обдурить всех окружающих. Прятки, тайные встречи и переглядки украдкой существовали в реальности, параллельной моей. Но, как известно, стоит повесить на что-либо табличку «нельзя», как оно становится в десять раз привлекательнее. Перед глазами само собой всплыло вытянутое от удивления лицо вдруг все узнавшего Гордеева. И мамы, конечно. Она бы точно в обморок хлопнулась.

Мое живое воображение без труда нарисовало картинку, в которой я пробираюсь домой к Сергею, чтобы за очередным бокалом мерло обсудить самодурство начальника. И

проснуться утром в ворохе из белых простыней, конечно. Плюс, возвращения на работу в одежде, надетой накануне. Или у меня появится собственный ящик в комод, где будет лежать запасной костюм и пара свежего белья? Так, хватит, хватит, хватит. Это ни в какие ворота. Ящик, костюм... и придумаю же...

Но глаза уже загорелись азартом, а уголок губ Сергея понимающе пополз вверх.

— Будь по-твоему, — милостиво и быстро согласилась я, заметив выходящего из дверей хозяина погребка.

Бутылку, которую столько пришлось выискивать в закромах столько времени, грузин теперь нес почти с благоговением.

— Прошу, — жестом подозвал меня Новийский к прилавку. — Дальше ваш выход.

На мое согласие он не отреагировал никак, и я немножко испугалась, что дала свой ответ слишком тихо. Забирать слова назад, между прочим, ничуть не хотелось!

— На всякий случай: я запомнила этикетку, — решила я намекнуть.

— Все честно! — возмутился Новийский. — Разве что Гордеев поймет, какая драгоценность попала к нему в руки, и из зависти подменит бутылку. Наверняка он оценит подарок, который я сам себе выбрал.

— Не паясничай, — осадила я. — Если бы выбирала я, то ты бы получил чилийское кьянти.

— Кьянти итальянское, — на автомате поправил Новийский.

— Я знаю. Но русские супермаркеты почему-то считают иначе. Однако еще более странно, что они думают, будто его можно пить.

— Ужас, красавица, ужас, — разделил мое негодование хозяин погребка, на что я совсем не рассчитывала. — Хочешь настоящее итальянское?

— Нет, спасибо, — тут же ловко подхватил меня под руку Сергей. — Мы выбрали все, что нужно.

По лестнице взбирались, посмеиваясь. Наше бегство выглядело очень смешно. Оставалось надеяться, что хозяин не оскорбился отказом. Ладно я, но Сергея он знал в лицо как постоянного покупателя!

— Ну что, до какого числа действует сухой закон? — пошутила я у самой двери, не спеша выходить под проливной дождь.

— До двадцать первого, — легко ответил Новийский.

— То есть ты придешь в пятницу с банкета и будешь пить вино после дрянного алкоголя, которым там станут пичкать гостей? — с притворным ужасом спросила я.

— И то верно, — разочарованно протянул Сергей. — Но, знаешь, даже это не испортит мне мысль, что Гордеев станет спонсором веселья. Он ведь нам обоим задолжал, как думаешь?

Я была полностью согласна.

— А вина еще будет много.

После того, как мы с Сергеем договорились о характере взаимоотношений, встречаться стало на удивление легко и приятно. Немало способствовал этому тот факт, что с Новийским действительно можно обсудить что угодно. От процентных ставок по кредитам и течений в обществе до (подумать только!) все-таки потенциальных спутников жизни. Его эрудиция вкупе с чувством такта и меры поражали. Равно как и то, насколько виртуозно Сергей менял мою систему взглядов и ценностей. Уже через месяц я стала считать его кем-

то вроде смеси наставника с самым идеальным мужчиной планеты. Сама не заметила, как это случилось, но факт оставался фактом. Каким-то немислимым образом ему удалось влюбить в себя мой мозг, оставив нетронутыми чувства. Наверное, с менее «прагматичной» особой такой номер бы не прошел, но меня сторонник индивидуально подхода раскусил и теперь охотно пользовался преимуществами положения.

К сожалению, я не могла похвастаться взаимностью. Мысли и намерения Сергея оставались для меня загадкой, что лишь усиливало любопытство. Кому ж не хочется раскусить крепкий орешек? Но упрекать Новийского было не в чем. Он относился ко мне с безупречностью, взлелеянной обширным опытом. Даю голову на отсечение, что при действующей супруге у него была официальная фаворитка. Не из числа тех, кого он принимал в кабинете, а другая, интересная. Та, которую угощают вином, фортепианными этюдами и остроумными беседами. Подобным отношением можно было только наслаждаться, пока позволено. Знала, что, если уйду, меня сменит следующая. Но не ревновала и не переживала. Потому что не считала Новийского своим.

Для родных мое «отсутствие» наиболее стало заметным к июлю, когда наконец прогретые солнцем улицы города начали манить теплом обитателей северной столицы, и гостей города; но только не меня. Тайные встречи отнимали массу времени, и я стала реже общаться с семьей и друзьями. Помогало только одно: подготовка к свадьбе сестры, которую, вопреки скромным финансовым возможностям, мама и Лона задумали приблизить к идеалу. Они убивали на организацию праздника почти все время, которое сестра не трагичала на попытки угодить привередливым свекрам. Я невольно противопоставляла наши с ней отношения и удивлялась: сестра стремилась все делать правильно, но выглядела все более усталой и измученной, я же скрывала свое «увлечение» ото всех, однако чувствовала себя на редкость комфортно. Ужасно, но именно так оно и было. Скрываясь вечерами ото всех в четырех стенах квартиры Новийского я чувствовала себя счастливой, спокойной и защищенной как никогда.

Было только одно «но». По мере приближения выборов членов законодательного собрания, назначенных на осень, Сергей становился все более и более осторожен. Мы не виделись нигде, кроме его квартиры и, изредка, офиса Гордеева (там, конечно, по исключительно формальным причинам). Он даже до машины меня не провожал, опасаясь попасться на глаза не тем людям. Это было связано с целой вереницей общественных выступлений и все возрастающей известностью. Его заявления, пропитанные лояльностью к идеям партии и ее лидерам, раз за разом звучали с экранов и смотрели со страниц газет. Все это, конечно, подкармливалось встречами с «правильными» людьми, которые искусственно поддерживали должный уровень общественного интереса к его персоне. Обратной стороной медали происходящего являлось то, что репортеры ждали от однажды уже оскандалившегося политика вовсе не идеологических сенсаций.

Вот как я стала заложницей молчания. И оно мне выходило боком. На эту осень оказалось запланировано слишком много всего радикального: свадьба сестры, выборы Новийского и, как ни удивительно, мои следующие серьезные отношения. Разумеется, последнее стояло пунктом не в моей программе, а в маминой. Решив, что я уже вдоволь настрадаюсь по Ваньке, она взяла быка за рога и вознамерилась найти мне кавалера на свадьбу сестры. Того, который потом станет зятем, конечно. Ее решимость пугала, а претенденты — еще сильнее. Ради благородной цели мама переступила через себя и

подключила все ресурсы, в том числе отчима. И совместными усилиями они собрали такую ораву неженатых или разведенных парней, что оставалось поражаться. С тех пор каждая наша с мамой встреча начинались с вопроса, что я думаю о том или ином «мальчике». И некоторое время мне успешно удавалось уклоняться от свиданий при помощи феномена соцсетей. Они давали исчерпывающую информацию... и, преимущественно, пугающую. Иногда пробирало даже маму, и она любезно позволяла мне списать кандидата в утиль.

Первый из предложенных мамой вариантов ставил на аватар фото не себя, а машины... и не мерседеса, а лады «Калина». Нет, иметь в наличии собственное авто чудесно, за поддержку отечественного автопрома тоже разве что похвалить оставалось, но зачем на аватар-то? Наверное, за тем, что комментарии к этому фото были сплошь от друзей и имели содержанием текст по типу «твоя? Красава!» или «давно купил? Ну ты мужик!». Учитывая, что я к тому же возрасту тянула в одиночку почти ипотеку, восхваления подержанной калины выглядели как-то несолидно.

Второй предложенный юноша был кем-то вроде Лонкиного Романа. Его страница пестрела репостами клубной музыки, фотографиями таблеток на языке (реальными селфи), афишами всяких концертов в клубах и разноцветными стопками-стаканчиками. А в друзьях у него были одни девчонки, охотно комментировавшие страницу. На их аватарах стояли то обтянутые маечками груди, то рисованные картинки с засунутым за щеку пальцем... ну вы понимаете. Такого типа мама позволила отсеять за неблагонадежностью! Еще бы Рому туда же, но это было бы чересчур утопично!

Третий мамин кандидат, вообще-то механик с завода, оказался также латентным фотографом, и в его объектив попадали отнюдь не пейзажи! Он питал слабость исключительно к женским филейным частям. Многообразие форм и ракурсов так меня потрясло, я поделилась находкой с Новийским. Мы целый час обсуждали эти снимки валяясь в кровати, фыркая от смеха и строя предположения по поводу взаимоотношений фотографа с моделями и мест, где он выискивает настолько развязных девиц. В общем, третий кандидат здорово поднял нам настроение.

Четвертый избранник мамы был свободен лишь на словах, а в комментариях звался не иначе, как «мой зайчик».

Пятый имел на лице столько пирсинга, что напоминал игольницу.

Список продолжался не менее «заманчиво», и внезапно на таком фоне я рассмотрела все достоинства политика, которому до всех этих товарищей было как до Луны пешком. Однако разве могла я сказать маме, что идеальный кандидат у меня уже имеется, но настолько не желает становиться достоянием гласности, что помог мне отобрать из списка чудаков трех более ли менее адекватных кандидатов для показательных свиданий? Даже для меня — воспитанницы двадцать первого века — такая мысль явилась дикостью.

Я много раз думала, как бы познакомить Лону и Новийского. Мысль переубедить его по поводу сестры засела в мозгу занозой и отчего-то не давала покоя. Но рассказать было нельзя (это стало бы началом конца), а подстраивать встречу в «ГорЭншуранс» казалось слишком уж надуманным и нелепым. Тем не менее, это случилось, вышло все само собой, и именно в офисе.

Гордеев от идеи сделать Сергея замом не отказался. То так его донимал, то эдак, но самым наглым его поступком стало приглашение Новийского на празднование юбилея нынешнего заместителя. Бедняге исполнялось шестьдесят, и над седой его головой нависла тень скорого увольнения. Очень политически активная такая тень! На мой скромный вкус, Гордееву на своего зама жаловаться было глупо. Тот являлся отличным исполнителем и грамотным специалистом, но без малейших шансов затмить наше божество местного пошиба. Авторитарному начальнику — в самый раз. Однако уже само явление Новийского народу можно было расценивать как намек: «только свистни, звезда моя, и я отправлю этого старика на заслуженную пенсию». Новийский все прекрасно понимал и за закрытыми дверями откровенно посмеивался, но в брачных играх участвовал лишь наполовину. На небольшой праздничный междусобойчик в «ГорЭншуранс» пришел охотно, без колебаний, но при этом притворился слепым и глухим. Уважил юбиляра вниманием, но в очередной раз проигнорировал все поползновения Николая Давыдовича.

В курсе сложившейся ситуации были уже все. Катерина, например, давно догадалась о планах Гордеева сама. Один раз, даже задумчиво поинтересовалась моим мнением, переименует ли не в меру честолюбивый «фаворит» начальника компанию в «НовЭншуранс», после чего с философский видом отправила в рот конфету. А я в очередной раз подумала, что Сергей у меня с гарантиями как-то не очень ассоциируется.

Упрямой и искренней слепотой отличается только сам зам. По природе человек не хитрый, и даже не догадывался об опасных подводных течениях «ГорЭншуранс». И казался настолько искренне польщенным вниманием начальника и его гостя, что мне стало этого человека жаль. Никому не хочется оказаться на месте нелюбимой жены султана. Оставалось надеяться, что Гордееву хватит такта смягчить удар. Маловероятно, но меня эта мысль утешала.

Для мероприятия было заготовлено несколько бутылок шампанского и пара бутылочек обычной водки (на повышение градуса), ну и закуски. Поговаривали, что банкет в ресторане тоже планируется, но на него приглашали лишь самых избранных, а мы уж на последнем этаже, дата в дату, по старинке. Руководители отделов, приближенные, обитатели приемной, Гордеев... и якобы случайно затесавшийся в наши стройные ряды Новийский.

— И на сколько это? — спросила я Катерину, окинув взглядом собравшихся.

Те уже разбились на группки по интересам, и только мы стояли около столов с закусками. По негласному правилу офиса все мероприятия, проводимые конференц-зале «ГорЭншуранс» обслуживались девушками из приемной главы компании, будь то официальная встреча или банкет.

— На три часа, — без запинки ответила секретарша, легко соотнося число гостей и количество заготовленного алкоголя. — Если кто подтянется снизу, то на два с половиной.

Приготовившись скушать (нам же потом мыть посуду!), я принялась изучать

присутствующих. Нас с Катериной общаться не звали, ибо остальные были статусом повыше. И я бы, вероятно, померла со скуки, если бы внезапно в дверях не появилась привычно растрепанная после метро сестра. Она постучала, сопровождая это еще словами «тук-тук» и испуганно огляделась. Задержав взгляд на мне, чуть улыбнулась и, спохватившись, снова обратила все внимание на Гордеева.

— Эт-это... — начала сестра заикаться, нерешительно подходя ближе к испытующе глядевшему на нее Николаю Давыдовичу. — Меня попросили передать это вам лично.

Она держала тонкий конверт, и, стоило начальнику его забрать, опасно отступила на шаг и вцепилась в поясok платья.

— По-моему, у нее руки дрожат, — негромко заметила Катерина.

— Еще бы. Куча облаченных властью мужчин, и все в одном месте. Бедная Лонка.

— В такие моменты она ужасно похожа на олененка бэмби из мультика. Там, где он впервые пытается встать на ноги, но никак.

Я внезапно вспомнила, что Катерина с первого же дня окрестила Лону олененком. Видимо, ее ассоциация с персонажем оказалась стойкой. И, пришлось признать, справедливой.

— Откуда? — спросил Гордеев, сноровисто вскрывая конверт.

— Из департамента финансов, — отчеканила сестра так, будто мечтала это сказать. Наверное, полагала, что теперь ей позволят убраться восвояси. Не тут-то было!

— Да вы что, — фыркнул Гордеев, стрельнув взглядом в Новийского.

Сергей, однако, являл собой образец редкой невозмутимости. Будто его вовсе и не волновали события годичной давности, в результате которых он вынужден был уволиться из департамента финансов. Хотелось поаплодировать его выдержке. Всем бы такую.

А вот сестра, напротив, восприняла фразу на свой счет и ухитрилась испугаться еще сильнее. Она часто заморгала и начала заламывать пальцы. Я никак не могла понять, что с ней, пока вдруг осознала: Лона никогда раньше не сталкивались с владельцем «ГорЭншуранс» лицом к лицу. Слушала сплетни, видела в фойе, но на этом все. Наверняка сестре пришлось медитировать целых двенадцать этажей, чтобы собраться с силами и заговорить с Гордеевым. Не странно, что на ней лица нет.

Начальник взглянул на листок, и, видимо, не сочтя информацию стоящей, сунул его обратно в конверт.

— Ну, что стоим? — грозно спросил он, зыркнув на мою бедную и бледную родственницу. — Как вас? — нахмурился, силясь вспомнить имя. — Алена?

Я ушам не поверила. Он правда не помнил, как зовут мою сестру!

— Илона, — кротко и быстро ответила она.

— Илона Дмитриевна, — подчеркнул Гордеев, явно наслаждаясь откровенным ужасом на лице моей сестры. — Присоединяйтесь к фуршету.

— Махнул нам рукой и припечатал: — Катерина, налейте девушке, пока в обморок не упала.

Скрыв за кашлем смешок, секретарша отправилась за чистым бокалом, а я взяла в руки бутылку и обнаружила, что та пуста. Взялась за следующую, неоткрытую.

— Может, не надо? — попыталась воспротивиться Лона.

— Хочешь с ним поспорить? Экая рискованная! — Я пыталась пошутить, но сестра приняла слова за чистую монету.

Катерина вернулась с бокалом и стала недоверчиво следить за моими действиями. Фольгу удалось снять без происшествий, но с пробкой намечались проблемы.

— Саф, — настороженно позвала Катрина, стоило мне неуверенно обхватить горлышко бутылки. Да, я видела, как это делают, но никогда не пробовала сама. А учитывая мою «везучесть», сильно сомневалась, что пройдет гладко. — Пусть это сделает кто-нибудь другой.

Она оглянулась в поисках подходящей кандидатуры, но не успела и рта раскрыть, как моей спины коснулась мужская ладонь.

— Позвольте, — вмешался Новийский, обходя меня и забирая бутылку. — Откупорка шампанского — не женская забота.

Откупорка, и где только слово такое дурное выискал! Не удержавшись, окинула его взглядом и подколола:

— Вы шовинист?

И прежде доброжелательно настроенный Сергей уставился на меня, будто говоря: сама напросилась.

— Скорее пацифист, — поправил едко и играючи сорвал с бутылки пробку. А потом обратился к Катерине: — Нужно поставить.

— Ох уж эти суеверия, — закатила она глаза, но послушалась.

— Суеверный шовинист, — собрал он в кучу все эпитеты, коими мы с Катериной его осчастливили за пару минут общения. — Иногда мне сдается, что из приемной Гордеева без отпечатка женской туфли на спине не уйдешь.

По-моему, только мне показалось, что это очень весело. Сергей же, не став дожидаться, когда мой смех сойдет на нет, наполнил бокал и передал его Лоне. И, не дав никому опомниться, просто добил контрольным:

— Не за что.

И ушел.

— Ой, спасибо. Спасибо! — запоздало выкрикнула сестра ему в спину.

Но Новийский лишь головой покачал, очевидно, записав нас всех в разряд безнадежных. Тогда я отчетливо поняла: встреча его мнение о Лоне не улучшила.

— Это... — начала Лона, но, так и не вспомнив имени, понизила голос до шепота: — Новийский?

— Угу. Сергей Афанасьевич, — подсказала.

— А что он здесь делает? — резонно поинтересовалась сестра.

Мы с Катериной обменялись очень недобрыми взглядами. Ну точно две ведьмы-мужененавистницы.

— От должности зама отбивается! — выдала секретарша Гордеева.

— Ооо! — пропела Лона удивленно. — Но...

— Цыц! — воздела палец Катерина и покачала им из стороны в сторону.

Лона изобразила, как закрывает рот на замок и выбрасывает ключик. Но пригубить шампанское ей это не помешало. Сестра с любопытством огляделась по сторонам, удостоверившись, что никому до нас и дела нет, и немножко успокоилась. Даже разговорилась.

Подливая окружающим шампанское, мы болтали о своем. Сначала старались вести себя прилично и не слишком веселиться, обсудили мою ванну, протопившую соседней, а потом все-таки не удержались и перешли к теме свидания с маминым кандидатом. Ой, смех сквозь

слезы. Не будь я к тому моменту своего рода занята Новийским, то после такой встречи долго потом поднимала с самого дна самооценку.

— Это тот самый парень, у которого машина на аватарке, — начала свой рассказ, наблюдая, как на лицах девушек появляется предвкушение. — И, если честно, я так и не поняла, почему он не пожелал показывать свое истинное лицо вконтакте. Ничего криминального в нем нет. Чутьку слишком худое и глаза на выкате, но это же мелочи, кто бы придирался. Хотя можно предположить, что с таким «везением» у него нет ни одного приличного фото, — добавила задумчиво. — В общем, он пришел весь такой важный, в белой рубашке... в kfc. — Лонка прыснула. — И когда он увидел меня, на лице возникло выражение «боги, каким ветром меня сюда занесло?». Нет, я оделась прилично, но все же для kfc, а не ресторана. Самые приличные джинсы, новый свитер, каблук. Нормально выглядела, но, видимо, мама живописала ему Лону, а тут я! Тем не менее, по красному шарфу узнал, справился с потрясением, изобразил вымученную улыбку, даже попытался встать из-за стола. То ли поприветствовать думал, то ли бежать собирался, но споткнулся, схватился за столешницу, опрокинул пол-литровый стаканчик с кока-колой, ну и та, разумеется, пролилась прямо на рубашку. Пока он отряхивался и ругался, пришлось просить у девушки за кассой салфетки и самой поднимать стакан. Из-за переживаний о рубашке парень сам этого сделать не смог. Выхватил у меня салфетки — и только. Кола была везде. На нем, на столе, на табурете, на полу. Какой-то ужас! Люди из очереди начали роптать и брезгливо переступать через подтеки колы, а парню хоть бы хны. Даже не извинился! Он своей рубашкой был занят. Наверное, она у него одна приличная. Прибежала уборщица, давай на нас шипеть; оттеснила меня шваброй к окну. Стою там и жду, когда этот абсурд закончится... А молодой человек как выдаст: «Извини, я в таком виде. Давай перенесем встречу?». Он так и не представился, не поздоровался! И за салфетки не поблагодарил! И тут меня прорвало: «Не переживайте, — говорю. — Пятно на рубашке — меньшая из ваших проблем». Развернулась и ушла.

Лона, которая еще не слышала историю двухдневной давности, краснела и бледнела, зажимала рот рукой, только бы не рассмеяться. А Катерина посмеялась в голос и резюмировала:

— Странно, что у вас не вышло. Ведь именно так ты знакомишься с парнями.

Я не сразу поняла, о чем она. А когда дошло — покраснела. Она была права: во время нашей первой встречи с Ванькой потоп тоже имел место!

— Точно-точно, — хихикнула Лона. — Тебе нужно ходить на свидания туда, где поблизости ни единого источника жидкости!

— И без каблуков! — достойно поддержала ее Катерина, припоминая мои красные туфли, которые после прогулки до винного погребка сдались на милость Питерской непогоде и расклеились.

— Да ну вас! — усмехнулась. — Все равно это было ужасно.

— Ну уж не хуже того раза, когда ты вылила на Ивана три литра воды, а потом пятнадцать минут краснела и извинялась. Он, кстати, к тебе- неувязку отнесся с большим пониманием.

— Это потому что я извинилась! — ответила слишком горячо и тут же пожалела, заметив взгляд Новийского.

Я понятияне имела, расслышал ли он имя Ваньки, но моя реакция в любом случае со

стороны выглядела неожиданно бурной. Девчонки все прекрасно понимали, им моя взвинченность странной не показалась. А Сергею? Я была почти уверена, что ему все равно. Думала, что максимум вызвала легкое любопытство или чуть царапнула. Намного позже поняла, насколько ошибалась в его собственнических инстинктах.

С другой стороны, он о Ваньке не спрашивал. А сама я о прошлых отношениях рассказывать не собиралась. После разрыва существует всего два варианта душевного состояния: либо человеку все еще обидно, и тогда говорить об этом глупо, либо все равно — то есть, не о чем. Моим вариантом был, конечно, первый.

— О чем же это вы все щебечете? — спросил юбиляр. Не уверена, с чьей подачи, но он и его собеседники в лице начальника и Сергея направились в нашу сторону все вместе, чтобы наполнить опустевшие бокалы.

— Ульяна рассказывает истории из жизни, — отмахнулась Катерина.

Она с заместителем Гордеева чувствовала себя куда свободнее, ибо работала теснее и дольше, а вот мы пересекались очень редко и не знала, как себя с ним вести.

— Поделитесь? Мы бы тоже посмеялись.

Погодите, это нас так отчитали? Как шкодливых школьниц, сорвавших смехом урок? Или что это вообще было? Градус дискомфорта повысился. Разумеется, ни одна из нас не спешила делиться подробностями беседы. Но было обидно. Все знают, что в России улыбка на губах девушки, порой, дело чуть ли не подсудное, но оставить нас стоять на разливе алкоголя в роли мебели тоже не очень-то культурно! К счастью, Катерина перехватила инициативу раньше, чем в моем мозгу окончательно оформилась тирада о правах женщин.

— У Ульяны в новой квартире неправильно установили ванну, и она затопила соседей. Теперь мы вспоминаем другие курьезные водоразливы.

Итак, все были довольны: очередное упоминание женской ограниченности спасло хрупкий мир. Аминь. А остатки мужского интереса разбились о быт.

— Ах да, верно. У вас же новая квартира, — скучающе припомнил зам, не став подвергать сомнению слова секретарши. — В новом комплексе. Там, где зимний сад. Вы в нем уже бывали?

И моя прежде саркастическая, но в целом вежливая улыбка превратилась в натянутую.

— Нет.

— Обязательно ходите. Николай Давыдович, говорят, соорудил настоящее чудо.

— Обязательно, — пообещала, заранее зная, что никогда там не окажусь. Будто мне было мало того, что этот дом каждый день смотрел мне в окна немым укором!

Но внезапно «чудо» привлекло внимание Сергея.

— Зимний сад? Николай Давыдович, ваша любовь к флоре воистину не знает границ. Я бы с удовольствием взглянул.

— Думаю, любая из моих помощниц с удовольствием вас туда проводит. Они обе живут по соседству.

Дрожь я усилием воли сдержала, а вот глупость ляпнула:

— Там подъезд под домофоном. Лучше попросить жильцов дома. Это их привилегия.

После такого заявления я удостоилась недоуменных взглядов всех присутствующих. Видимо, предполагалось, что каждый должен мечтать посетить оранжерею Гордеева, и вдруг такое пренебрежение. Но какая разница, что обо мне подумали, если я оказалась не готова отпустить воспоминания? Ну не могла я осквернить наше с Ванькой место приходом другого мужчины! Портить дартс было не жалко, но сад... Он меня злил, раздражал,

угнетал... а я все равно отчаянно за него цеплялась, хотя боялась эмоций, которые завладели мной в том месте. Смешанная с радостью боль, и восторг — с острым разочарованием. Я никогда не любила Ивана Гордеева сильнее, чем в тот день, когда по-настоящему обрела и потеряла... там. Не могла я привести в зимний сад Сергея. Вот просто нет! Даже сознавая все последствия.

Нервно прочистив горло, сжала сильнее бокал и сделала большой глоток. Так отчаянно захотелось уйти из-под обстрела. А сил поднять глаза не было вовсе. И это при том, что на меня все смотрели!

— Что ж, прекрасно, у Катерины как раз хранится запасной ключ на случай непредвиденных неприятностей, — сообщил начальник, решив махнуть на мои странности рукой. — К ней обратитесь.

— Непременно, — произнес Сергей таким тоном, что я поневоле вскинула на него глаза и наткнулась на задумчивый взгляд.

Заметил и понял. Но какие сделал выводы? В любом случае, оправдываться я не собиралась. Он не имел права спрашивать меня про Ивана Гордеева!

Вечером мы с Сергеем договорились встретиться, и я не собиралась отказываться от обещания. Но когда мы с Лоной вышли из офиса, она внезапно предложила пойти ко мне, попить чай, поболтать. И я сделала ошибку: не зная, как поступить, в растерянности взглянула на телефон. В свое оправдание могу сказать лишь то, что меня выбили из колеи разговоры о Ваньке и зимнем саде, и я не сообразила, что происходит.

— Так, — резко начала сестра, выхватила у меня телефон и сжала его в ладошках. — Просто скажи, что мне все это снится или мерещится, что я сошла с ума или слишком мнительная.

— Ты о чем? — спросила я, холодея.

— Скажи, что ты перестала появляться по вечерам в сети и не можешь пригласить меня к себе сейчас не потому что Сергей, который Афанасьевич, смотрит на тебя так, будто видел голую. И что не собиралась писать ему сообщение о том, что задержишься.

— Лона... — задохнулась я и забрала мобильный, пока она не полезла в список звонков. Будто это могло что-то исправить.

Стало по-настоящему страшно. Я никак не ожидала, что Лона догадается. Думала, однажды скажу ей сама, выслушаю обвинения, приведу аргументы в свою защиту, и на этом все успокоится. Теперь же от идеального плана остались одни оправдания.

— Нет не Лона! — всплеснула она руками и заметалась из стороны в сторону, на ходу выбрасывая пальцы. — Сначала он вызвался помочь тебе с бутылкой, точно знал, как отреагировать на обвинение в шовинизме, будто привык, а ты спустила ему шпильку про отпечаток туфли, хотя всегда пытаешься оставить последнее слово за собой. Но хуже всего, что потом, когда речь зашла про зимний сад и ты повела себя странно, он смотрел на тебя так, будто собрался залезть внутрь черепа за подробностями. Он... ревновал. Я знаю, что мнительная, что иногда перегибаю и ищу скрытый смысл там, где его нет, плюс еще шампанское. Но... — Она остановилась, выдохнула и уперла руку в бок. — Ты вот сейчас передо мной стоишь с виноватым видом, и я понимаю, что права. О боже мой!

Повисло ужасно неуютное молчание.

— Давай все-таки пойдем ко мне, — предложила я и попробовала взять сестру за

ЛОКОТЬ.

— Нет! — воскликнула она и вырвалась. — Я не уверена, что готова идти с тобой куда-нибудь и разговаривать. Ты правда с ним, и давно! А я-то все гадала, что с тобой творится... Радовалась, что больше не так переживаешь из-за Ваньки, и поэтому не спрашивала...

— Все совсем не так просто, как тебе кажется.

— Куда уж сложнее! — возмутилась Лона. — Ты тайком встречаешься с разведенным мужчиной совершенно другого социального статуса, стыдишься этого, но не уходишь и даже защищаешь!

Не выдержав, я снова схватила ее за руку и оттащила подальше от здания. Из-за банкета мы остались в офисе чуть ли не последними, но мало ли. Тот же Новийский, если не ошибаюсь, до сих пор не спустился. Мне совсем не хотелось быть застуканной на ссоре в честь Сергея Афанасьевича.

— Я не стыжусь! — прошипела, стоило оказаться около фонтана, шум которого отчасти заглушал голоса. — И не рассказывала не поэтому. Пойми, у него скоро выборы и любые изменения в заявлениях прессе способны навредить, пошатнуть положение...

— То есть ты думаешь, что я побегу к газетчикам?! — еще больше опешила сестра.

— Я думаю, что он тебя не знает и думает, что ты можешь побежать к газетчикам. Ему не с чего тебе доверять.

— При чем тут я? Это не он мне не доверяет, а ты — ему. Боже правый, Уля! Ты думаешь, что он бросит тебя, как только кто-нибудь о вас узнает. С другой стороны, а чего еще ждать? Тебе двадцать пять лет, ты влезла в жизнь мужчины, который в полтора раза старше и разучился доверять людям! И знаешь это, но не уходишь. Я... я не понимаю! Зачем тебе это? Не верю, что ты могла в него влюбиться!

Лона смотрела на меня с такой растерянностью, что я и сама задумалась: неужто все настолько плохо? Но если в своем здравомыслии я могла бы сомневаться, то Сергей на роль безумца никак не походил. Да и дискомфорта до этого дня я не чувствовала. Что и попыталась донести до сестры... на свою голову:

— Не знаю. Но иногда мне кажется, что быть с Сергеем намного более правильно, чем с Ванькой.

— Ну конечно кажется! Новийский с высоты своего опыта точно знает, как правильно дурить молодой девушке голову. Готова спорить, тебе с ним очень интересно. Но даже если отбросить его обаяние, нельзя не заметить, что тебя тянет ко всем подобным людям. Ты и Гордеевым восхищаешься. Ваня тут вообще ни при чем, с ним было совершенно иначе. Правильно! Пусть он любил тебя меньше, чем ты его, но это совершенно обычная ситуация, и ничего криминального в ней нет.

Стоп, она только что сказала, что мне наплевать, с кем спать, лишь бы человек успешный?!

— Да, ничего криминального. Вот только я всю жизнь «люблю» больше. Ваню, вас с мамой, нормальную жизнь... Последние пару лет я буквально разрывалась. Копила на квартиру, работала на износ, делала ремонт, пыталась вытянуть заведомо обреченные отношения. Но кто бы считал, верно? Чувствовала себя идиоткой, потому что мне надо, а остальным и так сойдет! Когда Ванька уходил в армию, Катерина посоветовала не ждать, потому что видела: это не ему надо, а мне. Вообще-то, это видели все, просто остальным не хватило духу сказать! А я цеплялась за свои иллюзии изо всех сил, на пределе возможностей. Я чувствовала, как выгораю, но толку-то? Никакого.

В лице Сергея, я впервые нашла человека, рядом с которым могу позволить себе небольшие послабления и не бояться, что из-за этого растеряю достигнутое. Он понимает, насколько мне важно то, что я делаю. Наверное, его мои барахтанья на мелководье забавляют, и не более, но он ни разу не посоветовал мне расслабиться и тонуть в надежде, что кто-нибудь придет и спасет: как это регулярно делает мама.

Говоришь, быть с ним неправильно? Недозволенно? Пусть, плевать! В роли нарушительницы норм этикета и морали мне спокойно, как никогда в жизни. И если взамен требуется всего лишь никому не рассказывать об этих отношениях, я считаю такую цену смехотворной! Зато он не накачивает меня наркотиками и не унижает требованиями беспрекословного подчинения, как отчим. Если, на твой вкус, это есть более нормально, то поздравляю, — и дважды издевательски хлопнула в ладоши. — Ваши с мамой избранники куда лучше подходят на свои роли. Предлагаю всем остаться при своем мнении и перестать делать вид, что мы все друг друга понимаем. Я готова на библии клясться, что без понятия, какие фортели вы еще назовете словом «правильно».

Я видела, как задрожали губы сестры. Да, ударила по больному. Но после ее слов стало жутко обидно. Назвать меня чуть ли не проституткой, причем не простой, а валютной... Меня! Еще несколько месяцев назад собиравшейся дожидаться из армии парня, которому на меня начхать, и тут вдруг осмелившейся подумать, что имею право наслаждаться вниманием мужчины, которому мое общество приятно.

— Ну так что? — не дала я Лоне времени взять себя в руки и ответить. — Можно мне еще чуть-чуть пожить спокойно? Или сразу готовиться к тому, что ты наябедничаешь маме, как про расставание с Ванькой?

Пред тем, как развернуться и уйти я заметила характерный блеск в глазах сестры. Но на этот раз меня было не разжалобить. Ее слова открыли ящик Пандоры.

Спускаясь в метро, я поймала на себе презрительный взгляд какой-то женщины. Хлюпнула носом и побыстрее стерла со щек злые слезы.

На случай непредвиденной ситуации у меня имелся ключ от квартиры Сергея. Чтобы не стоять под дверью, если вдруг ему придется внепланово задержаться. Вот только до того дня я им ни разу не пользовалась — не приходилось. Да и чувствовала себя как-то... не в праве.

Но оказалось, что после банкета Гордеев обрабатывал Новийского дольше, чем мы с сестрой выясняли отношения, а потому после третьего звонка мне пришлось отыскать в сумке девственную связку и отворить дверь в берлогу Сергея самой. Остаться в квартире мужчины наедине с неуверенностью в том, что меня ждет после догадки сестры оказалось очень некомфортно. Я действительно была уверена, что между нами все будет кончено в тот миг, когда его карьера окажется под угрозой. То есть либо мне нужно было убедить Новийского в отсутствии опасности со стороны сестры, либо собрать скудные пожитки.

Ждать Сергея пришлось около часа. Это время я просидела в библиотеке, бестолково листая книги и рассматривая большой напольный глобус. Впервые увидев его, я опешила: думала, такие дорогие и вычурные земные шары встречаются только в фильмах да коллекциях, но Новийский сломал стереотип. Занимающая кучу места машина стояла около кресла и буквально требовала моего внимания. Бросив на нее очередной взгляд, я неожиданно обнаружила воткнутую в Данию швейную булавку. Думала, что померещилось, но, присмотревшись, обнаружила, что такими истыкана вся Европа, часть Азии, США и

Канада. Насчитала шгук тридцать. Очевидно, они обозначали места, где побывал Сергей. Такому бы позавидовал даже Ванька, а я не знала, что Новийский любит путешествовать. Была почему-то наивно уверена, что он летает до Третьяковской и обратно.

За этим изучением туристических достижений Новийского меня и застал хлопок входной двери. Плевав на то, что правильнее было бы не спешить и не выдавать беспокойство, я вскочила на ноги, быстро вышла в коридор и уставилась на Сергея. Вид у него был мрачно-задумчивый. Догадавшись, что Новийский не в духе, я немножко стушеввалась. Но говорить о Лоне следовало либо сразу, либо никогда. Пришлось переступить с ноги на ногу, поскольку внезапно от страха дрогнули колени.

— Я не помешала? — решила сразу уточнить. В конце концов, раньше он меня в своей квартире не заставлял.

— Я же дал тебе ключ, — туманно ответил Новийский.

— Это ничего не значит.

Он, кажется, удивился, а потом хмыкнул:

— Нет, очень даже значит.

— Но могут прийти, например, твои родители...

— Мои родители прекрасно знают, что такое уважение к личной жизни и не придут сюда в мое отсутствие без причины.

Мне не показалось? Мне ведь не показалось? Как же надоели эти игры слов!

— Я не звала сестру на банкет! Не вздумай меня подозревать, — громко возмутилась.

— Я не намекал на то, что ты подстроила встречу.

— Да ты что! — издевательски качнула головой и уперла руки в бока.

— Начал намекать, — признал Сергей, чуть улыбнувшись. — Но на другое.

— Ах ну извини, я все еще работаю над техникой препарирования твоих фразочек. Так что я проглядела на этот раз?

Заставить его сказать, как есть, было куда предпочтительнее. Рядом с ним я чувствовала себя инвалидом — человеком, лишенным гена-интерпретатора.

— Ты ни разу не звала меня домой.

— Это-то тебе зачем? — удивилась я. — У меня маленькая, однокомнатная квартирка с дешевым ламинатом и подпирающей шкаф снятой ванной. Не подумай, еще каких-то два года назад мы с сестрой так жили, что однушка — почти предел мечтаний... но моих. А у тебя есть напольный глобус на резных ножках и люстра, которая заняла бы всю мою единственную комнату. Чтобы поместиться в такой квартирке, Сергею Новийскому придется сложиться в три погребели. Видишь, я о тебе забочусь.

— Ты всегда решаешь за других? — поинтересовался он кисло.

— Ты только что познакомился с моей сестрой, сам-то как думаешь?.. Но кстати об этом. — Вздохнула и продолжила: — Лона догадалась. Но она не расскажет, разве что маме, и то случайно.

Я не стала уточнять, что мы сильно поругались. Это стало бы еще одним поводом для недоверия. Добрые намерения всегда лучше шантажа, а я именно надавила на чувство вины сестры, чтобы вынудить ее молчать. Это не было ошибкой, но оставило мерзкий след в душе. И вряд ли Сергей бы оценил мои методы.

— Что ж, ладно, — помолчав, выдал он вердикт.

— Ладно?

— Ты считаешь, что волноваться не о чем. И она твоя сестра, тебе лучше знать, —

прозвучало это спокойно.

И тут меня пробило.

— Серьезно? — фыркнула. — Ой да брось! Ты все это время начинал грызть ногти от мысли, что кто-нибудь узнает, а тут вдруг мне лучше знать сестру, и пусть?

— Я не грызу ногти, — только и ответил он.

— Я образно.

— Я образно.

— Я. Не грызу. Ногти, — повторил отдельно и оскорбленно. — Что я должен, по твоему, сказать? Илона догадалась, я не волшебник, чтобы стереть из ее памяти воспоминания. И было бы негуманно ее убивать, как думаешь? Если считаешь, что ей можно доверять — замечательно. Чем-то эта вера подкреплена, я склонен положиться на твое мнение. Ошибешься в ней — буду решать проблемы по мере поступления. Благодарю за то, что своевременно поделилась со мной информацией.

И пока я недоуменно хлопала глазами, силясь переварить новости, Сергей поинтересовался:

— Ну и на чем мы прогорели?

Ух, как я на него разозлилась, услышав, что все это время он просто меня запугивал! Я ведь действительно думала, что он настолько трясется над своей карьерой, что готов вышвырнуть меня из своей жизни, стоит кому-то узнать. И теперь вдруг я выясняю, что не так страшен черт, как малевали!

Разозлившись, я решила ответить на вопрос о Лоне то, как все было на самом деле:

— Ты единственный из всех захотел узнать про зимний сад настолько, что сейчас стоишь здесь и просишься ко мне домой, хотя знаешь, что ничего интересного там не найдешь. — Эта речь удостоилась улыбки. — Ну а потом стали как на ладони мелкие промахи. Шутки, переглядки, посильная помощь с шампанским...

— Я паршивый актер, — заключил Новийский.

— А еще в политику собрался, — кивнула я.

— Действительно, — фыркнул он. — Ну так что, ты покажешь мне подпирающую шкаф ванну, чтобы неповадно было проситься, куда не звали?

Одной ошибки в день в лице слишком прозорливой сестры с меня хватило, и потому на визит пришлось согласиться. Несмотря на то, что тащить Новийского к себе домой я мечтала чуть больше, чем о болезненном прыще на пятой точке. В отместку попробовала заставить Сергея поехать на метро (моя квартира — мои правила!), но он сослался на пресловутую осторожность и вызвал такси. Всю дорогу я недовольно сопела, воображая себе будущие диалоги с соседями, которые увидят, как я вылезаю из машины с шашечками на пару с незнакомым мужчиной. Несколько раз чувствовала, что Сергей на меня смотрит, но не желала разговаривать и упрямо таранилась в окошко. Какой интересный район города! Ни разу в нем не бывала.

— У Катерины окна на эту сторону. Если она нас с тобой застукнет... — многообещающе начала, но, так и не придумав достойной угрозы, толкнула дверь машины и вылезла на улицу.

Напоследок услышала тяжелый вздох Сергея. Мол, «какой тяжелый человек, как до реки бы дотащить».

Переступив порог квартиры, я придержала для Новийского дверь. А, заперев замок, невольно осмотрелась. Интересно, что Сергей все же собирался здесь найти? Письма в редакцию желтой газетенки с интимными подробностями наших взаимоотношений? Ах нет, наверное, фото Ивана Гордеева, выполненное в стиле «ню». Или диск с короткометражкой «что мы сделали в зимнем саду прошлым летом».

Не выдержав выражения любопытства на лице Новийского (о, ради бога!), я решила всеми силами «поддержать интерес».

— Кухня, туалет, ванная, комната, лоджия, — устроила я нехитрую экскурсию. И прикусила язык, чтобы не выдать «могу повторить, а то еще заблудишься!».

Верно говорят психологи, что ремонт души делается не снаружи. Вот я переехала из ненавистного общежития в квартиру, а все равно не могу вытравить прошлые комплексы. Раньше всеми силами старалась не показывать жилью друзьям, теперь повторяю ту же историю с Новийским. Вот только чего стыдиться? Я старалась, я многого добилась. Ну нет у меня десятикилограммовой люстры и электрического камина. Так и не надо! И Новийскому в моей квартире всякая антикварная мишура ни к чему. Это же не его жилище. Так нет же! Мне все равно нужно страдать и рвать на себе волосы...

— У меня есть чай, кофе и какао, — вспомнила я о гостеприимстве и вдруг поняла, что начала не с того: — Но нет мужских тапок.

— Отчим у тебя не бывает? — Вывод Новийского меня позабавил.

— Один раз был, — пожалала я плечами.

Да, отчим пришел, выпил чашку чая и ушел. Даже не предложил помочь. Видимо, просто хотел удостовериться, что на приличное жилью моих сбережений не хватило. Спустя месяц они с мамой обновили ремонт: во всех трех комнатах переклеили обои. Мо-лод-цы.

— Но купить ему тапки я не готова из этических соображений, — закончила мысль.

Тапки, ему еще! Аки барину.

— Меня всегда забавлял статус взаимоотношений в соцсетях. Тот, который «все сложно». Раньше считал, что им пользуются только повернутые на страданиях школьницы. Но как только речь заходит о твоей родне, я понимаю, что иной фразой Сафроновых не опишешь.

Шутка вышла удачной, но напряжение не спало, и, улыбнувшись, я позорно сбежала ставить чайник. Пересыпая конфеты из пакета в вазочку, я нервно посматривала в окно, уверенная, что Новийский уже добрался до лоджии, а с ней и зимнего сада. Нет, конечно, ответы на соседнем здании не написаны, но все равно было как-то... не по себе. Призраки на то и призраки, чтобы раздражать живых. Мои прошлые отношения, если верить Лоне, нервировали нынешние, а у сестры в таких вопросах опыта больше.

Конфеты давно закончились, но остался пакет, и пока я нервно терзала его пальцами, полупустой чайник (ровно на две кружки) засвистел и чуть не довел хозяйку до инфаркта.

Новийский, чтоб его! У меня комната всего восемнадцать метров, где там можно было зависнуть на целых десять минут? Не выдержав, я все-таки прокралась в коридор и осторожно, пытаясь не попасться на подглядывании, сунула в комнату нос. Не вышло: оказалось, Новийский сидит на диване и давно меня поджидает. И даже успел заготовить к моему приходу речь:

— Знаешь, ты так боялась приводить меня к себе домой, что я был готов к чему угодно, — серьезно начал Сергей. — К склепу с паутиной по углам, студии порносьемок,

даже твоей маме в маске и бигудях... Но реальность превзошла все ожидания.

И сграбастал себе на колени сидящего на подлокотнике дивана огромного розового пони.

— Отдай сюда, — улыбнулась я. — Это подарок от друзей на новоселье!

— Серьезно? Новоселье — единственная возможность подарить что-то стоящее, потому что недавно разорившийся на жилье счастливый хозяин не имеет средств ни на что вообще. Разброс колоссален! От вафельницы до пухового одеяла. Слушай, с такими друзьями и врагов не нужно! Как можно было подарить королеве драмы огромного, розового пони?

Я помимо воли заулыбалась. Королева драмы? Моей темной душонке пришлось такое прозвище по вкусу.

— Верни на место, — попыталась вразумить я Сергея, умиленно рассматривавшего счастливую, но очень глупую морду игрушки. — Новийский! — прикрикнула.

Ноль эффекта. Попыталась отобрать игрушку, но сама не поняла в результате каких манипуляций оказалась лежащей на диване рядом с Сергеем. Розовый пони при этом перекочевал на пол.

— А ну подними! Это недоразумение — раритет. А что если бы я бросила на пол твой глобус или антикварную люстру?

— Ох, извини, — насмешливо сказал Новийский, даже не пытаясь поднять пони. Но я была не в обиде, так как совершенно случайно залюбовалась его лицом и далеко не сразу себя одернула. Это что еще за фокусы? С ума схожу, видимо. — И за это тоже, — добавил Сергей, совершенно нахально спихивая на пол диванные подушки, чтобы устроиться поудобнее. Дьявольский огонек в его глазах подсказывал, что порядочных мыслей в голове Новийского замечено не было. — И еще за это.

Спихнув все подушки на пол, Новийский стал меня целовать, но таять я не спешила. Напротив, дождавшись паузы между поцелуями, я оттолкнула и пригрозила:

— Не советую, если ты не фанат тройничков.

— Я надеюсь, ты имеешь в виду своего пони, — нашел он единственное, как ему показалось безобидное объяснение.

— Я имею в виду... — И, выдержав театральную паузу закончила: — Дядю Владика.

Недоумение на лице Новийского буквально сделало мой день. С трудом подавляя истерический смех, я дважды стукнула в стену и крикнула:

— Привет, дядя Владик! Как настроение?

Ответ пришел незамедлительно:

— Привет, Ульянка! Боевое.

— Так кто вчера матч, говорите, выиграл?

— Зенит!

Не знаю, чего ожидал Сергей, но он очень удивился повороту. Посмотрел на стену так, будто ждал, что сосед возьмет, да и вылезет из нее, чтобы пожать руку. Только потом опомнился и поднялся, явно сбившись с эротического настроения. Ну конечно, у него-то в квартире звукоизоляция почти безупречная. В принципе, как и все остальное. Сергей создавал свою берлогу скорее для гостей, нежели для себя. И если эти гости женского пола, то еще лучше — ничто не мешает предаваться пороку!

Ну а моя халупка для жизни, как издревле повелось. И порой эта жизнь подкидывала крики «Го-о-о-о-о-ол!», «Давай-давай, парень!» или «Ну и куда ты прешь, балбес?!». Зато все свое. И родное, И русское!

— Вот почему я предлагаю оставить свой диван девственником и продолжить осквернять твою квартиру, — шепнула я Новийскому, давясь хохотом.

— Гордеев, — закатил глаза Сергей. — Зато на зимний сад он не поспешил.

Это было сказано так невинно-невинно, но разве Новийский хоть иногда действовал иначе?

— Ты уймешься? — тяжело вздохнула.

— Вряд ли. Мне слишком любопытно.

— Нет, Новийский, тебе не любопытно. У тебя все еще тройничок на уме!

— едко поправила я его, даже не скрывая, что дядя Владик стал ловушкой, в которую кое-кто попался как простак.

— Не без этого, — легко признал Сергей, будто само собой разумеющееся.

— Мне не кажется это справедливым, — попыталась я обрубить. — У тебя в паспорте есть штамп, а еще кабинет, и, готова поклясться, целая куча мест, о которых я не хочу ничего знать. Поэтому мне не очень понятно, чем тебе не угодил мой зимний сад.

— Тем, что у меня в паспорте есть второй штамп, а кабинет уже совсем другой. А твой зимний сад отчетливо виден из окон.

Я не знала, как отреагировать, но, к счастью, этого не потребовалось. Внезапно, Сергей нахмурился и внимательно на меня посмотрел.

— Твоя сестра — далеко не самое страшное испытание. Ульяна, если мы все это продолжим, то однажды о нас узнают все. Никакая осторожность не поможет. Все равно когда-нибудь узнает твоя мама, друзья из «ГорЭншуранс», даже мои жуткие родители (ты ведь уже думала о них, как о монстрах?), и финальный аккорд — репортеры. И они будут искать любую зацепку, а потом писать злые опусы. Вопрос не в том, узнают ли о нас все эти люди, а когда именно они о нас узнают. Продержимся мы до тех пор или разбежимся? Я не хочу никому говорить о том, что встречаюсь с тобой, не из-за различий. Раструбить правду на весь мир не сложно, но я предпочитаю сначала понять, есть ли о чем трубить. Иногда я готов рассказать и не понимаю, почему еще этого не сделал. А на следующий день ты в истерике из-за Лоны, а в голове сплошной зимний сад.

О да, давно мне не было так стыдно. Если Сергей действительно вчера подумывал предложить все рассказать, а сегодня я все испортила — у него есть повод злиться.

— Отношения похожи на маленьких детей. Выходя за пределы дома в мир, полный других людей, они начинают болеть. Нужно много сил, чтобы их выходить и позволить окрепнуть. Поэтому я говорю тебе в последний раз: я расскажу, когда придет время. Если буду уверен сам и если будешь уверена ты. Когда станет неважным, знают другие люди или нет. И когда ты вытряхнешь из шкафа скелет Ивана Гордеева.

Итак, с удовольствием сообщаю, что проверку на вшивость провалила с треском! А ведь выходило складно: зачем рассказывать миру о мужчине, которого не готова привести к себе домой? Которому не доверяла свои тайны? О какой глубине или крепости таких отношений могла идти речь?

Должно быть, я выглядела в точности как только что отчитанная кошка с поджатыми ушами, потому потянулась и обняла Новийского. Так ему было не видно моего виноватого лица. Да и на роль извинения это тоже годилось. Но успокоилась только почувствовав на спине его ладонь. Десять лет разницы, говорите, опыт, умение запудрить мозги и прочие, прочие минусы? Зато он обладал редким даром не винить людей за обычные слабости. И не

делал вид, что сам выше этого.

«Никогда не думал, что скажу это, но больше всего скучаю по нормальному, теплomu душу»

«Всегда была уверена, что в армии скучают по девчонкам... Но, в принципе, за время увольнительной можно вместо «этого» сбегать в отель и вдоволь накупаться — тоже вариант»

Я знала, что заявление было за гранью наглости, но мне очень хотелось осадить Ваньку и ограничить число участившихся переписок. Он объяснял желание общаться со мной тоской по дому или просто надеждой поговорить о чем-то ином, нежели армейские дела, но я не верила.

«А еще я скучаю по твоему ехидству!»

Разрываясь между телефоном и зеркалом, я хмыкнула и тут же угодила в глаз щеточкой для туши. Мысленно констатировала, что это мне за дело, и принялась вытирать ватным диском выступившие слезы. Ванька, однако, отставать не спешил.

«Как у вас дела? Свадьба уже на носу. Лона не передумала?»

«Ты что, все готовятся! Лона разрывается, выбирая букет невесты. По настоянию мамы заказала предсвадебную фотосессию, чтобы проверить, насколько хорош фотограф»

«Кстати о фото, ты уже купила платье? Я его увижу?»

«Ммм... присмотрела. Но есть сложности»

«Это какие?»

Я вздохнула, но все-таки решила ответить.

«Мама настойчиво ищет мне кавалера на свадьбу. А поскольку, вероятнее всего, у него окажется костюм только одного цвета, платье придется подбирать исходя из этого. Мне ужасно надоело спорить, и пришлось согласиться»

Это был еще один звоночек, ориентируясь на который можно было понять, что шансов на возврат к прежним отношениям у нас никаких. Не знаю, нужно ли было лишнее подтверждение Ваньке, но мне — да. К тому же, это он пришел с предложением дружбы, пусть теперь терпит дружеские разговорчики.

Пауза между сообщениями немного затягивалась.

«Посмотри фотографии со свадеб друзей. Или с выпускного. Ничего другого у него не имеется с гарантией девяносто процентов»

Совет был дельным. Вот только знать бы, с кем именно я пойду и чьи фотографии смотреть. До свадьбы оставалось три недели, всех претендентов я отсортировала в блокноте по критерию поведения: стыдно мне будет с таким показаться на публике или нет. А два дня назад внезапно поняла, что на свадьбе будет много алкоголя, и я понятия не имею, как поведет себя мой претендент номер один, будучи нетрезв. Позвонила и пригласила на еще одно свидание с целью напоить. Теперь, красила ресницы и наряжалась чуть более откровенно, чем того требовала ситуация (в одолженное обтягивающее платье с вырезом на спине по самые лопатки). Лучше подготовиться заранее, не правда ли? Равнодушный грубиян предпочтительнее приставучего балагура!

«Что ж, мне пора идти»

Вот такое сообщение прислал мне Ванька после новости о свиданиях, и я поняла, что удар попал в цель. Несмотря на мои уверения, он не ожидал, что я действительно пойду

дальше. Но я была уже совсем не та Сафри, от которой он уезжал.

* * *

— Подожди, — велела я молодому человеку по имени Юрий — собственно, моему кандидату номер один. — Когда открываешь хорошее вино — а лучше предположить, что мы заказали неплохое, — сначала нужно дать ему время напитаться кислородом и сменить вкус. Так оно станет приятнее.

Разумеется, этого я нахваталась у Новийского. И пусть было бы куда предпочтительнее спаивать Юру водкой, для свидания этот вариант не годился. Учитывая, что на этого молодого человека у меня имелись планы, репутация развязной особы была определенно лишней. Плюс, меланхоличная часть меня подсказывала, что везде, где есть напитки крепче мартини, по-настоящему уместен только Ванька.

Юрия нашел дядя Боря. Тот являлся родственником кого-то из его родственников. Вроде бы. Хотя могу и перепугать. От избытка информации о кандидатах у меня лопалась голова. Имя, возраст, образование, область интересов — вот и все, на что хватало скромных возможностей памяти. О том, откуда Юрий взялся, я с уверенностью могла сказать только одно: его нашла не мама, и это давало парню сто очков форы. Кроме того, по образованию он являлся переводчиком, получал второе высшее в сфере бизнеса. Резюме выглядело презентабельно, впрочем, как и он сам.

Плюс, Юра единственный сделал практически невозможное: прошел по критерию Новийского. Он принес на первое свидание цветок (розу), доказав серьезность намерений, но не перегнул, отважившись на полноценный букет, как если бы совсем отчаялся найти девушку.

Кстати, сам Сергей Афанасьевич тем же не отличился! Он меня дарами флоры ни разу не баловал. И пусть, не будучи душой, я понимала, что Эрмитаж да вино намечались без дальнего прицела, клеймо неблагонадежности я ему впаяла. Для профилактики. Ну а что? Действительно, типичный негодяй! Собирался затащить в постель и бросить. Гад, как он есть. И пусть после такого исправляется!

— А ты, значит, разбираешься в винах? — спросил Юрий, не сумев скрыть настороженности.

Я чуть не застонала в голос. Ну где же это видано, чтобы алкоголики, к коим меня, без сомнений, причислили, заботились о приятном послевкусии напитка? Следом живо вспомнился первый вечер, когда Новийский сразу тонко намекнул, что его интерес к вину не имеет ничего общего с пристрастием. Очевидно, тоже ввиду прецедентов.

— Один из моих знакомых — сомелье, — сухо сказала, почти не соврав. Ресторан за плечами Сергея так или иначе имелся, а уж винную карту он был составил и с закрытыми глазами.

— Какое интересное знакомство, — попытался сгладить ситуацию Юра, а я вдруг вспомнила, что меня и в день знакомства немного напрягало его общество. Больше другого самоуверенность и мнительность.

Поддавшись порыву, взглянула на часы и обнаружила, что встретились мы всего пятнадцать минут назад. Жалкие четверть часа! Даже думать не хотелось, сколько еще придется сидеть в этом ресторане. «Так, — пришла к выводу. — Я люблю маму, но не

уверена, что готова на многочасовые знакомства со всякими Юриями ради одного лишь ее душевного спокойствия».

О необходимости флиртовать я даже думать не хотелось. Ориентируясь на реакции Сергея, я не без удивления обнаружила, что это умею. Недавно, например, после обмена парочкой пылких взглядов мы позабыли, что собирались полакомиться виноградом. А еще когда я что-нибудь рассказывала и улыбалась, Сергей, порой, внезапно переводил взгляд на мои губы, после чего в его глазах появлялся переворачивающий внутренности знакомый блеск. Но одно дело Новийский, и совсем другое — парень, который мне едва-едва симпатичен.

— Что ж, за встречу, — первой подняла бокал.

Следовало подождать с вином подольше, но я не была уверена, что выдержу еще один приступ воспоминаний о Сергее, одолжившем меня на вечерок. Быть взятой взаймы мне вовсе не нравилось!

Я намеренно решила ополовинить бокал, чтобы оставить Юре достаточный простор для маневра. Выпить меньше для мужчины было бы неприлично, а столько — уже неплохо. Сама, конечно, рассчитывала сбавить обороты, стоит ему потерять бдительность: цедить и наблюдать (ой, я так запьянела, что поостерегусь). К моему облегчению, за разговорами Юра пригубил вино раз, затем еще, и вдруг жидкости в бокале оказалось всего на доньшке. В точности как доктор прописал!

— Действительно неплохо. Не зря выбирали, — заключил он о вине. Но хотя я кивнула, понадеялась, что парень это из вежливости. По правде говоря, пошло оказалось мерзким. — Как твои дела? — завел Юра светскую беседу, сопровождая слова улыбкой.

— Отлично. Всю неделю по судам бегаю. Начальник ведет сразу два процесса, и слушания почти параллельно. То один документ нужно донести, то другой. Скучать не успеваю.

— Звучит довольно изматывающе.

— Ты что, нисколько! Мне очень нравится, — не сдержала я улыбку и зачем-то добавила: — С ее помощью я повстречала множество интересных людей.

Тьфу, Новийский, сгинь уже. Не о тебе сейчас положено думать!

— Надо же, — искренне удивился Юра. — Это редкость.

Выпили второй раз, третий. Мой бокал опустел и наполнился. Но только я заметила, что кавалер начал поддаваться влиянию алкоголя, как принесли еду. Не вовремя! Пришлось периодически отвлекать Юрия от трапезы разговорами. И поскольку светские беседы о погоде и пробках на дорогах оказывались слишком непродолжительны, я напрягла извилины и припомнила, что в числе увлечений мой Юра упоминал чтение. С третьей попытки сошлись на Кинге. Есть сразу стало некогда. А вот пить — сколько угодно. Думаю, со своим «неконтролируемым» восторгом от мэтра я слегка перегнула и заставила собеседника заскучать. Но реальность превзошла все ожидания, когда одна из официанток прошла мимо и прежде сдержанный Юрий чуть отклонился назад, проводив ее заинтересованным взглядом. Меня передернуло. Погодите, он правда откинулся на спинку стула, чтобы заглянуть под короткую юбку?! С мысли я, конечно, сбилась. А Юра это сразу заметил, извинился и попросил напомнить последнее, что я говорила. Но прежде вполне нарочито приятная девушка Ульяна уже превратилась в злобную Сафри, которая мстительно (и

понимающе) улыбнулась и кровожадно воткнула вилку в заказанное куриное филе.

После такой промашки парень был обречен. Уже не переживая о своей репутации на таком фоне, я сама подозвала официантку-длинные-ножки и заказала еще бутылку вина. На этот раз самого дорогого (вот еще щадить кошелек негодяя, который бесстыдно наслаждался недозволенными видами). И еще раз постаралась ловко сменить тему... на абсолютно безобразную провокацию.

— А помнишь в «Мешке с костями» упоминалась «Луна и грош». Помню, меня так заинтересовали восторги автора, что я даже решила ознакомиться с творчеством Моэма. Ты читал? Ох, о чем это я? Любой уважающий себя студент-переводчик с английского обязан был читать Моэма в оригинале, — заливалась я соловьем, не давая парню вставить и слова. — Признаться, перевод «Луны и гроша» меня чуть не сломал своими оборотами. Но вот «Пироги и пиво», — многозначительная пауза.

— Я прочла потом множество рецензий на книгу, уж слишком неординарен образ Розы! Она ведь была официанткой?

О да, это было наглее некуда. И весьма топорно. Но что поделать? Я все еще училась у Новийского подобным штучкам!

— Буфетчицей, если не ошибаюсь, — поправил меня Юра, вопросительно поднимая брови.

— Ах точно. И как я забыла?

Я тогда расстроилась, что он это помнил, а потом, вспоминая тот вечер, приходила к выводу, что иначе раскатала бы самолюбие парня в блин миллиметровой толщины. И пожалела бы, учитывая все обстоятельства.

— Так, — продолжила я. — Что ты о ней думаешь?

А Юра вдруг склонил голову и с легкой улыбкой сказал:

— Думаю, что ее образ утрирован и не имеет ничего общего с сегодняшним ужином. А еще думаю, что мне стоит извиниться.

И тогда я поняла, что мы впервые за вечер достигли полного взаимопонимания во всех смыслах. Я была неинтересна ему, а он — мне, и эта встреча стала бы в любом случае последней. Не знаю, что за проблемы у него были со мной, но я с ним откровенно скучала. Даже больше! Мой выпад по поводу официантки был самым интересным событием нашего дурного свидания. Но я пыталась терпеть, потому что мне нужна была пара для свадьбы Поны. Парень, напротив имени которого стояло бы больше трех из шести галочек. Разве это не унижало Юру куда сильнее, чем меня его любование хорошенькой официанткой?

С тяжелым сердцем я посмотрела на беспощадно искромсанную курицу в тарелке, вздохнула и решительно подняла глаза:

— Нет, извиниться стоит мне. — Я просто не выдержала прессинга и сломалась. Никто, кроме Лонки, о нас с Новийским не знал, но даже если бы я с ней помирилась, не смогла бы объяснить, что чувствую. Это бы только укрепило ее враждебность. А выговориться превратилось в жизненную необходимость. Тем более что Юра не смог бы воспользоваться полученной информацией при всем желании. — Вообще-то, я сижу здесь с тобой и наказываю за ножки Розы, хотя по совести должна предложить попросить ее номер. У нас с тобой ничего не выйдет, и мы оба это понимаем. Ты заглядываешься на официанток, а я целый вечер думаю о том, как здорово было бы встать из-за стола и поехать к совершенно другому человеку.

— Не уверен, что понимаю, — вопросительно поднял брови Юра.

Мол, что ж ты тогда сидишь тут и тратишь наше общее время? Пришлось объясняться:

— Моя сестра выходит замуж, и мама уверена, что на свадьбу я должна прийти не одна.

Но она не знает, что я уже не одинока. А я не могу пригласить того, кого хочу.

— Встречаешься с женатым? — логично предположил он.

Я качнула головой:

— Нет. С публичным человеком, в карьере которого неподходящий период, чтобы рассказывать о неофициальных отношениях. Еще недавно я не была уверена, хочу ли с ним остаться на такой долгий срок, чтобы имело смысл о чем-то рассказывать. Все было... зыбко. А теперь начинаю понимать, сколько он значит для меня на самом деле. Но время упущено, и придется встречаться тайком еще пару месяцев.

Хм, между прочим, а у самого-то Сергея за душой грешки почище ножек Розы! Что у меня за проблема, если я раз за разом выбираю бабников? Гордеев, Новийский, теперь этот Юрий, фамилии которого я даже не помню.

— Хочешь разойтись сейчас? — поинтересовался мой кавалер.

— Вот еще. Я только что заказала бутылку вина, которой не побрезговал бы даже мой сомелье. Тебе я такое счастье не отдам, а если возьму с собой — он сразу догадается, насколько паршивым получилось свидание. Не доставлю такой радости.

— Я официально начинаю тебя побаиваться, — хмыкнул Юрий.

Как только свидание превратилось в не свидание, стало намного легче, комфортнее и приятнее. Наверное, это ненормально, но наилучшее впечатление я всегда производила, как только переставала стараться. И в тот раз все сработало именно так. Стоило мне честно рассказать о Сергее, как мы с Юрой превратились в двух добрых друзей и очень мило поболтали. Прежде чем навсегда разойтись в разные стороны.

И я поняла, что пусть мама захлебывается слезами и возмущениями, но на свадьбу я пойду одна! В конце концов, это куда менее унижительно, чем никому не нужные свидания.

К Сергею возвращалась в приподнятом настроении и полной уверенности, что черта с два стану ему рассказывать о своем решении идти одной. И том, какую роль в этом сыграл один политик. Мне вовсе не улыбалось еще раз обнаружить свою привязанность к мужчине и оказаться за бортом. Выучила урок: личное должно оставаться личным. Еще раз принять участие в реалити-шоу, где горе- возлюбленный пафосно хлопает дверью на глазах всего офиса, а Сафри бегаёт вокруг него кругами глядя преданными глазами, как маленькая собачка, слишком унижительно!

Увидев меня в платье и при полном макияже после свидания с другим, Новийский заметно помрачнел. Но повел себя спокойно, даже слишком. А я сделала вид, что ничего не заметила. На вопрос, как прошло, ответила, что мы обсуждали профессию сомелье, Сомерсета Моэма и длинные ноги официантки. Кроме того сообщила, что определилась с выбором спутника на свадьбу сестры, а, соответственно, платья. После этого Сергей меня поздравил, дежурно чмокнул в щеку и ушел, сославшись на необходимость сделать пару звонков. Для него это было очень нетипично, и я даже немножко обалдела. Серьезно? Видимо, перестаралась...

Но, черт возьми, к тому моменту я уже начала догадываться, что ревность Сергея Новийского — лучшее, что может случиться с женщиной. Он не выходил из себя и не устраивал сцен. Вместо этого некоторое время строил из себя оскорбленного и непонятого, а потом за несколько минут заставлял забыть о том, что кроме него существуют другие

мужчины. Методы варьировались, но безотказность поражала.

Поскольку в квартире Новийского без самого хозяина мне всегда было нечего делать (не играть же, в самом деле, собачий вальс на раритетном рояле!), я открыла холодильник и начала изучать содержимое. Есть не хотелось, но узнать рецепт, по которому Сергей варит горячий шоколад — очень. Сам он таковым делиться отказывался, вроде как ссылаясь на ноухау матери, однако я раз за разом подсматривала и теперь решила попытать удачу на практике.

Сергей, как и ожидалось, возник на пороге кухни, едва я сняла с плиты молоко.

— Чем занимаешься? — поинтересовался.

— Воровством! — сообщила без ложной скромности.

— Присядь, я сам сделаю, — предложил, без труда догадавшись о том, что я пытаюсь соорудить любимое лакомство.

— Не в этот раз. Сначала я переведу кучу продуктов, тебе станет стыдно, и ты поделишься со мной рецептом, чтобы я могла наслаждаться чудо-напитком дома.

Надеялась, что после этого Новийский сдастся и расколется, но нет. Вместо этого он стал мешаться. Прилип ко мне сзади, точно банный лист, и начал шептать непристойности прямо на ухо.

— Рецепт я тебе не скажу. А то вдруг ты все еще со мной только ради этого? Узнаешь и уйдешь? — говорил он, медленно задирая юбку моего одеяния. От абсурдности предположения я рассмеялась, но ласкающие под одеждой пальцы быстро свели смех на нет. — Я же не хочу, чтобы ты ушла.

— Раз уж ты тут, подай шоколад с верхней полки, пожалуйста. Мне не достать, — усмехнулась вместо ответа и почувствовала, легкое прикосновение губ к шее, пока Новийский одной рукой, не глядя пытался достать с полки шоколад. Поскольку такой маневр оказался слишком сложен, Сергей не удержал равновесие и мне пришлось упереться о стол, чтобы не упасть. Но на голову посыпались пакетики со специями. По воздуху поплыл запах корицы.

— Я забыла упомянуть, что при этом желательно не убиться? — постаралась спросить как можно спокойнее.

А сама подумала: к черту шоколад! Он прижимался ко мне сзади всем телом, целовал шею, и это было чертовски эротично. Стоило о таком подумать, как шоколадка оказалась окончательно забыта, а поцелуи сместились ниже по позвоночнику, в вырез фривольного платья.

— В какой ты оденешься цвет? — спросил Сергей, отрываясь от моей спины. Его тяжелое дыхание покатывалось мурашками по коже.

— Красный. — Я без труда определила, что речь идет о свадьбе. Никаких уточнений не требовалось.

— Это правильно, — шепнул он, расстегивая длинную молнию моего одеяния. — Бесстыдно, но будешь самой красивой.

— Новийский, ты в кабинете что-то принял? — насторожилась я. Это было как-то чересчур.

— А, ну да, сглупил, — раздраженно бросил он. — Совсем забыл, что ты у нас несчастная и неприметная. Обездоленная бедняжка, которой в жизни совсем-то ничего не светит.

Я обиженно замерла, а Сергей стянул с моих плеч лямки платья, явно намереваясь уронить его на пол, оставив меня почти голой. Но я не позволила: задержала руками.

— Придумай себе новую сказку, Уля, — недовольно зашептал мне на ухо Новийский. И я раздраженно уставилась в окно, прижимая ткань к голой груди. Под платье с таким глубоким вырезом на спине белья было не надеть. — Это в школе девочек оценивают по длине волос и юбки. А с возрастом начинают играть роль другие факторы: вкус, чувство стиля, количество потраченных усилий. Для меня ты не одевалась так, как сегодня для какого-то парня, и это невероятно злит. Несмотря на то, что я понимаю, какая глупость наряжаться лишь для того, чтобы прийти до моего дома.

Слышать это было очень приятно, и я невольно смягчилась. Сегодня я ему понравилась, и это был несомненный успех. Кому бы не понравилось быть самой красивой для своего мужчины? Ну хоть на денек. А внутренний дьяволенок внутри решил подыграть:

— Скажешь слово, и вместо Юры я пойду на свадьбу с тобой. Можем назвать тебя каким-нибудь другим именем, чтобы даже если кто узнает, потом бестолково спрашивал, не родственник ли ты некоему скандально известному политику.

Новийский негромко засмеялся и снова склонился к моей шее для поцелуя. Пальцы пробежались по спине и скользнули на живот.

— Я так понимаю, это нет? — решила уточнить.

Улыбалась как дурочка и не могла перестать.

— Это беспощадная провокация, если не шантаж, — хрипло сообщил мне Новийский.

— Что поделать, я подружка политика, а они, как известно, люди без чести.

— Шик-карное заявление, — вздохнул Сергей, но не обиделся. — И ты, конечно, ни разу не заслуживаешь, но у меня для тебя кое-что есть.

А вот это заявление насторожило. Попахивало подарком, а это, как известно, хорошо только в меру, понятия о которой у нас с Новийским определенно не совпадали. К тому же без причины... В неожиданно большой коробочке обнаружилось жемчужное ожерелье. Ну, все правильно. Кричала, что являешься подружкой политика — получи и распишись. Не бриллианты какие-нибудь, а атрибут истинной леди. И тем не менее я разозлилась.

— Спасибо, — заявила категорично. — Но я не возьму.

— Серьезно? — закатил глаза Новийский.

— Это неправильно! — зло бросила через плечо.

— Так...

Коробочка захлопнулась, Сергей развернул меня к себе лицом и мрачно на меня посмотрел.

— Я знаю, что тебе доставляет какое-то особенное удовольствие коверкать все мои слова и намерения, но не в этот раз. Твоя сестра выходит замуж, разве по такому случаю я не могу сделать тебе подарок? Тем более что раз уж ты до последнего не могла определиться с нарядом, я вынужден был выбрать украшение на свой страх и риск.

Жемчуг-то? Тот, который не подойдет только к пестрому? И правда, какой огромный риск!

— Раз в три месяца, — показал мне три пальца Новийский и вдруг так припечатал, что у меня щеки заалели: — Для платы за секс слишком дешево, а?

— Ты что вообще...

— Давай не делать вид, что ты обиделась по другой причине, — резко ответил Новийский.

Ну да, так я и подумала! Просто одно дело распивать вино и наслаждаться скромными радостями отношений с интересным человеком, и совсем другое принимать в подарок драгоценности, которые мне даже носить некуда. Это было бы к месту только если бы мы стали официальной парой. Но все, опять же, упиралось в выборы. Он придумал правила, я им следовала. Но жемчуг все менял!

— Хорошо. Я возьму, — согласилась неохотно. — Но с условием.

— Я воспитанный человек, который не ругается матом... — зажмурившись, напомнил себе Новийский, немало меня этим позабавив. — Слушаю, — бросил сухо, и я вспомнила, что раньше он мне так по телефону отвечал, когда предвкушал очередную подлянку от Гордеева.

— Ты пойдешь со мной на свадьбу. Иначе твой подарок попросту неуместен.

— Да почему? — почти взвыл Сергей.

— Потому что я — твой скелет из шкафа! Знаю, что ты хотел меня порадовать, но не вышло. Потом, когда мы не будем ни от кого прятаться, можешь дарить что угодно. Поэтому, если ты хочешь, чтобы я взяла сейчас ожерелье, придется пойти на ответную уступку.

— Что угодно, значит, — зацепился за слова Новийский. И мне пришлось мысленно прокрутить в голове всю прошлую речь, чтобы вспомнить, к чему относилось это словосочетание. — Договорились.

— Не что угодно, нет... В смысле...

— Поздно, — парировал Новийский.

— Нет, Сергей, я...

— Ты так хотела пообщаться с прессой. Вот тебе пример. Одно неосторожно брошенное слово, и ты на первой полосе наедине с последствиями. Привыкай.

Уел. Он меня уел. Причем с разгромным счетом...

— Только ты помнишь, да, что теперь ты девушка из кабинета? — поинтересовался желчно.

— Что? — растерялась я.

— А то, Уля, что у вас с сестрой, судя по всему, абсолютно одинаковые стоп-линии. С тех пор, как она о нас узнала, вы не общаетесь. Иначе ты бы не перестала жужжать о ней у меня над ухом. Илона осудила тебя точно так же, как ты когда-то девушку из моего кабинета, и тебе придется как-то с этим разобраться. Приходить на праздник в роли самого нежеланного гостя я не привык. И начинать не собираюсь.

— Хорошо, — тяжело вздохнула я.

После этого Сергей сразу смягчился, коварно улыбнулся и потянул вниз платье, которому уже давно следовало оказаться на полу.

Новийский был бы не собой, если бы не нашел тактичный способ дать мне ускоряющего пинка. Спустя всего пару дней после разговора Лона выловила меня в фойе «ГорЭншуранс» и, глядя круглыми глазами, спросила, по какой такой причине Сергей звонит ей и спрашивает, не будет ли она возражать против его присутствия на свадьбе. Ответить удалось не сразу, так как сначала пришлось справиться с победной улыбкой. Ведь лед, наконец, тронулся! Впервые!

— У вас все серьезно, — заключила Лона, удивленно покачав головой.

Не уверенная, что найду правильные слова, я лишь кивнула, и сестра зачем-то кивнула в ответ.

— Я... я очень рада. Но ты же говорила...

— Я знаю, что говорила, — остановила я сестру, пока мы снова не закопались в теорию взаимоотношений с мужчинами. — Но с тех пор многое изменилось, и я поняла, что не хочу видеть рядом никого другого. Пренебречь таким человеком было бы огромной ошибкой.

— Поняла, — мигом стушевалась сестра. И мне вдруг показалось, что для нее это открытие что-то изменило. — Ну я пойду, нужно работать.

После этого она вымученно улыбнулась и сбежала. Было так очевидно, что Лонке стыдно за свои слова. И я приняла решение не устраивать разбор полетов по поводу нашего прошлого разговора. Ругаться не хотелось совершенно. К чему? Я же была так счастлива.

Отчим превзошел самого себя, разрешив устроить выкуп Лоны из его квартиры. Мол, у меня слишком маленькая, там не развернуться. Я же, осознав смысл этого заявления, чуть не выпала в осадок. Да наличие собственного жилья перевело меня в глазах отчима в высшую лигу! Даже странно, что до тех пор не понимала, что на самом деле значит для дяди Бори эта его трешка. Человеком он был маленьким, обычным офисным клерком без перспектив к повышению, но на квартиру молился. И мама думала так же. Любой дурак бы понял, что в основе ее брака лежит не любовь, а жилплощадь. Отчим дураком не был. И поскольку на горизонте замаячили мои тридцать восемь квадратов (причем без необходимости ставить в паспорт штамп, а потом до конца жизни стирать носки), дядя Боря поспешил напомнить, что у него почти вдвое... хм, больше. А я и рада: не мне прибираться за гостями!

В заветный день я приехала к маме к восьми утра, а Новийскому, как и остальным, велела подходить к десяти. Накануне не спала всю ночь, потому что внезапно вспомнила о своих друзьях, которые еще каких-то полтора года назад всем офисом болели за Сергея во время бракоразводного процесса. Они точно знали, как он выглядит. То есть я его подставила и даже не поняла, что натворила. По этой причине с утра пораньше налила во фляжку коньяк и спрятала чудесное зелье от всех невзгод в клатч. Подумала, и отправила туда же валерьянку. Мало ли!

Квартира отчима была осквернена уже к моему приходу: Лона и хлопчущая вокруг визажистка оккупировали прежде закрытую для нас комнату. Поглядев на мертвенно-бледное лицо сестры, я решила пошутить:

— Еще год назад я была уверена, что Синяя Борода прячет тут своих жен. Или трупы жен. Или просто трупы.

Лона улыбнулась, но как-то слабо. И мне показалось, что она на грани обморока.

— Ну ты чего? — не на шутку встревожилась я.

— Н-ничего, — отмахнулась она. — Расскажи лучше, придет ли Сергей Афанасьевич.

— Никаких Афанасьевичей, — возмутилась я. — И никаких фамилий, поняла? Сергей, и все.

— Ты серьезно думаешь, что ребята его не узнают? Даже я была в курсе, как он выглядит, а я далеко не так любопытна, как Иришка.

— Они все равно меня осудят, Лона, — вздохнула я. — О чем это я? Даже ты осудила. Хотя точно знаешь, что с Ванькой я рассталась не из-за Сергея. Так какая разница, раньше или позднее? Лишь бы он не пострадал.

— Прости за это. — На этот раз сестра покраснела. — Я не имела права.

— Забыли, — вздохнула я. — Познакомишься поближе — поймешь.

В этот момент в комнату влетела мама.

— Уля, мне срочно нужна твоя помощь на кухне! Быстрее, скоро уже гости придут!

Мне очень не хотелось оставлять Лону в таком подавленном настроении, тем более что его причин я не понимала, но мама выглядела так, будто готова в любой момент упасть в обморок. Она так разнервничалась, что даже позабыла расспросить о загадочном молодом человеке, собравшемся сопроводить меня на свадьбу, что было, конечно, в плюс, но с лихвой выдавало ее состояние. Примерно полчаса мы сосредоточенно готовили бутербродики с красной икрой и рулеты с баклажанами, а как только унесли тарелки на стол — начали прибывать гости. В числе первых пришли Ритка с Иришкой. Принесли все необходимое для выкупа и тут же деловито загрузили подружек Лоны по колледжу, которые являлись особами куда более инертными. Я же, улучив момент, хлебнула коньячок из волшебной фляжки и только после этого отправилась помогать.

Все думала: как было бы лучше? Встреться друзья с Новийским в квартире без возможности закатить прилюдную истерику или на лестнице, чтобы полыхнуло сразу и сошло на нет? Но вопрос остался без ответа, а закон подлости сработал в точности как было предписано. Когда мы были на втором этаже, Ритка ткнула Ирку в бок локтем, и обе они застыли с открытыми ртами. Я никогда не думала, что способна на героические поступки, но обернуться, спокойно поприветствовать Сергея и принять его дежурный поцелуй в щеку было чем-то максимально к тому близким. Меланхолично (в преддверье смерти) я отметила, что выглядел он изумительно и букет для сестры нес такой, что невозможно остаться равнодушной. Стараясь не выдать своего состояния, я назвала ему номер квартиры и вернулась к расклеиванию по стенам бестолковых лапок и стрелочек. Только глаза заволокло слезами, а руки подрагивали.

Молчание длилось примерно минут пять, а потом со стороны Иришки прозвучал вопрос, безжалостно сорвавший пластырь с моих отношений:

— Ну что, круто, Саф. И как давно ты спишь с бизнес-партнером отца своего бывшего парня?

Ритка присвистнула. Даже подружки Лонки затаили дыхание.

— Нет, круто, что ты считаешь, будто я должна перед тобой отчитываться за то, с кем сплю и с каких пор. И вообще, чему я еще удивляюсь? Раньше звала вдовой, теперь — шлюхой. Ну раз нейдет, ставь новое клеймо, и покончим с этим. Оправдываться я точно не собираюсь!

Сунув одной из подружек Лоны остатки материалов для выкупа и решила, что уж как-нибудь дальше без меня, я на ватных ногах стала подниматься наверх. Не сомневалась, что

Новийский, не будь дураком, подслушивал. Действительно, он обнаружился на лестничной клетке около квартиры: ждал меня. Я остановилась на лестнице и виновато на него взглянула.

— Уже поздно заключать пари на то, что твои уши будут гореть от пересудов весь день? — поинтересовался он желчно. Сдается мне, Иришка его ничуть не удивила.

— Например на ночь абсолютно развратного секса, — закончил мечтательно.

— Как подобает шлюшке? — самоуничижительно уточнила. — Да не вопрос.

— Пойдем-ка, мне не терпится узнать, что за женщина так безобразно воспитала своего ребенка.

Поскольку встречал гостей отчим, мама сначала пробежала мимо прихожей, едва махнув нам рукой, а потом опомнилась и вернулась, на ходу снимая и пряча за спину фартук. Новийский нес не один букет, как я сначала подумала, а два. Но пусть и польщенная подарком мама не растерялась: просканировать Новийского пристальным взглядом не забыла. Я даже немного разозлилась на нее за неуместную мнительность. Ну что ей стоило не так явно оценивать стоимость наряда Сергея? Экспертом в этой области она не была, но я увидела момент, когда в ее мозгу эти заоблачные цифры сложились в стоимость свадьбы. Она стрельнула в меня глазами, обозначая, что от допроса с пристрастием теперь спасет только атомная война, и по возможности радушно улыбнулась. Новийский сделал вид, ничего из ряда вон не произошло, позволил мне себя представить, обменялся любезностями. Но полностью скрыть холодок ему не удалось. Да и мама тоже молодец: она повела себя куда сдержаннее, чем с Ванькой. Всего пара фраз, но по ним можно было легко понять, что над ее головой мигает алым тревожная лампочка.

Радовало лишь то, что занятая приготовления, мама отпустила нас быстро. Сказала, что можно навестить Лону. Когда мы вошли в комнату, увидели, что сестра уже полностью готова. Кто-то успел зашнуровать ей корсет, причем очень прилично. Наверное, сестра отчима постаралась, поскольку мама бы в жизни так не сумела.

— О, Уля, — обрадовалась Лонка, но, увидев Новийского, стушеввалась. — Сергей Афанасьевич, доброе утро!

— Илона, выглядите великолепно, поздравляю, — галантно протянул ей букет Новийский. — И давайте без официоза, — подтвердил он мои слова.

— Конечно.

Я буквально увидела, как Лона мысленно попыталась назвать его Сергеем и не смогла.

— А что случилось? — спросила она, переводя взгляд с меня на Новийского.

— В смысле?

— Что в смысле? — помрачнела она мигом. — На тебе лица нет.

— Это все Иришка, не переживай.

— Я же говорила, что они узнают, — моментально догадалась сестра. — Зря ты это затеяла. Теперь вы оба в опасности.

— Сложный вопрос, зря или не зря, — вмешался Сергей, не дав мне ответить. — Если Ульяна шантажом вынуждает меня прийти на свадьбу ее сестры и познакомиться с родственниками, значит для нее это важно. Как не прислушаться? Глупо, конечно, но мне приятно. Особенно на фоне того, что пару недель назад я с боем прорывался в ее квартиру.

Мы с Лоной переглянулись, и я растерянно пожала плечами. Не ожидала, что Новийский рассуждает именно так.

— С ней бывает сложно, — доверительно сообщила Лона.

— Еще как, — кивнул Сергей. — Но не скучно.

И по губам сестры прокатилась легкая удивленная улыбка.

— Внизу кричат. Наверное, Роман приехал, — попыталась я перевести тему, поскольку не желала продолжения разговора о себе. — Взгляну.

Лона вздрогнула и схватилась обеими руками за живот.

— Спокойнее, дышите. Может быть, открыть балкон? — вдруг предложил Новийский.

— Да, если не сложно. Спасибо, — охотно согласилась сестра.

Так мы и сделали: распахнули пошире и дверь, и окна. А потом взглянули вниз и убедились, что несколько парней наряжают машины. Роман с видом самодовольного петуха кружил под окнами, обходя своих лакеев будто вельможа. Только головой оставалось покачать.

— Тут что-то не так, — тихонько шепнул мне на ухо Сергей. — Илона слишком нервничает.

— Ты откуда знаешь?

— Я был женат.

— И неудачно, — парировала я.

— Зато ничуть не сомневался в том, что поступаю правильно, — усмехнулся Новийский.

— Вот видишь как важно сомневаться! — тема брака Сергея всегда была неисчерпаемым ресурсом для шуточек. — Ладно, боюсь, ты прав. С ней что-то происходит.

Думая, что никто не видит, Лона стояла посреди комнаты с закрытыми глазами и то ли молилась, то ли медитировала. Ни того, ни другого за ней раньше не замечалось, но, кажется, помогало. Прямо на глазах на лицо сестры возвращались краски, а руки переставали дрожать. Ощущение было такое, будто над Лоной висит гигантская пипетка, из которой кто-то капает на сестру уверенностью. Наполняя, как сосуд. Это было и странно, и завораживающе. Ничего подобного я раньше не видела.

— У тебя ведь есть план «Б»? — тихонько спросила я у Новийского, решив перевести тему, поскольку посчитала неправильным расспрашивать о происходящем саму сестру. — Я имею в виду нас. Если все пойдет плохо, ты уже знаешь, что делать?

— Ну конечно знаю, — неожиданно широко улыбнулся он и притянул меня ближе.

— Но я не теряю надежды, что все обойдется, и ты отделаешься локальным скандалом с друзьями без выноса сора из «ГорЭншуранс».

— Негодяй, — буркнула я.

— Обещаю тебя утешить, — изобразил он серьезность. — Ну а как иначе? Ты же спишь с бизнес-партнером отца своего бывшего парня.

— Это ж надо было так завернуть! — фыркнула я.

— По девушке карьера обвинителя плачет, — согласился Сергей.

Мы тихонько, стараясь не сбить с настроения Лону, посмеялись, а потом в двери ворвалась кометой мама. Сказала, что идет жених. И, к моему то ли удовольствию, то ли нет, сестра выдохнула и улыбнулась. Она кивнула маме и попросила нас всех оставить ее на пару минут одну.

Пока Рома пробивался сквозь подружек невесты, мы разливали шампанское по бокалам, а мама успокаивалась тем, что бомбила Новийского вопросами. Кто он, откуда, чем занимается. Я попыталась пригрозить, что, если не прекратит, больше никогда не приведу

Сергея в гости, но тот сказал, что все в порядке и спокойно ответил на вопросы. Руководитель небольшого отдела в БТИ из семьи повара и оценщика антиквариата (ну-ну, вообще-то владельца сети ресторанов и признанного эксперта по искусству Италии) просто обязан был прийти по вкусу и не вызвать подозрений. Я видела, как мама чуточку успокоилась, но окончательно подозрения не отбросила, чем меня даже несколько порадовала. Напялил костюм от Армани и давай вещать лапшу на уши!

К тому моменту, когда Роман прорвался сквозь заслон из подружек невесты, все было готово в лучшем виде. Я со своим ростом даже не пыталась увидеть происходящее в коридоре, предпочитая караулить лучшие места у стола. Новийский был со мной солидарен. Когда, наконец, с фотосессиями с участием врачующихся было покончено, процессия двинулась к столу. Увидев меня, Роман скривился, но смолчал. Не обнаружив «любимую» сестру невесты ни в числе требующих выкуп подружек, ни среди встречающих, жених, очевидно, подумал, что я сломала то ли ногу, то ли шею и не буду портить ему своей кислой миной аппетит. Не тут-то было. Хотя волновал меня не он, а девчонки. Иришка старательно не смотрела в мою сторону вообще, а Рита, наоборот, посматривала с большим интересом. Ни то, ни другое мне не нравилось.

Занятая переживаниями, я с радостью переключилась на помощь маме. Вместе мы собрали сумки и выбрали нескольких друзей Романа, чтобы те унесли их в машины. Фотограф все не унимался, продолжая вдохновенно щелкать фотоаппаратом. В итоге, в ЗАГС мы собирались в темпе ошпаренной кошки. Я еще помню, спрашивала по дороге, волнуется ли Лона, а она ответила, что ничуть: за утро успокоилась. Мы едва успели высадиться и отдать кольца, когда нас позвали. Работники еще роптали на безответственную молодежь, чуть не пропустившую очередь.

Но все шло неплохо. Нас выстроили в зале. Мама начала промахивать глаза платочком еще на подлете. А Лона вдруг так радостно улыбнулась и поцеловала меня в щеку. Я поразились: полное отсутствие колебаний было для сестры нехарактерно. Работница ЗАГСа начала зачитывать под музыку нечто до крайности пафосное, но было заметно, что ей осточертело все до колик. Еще бы: это для нас день был особенный, а она только и делала, что смотрела на зареванных родителей и глупо улыбающихся молодых. Все было легко и предсказуемо ровно до того момента, когда Лону спросили о том, согласна ли она взять в мужа Романа, и ее абсолютно уверенное «нет» погрузило зал в тишину.

Дальнейшие события сильно напомнили мне дурную отечественную комедию.

— Что?! — воскликнул уже несостоявшийся жених на весь зал.

Музыка прервалась, работница ЗАГСа вытаращилась на нас, как на ненормальных. Ну еще бы! Это в фильмах невесты через одну вдруг отказывают от вступления в брак, в жизни же такое событие из ряда вон. Собрать всю родню и устроить такой кавардак отважатся единицы. Но Лонка-то Сафронова, у нас всех крыша чуток не на месте...

— Я терпела, — гневно зашипела Лона, резко обернувшись к Роману. — Я все надеялась, что в тебе проснется хоть какое-то уважение ко мне, Рома, но больше не могу. Не после того, как ты пришел с мальчишника явно под кайфом и перепачканный в помаде!

По залу прокатилась волна неодобрения.

— Лона... — виновато начал Роман, но сестра даже слушать не стала.

— Ия задалась вопросом, насколько сильна твоя зависимость: ты контролировал себя или не контролировал? И так и не определила, что из этого хуже. Давно надо было с тобой

порвать! — рывкнула она. — Еще после того, как твой дружок накачал меня наркотиками, а ты его пытался защитить. Но я все терпела, тянула, надеялась. Потому что не видела, как оно бывает по-другому. А ведь оно бывает. Кто-то просто подстраивается и даже находит в этом плюсы. Я не думала, что есть люди, способные на это. Но они есть. Просто ты не из таких. Именно ты, Рома. Уля давно пыталась мне это сказать, почему же я не слышала? — покачала она головой и виновато обернулась на меня. Зря, конечно.

— Это все опять твоя с*ка сестра. Ну конечно, как я сразу не догадался! — тут же сориентироваться Рома и бросился на меня.

Но Понка не подпустила: очень оперативно ткнула в лицо (экс-)возлюбленного букетом. Роман споткнулся, едва устоял на ногах, а потом согнулся пополам, зал огласил душераздирающий чих, за ним — еще один.

— Ну нет, вы теперь заплатите за всю церемо-о-онию! — опомнилась несостоявшаяся свекровь.

— Да что вы говорите! Если у вашего сына есть деньги на наркотики... — тут же мужественно встал на защиту семейного бюджета отчим.

— Нет, Сафроновы определенно вдохновляют, — на удивление громко заключила Рита.

— Ага, — поддержала Иришка. — Одна рассталась с классным парнем ради политика, который упек в тюрьму жену, вторая организовала свадьбу мечты, чтобы сообщить всем родным и знакомым, что ее жених — кобель и торчок.

Благо, к тому моменту я не могла достойно ответить, так как всю тасила сестру к выходу, пока Рома не расправился с внезапным приступом аллергии, а мама — с потрясением. Нас попытались остановить друзья Ромы, но я так на них тявкнула, что оба парня мигом убрались с дороги. Новийский, догнавший нас у выхода из здания, очень быстро поймал такси. Мы сообща упаковали в желтую машину безразмерное платье на удивление молчаливой сестры и уселись сами.

— Сергей, а можно к тебе? — спросила я с тоской. — Пусть мама перекипит в одиночестве.

— Конечно, запросто, — крайне покладисто сказал Новийский. — Буду лично следить, чтобы вы двое еще какой-нибудь фортель не выкинули.

— И это говорит мне политик, который упек в тюрьму свою жену? — кисло поинтересовалась, я памятуя о девизе дня.

— Политик, который упек в тюрьму свою жену, девушка-камиказде, которая бросила ради него классного парня, и невеста, сбежавшая из-под венца, напоследок опозорившая жениха, — апатично заключила Лона. — Как мы, оказывается, уродливы, когда пытаемся поступать себе не во вред.

В этот момент я вспомнила, что в клатче мудро припрятана волшебная фляжка.

Лона несколько часов бестолково шагала по квартире Новийского, зависая то у картин, то у резных рам, то у антикварной люстры. Из одежды ей подошла только моя пижама. Штаны были коротковаты, и оттого сестра смотрелась еще более нелепо, но это было лучше платья, которое она поспешила сорвать, едва переступив порог.

— Злишься? — спросила я у Сергея, варившего горячий шоколад. — Теперь они знают, а свадьбы даже не было...

— Ты спросила, есть ли у меня план «Б». И я ответил, что он есть. Если мне придется им воспользоваться, тебе он ужасно не понравится. И в этом случае мы будем квиты, так что не переживай.

— Вот это утешение! — не сдержала я рвущийся наружу яд.

— Зато мы оба будем знать, что вина на тебе, и суд пойдет на уступки, — закончил он. — Держи. — Он поставил передо мной две чашки и кивнул на дверь: — Иди.

— Спасибо, что позволил Лоне здесь побыть, — вздохнула я.

— Не переживай. Попробую отыскать запасную подушку.

Вспоминая даже первые месяцы наших встреч, я понимаю, что Сергей уже тогда не без труда выносил мою семью. Для него отношения между Сафроновыми (вооруженная близость) были дикостью. У Новийских не было заведено подобное родственное единение. Сергей являлся ярчайшим представителем той золотой молодежи, которую мама и папа предпочитают учить за границей. Его самостоятельность и оторванность от родных стала естественной частью взросления, и привычка встречаться с семьей всего пару раз в месяц никак не стыковалась с нашей с Лоной близостью. А теперь представьте, он привык все делать сам: сам ломал дрова и сам налаживал испорченное, я притащила к нему домой сестру после того, как она собственными руками сорвала свадьбу, к которой готовилась не один год. С моей стороны это было глупо и недальновидно. Разумеется, это сформировало у Новийского вполне определенное впечатление о сестре.

«Уля, пойми! У меня нет двадцати лет на то, чтобы стать тебе таким же близким человеком, как Илона. Но мне нужно, чтобы ты выбирала меня хоть иногда. Сейчас, например. Мне нужна твоя поддержка тоже. Я твой муж, я должен быть «твоим» человеком. Не она!»

Исключительный яркий пример того, какие слова могли быть сказаны в запале в семье Сергея Новийского и Ульяны Сафроновой после пары- тройки лет брака. Разумеется, тогда дело было не в сорванной свадьбе или нарушении границ частной собственности — со всех сторон серьезнее, но... суть оставалась той же: я защищала Лону, Новийский реагировал на это остро. Компромисса не существовало. Сергей полагал, будто сестре нужно научиться отвечать за свои действия самостоятельно, я же утверждала, что поставить крест на всей родне и жить исключительно собственной жизнью нельзя.

Но дело в том, что для меня это не обсуждалось. Лона была рядом всегда. Меходу нами три года разницы, я даже не помню тот короткий период своей жизни, когда сестры со мной не было. Я плела ей косички и наглаживала блузки для школы. Пока мама находилась в другой комнате, это я сама подтыкала Лоне одеяло. Даже не задумывала о том, как это важно, ведь мы спали на одном раскладном диване — естественный процесс. Не поднимешь краешек с холодного пола — Лонка замерзнет, начнет возиться и разбудит меня. Не было в моей жизни комнаты, в которую можно отселить сестру и сделать вид, что такой нет. Не стань она «моим» человеком еще в глубоком детстве, мы бы просто поубивали друг друга в тех условиях, в которые были поставлены. Уроки, и те делали за одним столом! Я сидела на стуле (старшей — лучшее место!), а Лонка уютилась в кресле, упираясь коленями в подлокотник. Мы друг другу мешали, пихались локтями и клали посередине длинную линейку, чтобы «разметить» территорию. Сдвинуть ее было поводом для драки! Но вот только дело в том, что драться могла с ней я одна. Никому другому обижать сестру не разрешалось — это право вето каждого старшего ребенка.

Гадкий разбойник Ромочка обидел маленькую Лоночку, та на него накричала при всем честном народе, а грозный дракон по имени Сафри встал грудью на защиту девушки, унес и спрятал ото всех в волшебном замке, принадлежавшем доброму и великодушному принцу. Вот такой была наша сказка без хэппи энда. Сами понимаете, что не все в этой истории

было гладко, раз принца с его замком приплели невесту каким боком...

— Спасибо, — сказала Лона, взяв у меня из рук кружку с шоколадом.

— Это не мне спасибо, — ответила, присаживаясь рядом с ней на диван, и заметила, как Лона многозначительно хмыкнула, глядя в сторону. — Объяснишь, что произошло?

— Мне казалось, я очень доходчиво объяснила, — резковато отозвалась сестра.

Она старательно не поворачивала ко мне головы, и я понимала, что дело куда серьезнее, чем могло показаться.

— Это как-то связано с Егором? — предположила.

Отчего-то ведь он отказался идти на свадьбу.

— Что? — искренне изумилась сестра. — Нет! Егор... — Она покачала головой. — Господи, нет, дело не в нем, хотя он тоже «молодец». Поймал меня на днях в коридоре и давай отговаривать выходить замуж. Рому припел, эту историю с наркотиками. Потом еще сказал, что сделает для меня что угодно. Но даже если допустить, что его «что угодно» имеет место быть, оно состоит в том, что Егор раз в пару месяцев встретит меня наедине, расскажет, какая я хорошая, и снова в кусты. Смешно даже. Нет уж, тут дело только во мне и в РOME. И в том, что я сказала в ЗАГСе.

— Я твоё объяснение понимаю, но почему именно сегодня? Неужели только-только глаза открылись?

— Он больше не мой, — вздрогнув ответила Лона. — Уля, мне стыдно это говорить. Не вынуждай.

— Ну уж нет, — разозлилась я. — Мне, вероятно, придется разбираться с мамой не меньше твоего. Я имею право знать причину.

Лона вдруг резко отставила горячий чашку на столик и повернулась ко мне.

— Хочешь знать, да? Ну так слушай! В день юбилея, у фонтана, я накричала на тебя, — начала она запальчиво, а в глазах засверкали слезы.

— Накричала, потому что осуждала. Говорила, что поддерживаю, что ты права, бросая Ваню, но я так не думала. Я считала, что своими претензиями в отношении него ты требуешь журавля с неба. Подумать только, захотела, чтобы к женщине относились уважительно, — она нервно рассмеялась и стерла со щек брызнувшие слезы. — Чтобы не пришлось раболепствовать, как мама, как я. Но мне показалось это таким наивным, просто до абсурда. Я решила, что ты слишком помешалась на этом уважении и, бросив Ваню, совершила ужасную ошибку. И я ждала, что ты это признаешь. Это нечестно и безнравственно, но в последние месяцы я едва выносила Рому и пожалей ты о своем выборе, это бы дало мне силы продолжать. Ведь если безупречный Ваня-свет-Гордеев не сумел удовлетворить взыскательным требованиям моей сестры, то о чем вообще говорить, чего желать? Господи, Уль, я сама чуть-чуть влюбилась, когда узнала, что это он выгнал меня из клуба, в котором Бес... — запнулась и всхлипнула. — Бесхребетный меня отравил. Было так плохо, так гадко и одиноко, я никому, кроме него не верила. Это, конечно, быстро прошло и смешно сейчас вспоминать, но он остался моим героем, — на этом месте Лона окончательно разрыдалась. — А ты взяла и бросила моего героя, сказав, что он недостаточно хорошо к тебе относится. Я правда думала, что ты свихнулась.

А потом я узнала, что вы с Новийским... — продолжить она не смогла. — И мне стало еще хуже. Ты и не думала жалеть о Ване, напротив, ты сказала, что счастлива. Я этого не поняла. Не говорю, что Сергей плохой, но он пугает. Его род деятельности, его дом, эти

костюмы на заказ, манера держаться... Ты сказала, что он скрывает ваши отношения ради карьеры, и я за тебя испугалась. Уль, только в одном из десяти случаев за словами «давай никому не будем о нас рассказывать» не таится ничего постыдного. А ты еще иногда такая наивная и упрямая — з-задушить хочется! Швырнула мне вязанку обвинений в лицо, и перестала разговаривать, — хлюпнув носом, Лона послала мне полный обиды взгляд. — Но потом... потом Сергей позвонил мне сам и попросил разрешения прийти на свадьбу. Сказал, что все это ради тебя. Тебе это важно, и вот он здесь, несмотря на очевидную глупость затеи. В этот момент я поняла, что, пусть мне тяжело признать, но ты в своем упрямом нежелании смириться с обстоятельствами каждый раз оказываешься права. Сказала, что с тебя хватит невнимательности Ивана Гордеева и нашла человека, который действительно тебя слушает. Вот так, — щелкнула она пальцами, обозначая мнимую легкость наших отношений с Сергеем. — А я все еще сжимаю зубы и терплю липкие приставания подвыпившего (и не только) Романа, стираю с его рубашки помаду ночью, пока свекровь не увидела. Стыдно же будет, если опять скажут, что я во всем сама виновата и недостаточно хороша для Ромы. Ни морально, ни материально, ни в постели, ни вообще. Руководствуясь маминым примером, я опускала и опускала планку, пока не поняла, что такую девушку никто уважать не станет — не за что. Вот почему я сегодня так безобразно сорвала свадьбу. Я действительно хотела, чтобы весь мир знал, какой кобель и торчок мой жених. Мне было необходимо почувствовать себя выше, выше хоть чего-нибудь. Ромы, свадьбы, мнения собравшихся... Просто поступить так, как хочется. Не склонить голову еще ниже, а рискнуть и выиграть. Это все, Уля. И больше мы говорить о свадьбе не станем!

Я не могу вспоминать тот разговор без слез.

Черт же тебя дери, Лона, если бы ты действительно нашла силы принять и полюбить себя, мы бы избежали множества проблем, и наш с Сергеем брак выстоял бы, но увы. Ты продержалась в своей вере недолго.

Не знаю, чего я пыталась добиться, заставляя Новийского прийти на свадьбу, но пожалеть об этом решении пришлось не раз. Ирка встала в позу и ни в какую не хотела понимать, почему я начала встречаться с Сергеем. Учитывая ее непреклонный характер, конечно, спасибо хоть не растрепала на весь офис. Ритка была не столь категорична, но между рыжей бестией, которую приходится видеть каждый день, и мной закономерно выбрала подругу по бухгалтерии. Егор... ладно, тут виновата я. Он пытался расспросить меня о Лоне, но в расстроенных чувствах я так ответила, что он больше не подходил. Так и оказалась я в изоляции. Только Катерина отнеслась к новости о нас с Новийским философски: сказала, что слишком у нас много общих дел было, чтобы не сойтись, и Гордеев сыграл в этом не последнюю роль.

Лона ради медового месяца взяла на работе отпуск, но если сначала хотела от него неофициально отказаться, то потом передумала. Слишком радикальные последствия приобрела ее неосторожность. Пришлось возвращать подарки, выслушивать бесконечные упреки родственников с обеих сторон, делить затраченные на свадьбу деньги. Я лезть не стала, но и помогать — тоже. Не одобряла, что она все-таки довела дело до свадьбы. А Лона... Лона отдала несостоявшимся свекрам все, что у нее было до последней копейки и, как ни странно, взялась за голову. Решила поступить в университет на вечернее и еще раз попытаться счастья с вакансией помощника экономического отдела в «ГорЭншуранс». Теперь на это шансов было больше, ведь она стала «своей». Тем более среди финансистов.

Поскольку к тому времени я ночевала у Сергея чаще, чем у себя, сестру переселила к себе. После сорванной свадьбы, да без моей поддержки, ее бы в общежитии до костей обглодали. Следовало хотя бы переждать самый травмоопасный период. Да и потом, ее присутствие отвлекало от грустных мыслей и меня. В случае чего можно было рассказать о том, как все паршиво у нас с друзьями ей, а не Сергею. Лонка жалела, а этот негодяй просто отвечал: терпи! Ну что еще взять с мужчины?

Новийский не пришел в восторг от новости, что Илона стала жить со мной. Скромно намекнул мне, что не очень честно в этом случае расплачиваться по долгу в одиночку. Но я притворилась глухой. Что толку говорить о таких вещах с человеком, у которого все и всегда было? Однако вскоре выяснилось, что его нервировала не моя безразмерная долговая яма, а близость с сестрой. По-моему, Новийский опасался, что, будучи еще ближе к Лоне, я решусь на повтор ее подвига сбежавшей невесты, и предложил мне к нему переехать. За две недели до выборов. Мне эта идея не понравилась. А Новийскому — моя реакция. Я ему сказала, что согласна, как только он перестанет морочить мне голову всякими репортерами. Он рассердился и сказал, что я слишком много сваливаю на этот час Икс при том, что сама же первой вытащила на свет божий наши отношения. И таким стал наш первый серьезный разлад. Не созванивались три дня, но потом помирились.

В тот день, когда был утвержден состав депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, Новийский притащил два билета в Александрийку и бутылку отличного коньяка. Мотивировал свой оригинальный выбор тем, что столько вина не выпить. Он не сиял, не прыгал от счастья. Некоторое время сидел на кухне молча, с потерянным видом. Будто на горизонте маячила цель, а тут вдруг — раз — и развеялась. И не знаешь, что дальше. Поэтому решил напиться и напоить меня. Ну что сказать? Я не очень хорошо помню

тот день. А утром йогу из-за похмелья.

Таков был день триумфа Сергея, а я свой только ждала. В смысле интервью. Да, совместный поход в театр — это восторг, но как же объявление, которым меня стращали столько месяцев? Признаться, в какой-то момент я даже про себя обозвала Новийского козлом. Несколько раз. И дважды отказалась ехать к нему домой после работы, мотивируя это какими-то нелепицами. Злилась и каждый свой день начинала с поиска в яндексе. Один раз даже телефон в тарелку с хлопьями уронила. Благо, тот почти не пострадал, чего не скажешь об одежде, на которую выплеснулось молоко.

Тем хуже было Новийскому, когда обнаружилось, что весь сыр-бор из-за пары фраз в конце интервью. Не думала, что журналистам хватит наглости в самом деле пропустить Сергея через мясорубку, но прежние скандалы сделали свое дело, и, ввиду отсутствия более значимых событий, посветили ему очень много места. И не избранию. Перед выборами «нужные люди» сделали Сергею отличный пиар, пропихнув несколько релизов о политике. А теперь, когда он оказался в фокусе не только правильных журналистов, а вообще всех, люди вспомнили о том, что известен Новийский в первую очередь отнюдь не рабочими достижениями. Юлию, понятное дело, со всех сторон обсосали, Шульцева... А вот про текущую личную жизнь спросили только в конце, в последнем вопросе. На что Сергей ответил: «Мне исключительно повезло после всех неприятных событий встретить достойную девушку. Сейчас я очень счастлив».

— И вот этой ерундовой фразочки я ждала четыре месяца? — плаксиво поинтересовалась я у Новийского, не в меру усердно кромсая салат.

— А мне следовало дать журналистам твое имя, адрес и паспортные данные? — усмехнулся он и поставил передо мной салатник. — Пойди мы в театр до «ерундовой фразочки», репортеры бы набросились на тебя с двойным энтузиазмом. Ты же сама журналист и понимаешь, что это такая же работа, как любая другая. Нужно писать, даже если не о чем. И когда они до тебя доберутся... Кстати, почему ты не пошла в журналистику?

— У Гордеева платили лучше, — ответила, даже не стесняясь.

— Полагаю, что тебе бы прекрасно подошла роль репортера. По направлению социальной проблематики. Тем более что ты с этим знакома не понаслышке.

— Нет, — резко ответила я.

— Что нет? — почти разозлился Новийский. — Ульяна, нравится тебе или нет, но это было твоей жизнью большую ее часть! И было бы глупо не воспользоваться преимуществом. То, что ты умеешь общаться с людьми совершенно разных социальных групп — огромный плюс. Ты знаешь, как все устроено изнутри. Люди любят таких, как ты: тех, кто сумел выкарабкаться, при этом не утратив сочувствия.

— Я не сочувствую обитателям общежития, — покачала я головой. — Я точно так же, как и другие испытываю... брезгливость. Ты что-то путаешь.

— И зря, — отбрил он. — Не вечно же тебе сидеть в приемной в должности помощника Гордеева. Этот хитрюга, конечно, в лепешку разобьет, чтобы тебя не отпускать, но только потому, что сам понимает: ты для него слишком хороша. Ему с тобой легко и комфортно работается, но должность личного помощника — не твой потолок.

— Я это знаю, — повторила настойчиво.

— И тем не менее уже три года там работаешь, не прося повышения? — фыркнул

Новийский. — Думаешь, Гордеев сам тебе его предложит? Подумай о журналистике еще раз. Как используешь по назначению свои акульки зубки.

Я так увлеклась этими комплиментами, что вместо пучка петрушки опустила нож на палец. И речь о том, какое меня ждет будущее в профессии «репортер», Новийскому пришлось отложить до лучших времен. Точнее на два месяца, за которые в моем воображении, по его мнению, уже должны были взойти семена нужных мыслей. Уж что-что, а соблазнять Сергей Афанасьевич умел как никто.

Как ни удивительно, Новийский был прав: уже после визита в Александрийский театр наше фото украсило одно из изданий. Я была под впечатлением: пока остальные депутаты прозябали в забвении, черная слава, летевшая впереди Сергея обеспечивала ему бессменное внимание прессы. Порадовалась я только одному: мне хватило ума надеть платье, купленное на свадьбу сестры и жемчуг. И на фото я выглядела... нормально. Конечно, не так нормально, как Новийский, но краснеть не пришлось, и ура.

Спустя еще неделю вышла новая статья, из которой мы узнали, что журналисты раскопали мою биографию: назвали по имени и должности. На том и успокоилось. С другой стороны, а чего было ожидать? Главным скандалом моей жизни явилось то, что в один прекрасный день я начала спать с бизнес-партнером своего бывшего парня. Сенсация просто ух!

Поглядев на это все, я с гордостью объявила Сергею, что, наконец, в его биографии появилось хоть что-то не скандальное. А мне в ответ прилетело золотое правило пиара: любой скандал лучше серости. Наверное, уже тогда стоило догадаться, что он злится, но я еще целую неделю пребывала в блаженном неведении. Пока Новийский не сказал прямо:

— Мне было бы приятно твое участие, и неплохо бы начать с обещанного чемодана с вещами!

Словами не передать, сколько незабываемых впечатлений у меня осталось от вечера переезда в квартиру Новийского. По официальной версии Сергей до поздней ночи задержался на каком-то банкете, но я была склонна списать его отсутствие на месть. Началось с того, что я встретила нескольких соседей, окинувших скромно одетую девушку с чемоданом очень выразительными взглядами. Так и подмывало сказать, что чванливым джентльменам следовало бы знать, что этикет предполагает помочь леди с ношей. Благо, я вовремя вспомнила, что мне с этими людьми жить. А, как известно, что если хорошенько потерять, то под личиной лощеного денди обнаружишь злобного обитателя общежития. Они тоже гадкие, просто по-другому. И сводить счеты будут, скорее всего, не со мной.

Небольшой чемодан без труда вместил в себя весь мой сезонный гардероб, кроме верхней одежды и обуви, и, размещая свои жалкие два платья среди трех десятков рубашек Новийского, я трагично вздыхала. На то, чтобы пристроить вещи, у меня ушло не более сорока минут. Искать места не пришлось: Сергей освободил мне ровно половину пространства в шкафах и на всех полках. Еще один тонкий намек на то, что моя нерешительность кое-кого достала.

Было очень некомфортно хозяйничать в чужом доме. Нет, я уже знала, где лежат вещи и не стеснялась ими пользоваться, но готовясь ко сну в одиночестве чуть не сошла с ума. От каждого шороха готова была бежать к двери — встречать Сергея. Однако он все не возвращался. Лежа в пустой, слишком большой для меня постели, я не могла уснуть. Таращилась в потолок, повторяя про себя, что не смогу здесь жить. Это слишком! И еще

удивлялась маме, которая вот ради этого вышла замуж...

Замок входной двери щелкнул во втором часу ночи. К тому моменту я уже начала вспоминать, сколько нужно выждать времени, прежде чем заявлять в полицию о пропаже человека. Нет, всерьез я ничего такого не думала (версия с мстостью казалась более правдоподобной), но было бы забавно заявить о пропаже новоявленного депутата. Вот бы переполох поднялся...

Пока я лелеяла кровожадные мечты с участием репортеров и одной уже изрядно потрепанной репутации, Сергей прокрался в спальню. Повернувшись на бок, я решила притвориться спящей, и теперь старалась дышать глубоко и размеренно. А сама прислушивалась. Раздался звук отъезжающей в сторону дверцы шкафа, шелест трения пиджака о рубашку, с легким свистом развязался галстук, звякнул ремень, зашуршали брюки, рубашка, запонки стукнули о дерево прикроватной тумбочки, с тихим щелчком открылась дверь ванной комнаты и, наконец, издали застучали капли воды.

Задерживаться в душе Сергей не стал. Можно было сделать вид, что он меня разбудил, но я обижалась на него за отсутствие и не хотела разговаривать. Согреться Сергей почему-то не захотел и прилез прямо ко мне, по-медвежьей сгребая в объятия. Так с ним спать я вообще любила, но на этот раз не радовалась: от холода его тела по коже побежали мурашки. И вообще на банкете, видимо, неплохо выпили: даже сквозь ментоловую зубную пасту пробивался запах спирта.

Ну зашибись приехала. Сплошные приятности! Не сдержавшись, тяжело вздохнула, сбиваясь с ровного «сонного» дыхания и потянула выше одеяло. Подумала еще, что Новийский испоганил идеей переезда идеальные отношения. И пообещала себе больно его стукнуть, если вдруг придумает что-нибудь еще в этом духе.

Утро, однако, отомстило Новийскому с лихвой. Обычно я предпочитала идти на йогу из своей квартиры, ибо ближе, но тут уже выбирать не приходилось, и неумолимый будильник столкнулся с похмельем Сергея ровно в шесть утра. Новийский не стал геройствовать и застонал в голос:

— Уля! Ты не могла пропустить свою тренировку хоть сегодня?

— Нет, с чего бы? — изобразила я искреннее недоумение, хотя, услышав противный писк, сама чуть не сдалась. В конце концов, спала я ужасно. — С добрым утром, кстати!

— С добрым. Счастлив, что ты здесь.

Наверное, Сергей сам не понял, насколько иронично это прозвучало. Я очень постаралась сдержать смех. Что ж, взаимопонимание — ключевой критерий успеха, не так ли? А совместное проживание — целый мир недокументированных возможностей отщипывания, и я собиралась постичь их все.

Как оказалось, Новийского очень задело мое нежелание переезжать, и последствия оказались затяжными. Начиная с необоснованных претензий и заканчивая очень даже резонными и хлесткими обвинениями. Например, мне и в голову не приходило, что Сергей, у которого почти не бывало плохого настроения, просто-напросто уставал на новой работе, как собака. А дома его встречал с порога... мой чудненький характер.

Закончилось это тем, что в ответ на очередную мою ядовитую реплику, Сергей заявил:

— Уля, я очень устал. И, между прочим, был бы не против твоего участия.

— Участия? — переспросила я удивленно. — Ты на что намекаешь? Хочешь, чтобы я ввязалась с твоими политическими играми?

— Откуда столько негатива? — Судя по прищуре Новийского, именно на это он и надеялся.

— Оттуда: у меня нет на это времени. Я кровь из носу стараюсь побыстрее выкарабкаться из долговой ямы и вздохнуть, наконец, спокойно. Ты же знаешь, во сколько я прихожу с работы, лишь бы получить все премии и надбавки. — Подавляя раздражение, Сергей демонстративно уткнулся носом в какие-то документы. Попыталась объяснить доходчивее: — Помнишь, ты говорил о том, что помощник Гордеева — не мой потолок? Разумеется, я это знаю и пыталась обсудить возможность карьерного роста, примерно полгода назад. Но едва успела заикнуться о повышении, как этот хитрый еврей ответил, что ничего не может сделать: мое образование профилю компании не подходит. И уйти я не могу, поскольку, как полная дура, взяла больший кредит, чем собиралась. Так вышло. В итоге, Гордеев великодушно накинул мне пятнашку сверх оклада и посоветовал уgomониться. Знаешь, это заметно охладило мое отношение к Николаю Давыдовичу. Не хочу зависнуть в его приемной на десятилетие...

— Хм, действительно, — преувеличенно задумчиво постучал Новийский ручкой по губам. — И где бы тебе взять деньги для погашения долга?

— Н-не надо, — выставила я вперед палец, чтобы даже продолжать не смел.

— Уля, — холодно оборвал меня Сергей. — Попроси меня отдать долг Гордееву, и я отвечу «да» не думая и секунды. Это резонная, взрослая просьба, которая лично мне бы понравилась. Способ укрепления взаимного доверия. Я уже прочувствовал, несколько ты щепетильна в финансовых вопросах, и, если хочешь, продолжай ежемесячно рассчитываться по счету, но со мной, а не с Гордеевым, который в наглую пользуется положением. Уверен, как только долг исчезнет, в «ГорЭншуранс» откроется сотня вакансий для журналистов любого возраста и опыта работы. Эта твоя проблема — вообще не проблема.

— Слушай, Новийский, ты мне нравишься, — начала я, и он принял подчеркнuto заинтересованный вид. — Ладно, даже очень нравишься. Вот почему я тем более не хочу вешать на наши отношения мои финансовые проблемы.

После этих слов Новийский усмехнулся, потянулся и погладил меня по щеке пальцами.

— Врешь ты, конечно, лучше, чем раньше, но недостаточно убедительно.

— Я раздраженно отодвинулась от него подальше. — Уля, это один из тех вопросов, решить которые не сложно. Мне вот в новой должности просчитывать кучу вариантов в попытке выбрать правильных людей, правильные слова, манеру поведения — сложно. Но еще сложнее после этого каждый день воевать с тобой. А отдать твой долг Гордееву, чтобы это не препятствовало тебе двигаться дальше — нет. Уж разберемся с этим как-нибудь, чай не дети. Или мы все еще играем в недоверие?

— Хорошо, — огрызнулась я. — Позвони Гордееву, пригласи на ужин вместе с нами обоими в какой-нибудь ресторан. Я с самой весны злюсь на него за этот шантаж. Торговаться со мной он не станет, а с тобой — в самый раз. Плюс, после этого я буду точно уверена, что он о нас знает, исходя из чего проще будет выбирать тактику поведения. Разумеется, долг я верну тебе до копейки.

— Прекрасно, — не сдержал яд Новийский. — Попробую назначить встречу на четверг.

Призвав Гордеева к ответственности (зачеркнуто) позвав Гордеева на ужин, я здорово переоценила возможности своей нервной системы. Появиться в ресторане втроем и говорить о моем долге... дьявол, да я спятила. Наверное, стоит мысленно поаплодировать себе за то, что я попросила о помощи Сергея, потому что в противном случае осталась бы с носом, а то и вязанкой насмешек. Но все равно я собиралась ужинать в компании двух виртуозов словесного фехтования. Было очень не по себе, до нервной дрожи.

— Послушай, — обратилась я к Новийскому, раздраженно теребя сережку.

— Я сама скажу ему о том, что готова рассчитаться, хорошо? Упомяну, что с твоей помощью, но все равно сама. Это будет правильнее. Не хочу, чтобы ты говорил за меня. Это моя ответственность.

— Пусть так, — не стал спорить Сергей.

Посмотревшись в зеркало, я с неудовольствием отметила, что надела то же самое платье, что в театр и к Лоне на свадьбу. Ну а откуда у меня еще одно подходящее для светских выходов? Нужно было попросить маму и Лону подарить мне на день рождения и Новый год деньги, чтобы купить хоть одно на замену. Мда, и найти еще столько же на подарок для самого Новийского. От такого открыткой не отделаешься!

Вопреки ожиданиям, Гордеев пришел первым. Будто ждал, что мы опоздаем, чтобы потом отчитать как нерадивых юнцов. Не вышло. То, как прошел разговор-приглашение, я не знала, но целых три дня чувствовала на себе оптический прицел взгляда начальника. Не знаю, что именно его так интересовало, но... да вы хоть представляете, насколько это неудобно?!

— Николай Давыдович, — выдавила я улыбку, приближаясь к столику, и Гордеев поднялся, чтобы нас поприветствовать.

Иногда мне казалось, что некоторые манеры к нему приросли намертво, и действует он бессознательно. Ну или сознательно, но только ради Новийского.

— Ульяна, Сергей, — буркнул он, оставив в стороне отчества и однозначно задавая тон беседе.

Тут же в голову ворвалась запредельно странная мысль: моего начальника зовут Колей. Аж передернуло. И я душевного спокойствия ради попыталась сменить фокус внимания. Оглядев стол, сразу поняла, что дело дрянь. Снежно-белые салфеточки и перебор столовых приборов оптимизма не прибавили. Клянусь, я об этом читала, но память, сволочь, как кот Шредингера. То ли вытащишь из нее необходимое при случае, то ли нет. Клянусь, я постаралась послать Новийскому самый красноречивый взгляд из своего арсенала. Позволила выбрать ресторан на его вкус, и что в итоге? Видимо, в следующий раз придется самой искать по отзывам нечто менее помпезное и тыкать в карту пальцем.

В ответ на недовольство Сергей, выдвигая для меня стул, словно случайно скользнул пальцами по моей спине. Наверное, стоило расценить его жест как извинение. Но не скажу, что меня он успокоил.

— Николай, благодарю, что согласились прийти, — кивнул Новийский, едва устроившись за столиком.

— Любопытство бы не позволило поступить иначе, — легко свел на нет любезности начальник. — Полагаю, меня сюда позвали вовсе не для того, чтобы в торжественной обстановке проинформировать о том, что и так всем давно известно?

— А вы отказались бы от такой чести? — насмешливо спросил Новийский.

— Скорее оскорбился, что стою в очереди последним, — хмыкнул он.

— Тогда я с гордостью сообщу, что этот ужин преследует... иную цель.

— Замечательно, — хмыкнул начальник. — Прошу прощения, мне нужно позвонить.

Доверяю вам выбрать напиток.

Гордеев поднялся и ушел, а я обратилась к Новийскому:

— Ты куда меня притащил? Обязательно было обставлять с такой помпой?

— Снаружи внутрь, по одному.

— Что? — переспросила я ошеломленно.

— Приборы, — скромно уточнил.

Подумала, что придушу его подушкой. С момента вынужденного переезда я ничего не могла с собой поделаться: раздражалась по любому поводу и старалась держать дистанцию. Задыхалась от нехватки личного пространства и точно знала, что Новийский это понимает. А ведь он тоже кипел. Медленно и терпеливо, но неотвратимо. Настолько неощутимо, что момент взрыва мне не удавалось предугадать никогда.

— Все хорошо, — шепнул Сергей, погладив меня по шее пальцем. — Гордеев больше лает, чем кусается. Сама знаешь.

Но беспокойство не отпускало. А женский мозг раздувал проблему до размеров маленькой катастрофы.

— Все нормально? — не дождавшись ответа, переспросил Сергей.

— Да, — вздохнула. — Сколько будут длиться светские беседы?

— До того момента, как принесут горячее. Прикончим его, затем приступим к делам.

— О господи, — вздохнула я обреченно. — К этому моменту я засну носом в тарелке.

— Я постараюсь этого не допустить, — миролюбиво согласился Новийский с улыбкой.

Гордеев вернулся так же стремительно и неожиданно, как уходил. Отчего-то окинул меня пытливым взглядом, уселся и взялся за меню.

К моему удовольствию, скучать действительно почти не приходилось. Новийский с Гордеевым обсудили новый ресторан матушки Сергея, который открылся, но на первых порах не хвастал прибылями. Затем перешли на «ГорЭншуранс», что позволило мне поучаствовать в беседе и выяснить, что увольнение заместителя директора — вопрос решенный. Как ни странно, Гордеев поинтересовался моим мнением о парочке начальников отделов, способных претендовать на эту роль. Так сказать, захотел увидеть их глазами простых смертных. Я попыталась, конечно, помочь, но честно предупредила, что приемная начальника — место сакральное, и сотрудники не воспринимают нас с Катериной в отрыве от самого Николая Давыдовича. Ну и, соответственно, осторожничают.

— Решили взять человека из своих? — заинтересовался Новийский.

— Ну что делать, если единственный толковый кандидат не только пробился в региональное Законодательное Собрание, но и завербовал мою помощницу. Оплошал я с вами, по всем фронтам оплошал, — скривился Гордеев и сделал глоток вина. — Однако вы сегодня подкачали,

— подметил начальник, выразительно глянув на свой бокал.

— Виноват, — покаянно подтвердил Новийский.

Я искренне удивилась, поскольку мне вино показалось очень приятным, но внезапно под столом почувствовала, как Сергей мягко коснулся моего колена, будто веля не делать резких движений и не перечить.

— Оставлю за вами право выбора следующего напитка, — пожал плечами Новийский,

сводя на «нет» зарождающийся конфликт.

Гордеев самодовольно кивнул, будто только этого и добивался, и сменил тему:

— Смотрю, вы никак от журналистов не отобьетесь.

— От них надо не отбиваться, куда лучше найти способ сосуществовать с пользой для обеих сторон. Да ведь, Ульяна? — спросил он меня.

— Естественно.

— Неверно, — оборвал Гордеев. — Вам не хватит опыта не заиграться. С вашей супругой тоже все пошло не по плану.

— Имелся неучтенный фактор.

— Неучтенный фактор есть всегда, — фыркнул Гордеев. — Вон сидит совершенно неучтенный, — кивнул на меня. — Я ни в коем случае не намекаю на вашу неправоту, но... дети есть дети. Доберутся до нее ваши прикормленные репортеры, и что тогда?

Мне этот разговор совершенно не нравился.

— Значит, нужно быстро и правильно воспитать. Какие еще варианты? — отвечал в своей манере Сергей.

— Знать бы еще, где эти быстро и правильно лежат, — закатил глаза Гордеев. На этот раз он точно намекал на сына. — Это определенно такой же случайный дар, как абсолютный музыкальный слух. Вот с ним мне повезло, а с талантом воспитателя...

— Тогда предлагаю тост за то, что я никогда не обладал безупречным слухом, — перевел беседу в шутку Новийский.

А я помимо воли сравнила их беседу в игру в дурака. Ты упорно отбиваешься, а какой-то гад подкладывает и подкладывает тебе карты. И либо ты вышвырнешь все карты, либо станешь обладателем огромного веера позора.

К счастью, вскоре принесли горячее, и за столом воцарилось пятиминутное молчание. Это было и хорошо, и плохо, так как стоило подумать о предстоящем разговоре — нож в руке дрогнул. Все вдруг показалось таким до ужаса нелепым. Я даже себе не могла до конца объяснить, зачем перевозжу долг из одного «банка» в другой. Не собираюсь же я всерьез уйти из приемной или даже «ГорЭншуранс». Страх сковал горло, и кусочки пищи перестали пролезать в него. Единственное, что я могла: следить за тающим содержимым тарелок мужчин. И все думала, когда начать. И дотянула до вопросительного взгляда Сергея. Про себя даже выругалась: как же сложно-то! Без него точно все пропало бы...

— Николай Давыдович, — начала я. — Собственно, я хотела с вами обсудить еще один момент.

— Я слушаю, — без толики удивления ответил он.

— Я собираюсь погасить оставшуюся часть долга. Единоновременно, на следующей неделе.

— Я смотрю, вы весьма спешите, — было мне ответом.

— Больше года прошло, — нахмурилась я. — Разве это быстро?

— Не с займом. А с вашим... — поморщился, — романом. Сколько оставалось? Тысяч пятьсот? Шестьсот?

— Примерно, — уклончиво ответила я.

— И как долго вы будете гасить долг, — уточнил Гордеев. — При этом оставаясь обязанной человеку, с которым вас уже через пару месяцев может ничего не связывать?

Это было, конечно, в яблочко, и я заметила, как побелели сжимающие нож пальцы

Новийского.

— Ничего, уверена, мы как взрослые люди разберемся. В худшем случае это будет малоприятным. Но нужно быть в принципе не в себе, чтобы искать удовольствие в долгах.

Новийский тихонько рассмеялся такому ответу, а Гордеев выразительно приподнял бровь.

— Что ж, если ваша уверенность настолько непоколебима, чем я могу помешать?

— Гордееву удалось принять вид абсолютно отстраненный и невозмутимый. — Буду покорно ждать от вас банковского чека с суммой платежа. Ну а теперь, раз мне было передано право заказа выпивки, думаю перейти на что-то более крепкое. К примеру, ром. Помнится, Ульяна не возражает.

— Ром? Прекрасно, — выдохнула я, довольная, что все вышло так удачно.

Сергей вдруг наклонился якобы для того, чтобы запечатлеть на моей щеке поцелуй (поздравление с победой). Но, отстраняясь, шепнул на ухо:

— Не расслабляйся.

Не знаю, как на этот счет, но домой мы вернулись очень подшофе, причем оба. И Гордеев был, кажется, не лучше. После нескольких шотов градус официоза поубавился, и стало намного приятнее. По крайней мере дерзкие подколки канули в небытие. И совет Новийского оказался, вроде бы, даже некстати.

Но реальные последствия вечера превзошли все ожидания, когда на следующий день Гордеев вызвал меня в кабинет то ли перед обедом, то ли вместо обеда — настолько пограничный случай и велел закрыть дверь. Он стоял у своего стола, но не похоже было, чтобы собрался давать мне новые задания. В общем, чутье сразу подсказало мне, что грядет нечто непривычное.

— Вчера я не просто так рассказывал о том, что собираюсь брать нового зама. Процесс адаптации будет сложный и очень раздражающий, — начал он издали, но, как оказалось, до толковых объяснений опускаться тоже не собирался. Просто подвинул он ко мне сложенный вдвое лист бумаги и закончил речь: — Параллельных поисков личного помощника я не выдержу. Поэтому сейчас вы мне напишете цифру.

— Цифру? — переспросила я, удивленно моргнув. Что это вообще такое? Новийской пророчил мне новую должность, но речь шла явно не об этом.

— Сафронова, у вас как с соображалкой? Могу и передумать, — мигом вскинулся начальник.

Для успокоения нервов он взялся за лейку и отправился к любимым цветочкам. Чудесные у него питомцы. Ни дурацких вопросов не задают, ни вообще не вякают. Я проводила Гордеева недоуменным взглядом и каким-то образом убедилась, что поняла его верно. Речь шла об окладе. С прошлого крючка рыбка сорвалась, и рыбак нашел следующий. Он не готов был со мной расстаться и позволить продвинуться по карьерной лестнице, но альтернативу придумал... да чего уж там, очень даже заманчивую! И тем не менее, рассчитывала я не на это. А потому решила понаглеть. Играть — так по-крупному! Прикинула, где находится в моем понимании «ну вообще охренела» и вычла оттуда двадцать тысяч. Протянула лист Гордееву, но он не взял:

— На столе оставьте.

Ну конечно! Лейка-то важнее.

— Могу идти? — наученная горьким опытом, решила уточнить.

— Нет, — обрубил начальник и надолго замолчал. — Знаешь, Сафронова, я с самого

начала понял, что ты не дура. Так вот не будь дурой-то. Я вчера целый вечер наблюдал за вами с Новийским и поражался. — Он замолк, то ли подыскивая слова, то ли ожидая моего собственного понимания смысла разговора.

— Ты ему нужна, и он дает это понять, но ты — не видишь. Я не о звоне монеток говорю, чтобы этим впечатлить — мозгов много не надо. Я о том, что он думал о тебе за столом весь вечер, сглаживал острые углы, прикрывал, не давал скучать. Не будь там тебя, он бы совсем иначе реагировал на провокации. — Я сглотнула ком в горле, догадавшись, что хотел сказать Гордеев, но в силу характера не сумел не отважился облечь в слова. — А ты вообще соображаешь, кто он такой?

— Кто? — тупо спросила я, перебрав в голове с десятков очевидных вариантов. Гордеев точно имел в виду не их.

— Самый хренов идеалист, из всех, кого я знаю, — выплюнул, будто только и ждал. — А ты ерепенишься. Слушай, ты хоть сама думала, что тебе еще надо? — И, сощурившись: — Это как-то связано с Иваном?

— Это никак не связано с Иваном, — огрызнулась.

— Допустим, я тебе поверил, — хмыкнул Гордеев. — Тогда возьми за ум. Давно доказано, что жизнь никчемна и бессмысленна. Не придавай ей большего значения. Умерь амбиции, выйди за Новийского замуж, роди пятерых детей и будь счастлива до гробовой доски. Если я не сошел с ума окончательно, ему нужно именно это.

— И это ваш совет? Жить ради благополучия мужчины? — спросила я почти презрительно.

— Сафронова, я не патриархат в массы двигаю, — ласково начал Гордеев. — Тебе посчастливилось встретить человека, который, в отличие от многих, умеет быть благодарным. Сумеешь сделать нашего депутатика счастливым, и его благополучие станет твоим благополучием. Если, конечно, тебе принципиально собственной башкой стены прошибать — кто бы спорил. Но куда приятнее дать возможность сделать это за тебя мужчине, который не против. Нужно просто немножко подумать, — ткнул себя в висок Гордеев. — Как твои хотелки совместить с его.

Очевидно, после разговора с начальником я вернулась на свое рабочее место с таким лицом, что Катерина подозрительно на меня покосилась. Спасибо хоть ничего не спросила. Невидяще уставившись в монитор компьютера, я пыталась осознать то, что сейчас услышала. И понимание было неприятным: по словам начальника выходило, что на этот раз я была Ванькой. Пока Новийский пытался что-то делать, я выступала сдерживающим фактором. Не ценила то, что для меня делалось. И не просто воспринимала, как должное, а артачилась. И это при том, что умудрилась заслужить искреннюю привязанность... Разве это не было прекрасным? Разве мне не стоило быть и впрямь... благодарной? В конце концов, из наших отношений с Ванькой я больше всего запомнила и полюбила зимний сад

— день, когда он сделал шаг навстречу. Без толчков и подсказок с моей стороны.

Новийскому ужасно повезло: реши он преподнести мне свой «подарок» в любое другое время, я бы, вероятно, устроила истерику. Но именно тем же вечером Сергей встретил меня на парковке у дома рядом с подарком в виде маленькой красненькой машины с автоматической коробкой передач, а я не возмущалась, а просто потеряла дар речи.

— Ты уж прости за настойчивость, но я недостаточно религиозен, чтобы абсолютно верить в оберег господень, когда ты за рулем машины с ручной коробкой передач. Кажется,

когда мы только начали встречаться, царапин на твоём средстве передвижения было вдвое меньше.

— И это ты ещё не все знаешь, — вздохнула я. — Есть «ГорЭншуранс» один охранник, который помогает выправлять бампер после каждого заезда на поребрик, — подсказала я, обходя ладненькую Таету Ярис. — Я надеюсь, ты её на себя оформил?

— Не решился показать тебе её в салоне. Думал, реакция будет более... бурной, — вопросительно поднял брови Сергей, явно оценивая мою реакцию.

Ну, более чем справедливая предосторожность, если учесть, что куда более скромное жемчужное ожерелье вылилось в скандал.

— Ну, скажем так: тебя любит удача, — попыталась я уклониться от ответа.

— Значит, едем кататься, — кивнул Сергей, не став ничего спрашивать, и бросил мне ключи.

Так, без паники. Машину тоже можно вернуть. Как и долг. Не так ли? Разумеется. Только желательно её не разбить.

Или последовать совету Гордеева и... привыкнуть.

Часть 2. Ульяна — Глава 1

Возможно, вы уже задавались вопросом, по какой причине я поделила рассказ о своей жизни на части. Или почему поделила именно таким образом. Все неспроста: на каждом из этапов моего пути определенную и очень важную роль играл один конкретный человек. Авторитет, как Гордеев. Или Лона, важность которой невозможно преуменьшить. Тем более странно видеть в их числе меня, точнее даже видеть меня в середине. Есть детство — самое эгоистичное время, когда единственный человек, который может конкурировать с самопознанием ребенка — мама. Есть старость, когда повлиять на человека сложно, ибо его поведение почти во всем определяется прежним опытом.

Но это не ошибка. Просто в том, что случилось со мной в последние годы, нет ничьей вины, кроме моей. Часть моей жизни, пришедшаяся на брак с Сергеем была периодом, когда я повзрослела, избавилась от иллюзий на свой счет и научилась нести ответственность за каждое принятое решение. Это период самых сложных жизненных ситуаций, период абсолютного счастья и период горчайшего разочарования. Иногда мне кажется, что отступись я от своих принципов хоть раз, закончилось бы иначе. Но мы с Новийским — два барана, которые упирались лбами до тех пор, пока не переломали друг другу кости. Козерог и телец. Вот и не верь после такого в астрологию...

Нет, так все же неправильно. Нужно по порядку.

Наверное, не имеет смысла вспоминать все произошедшее с нами за долгие месяцы совместной жизни, да и не выйдет. В памяти откладывается только самое яркое, но оно, порой, так отчетливо, будто пересматриваешь выученный на зубок фильм.

В деталях помню день, когда со мной пыталась помириться Иришка. Я зашла к ним за документами, а она попыталась подольститься. И я наорала на нее так, что окна бухгалтерии зазвенели. Их начальница всплила, схватила меня за локоть и додумалась потащить к Гордееву жаловаться. Прикиньте, как смешно было, когда в ответ он вышвырнул ее из приемной. Мол, на двери написано директор, а не кадровый отдел. И вообще, чем жаловаться на дисциплину, пусть идет наводить порядок в своем подведомственном ужатнике. Отчет вовремя не сдают, а за «чужими» сотрудниками только так смотрят.

С Ирой мы встретились позже, вдвоем, посидели в баре, даже хорошо поговорили... Но отчуждение поселилось между нами навечно. Она, сама того не понимая, осудила главные отношения в моей жизни. Слишком скорая на расправу, осознала, что все серьезно, только когда мы с Сергеем стали появляться в газетах. К тому моменту трещина в дружбе превратилась в непреодолимую пропасть. И пусть до самого последнего дня моей работы в «ГорЭншуранс» мы обедали вместе и скучали по былой близости, вернуть ее не сумели, как ни пытались.

Как человек, склонный к экстраверсии, я была вынуждена искать себе новое окружение, и ими стали друзья Новийского. Но они были совсем другими. Слишком хитрыми, умными и скользкими. У них можно было многому научиться, но доверять таким не хотелось. Как итог, шли годы, менялись мобильные, а единственными номерами на быстром наборе моего телефона (кроме мужа) оставались Илона Сафронова и Иван Гордеев.

С тех пор, как я переехала к Сергею, он начал осуществлять свою мечту об идеальной спутнице. На волне флегматичного любопытства, вызванного в немалой степени словами Гордеева, я не мешала. И через несколько месяцев с удивлением обнаружила, что полка в

прихожей забита исключительно обувью веселеньких оттенков (никакого черного или даже темно-коричневого). От спортивного стиля осталось одно воспоминание. И вообще, какая-то женщина хищно тычет мне в лицо микрофоном, интересуясь мнением по поводу законопроекта о назначении административной ответственности за топающих соседских животных. А я подбираю культурный ответ вместо крутящегося в голове: «вы там долбанулись, что ли?». Мысль я озвучила только вечером, дома, Сергею, и мы долго смеялись. Он посоветовал мне представить, что шутки шутками, а ему приходится обсуждать этот бред часами, и иногда рекомендовать к рассмотрению в Правительство Москвы.

Пожалуй, я могу назвать этот период самым безоблачным во всей нашей истории, если бы не было всего одного «но». С тех пор, как я переехала, Новийский открыл двери квартиры для своих деловых партнеров и друзей. Так мы могли проводить больше времени дома, вместе, плюс это было еще одним пиар-ходом. Поначалу приглашались были самые близкие к Сергею люди, а с спустя несколько месяцев, когда я почувствовала себя более-менее комфортно, и все остальные тоже.

Но «но» были не все. У «но» было имя — Петр. Капитан авиалайнера, рейс Москва-Санкт-Петербург.

Он был из гостей самым первым, и меня о нем не предупредили. Как итог, я вернулась вечером с работы, услышала громкий мужской смех и очень удивилась. А когда, скинув сапоги, заглянула в гостиную, увидела молодого мужчину в костюме пилота и подумала: охренеть, даже Ваня Гордеев рядом не валялся. Не только красавчик, но и летчик. Контрольный в женское сердце. Меня этот человек насторожил сразу: зачем, если ты так хорош собой, выбирать еще и профессию, от которой девушки валяются штабелями? Перегиб — непорядок.

— Так вот кого все это время Серега прятал от меня в своей холостяцкой берлоге,
— весело отшутился в тот момент еще незнакомец и оглядел меня с головы до ног.

А я ощутила острое желание налить в ведро воды, взять тряпку и хорошенько вымыть пол. Казалось, источаемая гостем липкая самоуверенностью забрызгала всю комнату.

— Это моя любимая женщина — Ульяна, — своеобразно представил меня Сергей.

— Знакомься, Уля, один из моих школьных приятелей — Петр.

А я пока скинула пальто, чтобы занять руки. Мне очень не хотелось пожимать Петру ладонь. А еще хуже — подставлять под потенциальный поцелуй.

— Значит, вы оба учились в Англии? — постаралась я вежливо улыбнуться.

— Верно, — подмигнул Петр. — А вы...

— Простите, — перебила я, ничуть не заботясь о том, что рискую показаться невежливой. — Погода Питерская традиционная, одна штука. Нужно повесить пальто, пока весь костюм не промок.

Меня «простили» и отпустили.

Вешая на плечики пальто, я отметила, что в шкафу висел не по погоде легкий светло-бежевый плащ, на дорогой ткани которого дождь оставил некрасивые разводы. И отчего-то загадала желание, чтобы гость ушел быстрее, чем высохнут эти пятна.

Но Петр остался на ужин. И, кстати, прошло все куда приличнее, чем представлялось. Гость не выказал мне пренебрежения ни словом, ни намеком. Напротив, был весел, вежлив и уступчив. Сам разливал по бокалам вино быстрее, чем это успевал сделать Сергей, и искренне интересовался не только его делами, но и моими, и даже нашими общими. Старый

друг? Да он был очень похож на старого друга, но до некоторого времени я не понимала, что могло связывать таких разных людей. Только потом узнала, что отец Петра — Валерий Днепров — входил в правительство РФ и поняла, что наше общение так же неотвратимо, как опускающееся лезвие гильотины.

Возможно, мои актерские таланты и правда существенно улучшились за месяцы общения с Сергеем. Возможно, я действительно виртуозно скрывала от Петра волны антипатии, но, когда несла мужчинам кофе в гостиную, где они курили сигары (еще один повод не любить Петра, до этого дня я и не замечала за Сергеем такого пристрастия!), замерла у дверей, услышав разговор.

— Не думал, что можно верить заявлениям для прессы, но выглядишь ты счастливым, — задумчиво и неожиданно серьезно произнес Петр. — Дело в девушке?

— В ней, — коротко отозвался Новийский, и поднос в меня в руке почему-то дрогнул. Я взмолилась, чтобы мужчины не услышали звяканье чашек и прижалась спиной к стене, уперев чайный набор в живот.

— Ну, Новийский, — усмехнулся собеседник. — Даже не буду делать вид, что понимаю.

— Что тут понимать? Единственный смысл существования человека в том, чтобы оставить после себя потомство. Можешь сколько угодно отрицать, прыгая из постели в постель, но часы тикают, и однажды тебя психофизически притянет к одной из женщин. Той, которая попадетя под руку. И ничего у вас не сложится, потому что гормоны — плохие советчики. Вот и получается, что разница между нами лишь в том, что я к этому выбору предпочитаю подходить сознательно. И еще, вероятно, в гонорее.

Нужно было слышать, как хохотал Петр. И я даже не стала делать вид, что этого не слышала. Поспешила поставить поднос и присоединиться. В конце концов, ни о чем криминальном они не говорили.

Той ночью Петр остался ночевать у нас в гостевой спальне. Я была не в восторге, но лезть не стала. Понимала, что человека, на которого Новийский взвалил надежду за свою политическую карьеру, мне ну никак не выставить. И в порядке отмщения оставалось разве что не давать Новийскому спать. Шел второй час ночи, а я расспрашивала его о Петре и их университетских буднях. Сначала Сергей пытался от меня отделаться дежурными ответами, а потом понял, что не отстану, сгреб в охапку и стал рассказывать истории из бурного дружеского прошлого. Преимущественного, прошедшего на территории Британии. И спать вскоре расхотелось вовсе.

— Однажды мы с тобой согласуем отпуск и отправимся вместе в Лондон, — тихо говорил Новийский, перебирая волосы, которые я по его совету начала отращивать. Негоже истинной леди стричься чуть ли не под мальчика. — Ия тебе все-все там покажу. Где мы были, где гуляли, куда предпочитали водить девиц...

Я знала, что он говорит это с намеком. Не знаю, по какой такой причине, но меня ничуть не беспокоило его прошлое. Потому что каким-то непостижимым образом чувствовала себя... единственной. Знаю, что бред, что Сергей постоянством в браке не отличался, но и я не была пустоголовой Юлией. Я знала, что ему интересна. Ему нравилось со мной говорить, возиться, учить новому. И, если вдуматься, а ради чего мне было сопротивляться, если рядом был человек, явно желающий добра и способный вывести мою жизнь на принципиально новый уровень? Черт, сейчас придет какой-нибудь психолог и скажет, что это отношения компенсации отсутствующего в моей жизни отца, но вот не все ли равно, если я чувствовала себя счастливой?

— Ты был женат и зажимал какую-то белобрысую негодяйку в кабинете. Но я тебе это не припоминаю. Ъбке одно это намекает, что давить на мою ревность бесполезно, — отмахнулась я.

— А жаль, — хмыкнул Сергей. — В любом случае, Лондон ты полюбишь. У вас с ним на двоих одна мрачность.

— Хватит уже, — закатила я глаза.

— Ты правда мрачная, не отрицай, — продолжил подтрунивать. — Но в этом есть своеобразное очарование. В Лондоне. И в тебе.

— Вот надо всегда все испортить? — фыркнула я и попыталась вывернуться.

Избавиться от цепких лап Новийского не вышло, я лишь оказалась намертво и весьма недвусмысленной прижатой к его груди.

— И все равно: ты очень мрачная, — не отступился Сергей, нагло улыбаясь мне в лицо.

Не сдержавшись, я потянулась к его губам. Но только мы вошли во вкус, как в коридоре раздались шаги. Я застыла, а Новийский тяжело вздохнул, без труда догадавшись, что гость умудрился обломать весь намечающийся кайф.

— Это он куда? Ты что, ключи ему оставил?! — спросила я, услышав звук запирающейся двери.

— Только на сегодня, — сдержанно ответил Сергей.

— Что?! — возмутилась я. — Ты не можешь раздавать ключи всяким... пока я живу с тобой!

— Хочешь идти и запирать за ним дверь? Он еще к утру вернется, между прочим,

— фыркнул Сергей.

— Ты... — слов не подбиралось. — Так, это возвращает нас к вопросу: куда он так спешно намылился?

— Уль... — застонал Сергей.

— Новийский! — в тон ответила я.

— Так, во-первых, я ничего об этом не знаю и знать не хочу. Идет? Краем уха слышал, и не больше.

— О боже, — вздохнула я, предчувствуя сенсацию века. — Продолжай, — угрожающе добавила.

— Какая-то ерунда с элитными клубами и девицами. Петр это дело любит. И еще раз: я ничего не знаю и не имею желания в это дело лезть.

— О боже! — повторила я куда эмоциональнее. — Так ты про гонорею не шутил?! И этого человека ты привел в дом, где живу такая вся мрачно-целомудренная я?!

Вы не представляете, как хохотал Новийский. Не успокоился даже после нескольких ударов подушкой.

— Он мой друг, Уля. Человек небезупречный, но очень нужный. И, между прочим, обладает великолепной чертой характера — не любит судить.

— Ну уж куда ему, — фыркнула, скрывая то, что удар попал в цель. Сама я любила, порой, ярлыков навешать. — С гонореей-то судить еще!

Утром Петр действительно сидел на кухне с чашкой кофе. И выглядел так, будто не занимался никакими непотребствами. Говорил как обычно, предельно культурно, невинно. Даже не подозревал, что я раскрыла его секрет. И только до крайности веселый взгляд Сергея доказывал, что мне ничего не приснилось. Когда Петр изволил уехать, я пересчитала

все комплекты ключей и постирала не только постельное белье, но еще подушку с одеялом, и даже чехол на матрас. Дважды. А то мало ли!

* * *

Ваня возвращался в Петербург двадцать четвертого мая, поездом. Это событие сделало практически невозможное: собрало нашу почти распавшуюся компашку. Я передала новости, и как-то все тут же подхватились. Все скучали друг по другу, а точнее непринужденности, которая была между нами, пока Ваня был в Петербурге, и которая исчезла за прошедшие два года. Даже Катерина вызвалась нас поддержать. Даже то, что поезд прибывал ночью никого не остановило. Рита, Ира, Егор, Лона, Катерина и я — все вызвались приехать прямо на вокзал.

Когда я рассказала об этом плане Новийскому, разговор вышел напряженным. Получилось тройное комбо: Ванька, вокзал ночью, да еще МЧС передали рекордное количество осадков плюс грозу. Но он не стал возражать, и я понадеялась, что обойдемся без эксцессов. В конце концов, я не скрывала, что мы с Гордеевым-младшим переписывались и пытались сохранить дружеские отношения. Просто не подчеркивала, потому что... ну, мне было бы неприятно, если бы Сергей рассказывал о какой-нибудь женщине из его прошлого. Не жене, отношения с которой разрушились невосстановимо, а другой, важной, пропавшей из жизни под влиянием обстоятельств.

Единственное, о чем Сергей попросил: сопроводить его вечером на фуршет, и отъезжать уже оттуда. Это стало стандартной практикой и давно перестало напрягать. В их среде было принято приходить на некоторые мероприятия с подругами или супругами, и за прошедшие месяцы я научилась «предоставлять эскорт-услуги». Кстати, эта моя злая шуточка ужасно бесила Сергея. Стоило мне это сказать, как он начинал заметно нервничать. Явно вспоминал времена, когда я воспринимала просьбу присоединиться не слишком... покладисто.

Разумеется, я согласилась пойти на фуршет, но, собираясь, взглянула в зеркало и неожиданно поняла, насколько сильно изменилась за прошедшие два года. Отрастила волосы (по подбородок), научилась носить платья и давно перестала падать с каблуков... В порядке компенсации, вдела в уши подаренные Поной аквамариновые серьги (читай, я все та же), к маленькому черному платью они подходили, да и туфли в цвет имелись. Надену плащ, и никто даже не догадается, что под ним официальный наряд. А туфли... ну подумаешь, туфли. Они были и в первую нашу с Ванькой встречу.

Сергею хватило ума и такта не устраивать из моего отъезда представление. Поцеловал в щеку, попросил не пропадать. Мне казалось, что время я рассчитала правильно, но из-за дождя вызвать такси оказалось сложно, да и каблуки скорости не способствовали. В общем, когда я явилась на перрон, поезд уже вставал в тупик.

— Ну ты даешь, — выдохнула Лона, покосившись на меня. — Едва не опоздала.

В отличие от меня, она оделась тепло и практично.

— Это все дождь, — сделала я глубокий вдох, переводя дыхание. — Только на пятый вызов машина приехала.

Ждать вообще не пришлось: проводники сразу открыли двери вагона, и люди хлынули наружу. Ванька, видимо, тоже к нам спешил, так как выскочил в числе первых.

— Мне кажется, я вижу, — первой заметила его Иришка. — Эй! — запрыгала и

замахала руками.

Ваня шел бодро, закинув сумку на плечо, будто не трясся в неудобном вагоне больше суток. Он тоже радостно помахал, и мои губы сами собой растянулись в улыбке. Внезапно вспомнилось, что мы все обожали этого парня в первую очередь за позитив. Дождаться, когда Ванька подойдет, не оказалось сил, и ребята дружно двинулись навстречу. Я тоже была рада и счастлива, но на каблуках по выбоинам перрона ковыляла едва-едва. Да и трусила немножко: откуда быть знать, что я почувствую рядом с человеком, который был когда-то моим?

Ирка собиралась повиснуть на Ванькиной шее первой, но Катерина буквально снесла ее в сторону. Она обнимала Гордеева-младшего так прочувствованно, будто потерянного родственника. А с другой стороны, кто был ближе? Разве что Сан Саныч, но тот сказал, что предпочтет приготовить к приеду любимчика горячий чай и мягкую постель. А тащиться в дождь на вокзал — удел молодежи. Вот и выходило, что самым-самым близким человеком Ивана Гордеева оказалась секретарша отца... Горько-то как!

Клянусь, я очень старалась не поддаваться слабости, но все равно на секундочку представила, как все могло бы быть, останься я девушкой Ваньки. Я не надела бы каблуки и платье, и никакая Катерина не помешала бы мне обнять Ивана первой. Эта мысль поселила внутри какое-то странное чувство раздвоенности. Я даже споткнулась на ровном месте и постаралась как можно быстрее вытряхнуть из головы глупости. Никто не виноват, все случилось правильно. Ваньку встретили и поддержали. Пусть только друзья, но разве плохо? То, что мы с ним нашли силы общаться дальше, несмотря на прежние обиды, уже огромный шаг вперед.

Вот и чем я думала, останавливаясь чуть позади друзей.

— Вы все здесь, — широко улыбнулся Ванька, пробежавшись по нам взглядом. Кажется, он тоже думал, что все отлично. — Будто и не уезжал.

Это заявление никто не прокомментировал, потому что, ну, все понимали, насколько далеки от истины его слова. Сам Ванька изменился мало. Разве что, похудев, стал казаться старше, еще лицо обгорело на солнце да обветрилось. Но все мелочи. Улыбка осталась прежней. Лично мне за нее было страшно.

Когда Ваньку обняла Лона, я заметила, как он цепко оглядел всю компанию. И по внезапно остановившимся на мне округлившимся его глазам поняла, что это он меня искал. Не узнал. Он не сразу меня узнал! Не давай мне времени подумать об этом, я шагнула вперед, привстала на цыпочки и обняла его за шею. Странное чувство — обнимать человека, которого знаешь слишком хорошо, но я, опять же, загнала эту мысль поглубже.

— С возвращением, — шепнула.

— Ну привет, незнакомка, — пробормотал Ванька у самого моего уха.

Не желая двусмысленностей, я сразу сделала шаг назад и лишь улыбнулась. Не знала, что сказать или сделать. Как вообще можно правильно встретиться, если, прощаясь, мои губы целовал он, а теперь — совсем другой человек? Хорошо, что вообще нашла силы его встретить! До последнего сомневалась, стоит ли.

Наконец, процессия неохотно двинулась в сторону выхода. Я понимала, что ребятам не хочется расставаться так быстро, но надеялась, что мы максимум на полчаса зависнем в здании вокзала, после чего с чистой совестью можно будет расходиться. Однако...

— Может, ко мне? — с надеждой предложила Лона прежде, чем я успела ее остановить.

Мне стало дурно. Ой как не хотелось объясняться с Сергеем, где я провела ночь встречи Ивана Гордеева.

— Ты хотела сказать к Саф? — хохотнула Рита, и я поняла, что уйти уже никак не получится. Это попросту грубо.

— Ну... в смысле да, — смутилась сестра.

— Я согласен ехать куда скажете. Свободен, как птица! — сообщил Ванька.

Лязг металлических решеток. Поздравляю, Саф, капкан захлопнулся!

* * *

— Как все изменилось, — с искренним восхищением оглядел мою квартиру Ванька.

— Мне нравится, что в итоге вышло.

Я оглядела ставший уже привычным интерьер и промолчала. Потому что все еще чуть-чуть боялась. Боялась растерянности, одолевавшей меня в присутствии Ваньки, и гадкого чувства ожидания... Каким облегчением было понять, что это осталось в прошлом. Нет, что-то я определенно чувствовала. Например, странную тянущую горечь не оправдавшихся надежд, но и та разделяла нас, к счастью, недолго. В тот день я окончательно убедилась, что больше не люблю Ивана Гордеева. Искра, которая горела, сжимая меня заживо, исчезла. Или потерялась в ровном свете отношений с другим человеком. И встреча лицом к лицу позволила окончательно распрощаться с болезненным прошлым.

— Спасибо. Тебе что-нибудь нужно? — предложила я, скидывая туфли и побыстрее освобождая прихожую для ребят.

Отделка отделкой, а места в квартире больше не стало.

— Если дашь полотенце, будет прекрасно. В вагонах не слишком чисто, сама понимаешь. Хоть умоюсь и приду в себя.

Я кивнула и направилась к шкафу. Отодвинула створку и застыла. Там, где я держала полотенца, теперь лежали плед и запасная подушка. А полотенце в радиусе видимости не обнаруживалось. Стало как-то очень не по себе.

— Лона, ты не могла бы... — попросила я.

— Ой, прости, я их переложила, — бездумно выпалила Лона, окончательно сдавая нас всех с потрохами.

Ничего не изменилось? Как же. И нет бы Ванька был поглупее, так ведь сразу заметил и насторожился. Но, наткнувшись на мой взгляд, улыбнулся и скрылся в ванной. Зашумела вода.

— Я сама, — сказала сестре и направилась в ванную. Нужно было поговорить до того, как на него вывалят все без разбора.

Ванька за полотенце меня поблагодарил, но так многозначительно посмотрел, что я решила сразу расставить все по местам:

— Лона живет здесь с самой свадьбы. Я тебе говорила.

— А ты — нет, — озвучил догадку Ваня.

— А я живу с мужчиной. — И самое жестокое: — С Новийским.

После такого признания Ванька взглянул на меня коротко и холодно, но сразу спрятал лицо в полотенце. Пара секунд, и, отняв ткань от лица, он все же ответил:

— Логично. Пахнешь ты дорого. Марочным шампанским и Герленом. Совсем как

подружка человека вроде моего отца.

— Слабо, Гордеев, очень слабо. Попытка призыва к морали и нравственности на троечку, да и то с натягом. Ни драмы, ни экспрессии. Советую взять пару уроков... у Иришки.

— Извини, — прозвучало искренне. — Я тебя не осуждаю. Но и сделать вид, что после этой новости внезапно полюбил Новийского — не могу.

— А любить его — не твоя забота, — парировала я с откровенной насмешкой.

— И то верно. А у тебя самой как? Получается? — спросил Ванька, протирая шею полотенцем и замораживая меня взглядом.

Мои губы искривились в чуть горькой улыбке, потому что удар достиг цели. При всем том, что я чувствовала себя с Сергеем счастливой, спокойной и защищенной, искрометной влюбленности так и не испытала. И немного переживала из-за этого. Знала, что глупо, что основанные на этом чувстве отношения заканчиваются быстро и плохо, но иногда все равно хотела побыть мотыльком у огня. И (осторожно, женская логика!) еще была абсолютно уверена: даже влюбись я до беспамятства в кого-то, кроме Сергея, не променяла бы его на короткий, губительный полет. Сумасшествие? Да и пусть! Мало кто поймет, но для меня — человека без имени и возможностей, выросшего на социальном дне, — то, сколько сделал для меня Сергей, значило слишком много. Он разглядел меня, поверил в меня и, наконец, вытащил к свету. Всегда относился как к равной, пока я не поверила, что это действительно так. Некоторые скажут, что у него были на то свои причины, ну а у кого их нет? Достаточно того, что он искренне и всегда желал мне добра. Вот и все.

— Я счастлива, — ответила я Ваньке.

— Это не то, о чем я спрашивал, — заметил он.

— Это то единственное, что ты можешь и должен спрашивать, как мой друг, — выразительно глянула я на него. — Если ты друг.

— Друг, — подтвердил он. — Но к этому придется сначала привыкнуть.

И я улыбнулась. Потому что он сказал именно то, что я чувствовала. Ломающую акклиматизацию.

Историю прошедших двух лет перепоручили рассказать демократичной Илонке. Она единственная из всех могла преподнести события объективно. Ну и еще за ней числился самый виртуозный финт прошедших лет, рассказывать о котором в ее присутствии никто другой бы не решился. Сидячих мест хватило не всем. Мы с Егором остались стоять. Ванька порывался уступить мне место, но его, как самого уставшего, насильственно усадили на диван. А я отмахнулась и скрылась в кухне, чтобы собрать на стол. Это уж точно приятнее, чем слушать вольные домыслы по поводу моей личной жизни.

Воспользовавшись моментом, бросила Сергею сообщение о том, что все хорошо, но я задержусь у Лоны. А потом открыла полупустой холодильник в поисках закусок. Оказалось, что кроме ветчины и соленых огурцов предложить нечего. Из недр шкафа достала ополовиненную бутылку коньяка, сохранившуюся со времен свадьбы сестры. Честно говоря, мне не очень хотелось зависать с друзьями и выпивкой надолго, но гостеприимство требовало, ведь это моя квартира.

— Саф, — услышала от дверей и обернулась к Ваньке. — Не надо всего этого. Лучше разъехаться побыстрее и потом встретиться где-нибудь в баре. Я так понял, Лоне и без нас непросто.

Это было правдой. Сестра едва-едва разобралась с одними долгами, а теперь оплачивала нескольких репетиторов и копила деньги на учебу. Поскольку у нее уже имелось среднее специальное образование, о бюджетном месте в ВУЗе мечтать не приходилось. Да и университет, к моему удовольствию, она выбрала не по принципу «где дешевле».

— Если бы я знала, что будут гости...

— Перестань, — закатил глаза Ванька.

— Она очень старается не поддаваться унынию, и я к ней особо не лезу. Пусть крутится — это помогает, — попыталась зачем-то оправдаться, хоть умом понимала, что уже сделала для Лоны очень немало.

— Это коньяк у тебя? — внезапно заинтересовался Ванька. — Его давай, а остальное убери в холодильник.

Я, не сдержавшись, засмеялась. Шли годы, но пагубное пристрастие некоторых личностей оставалось неизменным.

— Коньяка кот наплакал, — засомневалась я.

— Тем лучше. Раз прием в мою честь, то я могу позволить себе покапризничать. С ног валюсь от усталости, и быстрее расправимся — быстрее уйдем. Совсем не спал в дороге.

— Неженка, — тут же шлепнула я ему на лоб новую этикетку.

— Ну все, теперь я точно спокоен, — хмыкнул он.

Мне все еще было неловко. По-хорошему, следовало спросить, не голоден ли Ванька, ведь он определенно не был избалован домашней пищей. Но я очень не хотела прыгать вокруг него, как раньше. Даже вспоминать прошлое было как-то... унижительно. Однако, пусть умом понимала, что все делаю правильно, перед совестью отвечать пришлось. За время службы Ванька похудел. Не могу сказать, что это сильно бросалось в глаза, ведь он никогда лишним весом не отличался, но щеки ввалились, а рукава футболки, прежде крепко обнимавшие сильные руки, теперь топорщились. К счастью, Ванька забрал коньяк и стаканы быстрее, чем я проиграла битву врожденному чувству ответственности и попыталась его накормить.

Несмотря на небольшое количество алкоголя, народ воодушевился и разбился на группки по интересам. Иришка начала теревить волосы Егора, придумывая, что бы сделать с его прической. Недавно нашего IT-шника несколько раз заметили с какой-то девушкой, но накануне они расстались, и «добрая» подруга пришла к выводу, что все дело в старомодной стрижке. Бедный парень пыхтел, но терпел, страдальчески поглядывая на Лону, будто боялся предстать перед ней в невыгодном свете. Но сестра, не замечавшая парня в статусе чужой невесты, и теперь вниманием не баловала. Она старательно освобождала место на маленьком компьютерном столике, чтобы ребятам было куда ставить стаканы.

Катерина же в очередной раз доказала, что выше глупостей, и перешла к главному.

— Чем собираешься теперь заняться? — спросила она у Ваньки.

— Есть одна мысль, — сказал он неуверенно. — Но я пока ее придержу. Хотя, если выгорит, мне понадобится вся возможная помощь, и я приду просить ее у вас.

— Приходи, мы будем рады помочь, — ответила Катерина за всех. — Ас жильем как вопрос решил?

— Пока побуду у Сан Саныча. Его сын недавно женился, переехал, и сенсей пригласил меня пожить пару месяцев с ним. Но обещал выгнать вон, как только встану на ноги, — при этих словах Ванька улыбнулся, показывая, что ничуть не в обиде. — Это правильно. Я и сам задерживаться не собираюсь.

— Хороший мужик твой Сан Саныч. Так и скажи ему, — кивнула я. — А отцу, значит, все еще бой?

— Как он? — не стал отвечать Ванька.

— Зама себе припас нового. Из юр отдела выдернул начальника, по своему образу и подобию готовит. А твоя эта Олеся Александровна сейчас этажом заправляет. Ходит важная такая, смешно даже. Теперь ее в машину не усадишь.

— Ты мне до конца жизни это припоминать будешь?

— Ты же меня за Новийского отчихвостил. Все честно.

Шуточный диалог мог бы продолжиться, если бы за окном не сверкнуло и не моргнул свет. Сокрушительный раскат грома заставил всех подпрыгнуть, и дождь, не прекращавшийся целую ночь, забарабанил по откосам с новой силой. Я поспешила на лоджию и выглянула в темное окно, чтобы насладиться картиной мирового потопа. Удалось. Уже через минуту мы наперебой звонили в такси, опасаясь, что иначе придется добираться вплавь.

Разъехались в районе четырех часов ночи. Именно в тот момент, когда обещанная МЧС гроза стала набирать обороты. Было и красиво, и жутко: молнии расчерчивали небо частыми, яркими вспышками, и раскаты грома сотрясали город. Дорога превратилась в сплошной водный поток, по которому машины «сплавлялись». Дождевые капли стучали по лобовым стеклам так часто, что не справлялись дворники. Редкие встречные автомобили слепили бликами настолько, что слезились глаза. Я вообще не представляла, как водитель ориентируется в таких условиях. В какой-то момент воды стало столько, что я всерьез испугалась и обругала себя за безответственность. Надо было остаться у Поны. Если бы не переживания Сергея, точно бы осталась. Где это видано в такой ливень ехать в машине, если есть возможность этого не делать? Хорошо еще, что я отказалась ради экономии ехать вместе с Риткой и Егором, и взяла отдельное такси.

Когда мы припарковались у подъезда, я чуть не расцеловала героя-водителя и, не став возиться с зонтом, побежала к козырьку подъезда прямо под дождем. С ключом намучилась, поскольку руки дрожали от холода. Прежде чем переступить порог квартиры — разулась. Не хотела цокать каблуками и будить Сергея. Но, как оказалось, это было лишним. Из гостиной лились звуки фортепиано, и я едва нашла терпение на то, чтобы закрыть дверь и скинуть плащ, прежде чем требовать объяснений. Пятый час, почему он все еще ждет меня?

— Сергей? — позвала.

Он играл на рояле при свете свечи, а рядом стоял не только ополовиненный бокал вина, но и бутылка.

— Из-за грозы свет отключился, — пояснил Новийский, поймав мой вопросительный взгляд.

— И ты решил усугубить Рахманиновым?

— Не смог уснуть, — пояснил он. — Тебе стоило остаться у Лоны.

Он был пугающе спокоен.

— Я решила, что ты будешь переживать, если не найдешь меня утром. И не решилась звонить — не ожидала, что ты не ложишься.

Мне все это казалось очень странным, до сюрреализма. Я невольно обхватила плечи руками. Стоило сбросить холодную одежду, но отчего-то казалось, что уйти в спальню будет плохой идеей.

— Ты замерзла, — нахмурился Новийский и тут же опустил крышку, прервав мелодию

прямо посреди темы.

Подойдя ближе, он сдернул с дивана покрывало и закутал меня.

— Спасибо, — пробормотала я.

Взглянула в лицо Сергея и обнаружила все признаки знакомой затаенной злости. Ну конечно он не лег спать не из-за грозы.

Новийский улыбнулся, но складочка меж бровей не разгладилась.

— Нужно снять мокрые вещи.

Он подхватил с рояля бокал вина и протянул мне. Я поблагодарила и не без удивления почувствовала, как Сергей тянет вверх юбку платья, скатывает по ногам чулки. Все знакомые симптомы, подумала и попыталась спрятать улыбку. Допила в один глоток содержимое бокала и потянулась, чтобы поставить обратно на рояль. Но не удержала равновесие, вцепилась в плечи Сергея и выпустила плед. Тот упал к ногам, однако поднимать его я не стала.

— Согреешь меня? — тихонько попросила.

Дважды просить не пришлось. Я моргнуть не успела, как платье оказалось на полу. От одного взгляда Новийского кожа покрылась мурашками. Стянув халат, он обхватил меня горячими руками, и я застонала от наслаждения — так стало тепло и приятно. Потянула его на диван и обвила талию озябшими ногами. Сергей медленно и осторожно коснулся моих губ, но очень быстро поцелуй превратился в слишком требовательный, и под его напором я почувствовала боль, и из рассеченной губы потянулась струйка крови. От боли я дернулась.

— Сергей? — позвала, прижав палец к ранке.

Отняла руку, показала ему алую каплю. Но сработало совсем не так, как я ожидала, когда Новийский втянул мой палец в рот, слизывая кровь. И тогда я поняла, что в последние несколько часов воображение его не щадило. Со мной собирались поквитаться за проделки моего выдуманного двойника. Вряд ли это правильно, но я вдруг почувствовала странное щекочущее предвкушение. Сергей никогда не бывал со мной груб, и любопытство возобладало над здравым смыслом. Ревность сама по себе ужасна, но иногда так льстит самолюбию...

В удивлении я отняла у Сергея палец и обвела им его губы, завороченно следя за тем, как он пытается вновь поймать его языком. И сама от удовольствия прикрыла глаза, почувствовав его шершавое прикосновение.

— Мне... — проговорила я хрипло и запнулась. — Мне совсем не нравится, что ты меня подозреваешь. Это несправедливо и неправильно.

— Я не подозреваю. Подозрения в голове, — ответил он просто. — А ревность течет по венам, как кислота. Она не в голове. Ужасное, иррациональное чувство.

Я удивленно на него посмотрела. Ответ показался мне слишком четким для такого момента.

— Я много об этом думал, — подтвердил он догадку, обводя пальцами мои ключицы и спускаясь ниже — к груди.

Я потянулась к поясу его домашних штанов и стянула их вниз, наслаждаясь теплом кожи. Провела руками по груди притянула к себе. Жарко поцеловала, невзирая на боль в губе и выгнулась в его руках от удовольствия. Сергей на мгновение оторвался от меня и глубоко вздохнул, прежде чем опуститься дорожкой поцелуев от шеи к груди. Острое и сладкое чувство отрезало меня от окружающего мира. И я мысленно пожелала, чтобы этот раз не

кончался как можно дольше. Я была почти уверена, что так и будет.

И в корне ошиблась: прелюдия завершилась быстро, и до боли внезапно. Я вздрогнула и застыла в кольце рук Сергея, мысленно считая в уме дни месяца. Чувствовала, попросить остановиться и вспомнить о защите будет равносильно подливанию керосина в огонь его злости. И решила этого не делать. Я совершенно внезапно поняла, что не боюсь последствий. Мы не безответственные подростки, давно вместе... Да и вообще, в моей голове просто не существовало варианта развития событий, при котором Сергей оставил бы меня с ребенком на руках или предложил от него избавиться. Такой вот сюрприз от дедушки Фрейда.

Осознание, что я подсознательно хочу детей от Новийского, ошарашило, и я широко распахнула глаза, глядя на него. Он не понял, что случилось (еще бы), но ненадолго удивленно остановился. Будто убеждаясь, что все в порядке, ласково провел пальцем по моей скуле, потянулся к губам для поцелуя. И продолжил двигаться, пока я не потерялась в ощущениях. Поддавшись спонтанному порыву, потянулась вверх, заставляя Сергея сесть, усадить меня на колени. Обхватила руками его шею, закрыла глаза и откинула голову. Я окончательно забыла о том, что такой откровенной близости у меня не было никогда и ни с кем. И на какой-то момент я подумала, что вот такой представляю себе идеальную жизнь.

Лежа на диване в первых лучах едва пробивающегося сквозь тучи солнца я не могла даже шевелиться. Сергей что-то пытался сказать, но я слушала вполуха, поскольку ужасно хотела спать. Нужно было вставать на работу, а я за всю ночь глаз не сомкнула — шутка ли. Новийский обладал приятным тембром голоса, и спать мне своей болтовней не мешал. Не лучше тишины, конечно, но затыкать его я не спешила.

— Иногда я боюсь, что ты выйдешь за дверь и не вернешься. Это сводит меня с ума, — негромко бормотал Сергей почти у самого моего уха. — Мне нечем оправдываться, по отношению к тебе это нечестно. Наверное, тебе это непонятно, откуда тебе знать, насколько мне с тобой хорошо, да?

Говорить я оказалась не в состоянии и промычала что-то нечленораздельное. Пусть интерпретирует, как хочет.

И чуть не возмутилась, когда Сергей за чем-то потянулся, лишив меня своего тепла. Если бы он не ушел, клянусь, я опоздала на пару часиков и с честным видом соврала Гордееву, что поколола шину и вынуждена была ехать на шиномонтаж. Но настолько не хотелось возвращаться в серую реальность из мира свечей, красивых вещей и отличного секса. В отсутствие Сергея я попыталась устроиться поудобнее и сначала даже не поняла, что происходит. Только почувствовала какое-то странное прикосновение к лодыжке. Не руки, а скорее мягкой ткани. Я не могла понять, что это, но из-за усталости приподнялась, чтобы взглянуть, далеко не сразу. Впрочем, это мне не помогло, так как Сергей, казалось, вел по коже ладонью. Только когда странный предмет коснулся бедра, я поняла, что происходит, и ощутило вздрогнула. Коробочка.

Еще раз, по порядку: Сергей Новийский делал мне предложение в день возвращения в Петербург Ивана Гордеева. А вероятнее всего, именно поэтому. И пусть кольцо он взял не из воздуха, а купил заранее, расклад получался паршивый, как ни посмотри. Плюс, наложим логические рассуждения на эффект неожиданности. Ведь я, хоть и думала о такой возможности, не особенно верила, что Новийский готов жениться на девушке вроде меня: без имени и воспитания, а еще далеко не красавице. Куда там! Я даже с его родителями не успела познакомиться, а это показатель.

Потрясение прогнало сонливость, но усталость и заторможенность никуда не делись, и

я могла только глупо моргать. А Сергей приоткрыл коробочку, и у меня окончательно пропал дар речи. Нет, не потому что там была такая красота, что ах (хотя, конечно, красота, в исполнении эстета глупо было надеяться на меньшее). Просто последняя надежда, что внутри не кольцо, осыпалась осколками. Я очень расстроилась и разочаровалась. Потому что наши отношения казались такой красивой сказкой о высоком и прекрасном, и тут такая пошлая банальность: не достанешься мне — не достанешься никому.

— Ты хочешь, чтобы я произнес речь? — негромко спросил Сергей, обескураженный моим молчанием. Я чувствовала, что он смотрит, но не могла оторвать взгляд от... оружия. В другое время это было бы кольцо. Прекрасное, роскошное, всем на зависть. Но в ночь прибытия Ивана Гордеева оно превратилось в оружие, которое беззастенчиво применили против меня. — О том, как я хочу, чтобы ты была со мной всегда. О том, что у меня в твоём присутствии едет крыша, будто мне снова шестнадцать. О том, что хочу быть уверенным, что ты всегда вернешься ко мне, как сегодня. Я честно пытался написать приличную, внятную и связную речь, но не смог. С выступлениями для прессы так легко, а тут... спотыкаюсь о каждую банальность. И все кажется каким-то мелким, недостойным тебя. Ты особенная, не хочется слов, которые можно адресовать кому угодно. Мне должны были прийти на ум другие, но почему-то никак. Я просто прошу тебя не пытаться меня этим дальше. Я клянусь, что это ничего не изменит, не добавит тебе невыполнимых обязательств. Клянусь разругаться с родителями, если будут тебя доставать. — В этом месте я слабо улыбнулась. — Или клянусь разрешить тебе разобрать по кирпичикам мою жизнь и перестроить на свой вкус. Давай так: выходи за меня, и я сделаю тебя счастливой.

Речь, о которой переживал Сергей, вышла великолепной, и она бы мне очень понравилась, если бы не сдиссонировала со всем остальным. Вот Сергей минуту назад просил прощения на то, что был по отношению ко мне несправедлив, а потом вдруг решил затянуть ошейник потуже. До утра не спал и ждал меня — попытка контроля, впервые занялся со мной небезопасным сексом — попытка контроля, и сделал предложение — финальный аккорд. Да взять кольцо в таких условиях все равно что добровольно вручить мужчине конец поводка.

— Пожалуйста, скажи что-нибудь, — тихо попросил Сергей.

— Постой, я не понимаю. По какой причине понадобилось делать мне предложение именно в ночь, когда вернулся Иван Гордеев? — вот и все, что я смогла сказать.

Ну и как вы думаете, что было дальше? Оказалось, МЧС предупреждал отнюдь не о том, что творилось на улице.

Но для начала в оглушающей тишине гостиной я успела сполна насладиться грохотом неумолимых дождевых капель.

Глава 2

— То есть ты считаешь, что мы больше года вместе, но это спонтанное решение, вызванное ревностью, и другой причины у меня нет? — ледяным тоном спросил Новийский. — Ульяна, как бы то ни было, ответов на мой вопрос всего два: да или не да. Хочешь ты быть со мной или не хочешь. Не обязательно прятаться за какими-то порывами.

— Нет, ты что-то путаешь, — мигом взорвалась я. — Есть еще один ответ: какого лешего ты дождался меня до половины пятого ночи, впервые занимался незащищенным сексом... и завершил парад кольцом? Первые два пункта, пусть и с небольшими поправками, являются обязательными в программе ревности от Сергея Новийского. Поверь, выглядело бы все куда серьезнее и обстоятельнее, не будь мы не выпавшимися, голыми и едва оправившимися от очередного приступа пассивной агрессии. Предложение должно свидетельствовать не о панике, а о чувствах. И уж точно не должно быть очередной проверкой из длинного списка!

В этот момент я почувствовала, что делаю все еще хуже. Но ведь права была... Взяв паузу, подхватила покрывало и закуталась в него до горла. Новийский последовал моему примеру и накинул халат.

— То есть по-твоему это просто проверка? Просто решил застолбить свято место, которое пусто не бывает. Ну так, на всякий случай.

— Сергей, прекрати! — воскликнула я. — Ты не хуже меня знаешь, насколько мне дорог. И прекрасно понимаешь, что я хочу быть с тобой.

— Дорог, — горько выдохнул он. — Вот и в том и дело. Ты нужна мне, я люблю тебя. Но ты хочешь быть со мной, и я тебе дорог. Мне все время нужно от тебя больше, чем ты готова дать. Почему так происходит, Ульяна? И о чем еще думать, если мы вместе целый год? Год — это много. И что такое кольцо, если мы уже живем как супруги? Меняется только срок годности отношений.

— Срок годности? — окончательно опешила я.

— Да, кольцо гарантирует только то, что ты готова возвращаться ко мне всегда.

— То есть говоря твоими словами, спустя целый год отношений, чтобы быть во мне уверенным, тебе нужно кольцо? Супер. Знаешь, как-то раз Лона мне сказала, что если все мои комплексы от одной лишь внешности, то она бесконечно за меня счастлива. Пластическая хирургия сейчас творит чудеса. Только мы обе понимаем, что, даже сделай я из себя идеальную красавицу, отсюда, — я указала на висок, — проблему не вытравлю. А ты куда мудрее меня, но что ты делаешь? Используешь нечто прекрасное не по назначению просто потому что я вернулась к тебе позже, чем ты рассчитывал.

Тридцатисекундное молчание.

— Сергей, если ты правда думаешь, что я забуду о тебе едва нога Ивана Гордеева переступит черту Петербурга, о каком браке мы разговариваем? Какое кольцо тут поможет? Рабский ошейник, прицепленный к батарее спальни? И ты так обо мне думаешь?

— Я тебя понял, — кивнул Сергей и вышел из комнаты.

После этого я в шоке опустилась на диване. Но ошиблась, подумав, что сюрпризы закончились. Спустя пятнадцать минут полностью одетый Новийский покинул квартиру, громко хлопнув дверью. А я выругалась вслух. Очень грязно.

А когда увидела себя в зеркале ванной — чуть не рассмеялась. Растекшаяся тушь,

торчащие в разные стороны волосы, распухшая губа и синяки от пальцев Сергея на бедрах. Действительно, идеальная невеста. Это ж надо было придумать сделать предложение, когда я в таком виде.

Вообще, я к разряду плакс не отношусь, но в тот день меня скрутило до истерики. Просидела под душем столько, что опоздала на работу на целый час. А успокоилась только при помощи валерьянки.

Когда я перешагнула порог приемной: бледная от недосыпа, но с глазами красными и воспаленными, Катерина опешила. Я выглядела по-настоящему «шикарно». По дороге до метро (ну конечно, какой же самоубийца сядет за руль после ударной дозы успокоительного?) ветер рвал зонт, ломая спицы, и я несколько раз оставалась без защиты от ливня. В итоге, и одежда, и прическа являли собой жалкое зрелище. Благо еще распухшие глаза тушью красить не взялась. Только ее черных разводов на все лицо не хватало!

— Гордеев бесится, но, может, скажем, что ты слегла с отравлением? И шла бы домой.

— Уж лучше в окошко, чем домой, — мрачно сказала я и, швырнув вещи прямо на стол, прошествовала в кабинет начальника.

Обнаружив на пороге бесцеремонную, зареванную и щедро политую дождевиком меня, Гордеев раздраженно поджал губы.

— И этот человек работает в моей приемной, — мрачно выдал он, швырнул ручку на стол и скрестил руки на груди.

А я нервно прикрыла дверь.

— Сергей Афанасьевич изволил сделать мне предложение, — начала я нервно и уткнулась взглядом в сцепленные на животе руки.

— Очень рабочий вопрос.

— Вот только не надо быть козлом в такой день. Сегодня я на субординационные подвиги не способна. И такая «красивая» не от счастья, — огрызнулась я. — Просто объясняю, почему опоздала.

Гордеев вдруг хмыкнул и закинул ногу на ногу, развалившись в кресле. Будто кино смотреть собрался.

— Так объясняй внятно, — хмыкнул он.

— Ночью вернулся Иван. Вы знали? — спросила я нервно и по лицу начальника сразу поняла, что нет. — Мы с ребятами пошли его встретить. Поболтали и разъехались. И вот после этого, на волне какого-то непонятого души порыва Новийской сделал мне предложение. Точнее, вполне понятно какого. И получилось все через задницу, конечно.

— Вот чем больше общаюсь с женщинами, тем меньше мне хочется иметь с вами дел, — меланхолично отметил Гордеев.

— Это все? Я могу идти?

— Ты так отказала ему? — поинтересовался начальник.

— Куда там. До этого даже не дошло. Все куда-то не туда свернуло.

— Интересная у тебя логика, — зафыркал от смеха Гордеев. — Хочешь убедить Новинского, что он верно разметил территорию, и интервенция ему не грозит, так какого ж тогда от кольца отказываешься? Тем паче сразу после возвращения своего бывшего?

— Именно поэтому!

— И пожираемый изнутри ревностью бедняга Новийский так и подумал, — издевательски протянул начальник.

Кажется, ему до неприличия нравился «очень рабочий вопрос». Я бы даже сказала, он сделал Гордееву день! Глядите-ка, начальник даже не стал возиться с цветочками, сосредоточив на мне все внимание.

— Но я не давала ему поводов для недоверия! Что мне, исключить из круга общения всех мужчин, на которых я взглянула больше одного раза?

— Голубушка, а какое отношение это имеет к тебе? — хмыкнул начальник.

— Ревнивость — его черта характера. И я не удивлен. Ревнивые люди чаще сами являются изменщиками, нежели не ревнивые. А мы оба в курсе, что первую жену Сергей Афанасьевич моногамией не баловал.

— Еще лучше, — всплеснула я руками.

— Ба! Ты знала это, — грубо припечатал Гордеев, ткнув в меня пальцем. — Когда вы с Новийским начали мутить свои шашни, ты уже тогда все это знала. Ты видела этого человека с самой поганой и темной стороны, и он тебя напугал недостаточно, чтобы принять решение держаться подальше. Если пораскинуть мозгами и проанализировать прошлые события, можно абсолютно однозначно заключить, что тебя в нем привлекли отнюдь не верность и порядочность. Хочешь независимости? Отлично, поговори с ним и объясни, зачем твоя независимость выгодна ему. А если не сможешь убедить — прими как данность, что с некоторыми людьми тебе лучше не общаться. Вот как это работает. А теперь иди отсюда куда хочешь, но чтобы сотрудников мне своим внешним видом не пугала!

Как ни удивительно, все проявили тактичность и позволили мне на полдня зависнуть в туалете в компании сестры, которая пожалела меня всеми способами из своего обширного арсенала. И обнимала, и утешала, и даже принесла три шоколадки: плитку и два батончика. Должно быть, она ни разу в жизни не видела меня в таком состоянии.

Ну а Сергей... Сергей не брал трубку. И когда я дозвонилась до его работы, помощница сообщила, что он взял выходной. Сначала это ужасно разозлило, а потом — взволновало. Он не пропускал работу. Это из-за меня или нет?

Едва стрелки часов коснулись отметки «конец рабочего дня», как я в два клика выключила компьютер, схватила сумку и бросилась к выходу. Чувствовала, что дома Новийского не окажется, и придется искать — не ошиблась. До этого он ни разу меня не избегал, и, где искать, я не знала. Позвонила нескольким общим знакомым, но те тоже не представляли, куда Новийский мог запропасться. Оставался вариант с ужасными родителями, но я не очень в него верила. Вряд ли Сергей захотел бы показаться им во взвинченном состоянии. Тем не менее я на всякий случай устроила в его кабинете обыск с целью найти записную книгу с телефонными номерами. Звонить родным Новийского было откровенно жутко, но это лучше бездействия!

Долгое время среди личных вещей Сергея я искала какой-нибудь дорогой кожаный ежедневник, не представляя, куда еще может записывать номера состоятельный человек. Но и на столе, и в ящиках были только бумаги- бумаги-бумаги. Я даже подумала навеститься в кабинет в другое время, чтобы выяснить, на что мой сожитель переводит столько макулатуры. К несчастью, среди бесчисленного множества разложенных по папочкам-файликам документов не находилось того, что мне нужно!

Я взглянула на часы и с ужасом обнаружила, что стрелки часов уже перевалили за восемь вечера. Сергей отсутствует уже четырнадцать часов. Супер! С чувством пнув стол Новийского, я вслух отчитала саму себя за тактичность: не предпочитай я оставлять Сергея в

кабинете наедине с делами, сейчас прекрасно знала бы, куда он записывает телефонные номера.

Глаза, которые годами столько слез не лили, снова зашипало, и я обиженно закусил губу, а потом ойкнула: она все еще болела после вчерашнего. Значит, все? Значит, вот так мы и расстанемся?

Стоп! Как это расстанемся? Это с какой такой стати? Я привыкала к этому человеку целый год. Точнее даже не так, он приручал меня, как дикую птичку, готовую упорхнуть в любой момент, и только когда я окончательно поняла, что не хочу никуда из этой клетки, взял и выкинул свой фортель. Исчез! И теперь ищи-свищи. Но кто сказал, что я покорно приму свою судьбу? Как он там выразился? Было бы глупо отказываться от опыта? Ну так у меня опыт прекрасный! Играть на нервах родных, не сдаваться даже когда все против тебя. Новийский у меня еще получит за эту выходку. Явится же он домой когда-нибудь, и... честно, не завидую я ему в тот момент!

Решившись на кровавую вендетту, я невольно наткнулась рукой на развратную скульптурку в виде женской задницы в стрингах с торчащим легкомысленным бантиком. Признаться, до этого я старалась «красоту» игнорировать, как-то она не вписывалась ни в интерьер, ни в образ Сергея Афанасьевича! А тут (прости господи, наощупь) выяснилось, что никакая то не скульптура: просто необычно обработанный пластик. И решила я рассмотреть женскую филейную часть повнимательнее. Не поверите, но бинго! Полистав странички — словно упакованные в шкатулку, оттого и не обнаруженные — я выяснила, за дамскими прелестями скрывается вся необходимая мне информация. И телефоны батюшки с матушкой Сергея — тоже. Плюс, выяснила, откуда такой своеобразный подарок. «Используй с умом! Петр» — было подписано на форзаце. Пусть положение и не способствовало, я хмыкнула. Действительно, кто еще мог подарить Новийскому не вино, а женскую задницу с торчащим поверх бантом?

Переписывая в мобильный номера родителей Сергея и вспоминая считалочку, на которую буду определять, кому звонить, я вдруг обнаружила в голове весьма запоздалую мысль. А что если все проще? Нет, ну ведь серьезно: я год встречаюсь с Сергеем, полгода делю крышу и не замечала за ним истерических припадков. Да, бывали неприятные инциденты, как вчера ночью, но по натуре он не паникер. Я на все его попытки сближения реагировала не слишком положительно. Он явно допускал такую возможность, так с чего брать выходной на работе мечты и гордо уходить в закат? Ну бред. Даже я так не поступила бы, а я девочка. Хотя, о чем это я? Даже Лона бы так не поступила! Значит, причина неявки Сергея на рабочем месте должна быть иной. А я знала только одного человека, в присутствии которого Новийский перегибал. Это Петр. Если он прилетел в Петербург и попросил Сергея встретиться по достойному поводу, вот тогда тот бы мог взять выходной. Благо, я уже держала в руках справочник, и искать номер не пришлось.

— Петр, привет, это Ульяна. — Припомнив намек Сергея на количество девушек Петра, я решила уточнить. — Сафронова.

— Почти Новийская, если слухи не лгут, — усмехнулся он в трубку. — И тебе привет. Это я решила оставить без комментариев — узнал абонента, и на том спасибо!

— Ты в Петербурге?

— Можно сказать, что уже нет, — ответил он. — Еду в аэропорт. А что?

Я выдохнула с облегчением. Ну слава всему, что бы там ни водилось на небесах. Все же

я Новийского знаю, как облупленного, и это приятно!

— Ну и где ты его оставил? — выверилась я на пилота. Нет, ну вот какой из него друг, мог бы позвонить хотя бы ради передачи ответственности за нашего морально потрясенного!

— Погоди, он так и не появился? Мы разошлись в районе пяти часов, устроили ранний ужин в ресторане при отеле.

Говорю же: друг он паршивый!

— Каком отеле? Адрес давай, — велела безапелляционным тоном. Мне покорно продиктовали адрес. Даже слишком покорно. — Ты точно не врешь по поводу отеля? — попыталась я уточнить. — Разве тебе не положено быть на стороне Новийского?

— А я на его стороне, — весело ответил Петр. — Он злится и хочет, чтобы ты переживала, бегала за ним, а потом нашла и привезла обратно в уютное гнездышко. И согласилась до конца жизни потчевать его борщом. Задела самолюбие — исправляйся, но не жди быстрого и легкого примирения. Адрес правильный, так что дуй в нужном направлении и умасливай теперь.

Я крепко задумалась над его логикой, но решила, что все верно.

— Не думала, что ты жаждешь нас помирить. Насколько я знаю, ты вообще не сторонник долгосрочных отношений.

Петр расхохотался:

— Со мной в главной роли — конечно. Но Новийский... да его от женитьбы разве что могила удержит. Он с университета ищет, кого бы окольцевать. С возрастом, вроде, поумнел, но не сильно. Если у вас не сложится, он все равно не успокоится, пока не найдет, кому бы своим присутствием жизнь испоганить. Он считает, что счастлив с тобой, что ты ему подходишь. Ну и ради бога. А мне достаточно того, что ты не пытаешься нас сравнить, как его бывшая мегера.

Позиция была настолько проста и понятна, что мне понравилась.

— Ну ладно. Спасибо за адрес, поеду.

— На свадьбе танец для меня оставь. В благодарность,

Я промолчала, что с моими танцевальными навыками благодарность выйдет так себе. Симпатия к Петру даже после этого телефонного разговора оставалась... скромной. Пусть на собственном опыте лучше убеждается. В конце концов, я ему нравилась только тем, что не мешала видеться с Новийским.

* * *

При отеле, в котором останавливался Петр, обнаружился не только ресторан, но и бар, и я решила искать Сергея во втором. Очень надеялась на свою правоту, поскольку чувствовала себя ужасно уставшей и не знала, сколько еще знакомых смогу обзвонить. Таксисту, который вез меня в отель, пришлось будить пассажирку довольно долго. В итоге, я проснулась от крика: «мать вашу, дамочка, если не проснетесь, я вас сейчас в богадельню отвезу!».

Учитывая, насколько я в последнее время удачлива, найти Новийского в том самом баре я не особенно наделась, но кто-то наверху надо мной сжалился. Я узнала пиджак Новийского от дверей и чуть не выругалась. Он сидел за стойкой и вещал. Спасибо, конечно, что не лежал, но я догадывалась, о чем он рассказываем своим слушателям. Ну разумеется! Какой политик без аудитории?

Решительно выдохнув, я направилась в сторону бара:

— Ты Ульяна? — поинтересовался бармен, подтвердив худшие опасения. Новийский попытался обернуться, но подпорченная выпивкой координация не позволила. Пришлось выбирать: или спросить у мужчины за стойкой, что тут происходит, или укоризненно смотреть на Сергея. Ответ бармену, как ни удивительно, не понадобился. — Забирай своего, Ульяна, и поживее, а то мне придется где-то пристраивать кучу мертвецки пьяных посетителей.

Я оглядела стойку и поняла, что те самые мертвецки пьяные настроены по отношению ко мне недружелюбно.

— Умоляю, скажи, что твой мобильный сел, разбит или украден, и молчание — не месть. Потому что в противном случае я в тебе очень разочарована.

Новийский со второй попытки достал из кармана телефон с абсолютно черным дисплеем.

— Ночью не было света — не зарядил, — ответил он и отвернулся.

подавив незрелое желание спихнуть Сергея со стула, я обернулась к бармену и велела налить мне ром. Он выразительно изогнул бровь, намекая, что еще и мой пьяный труп ему не нужен, но алчность победила.

— Домой собираешься или еще посидим? — спросила я Новийского, одним махом опустошив стопку.

— Ты скажи, готова ли ты ехать. Ты же у нас вечно к чему-то не готова.

— Значит, мы разыгрываем постановку под названием «неудавшаяся личная жизнь одного политика»? Очень по сценарию, очень. Утром ты сказал, что не можешь без меня. Но я как-то не подумала, что это означает невозможность дойти без меня до дома.

Бармен хрюкнул от смеха. Новийский пристрелил его взглядом. Мол, парень, ты на чьей стороне?

— Сергей, — позвала устало. Но он продолжал тянуть виски. — Отлично, тогда мне еще рома.

Кажется, мужик за стойкой смирился, а я согнала одного из новообращенных сочувствующих с соседнего с Сергеем места и не без проблем забралась на барный стул (девушки маленького роста поймут). Получив стопку, я оглянулась на нагло подслушивающих собравшихся, и те начали неохотно расходиться, догадавшись, что кино закончилось.

— Знаешь, — обратилась я со смешком к Сергею. — Ром меня Ванька пить научил.

Да, таковым было мое «гениальное» решение — рассказать Сергею то, что он так хотел услышать, что решил додумать. И это, как ни удивительно сработало. Новийский хоть повернул голову, прислушиваясь. А то ведь не взглянул, будто и нет меня.

— Гордеев послал меня в архив разбирать гору документов... за ночь, до утра. Ванька единственный вызвался помочь. Мы перебрали несколько кило макулатуры и когда в двенадцатом часу нашли пропажу, пошли отмечать. И он научил меня пить ром.

— К чему ты мне это рассказываешь? — раздраженно спросил Сергей.

— К тому, что да, все это было. Но это делает меня той, кто я есть, — резко ответила. — Если бы не было, я была бы другой. Возможно, не интересной тебе. Об этом ты не думал? Мои друзья — в той или иной степени часть меня. Жесты, слова-паразиты, привычки. Без этого я была бы куда более пресной и скучной. А если начинать о по-настоящему

раздражающих приятелях, мне пришлось позвонить Петру и выслушать кучу лишней информации о различиях в ваших жизненных убеждениях. Так что один-один.

— Что он про меня наговорил? — насторожился Сергей.

— О нет, — хмыкнула я. — Страдай. У тебя же это сегодня в программе Дня?

Новийский поморщился.

— Но знаешь, кому было смешно на самом деле? Гордееву. — Стрельнув глазами в Сергея, уточнила: — Старшему. Он здорово прошелся по нам обоим.

— Я хоть среди посторонних трепался, — укорил меня Новийский.

— Я из-за тебя на работу опоздала, вообще-то, — огрызнулась. — Пришлось объясняться. Скажи спасибо, что не в письменной форме, а то в офисе юмор специфический. Шедевр эпистолярного жанра может и на доску объявлений попасть.

Мы помолчали и приговорили еще по напитку.

— Кольцо-то отдашь? — спросила я неловко, на этот раз сама избегая смотреть на Сергея.

— Нет, — ответил он.

— Нет?

Коктейль чувств был непередаваемый.

— В одном ты была права: я сглупил, решив, что если не делать из мухи слона и прикрыться уютom дома, то ты не испугаешься. Разумеется, ты испугалась бы в любом случае. Ну а теперь мучайся неизвестностью, что дальше. Уж как минимум это ты заслужила.

Он, конечно, гад, но я испытала облегчение. В основном от того, что можно отправиться домой и отдохнуть.

Мы заснули поверх покрывала, прямо в одежде, но по разным сторонам кровати.

Просьба Ваньки встретиться с ним после работы застала меня врасплох. Я чуть не отказалась, памятуя о царившей дома атмосфере. Отчего-то я приняла слова Николая Давыдовича слишком серьезно, и теперь всю воевала за независимость. Не спорю, откажись я от возможности видеться с Ванькой, Сергей был бы счастлив, но как долго? Это только в сказке запертая в башне девица умна и эрудирована не по годам, а в реальности такая быстро превращается в скучающую амебу вроде Юлии. Ну и сколько продлится интерес Сергея к такой?

Так и согласилась. Признаться, место встречи в виде Старбакса меня удивило, но на этом сюрпризы не закончились: Ванька ждал меня не один, а в компании какой-то долговязой девицы. На мгновение в голову закралась шальная мысль, что Гордеев-младший вздумал познакомить меня с новой пассией. Но ничего, кроме досады, я не испытала. У меня дома велась настоящая холодная война, на которую уходили все силы. На таком фоне потенциальная попытка разметки территории сильно раздражала. Будто и без того не было понятно, что у Ваньки от девиц нет отбоя. Едва проговорив про себя это, я немного устыдилась. Нет, так нельзя. Друзья — именно встречи в Старбаксе после работы, знакомство с друзьями-подружками и жалобы на жизнь под коньячок. По-другому не бывает. Я живу дальше и счастлива, если Ванька — тоже.

Пробираясь между столами, я присмотрелась к спутнице Гордеева-младшего повнимательнее и удивилась. Девушка была совсем не в его вкусе. В смысле, я не очень разбиралась в его подружках; но той, кого я посчитала новой пассией Ваньки, до Олеси Александровны было как до Луны. Эту девушку можно было назвать разве что хорошенькой, да и то если бы она не вела себя... по-мужски. На небольшом, миленьком пуфе кофейни она смотрелась удивительно неуместно. Слишком громоздкой и неуклюжей. Сидела, широко расставив колени, опираясь на стол локтем. Ни то, ни другое ее совсем не красило, создавалось впечатление, что незнакомка чувствует себя не в своей тарелке. К собственному удивлению рядом с ней даже я почувствовала себя женственной пташкой.

— Привет, — поздоровалась я первой, юркнув на пуф напротив.

И даже раньше, чем успела опомниться, услышала:

— Ты опоздала, — обласкала меня с ходу милашка.

— Не то, чтобы я из обидчивых, но кто девушку платит, тот и танцует. А начальник у меня тиран и деспот — ему как-то фиолетово, с кем я и где намерена встретиться после работы.

Она смерила меня откровенно неприязненным взглядом и отвернулась.

— Вот и познакомились, — констатировал Ванька, явно имея в виду наши с его спутницей непростые характеры. Он выглядел несколько разочарованным. — Это Зоя, моя сослуживица. И Саф — давний друг.

По фырканию Зои я поняла, что она прекрасно знает, какой я друг на самом деле. Но комментировать было бы глупо. К тому же, во мне вдруг порезались замашки сексиста, и я опешила. Девушка в армии? Вот это да.

— Ты, наверное, удивилась моему звонку. — начал Ванька, не дав времени опомниться. — Но нам понадобились твои мозги. — Он стукнул пальцами по стопочке папок, которую я прежде не заметила. — Но сначала выпьем кофе, а то я слишком хорошо

помню, на кого ты работаешь. Что будешь?

— Двойной капучино, — ответила на автомате.

Зоя хмыкнула, будто не ожидала ничего другого. Себе она заказала американо. А мне так приятно стало: она была первым человеком, который осудил меня за девчочковость.

Ванька подмигнул нам обеим и ушел, и Зоя, не став тратить время, бросилась в атаку:

— Он может сколько угодно тебя защищать, но я таких знаю. Все вы одинаковые: якобы такие влюбленные дурочки, а как до дела доходит...

— Бросаем парней в армиях погибать во благо Отечества. Я тебя поняла

— не подружимся. Меня это устраивает.

Зоя настороженно оглядела меня еще раз и отвернулась. Я же невольно улыбнулась. Такие люди, как эта девушка, были просты и понятны. Не вписывающиеся в рамки, чуточку слишком склочные, верные и... похоже, влюбляющиеся в парней не своего уровня. Сдается мне, Ваня Гордеев даже не понимал, сколь отчаянно преследовала его удача. Немножко царапнуло лишь то, что он нашел вторую меня, какой я была до встречи с Сергеем. Что ж, либо теперь мне найдется в его жизни немного другая роль, нежели раньше, либо дружбы не выйдет. Я бы не вынесла ни двух Илон, ни двух Иванов.

Пока утраченный элемент переговорной цепочки ждал заказ, мы с Зоей молчали, не испытывая друг от друга ни малейшего восторга. Я откинула голову на подушки диванчика и попыталась прогнать усталость. Открыла глаза только когда от запаха свежего кофе, который украсил наш стол.

— Мне почти совестно, что я тебя выдернул после работы.

— Оно и к лучшему, — озвучила и вдруг поняла, насколько права.

Идти домой и продолжать воевать с Сергеем не очень хотелось, а вот посидеть в Старбаксе в обнимку со стаканчиком кофе было в радость.

— Как Новийский? — попытался продолжить светскую беседу Ванька, будто подслушав мысли.

— Тебе не нужно знать, — закатила я глаза.

— Я пытаюсь быть любезным, — неверно поняли меня.

— Это дипломатичный уход от неприятной темы. Я всего лишь пытаюсь не материться вслух. Если угодно, мы с Сергеем недавно поругались, и теперь в квартире атмосфера пассивной агрессии. Не моя епархия, но с человеком нужно разговаривать на понятном ему языке. По-моему, у меня отлично получается.

— Успехов тебе, — от души пожелала Ванькина подружка-мегера.

— Рассказывайте, — велела я, смерив ее взглядом. Говорить о Новийском с Ванькой было странно, но при его сослуживице — попросту неуместно.

— Мы подумываем открыть охранное агентство. В одиночку не потянуть, но вместе может что и выгорит.

— Думаю, тебе это подойдет, — невольно улыбнулась я.

— Спасибо, — Ванька кивнул и обернулся на подругу. — Зоя и раньше работала в этом бизнесе, а я думаю пока покрутиться-посмотреть, но здесь, — он подвинул ко мне папки, — некоторые наброски того, что может понадобится на первых порах. Мы просто прикидываем, какой нужен бюджет, регистрации, постановки на учет... Я знаю, что это далеко от твоей специализации, но ты для отца перелопачиваешь горы информации, вдруг

что придет на ум. И Лона, может, что подскажет. Она же экономист. Только пока не говори друзьям. Я не хочу, чтобы донесли отцу.

Еще один скелет в шкафчик Сафри?

— Конечно. Нет проблем.

Я удивилась, не особенно представляя, чем смогу помочь, но кивнула. Если мое мнение было для Ваньки важным, я только «за». Это определенно входило в мое понятие о дружбе.

Осознала, на что подписалась, я не сразу, а только когда Ванька открыл папку и начал мне объяснять. Количество материала внутри доказывало, что будущие партнеры к вопросу подошли серьезно — как люди, по-настоящему заинтересованные в успехе предприятия. Ванька разрешил черкать, чем я с удовольствием воспользовалась, ибо разобраться в бизнес-плане оказалось трудно до неловкости. Судя по тому, что Зоя в основном помалкивала, идеи в папках принадлежали преимущественно не ей. И в мою голову закралась потрясающая в своей ироничности мысль: Ванька мог сколько угодно ненавидеть отца, его убеждения и настояния, но еврейская кровушка Гордеевых взяла свое! Парень ушел в армию, изучил устройство изнутри, нашел там нужного человека и принялся строить свой собственный «ГорЭншуранс», пользуясь знаниями, дарованными отцом.

Не сдержавшись, я улыбнулась своим мыслям, опустила взгляд и закусила колпачок ручки. Ванька тут же сбился с мысли и спросил, что это за хитрое выражение на моем лице. Я лишь покачала головой. Не стоило признаться, что всего неделю назад я была готова спорить на усы Сан Саныча, что Гордеевых кроме любви к рому ничего не роднит — и вот на тебе!

Прощались тоже странно странно: пожимая руки, как бизнес-партнеры. С другой стороны, так он и было. Я думала о новом статусе? Вот он: Ульяна-полезное-знакомство. Девушка, которая работает на большую шишку. Девушка, которая встречается с человеком, много где покрутившимся. Едва подумав о Новийском, я скривилась, предвосхищая новый приятный вечер.

Ожидания оправдались в полной мере, когда Сергей прошествовал из кухни в кабинет, едва удостоив меня взглядом. Ей богу, лучше бы наорал за почти трехчасовую задержку после работы. Я тяжело вздохнула и отправилась на кухню. Ужиная в одиночестве, изучала Ванькины сводные таблицы. Как ни стыдно, ничего не понимала. До этого дня я никогда не думала о себе как о гуманитарии, но теперь тайное проявилось. Пусть я виртуозно рассчитывала долговые проценты, то, что состряпал для своего бизнеса Ванька, оказалось выше понимания журналистки.

Пока я бестолково гипнотизировала цифры, Сергей наведался к холодильнику аж несколько раз. На последнем до меня дошло, что ему просто до жути интересно, чем таким я поглощена: но спросить не позволяло достоинство.

Дожевав свой салат и прибрав на кухне, я решила раз я навсегда покончить с этим фарсом. Символически постучала в дверь кабинета зашла туда вместе с папками Ваньки. К моему изумлению, Новийский не работал, как я думала, а сидел, закинув ноги на столешницу, и читал какую-то книгу. Серьезно? Я, не сдержавшись, расхохоталась.

— Как, должно быть, скучно изображать обиду! — выдала.

Он взглянул на меня с плохо скрытым бешенством. Ну вот, всю трагичную романтику испортила — раскрыла секрет. Кашлянув, я взяла себя в руки и говорила:

— Ты не раз попрекал меня, что я ни о чем тебя не прошу, верно?

Вместо ответа приподнятые брови.

— В общем, я сегодня пила кофе с Ваней и одной его приятельницей, — недовольно поджатые губы. Однако было заметно, что упоминание приятельницы снизило градус негатива. — Они хотят открыть собственное дело и попросили меня посмотреть документы. Там пока никакой конкретики, просто прикидывают сроки, бюджет, необходимые действия. Я в этом совсем не разбираюсь, сам понимаешь, только грубые ляпы найти смогу. Но если бы ты взглянул, толку было бы куда больше.

По глазам Сергея было видно, что книжка осточертела ему до жути, но с полминуты он помолчал. Якобы раздумывая.

— Оставь, я взгляну, — благосклонно кивнул он мне, наконец.

Подумав, я решила, что жадность — грех, и положила на стол всего одну папку. Но Сергей к ней и не притронулся, вместо этого демонстративно уткнулся носом в свою книгу. Выйдя из кабинета, я не сдержалась и приложила ухом к полированной поверхности двери. Глухой стук — закрыл книгу, шелест колесиков пододвигаемого кресла и, наконец, шуршащий звук пододвигаемой папки. В кухню я протанцевала, очень собой довольная.

Следующие сорок минут я пыталась сосредоточиться на цифрах, но мысли занимал один лишь Сергей. С тем, что по части цифр я совсем дурочка, пришлось попросту смириться. Грустно, но факт. А потом Новийский объявился на кухне и плюхнул передо мной свою папку.

— Ты издеваешься? — простила я.

— Мои пометки красным, — лаконично ответил он.

Серьезно? Я ему дала папку с самыми страшными таблицами, а он их — как орешки! В сердцах захлопнула расчеты и потеряла глаза.

— Помочь? — сжалился Сергей.

— Конечно помочь! Сделал домашнее задание — дай списать другим.

К моему удивлению, Сергей не стал разыгрывать трагедию и дальше, и просто выдвинул соседний стул.

— У этой экономической схемы есть название и метод построения. Странно, что Иван тебе не сказал.

— Может, он и говорил, было шумно, да и я запросто могла прослушать. — Потому что слишком злилась на Новийского и часто отвлекалась.

— Возможно, — кивнул он, не став спорить.

Нет, правда: нормально, спокойно кивнул, а не так, как всю прошедшую неделю — свысока. Ох не знаю, сколько бы времени прошло, прежде чем мы помирились, если бы не эта папка-благодетельница. Хоть спать в разных углах кровати перестали...

А самым важным лично для меня явился тот факт, что Сергей помог не кому-нибудь, а именно Ваньке. То было хорошим знаком, вроде как, шагом навстречу.

К слову, когда Ванька узнал, кому обязан детальным разбором полетов, скривился, но попросил поблагодарить и напомнить, чтобы отцу — ни слова.

В ту субботу, когда Лона запланировала глобальную уборку ко дню рождения, на который пригласила всех знакомых, подтвердилась моя страшная догадка: две полоски. Великое откровение посетило меня в туалете «ГорЭншуранс», ибо я справедливо подозревала, что может понадобится личное пространство. Вот именно для таких случаев — припомнила — я и купила собственное жилье, которое потом недальновидно отдала в

распоряжение сестры.

Лона только-только сдала экзамены в университет и захотела большой праздник — читай, устала от одиночества. По какой причине ей понадобилось пригласить гостей в стерильную квартиру, я так и не поняла, но мама обрадовалась и вызвалась помочь. Это автоматически означало, что я тоже должна присутствовать. Однако глядя на тест-палочку, обозначающую конец моему спокойствию, я поняла, что с меня квартира, и дудки! Не буду я драить потолки — не сегодня.

Позвонила сестре, извинилась и сослалась на завал на работе. То же самое проделала с Сергеем, а потом свернулась на диване для посетителей в приемной и начала думать о страшном.

Новийский так и не повторил свое предложение, и я начала всерьез опасаться, что он передумал. Хорошо, допустим, первую неделю после фатальной ночи мы были на ножах и не желали уступать друг другу, но к концу второй все окончательно пришло в норму. Вернулись совместные прогулки, и жаркие ночи, и приятные посиделки с вином... Три недели спустя все было точно так же, как и до предложения. Только без него. Что ж, ничего страшного. Было бы. Если бы сегодня утром я не решила проверить догадку и не обнаружила, что колечко было бы весьма кстати. Поздравляю, Саф, звание главной неудачницы сезона твое по праву!

Новость ударила по мне очень сильно, и единственное, о чем теперь получалось думать всерьез: я же не такая! Сергей все еще не познакомил меня с родителями. Это плохо, даже очень. Один раз он приводил меня в ресторан своей матери и я думала, что это такая попытка познакомить нас на нейтральной территории, но ничего не случилось. Просто ужин, без последствий. Она не захотела нас поприветствовать или ничего не планировалось? Я придерживалась первого варианта. Тогда это меня почти не тронуло, но ведь и ни о каком кольце речи не было! Теперь же все усложнилось.

Признаюсь, даже я никогда не была высокого мнения о девушках, которые выходят замуж по залету. Если бы мне представили невестку вот так, это бы здорово уронило ее в моих глазах. Понятно, что, будучи ни в чем не ровней Сергею, падать мне было не с высоты, но... но я не могла быть для его родителей более красивой, воспитанной или знатной, а вот менее беременной — могла. И не оставила себе очков даже в этом.

Вслед за такой мыслью, конечно, пришла следующая: а сколько я успела выпить вина, таблеток, кофе, сколько раз приняла слишком горячий душ и неосторожно наклонилась... Для того, чтобы забеременеть, мне хватило одной ночи. С чего теперь не хватит одного бокальчика вина, чтобы подарить ребенку шестой палец или отклонения похуже?

Я не хотела привязывать к себе Сергея ребенком. Эгоистично и жалко, но я думала, что в его лице нашла человека, которому действительно нужна, а как только скажу о своем положении — сразу превращусь в два по цене одного. Здравый смысл подсказывал, что Новийский хочет детей, и я благодаря этому гарантированно приобрету ценность в пресловутый трехкартанный бриллиант. А паника нашептывала: учитывая, сколько лет Сергей был женат, он мог бы уже ребенка в школу водить. Кто из них с Юлией противился продолжению рода? Скорее она, но чем черт не шутит! Сергей никогда со мной об этом не говорил, а я не спрашивала. Думала, что еще успею, когда это будет важным. Важно теперь, но спросить все равно что дать подсказку, а я решила не выдавать свою тайну. Мне было важно узнать, нужна ли ему я одна. Три недели назад — была. А теперь поставил ситуацию на паузу. Передумал? Я боялась, что да.

Вернувшись якобы с работы, я весь вечер пряталась от Сергея в ноутбуке, ночью спала плохо и встала с петухами. Прийти в себя так и не смогла. Хотелось выть от мысли, что меня ждет целый день притворства. Заготовила какую-то чепуху про отравление, чтобы избежать алкоголя, но вряд ли сумела бы изобразить хорошее настроение. Оставалось надеяться лишь на то, что раз сестра сошла с ума и пригласила целую толпу, то все эти люди будут заняты не мной, а друг другом.

Должны были прийти ребята из «ГорЭншуранс», мы Сергеем, Ванька, подружки Лоны из колледжа и даже мама с отчимом. В общем, сестра перестаралась. Говорить ей, что квартире понадобится пятое измерение, я не стала — без толку, просто напомнила взять у соседей лишние стулья и посуду. Надеялась таким образом уменьшить масштаб безумия, но не вышло.

К утру первый приступ паники из-за неожиданной новости прошел, и я решила понаблюдать за Сергеем. Рациональная часть меня подсказывала, что изменения в отношениях я бы увидела, но у беременной женщины рациональных частей нет. Есть иррациональная, а есть гормонально нестабильная. Сергей как раз застегивал ремешок часов, стоя у шкафа, и не спешил надевать рубашку. Заметил в зеркале мой интерес и теперь явно раздумывал над его причинами. Или красовался. Сверлил глазами, не скрываясь. Не выдержав, я спрыгнула с кровати, подошла ближе и уткнулась лбом в спину и обхватила его талию руками.

— Хочешь опоздать? — вдруг предложил он. — Немножко можно.

Сергей обернулся и поцеловал меня. Сладко и глубоко. О причине моего внезапного интереса он точно не догадался.

— Или можем опоздать сильно, — предложил он, потянув вверх мою юбку.

— Не можем, — воспротивилась я, шлепнув его по руке. — Я вчера избежала мытья потолка и оставалась в долгу.

— Хорошо, с ними рассчитываешься, но мне будешь должна.

Он так улыбнулся, что я сама невольно закусил губу, представляя, как буду расплачиваться. На пару секунд совершенно забыла обо всех проблемах.

Лона расстаралась. Квартира сверкала, а доносившие из кухни запахи могли бы соблазнить кого угодно. Парадом командовала мама, из чего я сразу сделала вывод: они с Лоней готовили в четыре руки. Учитывая, сколько народу позвала сестра, оно и немудрено. Я поздравила сестру, обняла, а затем раздался звонок в дверь, и Лона побежала встречать последнюю партию гостей. А мама воспользовалась случаем и набросилась на меня.

— Могла бы и помочь. Не вчера, так сегодня. Неужели сложно выкроить пару часов на свою семью? — раздраженно зашипела она, снимая фартук и швыряя его на подоконник.

— Прости, конечно, но я все еще расплачиваюсь за эту квартиру, в том числе работая по субботам. Помогать мне в этом никто не спешит, но против того, что живет и устраивает праздник здесь Илона, никто не возражает! Помогаю ровно так же, как ты мне когда-то: пожалуйста, вот стартовая площадка — воплощай идеи и ни в чем себе не отказывай. Но в мою четко налаженную жизнь не лезь.

Это было злобно, и мама потеряла дар речи, но я никогда не считала правильным подставлять вторую щеку для битья. Мне милее поговорка о том, что в своем глазу бревна не видно. Серьезно, я не давала согласия на то, что она придет хозяйничать в мою квартиру, да

еще начнет читать мораль.

Полагаю, отреагировала я слишком остро, но стало так обидно. Будто я бы не помогла, не будь засыпана проблемами по самую макушку! Я всегда их выручала, и вот разок не вышло — все. Предательница.

— Это никогда не было так, Ульяна, — патетично воскликнула мама. — Нельзя забывать о семье, а твоя семья — мы, не этот мужчина. Или по какой такой причине он еще на тебе не женится?

— Давай, скажи это, — прищурилась я, окончательно разозлившись.

— К чему? Ты же все время подчеркиваешь, что куда умнее меня. Я не скажу тебе ничего нового. Хотел бы жениться — уже женился бы.

Пару секунд я стискивала зубы, пытаюсь сдержать рвущиеся наружу злые слова, но все же промолчала. Есть люди, которые настолько уверены в своей абсолютной правоте, что спорить с ними — лишь терять время. Моя мама была из таких. Вряд ли она сама понимала, насколько сильно меня задела. Несколько дней назад я бы и значения не придала ее словам, но внебрачная беременность стояла в топе моих страхов, и это изменило мой взгляд на отношения с Сергеем.

В комнату я вошла со злым румянцем на щеках и не без удовольствия отметила, что Ритка уже начала обмахиваться газетой. Собрались еще не все, но воздуха катастрофически не хватало, несмотря на распахнутую настежь лоджию.

Лона бегала пыталась добраться до старенькой стенки, чтобы взять там вазу. Егор притащил ей очень красивый и очень огромный букет.

— Налей в ванну воды и положи цветы туда, а поставишь потом.

— Не говори глупости, Ульяна, — тут же осадила меня мама, появляясь в комнате следом. — Букет очень красивый, его нельзя прятать. Нужно поставить в центр стола, чтобы все любовались.

— Тогда скажи, где сядешь, чтобы смогла за ним спрятаться, — пробубнила я себе под нос, поражаясь собственным сменам настроения.

— Не ругайтесь, — расстроилась Илона, расслышавшая мое ворчание. — Мама, на стол цветы ставить не будем. Мы должны все друг друга видеть.

— Тогда поставь их на стенку! Сергей, вы не могли бы помочь? — набросилась она на следующую жертву. — Где-то на антресоли ваза.

Бедный Новийский. Я как представила, что бы с ним случилось, если бы к нему на антресоль кто-нибудь полез, чуть не прыснула. Вазу, однако, Сергей нашел, невозмутимо протянул ее маме, сел на свое место и стал ждать продолжения праздника. Тогда мне в голову пришла гениальная идея. Я пробралась к Новийскому, села рядом и прошептала:

— Представь, как будут счастливы познакомиться наши родители, если мы все-таки поженимся.

— Исключительно удачная попытка разведки обстановки, Ульяна, — хмыкнул Сергей, заправляя мне за ухо прядь волос. По глазам было видно, что ему мое беспокойство по шерстке.

Я отвернулась от Новийского и спряталась за бокалом с минеральной водой. В моей голове вдруг оформилась удивительная мысль: он меня проверял. Хотел, чтобы я переживала о будущем, спрашивала о кольце. Хитрец. Добился своего. И мама еще подсобила: накрутила меня этим разговором.

Из мыслей вырвало ощущение чужого взгляда. Пока я размышляла о своем в полной

уверенности, что до нас с Сергеем никому и дела нет, Ванька наблюдал. Он выглядел немного мрачным и очень удивленным. Как будто ожидал, что нас с Сергеем связывает не более чем деловое соглашение. С другой стороны, я сама раньше не подозревала в Новийском теплоты.

Пока Лона рассказывала об экзаменах, результаты которых должны были прийти со дня на день, мужчины разливали по бокалам шампанское.

— Мне не нужно, — накрыла я свой ладошкой.

— В чем дело? — искренне удивился Новийский.

— Должно быть, вчера в «ГорЭншуранс» чем-то отравилась, — поморщилась я, для достоверности прижав к животу ладонь.

— Чем? — тут же активизировалась Рита. — Шоколадным батончиком?

— Либо так, либо Сергей подсыпал мне в ужин мышьяк. Выбери, — огрызнулась и в миллионный раз поблагодарила провидение за врожденное остроумие. Оно избавляло меня от стольких неловких вопросов!

Рита задумчиво взглянула на Новийского, будто правда раздумывала над вторым вариантом, но пожала плечами и выдала:

— Туше. Надо сказать Гордееву, что сникерсы в холле просроченные. Но ты все равно перетряси холодильник. А то вдруг испортилась курица, которую ты тайком поедает по ночам.

Все засмеялись, а я лишь поморщилась, потому что вчера ночью действительно умирала от голода и одной силой воли сдержалась от налета на провиант. Небывалое явление.

* * *

В душной квартире мы продержались очень недолго. Мало того, что сестра ухитрилась усадить в восемнадцатиметровой комнате более десяти человек, так еще сделала это днем. А дождливый Петербург, будь он неладен, вдруг вспомнил о такой загадочной штуке, как Солнце. К двум часам дня Сергей трижды ослабил галстук и даже расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, а Иришка с Ритой чуть не подрались за газету, которой можно обмахиваться. Я же, дабы как можно достовернее сыграть отравившуюся, была вынуждена сидеть голодной над ломящимся от еды столом, отчего разболелась голова.

Когда Ванька предложил пойти прогуляться, а вернуться и посидеть вечером, у Поны не осталось выбора. Поддержали единогласно. И то, что мама с отчимом решили уйти и оставить молодежь в покое, вызвало всеобщий вздох облегчения. При «взрослых» приходилось фильтровать базар, и это еще больше мешало и без того не слишком дружной компании.

Гулять было решено по набережной, а доехать до нее, хехе, на метро. Бедному Новийскому, который целый год обещал мне спуститься в подземку, пришлось это делать на глазах у всего честного народа. К счастью, он даже знал, куда вставляется жетончик и с какой стороны обойти турникет. Прошел и театрально поклонился, а мы дружно похлопали. Не безнадёжен!

Кому-то пришла в голову идея прокатиться по реке. Начало было многообещающим, но очень скоро я нашу водную прогулку возненавидела, потому что вместо того, чтобы

любоваться красотами Петербурга с Невы в обществе Сергея, я весь путь слушала рассказ о том, в каких инстанциях регистрируется новообразованная компания. Оказывается, Ваня Гордеев не только прочитал пометки на полях, но и решил углубить знания. Про меня мужчины забыли, будто и не было. Хотела подружить бывшего и будущего, Уля? Вот, пожалуйста, наслаждайся. Теперь они всячески будут демонстрировать друг другу подчеркнутую лояльность, всячески игнорируя тебя. Ванька был в своем интересе бесхитростен, а вот Новийский на меня так поглядывал, что не осталось сомнений: это меня в очередной раз так наказывают.

Это и натолкнуло на мысль. Пока мы ехали домой, я смотрела в окошко такси и прятала улыбку, вынашивая в голове план. Решила использовать трезвость во имя благой цели. Только мы с Сергеем зашли в лифт, как я прижалась к нему и потянулась для поцелуя. Может, он бы и попытался сослаться на репутацию и близость квартиры, но последний стакан коньяка был точно лишним. К моменту, когда дверь была открыта, рубашка Новийского оказалась расстегнута наполовину. И я успела сбросить всего одну туфлю, прежде чем оказалась прижата к стене.

Только бы не терять голову, нельзя! Это было очень сложно. Стоило взглянуть в глаза Сергея, ресницы дрогнули, и я невольно облизнула губы. Он оторвал меня от стены и прижал к себе, подхватив рукой затылок, заставил привстать на цыпочки и поцеловал так, что я чуть не распрощалась со своим коварным планом. Ну и ладно, черт с ним — решила. И так бы и случилось, если бы задирая мне юбку, Сергей не покачнулся.

— Ты слишком пьяный для подвигов, — прошептала я, отрываясь от хмельных губ и бросилась в сторону спальни.

Села на кровать, поправила юбку и дождалась, когда придет Сергей. Он тоже не терял времени даром: расстегнул рубашку и, гипнотизируя меня блестящими от желания глазами, стянул ее и бросил прямо на пол. Встал одним коленом на матрац, освободил меня от блузки и опрокинул назад своим телом. Бесстыдно наслаждаясь мужскими ласками, я пыталась поймать правильный момент, чтобы их прервать. Не потому что хотела — план требовал. И все же немножко передержала, даже тихонько посочувствовала бедному Новийскому, но не настолько, чтобы отказаться от своей «гениальной» идеи.

— Ты женишься на мне? — спросила, уворачиваясь от нового поцелуя.

— Конечно, — ответил он, не раздумывая и добравшись до губ, стал расстегивать свои брюки.

— И отдашь мне свое глупое кольцо? — продолжила.

— Ну разумеется, — на этот раз в его голосе прозвучала насмешка.

Я отчего-то разозлилась. Надеялась довести его до точки невозвращения, после которой он мне и Юпитер пообещает, а он еще смеется! Негодяй. Даже пьяный не поддается!

— Так давай, — возмутилась.

— Нет, — уже откровенно улыбался он.

— Тогда слезай! — попыталась его оттолкнуть, но ничего не добилась.

— Только не говори мне, что решила использовать секс как оружие против меня, — прищурился Новийский.

— Ха, ты первый начал! А теперь всего-то и нужно, что отдать мне колечко. Если ты, конечно, честный человек.

— То есть считаешь, что теперь ты его заслужила? — коварно сощурился Сергей.

Я считаю, что беременна от тебя, дурак!

— Слезай, говорю!

Новийский улегся на бок и насмешливо на меня посмотрел. Перепалка явно доставила ему удовольствие. С другой стороны, кому же не понравится, если девушка начнет клянчить колечко после того, как по- своему отказала!

— И никакого секса, пока не передумаешь.

Я соскочила с кровати, сорвала с крючка банный халат и закуталась в него по самую шею.

— Что? Ты это серьезно? — простонал, тем временем, Новийский.

— Конечно, — мстительно улыбнулась я. — Испортил девушку — женись.

— Если бы еще эту девушку испортил я, — пробормотал он, морщась.

— Чья бы корова мычала! Ты половину моей жизни был женат на какой-то белобрысой ведьме, да еще попутно изменял ей со всякими такими же блондинистыми.

— И не только блондинистыми, — оскалился Новийский.

Наверное, следовало разозлиться или хотя бы забеспокоиться, но я почувствовала нечто сродни облегчению. Мы с Юлией не совпадали ни по одному из параметров (кроме, может, талии), и я из-за этого переживала. Вот увлекись Новийский Лоной, все было бы логично, но я — не его типаж. Или думала, что не его. А раз не только блондинистыми... Нет, я точно сумасшедшая!

— Спросишь меня об этом? — вдруг поинтересовался Сергей.

— О том, почему ты изменял жене? — фыркнула. — А что, нужна причина?

— Мне — нужна.

— Нет, Сергей. Для измены нужна не причина, а повод, который всегда найдется, — и сменила тему. — Так кольцо ты не отдашь?

— Нет, — повторил он снова.

— Ну, счастливо оставаться! — С этими словами я вышла из комнаты.

Кстати, по поводу измен я не передумала. А это значит, что я неспроста оказалась в квартире Ивана Гордеева, неспроста осталась послушать музыку и неспроста занималась с ним сексом. Мне было очень больно узнать о самой себе такую правду.

Глава 4

Следующая неделя выдалась очень трудной. Каждая мелочь подтачивала силы. Например, расспросы Гордеева, который очень жаждал выяснить, как дела у его сына, вдруг начали сильно раздражать. И пока мы ехали в суд на моей машине, я подавляла желание припарковаться и высадить начальника прямо на клумбу. В конце концов я не сдержалась, продиктовала Гордееву по памяти номер его сына и посоветовала позвонить. Следующие два дня в отместку работала курьером. Шли годы, а методы наказания у Николая Давыдовича не менялись. Консерватор, чтоб его.

Кроме того, на третий день моего «отравления» Новийский поймал меня с бутылкой молока и угрожающего вида булкой и напомнил, что это не слишком хорошо для желудка. Я клятвенно заверила его, что мне намного-намного лучше. Но на таком фоне «отпуск» преподавателя по йоге выглядел еще более странно. Впрочем, выбора не было — не станешь же, в самом деле, скручиваться в бараний рог, рискуя перекрыть кровоток ребенку, только чтобы папочка не узнал о своей новой роли раньше времени.

Помимо прочего, приходилось помнить кучу разных мелочей. Нельзя резко наклоняться, поднимать тяжелое, пить кофе... Я чуть с ума не сошла от всех этих ограничений и необходимости придумывать им оправдания, если вдруг кто-то замечал.

Оказывается, ложь ужасно выматывает. В пятницу я весь день возносила молитвы богу выходных. Не заметила, как перепутала мышку с упаковкой скрепок и полезла под стол проверять соединение провода с системным блоком. Вылезая, больно стукнулась головой о столешницу. Потом рассыпала документы по всей приемной, и мы с Катериной дружно ползали по полу, собирая их, на радость пришедшему к Гордееву посетителю. Начальник, наблюдавший за этим весь день, сжалился и отпустил меня домой аж на пятнадцать минут раньше.

Когда я в таком состоянии встретила в холле Сергея — не удивилась, а обрадовалась. Отвезет меня домой — ура! В общем, подвох не почувствовала. Вот уж точно: беременность делает из нормальной женщины клиническую дуру.

Новийский с самым серьезным видом послушал по дороге мои жалобы на жизнь, сочувственно покивал, открыл дверцу машины, поцеловал для проформы, а потом сел за руль и повез. Спустя десять минут я очнулась и поняла, что мы едем в противоположную от дома сторону и потребовала объяснений. Но меня наградили улыбкой и велели отдыхать. Разумеется, вся возможная сонливость слетела с меня, как ненужная шелуха, и я воззрилась на Новийского так, что, поглядывая на меня, он чуть не протаранил едущую впереди машину. Жаль только, что это не помешало ему нагнетать атмосферу секретности.

Я начала подозревать, что происходит только когда мы покинули черту города и направились в сторону аэропорта. Закусила губу и отвернулась к окну. Сюрпризы я недолюбливала с детства (еще бы, при такой маме!), но этот начинал становиться все заманчивее.

Я старалась вести себя по возможности невозмутимо. Не радоваться раньше времени и не улыбаться от уха до уха, но, когда из небольшого частного самолета нам навстречу вышел Петр, челюсть все-таки отвалилась. Я обернулась на Сергея, который вытаскивал из багажника два маленьких чемодана, но он лишь пожал плечами: «А что такого? У меня есть друг-пилот, и ты об этом знала».

— Добро пожаловать на борт, — коснулся Петр форменной фуражки, приветствуя меня кривой улыбкой, от которой у девушек, должно быть, заходило сердце.

— Привет, — выдавила не без труда всего одно слово. Попыталась улыбнуться в ответ, но вышло плохо.

Я вдруг почувствовала себя так неуместно и неправильно. Даже стыдно стало. Догадалась, конечно, что задумал Новийский и почему отказывался отдавать мне кольцо. Значит, вдумчиво планировал выходные мечты. Лучше бы я согласилась той роковой, грозовой ночью в теплой и уютной квартирке, а то теперь все было так неправильно, не к месту, чересчур. Ну что мне мешало сделать все тихо и спокойно?

— Ну как, ты уже в ужасе? — поинтересовался Сергей, подтягивая чемоданы.

— Ты собрал мои вещи? — кисло спросила я.

— Не хотел портить сюрприз, — улыбнулся Новийский и потянул меня к трапу.

О, сюрприз ему удался. Не знаю, у какого Джордана Белфорта Сергей с Петром угнали самолет, но он впечатлял. Я вообще не ожидала, что такие существуют вне кинематографических лент. В жизни не летавшая на самолете, я вдруг оказалась в нереальной роскоши и даже не поняла, как это вышло.

Сергей пристроил багаж на полках и потянул меня в кресло. Пришлось сойти с мягкого, длинного, ласкающего стопы даже сквозь подошвы туфель ворса и утонуть в комфортабельном кресле подлокотники которого были, кстати, деревянными. Удобно, но расслабиться не получалось. Даже когда Сергей взял меня за руку, я чувствовала себя не в своей тарелке.

— Ты уверен, что взял с собой ту девушку, которую планировал? — поинтересовалась я желчно.

— Абсолютно, — ответил он тихо, переплетая наши пальцы. Мне стало жарко и душно от его признания, которое, как мы оба знали, значило отнюдь не каникулы.

— Ты не сказал, куда мы летим, — спохватилась я.

И в этот миг ожил динамик:

— Добрый вечер, уважаемые пассажиры. Вас приветствует капитан корабля Петр Днепров на борту авиалайнера, следующего по маршруту Санкт-Петербург-Москва. Наш полет продлится один час двадцать пять минут. Ориентировочное время прибытия — двадцать один час сорок три минуты по московскому времени. Во время полета вам предложат все, что можно найти на высоте восемь тысяч метров. Во время полета делайте, что хотите, но не настолько громко, чтобы искушать меня присоединиться.

Мы переглянулись и рассмеялись.

— Надеюсь, не все капитаны авиалайнеров так приветствуют своих пассажиров.

— Не переживай, у нас эксклюзивное обслуживание, — со смешком ответил Сергей.

* * *

Расписание оказалось плотным. Номер-люкс, который заказал Новийский, вызвал у меня больше раздражения, чем восторга. Всю дорогу до ресторана, куда мы отправились, едва бросив вещи и переодевшись, я возмущалась. Для чего тратить столько денег на роскошные апартаменты, если мы там поспим, поедим, и все? Тогда Сергей выдал мне удивительную фразу: Москва — место, которое необходимо делать приятнее всеми

возможными способами, ибо сама по себе она слишком тесная, душная и многолюдная. Не нужно было семи пядей во лбу, чтобы понять: Новийский не любит столицу. Однако, когда я озвучила свою мысль, он попытался все отрицать. Спустя пару лет я в полной мере поняла, почему: Сергей всегда знал, что переезд в Москву неизбежен и с самой первой поездки пытался заставить полюбить этот город хотя бы меня.

По прилету мы до двух часов ночи сидели в ресторане и слушали какого-то пианиста. Мне понравилось, но оценить игру по достоинству не вышло. А вот Новийский просто млел. Некоторые пассажи пытался повторить прямо на столешнице, путался в пальцах и обреченно вздыхал и брался за бокал вина. Потягивал его медленно, с наслаждением. Я очень завидовала, но отказалась. Пусть догадывается, если догадывается. Метаться по ресторану с бокалом, обдумывая, куда бы вылить дорожее вино, я не собиралась.

После такого насыщенного вечера мы уснули как убитые и встали, к ужасу Сергея, аж в половине десятого утра. Спешно позавтракали и двинулись в путь. Почти весь день убили на Третьяковскую галерею, которую я из-за многообразия пресловутых портретов, к ужасу Новийского, не оценила. Но как бы ни болели у меня после такого похода ноги, Сергей все равно заставил потом тащиться на Старый Арбат. В порядке компенсации, ну или чтобы заткнуть поток обвинений в жестоком обращении с женщинами, купил мне там огромное мороженое. Это меня чуть-чуть утешило, и настроение поехало вверх.

На следующее утро мне разрешили одеться удобно, но предупредили, что вечером придется одеться как принцессе, так как Щелкунчик в партере Большого театра — это очень серьезно. Днем мы гуляли по центру под дождем, который никак не мог решить, превратиться ему в ливень или прекратиться вовсе. Нога за ногу прошлись от Храма Христа Спасителя до Александровского сада и Красной Площади. Там порывалась побывать в ГУМе, но Новийский хмыкнул и предупредил, что мне лучше сразу заластить нашатырем. Не прогадал. После того, как я положила глаз на платье за девятьсот тысяч, Сергею пришлось срочно вести меня к выходу.

— Я предупреждал, — посмеивался надо мной Новийский. — Зрелище не для слабонервных.

— Там даже носовой платок стоит пару тысяч. Наверное, он для Царя Мидаса, у которого даже сопля из золота, — громко возмущалась я, пока Сергей слишком откровенно мне сочувствовал. — Хотя, с кем я об этом говорю. У тебя, наверное, все такие.

— Ну нет, я не настолько выжил из ума, — утешил меня Новийский. — Хочешь еще побродить по ГУМу или пойдем собираться?

— Ноги моей больше там не будет! Это же как плевок в душу людям вроде меня, — никак не могла я успокоиться.

— Посмею напомнить, что люди вроде тебя сегодняшней вполне неплохо живут, — закатил глаза Сергей.

— Это ты так скромно намекнул на себя? — подозрительно прищурилась я.

— Пойдем-ка в отель, — дипломатично свернул опасные речи Сергей, и, насмешливо чмокнув меня в нос, повел в сторону метро. Видно, учел пожелания и решил побереечь травмированную психику.

Я помню, как мы собирались в театр. Я надела маленькое кружевное черное платье, лучшие украшения и каблуки, на каких невозможно ходить. Сергей нарядился в смокинг. Если честно, это зрелище всегда немножко разжижало мне мозг. И когда я увидела нас вместе в зеркале, подумала, что люблю этого мужчину. Стояла и пялилась в зеркало, пока

Новийский не заявил, что еще чуть-чуть, и мы опоздает. Выглядел при этом до неприличия довольным. Ну еще бы. Кому не понравится подобное любование.

Щелкунчик мне понравился ровно настолько, что я решила: родится девчонка — быть ей балериной. Даже если родится косолапой — не отвертится. Я настолько забылась, что прямо во время действия повернулась, дабы поделиться этой гениальной мыслью с Сергеем. Только открыв рот сообразила, что делаю, и... да, закрыла. Новийский удивленно моргнул, но спрашивать не стал.

После балета мы еще разок прогулялись на Красную площадь. Послушать бой курантов — попрощаться перед отлетом. Помню, как пыталась выделывать корявые па, оступилась и чуть не повалилась на брусчатку. Новийский в последний момент меня поймал и от греха подальше прижал к себе. Пробубнил что-то себе под нос какие-то воспитательные речи, но я отнеслась к ним несерьезно. Отшутилась, что нечего якшаться с девчонкой вдвое моложе себя. Новийский отвечал, что я себе сильно льщу и могу похвастаться целыми тремя четвертями его жизненного опыта. Так, в глупых спорах мы доплелись до самых курантов и принялись ждать. Вопреки пасмурному дню вечер выдался удивительно погожий, и я ни капельки не замерзла. Чуть не передумала возвращаться в промозглый Петербург.

— Смотри, — вдруг улыбнулся Сергей, кивая на кремлевскую стену. — Что видишь?

— Много кирпича, окропленного слезами строителей?

Новийский, конечно, поморщился.

— Ты ужасная.

— Ты всегда это знал.

— Смотри внимательнее. Однажды я обязательно буду там работать. А после тяжелого трудового рабочего дня буду водить тебя в какой-нибудь из театров и засыпать в партере под топот ног актеров. Будешь меня тыкать локтем в бок, чтобы не храпел на весь зал. А потом с мигалками объезжать по встречной полосе пробки и летать на собственном самолете навестить близких.

— Круто, — согласилась я, даже не покривив душой.

А улыбка Сергея стала лукавой.

— Ну как, станешь женой будущего президента?

От неожиданности я расхохоталась.

— Чьей, прости?

— Чистосердечными признаниями взять не удалось, придется давить на амбиции, — просто пожал он плечами.

Я помрачнела. В каждой шутке, как известно, есть только доля шутки, и амбиций у нас с Новийским хватало у обоих.

— Но все, что я тогда говорил, еще в силе, — тихо добавил, облекая мои мысли в слова.

Как бы то ни было, несмотря на прошлую неудачу, он относился ко мне по-прежнему. Мне хотелось знать, что в его отношении не только расчет. И я уже хотела радостно кричать «да», но вспомнила, что и у меня есть новости. Стояла и молчала, не зная, как то вообще сказать.

— Ты даже не представляешь, как ты вовремя, — выдавила я через силу, а Новийский вопросительно приподнял брови. Я сглотнула ком в горле и выпалила на одном дыхании: — Я жду ребенка. Вот.

Теперь молчал Новийский, и эти несколько секунд невесомости были самыми

страшными в моей жизни. А потом в первый раз ударили куранты, и это запустило реальность. Сергей схватил меня в охапку так крепко, что, думала, задушит.

— Я догадывался, — хрипло сказал он у самого моего уха. — Но это не то же самое, что слышать.

— Ты никогда об этом не заговаривал. А раз у вас с женой не было детей, я не знала, что ты думаешь на этот счет, — призналась я с облегчением.

— Я расскажу, — пообещал он, но, конечно, не в тот момент.

Мне было так неловко, что Сергей на глазах у всех целовал мои мокрые от слез щеки (опять!). В тот день на моем пальце, наконец, засверкало кольцо.

На обратном пути, в самолете, я попросила Новийского все-таки рассказать, почему у них с Юлией не было детей. Была готова к чему угодно, но не к правде. Сергей говорил неожиданно сжато и скупой, что с лихвой выдавало его отношение к произошедшему. Взгляды на семью у супругов Новийских расходились радикально, но до некоторого времени Сергей надеялся, что со временем Юлия передумает. Биологические часы, инстинкт... все, как говорил Петру когда-то. А потом он нашел документы, в которых значилось, что его жена сделала аборт. Не ставила его в известность — все решила сама. Новийский потребовал объяснений, а Юлия в ответ сообщила, что это ее тело, и ей решать, как с ним поступать. Плюс, матерью она будет ужасной. Вероятнее всего, последнее — правда, но Сергей ее поступка не понял. И брак полетел к чертям. Таков был его повод для измен.

По собственному признанию, заподозрив, что я жду ребенка, он боялся спросить. Боялся повтора. Умом понимал, что у нас с Юлией нет ничего общего, но даже не представлял, с какой стороны подобраться к вопросу. Его первый брак стал прекрасной средой для размножения тараканов.

К сожалению, второй, по факту, — тоже.

Со свадьбой решили не мудрить и не устраивать большие торжества. Сергей, конечно, пятьдесят раз спросил, не буду ли я жалеть, ведь у меня такой день будет раз и на всю жизнь (да, представьте), но одного слова «Илона» оказалось достаточно, чтобы он умолк. Память о том, что вычудила сестра, была свежа. Поэтому мы запланировали скромно расписаться, отметить в ресторане, а силы бросить на медовый месяц. Где? В Лондоне, по которому так скучал Сергей. Признаться, я почти подпрыгивала от нетерпения и в паспортном столе, делая свой загран, и в визовом центре.

Узнав о том, как мы спланировали торжество, мама обещала обидеться на меня до конца жизни, и потому я скромно напомнила ей, что еще недавно она сомневалась в порядочности жениха. Это сняло большую часть вопросов и снизило градус враждебности.

Рассказывать о беременности я не спешила — и без того слишком скорое замужество стало хитом среди сплетен. Доверилась Илоне, и почти тотчас об этом пожалела. Сестра чуть не расплакалась от того, что учеба помешает ей нянчить племянника. В ответ на мое удивление покраснела, потупилась и сказала, что еще год назад рассчитывала завести ребенка сразу после свадьбы, но счастья не получилось, а малыша до сих пор хочется. Посчитав возраст, я поняла, что к ее годам наша беспутная родительница была беременна уже второй дочерью, и на таком фоне Лона определенно считает себя неудачницей. Ее все еще раскачивало между нашими с мамой точками зрения. Увы, своей Лона к тому моменту еще не приобрела.

Отчетливо помню, как пожалела сестру, осознав, что иметь в жизни разлом, который

разделит все на «до» и «после» — ужасно. И радовалась, что меня эта участь миновала... Вот ведь дуручка Саф. Ругала маму, а сама туда же. Думала, раз выхожу замуж за идеального мужчину, то все проблемы пройдут мимо... Боже, именно так я и думала.

Своего рода испытанием для меня стала необходимость рассказать о свадьбе Ваньке. Я даже обсудила с Лоной вопрос, не стоит ли позвать его на торжество. В конце концов, раньше Ванька был мне близким другом, и что-то внутри отказывалось переводить его в разряд знакомых. Возможно, мысль, что у него осталось мало по-настоящему близких людей. Тогда сестра предложила пригласить его на свадьбу в качестве спутника, чтобы у Сергея не осталось повода для придирок. Сначала мне это показалось хорошей идеей, только то, что Лона, вроде как, начала встречаться с Егором остановило — мне казалось очень важным, что на отважилась жить дальше. Однако, чем больше я думала о предложении сестры, тем меньше мне нравилась эта мысль.

Не став лукавить, я решила поговорить с самим Ванькой. Пусть в ресторане обещала быть Илона, с которой он неплохо знаком, вся остальная публика был бы ему едва ли приятна. Сергей, отец, их партнеры... Плюс, мозги у Ваньки были прикручены тем местом, которое нужно. Наши коварные планы он запросто мог разнести в пух и прах.

Переборов приступ страха из-за возможной злости Сергея, я сняла трубку и, очень стараясь думать о контекстах как можно меньше, набрала Ванькин номер. Пригласила его прогуляться в выходные по Васильевскому острову. Вместо со мной и толпой беспощадных туристов. В ответ раздалось легкое: «без проблем».

Тогда я еще не знала, что запланированный поход станет лучиком света в царстве мрака. Потому что — трепещите — к нам в гости собрались родители Сергея. Знакомиться. Как итог, я целое утро чувствовала себя пришибленно и расспрашивала Новийского о его семье. Неожиданно для себя опоздала на десять минут, а когда вышла из метро, обнаружила зябко топтавшегося на месте Ваньку. Погода подвела: с Невы дул пронизывающий ветер, и я пожалела, что увлеклась своими проблемами.

— Привет, извини за опоздание, — быстро подошла я к Ваньке.

— Привет, — ответил он коротко. — Погоду ты не выбирала, но все равно за опоздание должна выпить со мной кофе. Иначе у меня отвалятся уши.

— Уши — святое. Пойдем.

Мы немножко покрутились по району, присматриваясь к кафешкам. Нашли симпатичное молодежное, ярко оформленное местечко, в которое я влюбилась с первого взгляда. Ваньке было все равно.

— Как дела? — спросила я первой, едва дверь отрезала от нас порывы ветра.

— Хорошо. Присмотрел себе старую японку.

— Я надеюсь, речь об автомобиле, — не удержалась я от колкости.

— Очень смешно, — закатил он глаза. — Сан Саныч не одобряет. Говорит, что сначала неплохо бы найти квартиру, но я разбалован личным транспортом, и уже перестал это отрицать перед самим собой. Да, — шутливо склонил он голову, — неженка.

Я широко улыбнулась. Скользнула взглядом по беспорядку на его голове и чуть помрачнела. У меня за пятиминутную прогулку образовалось воронье гнездо, а Ванька как всегда стоял под обстрелом женских взглядов. Лохматый и небритый, и все равно обалденный. В тот момент я подумала, что сошла с ума, посчитав Петра более симпатичным. Он же такой холодный, а Ванька — нет. Пришлось признать, что на месте Сергея я бы тоже

бесилась от такого соседства.

— Работу нашел?

— Работу? — удивился Ванька. — Я не рассказывал? Друзья друзей помогли, так что теперь обеспечиваю безопасность товарищей вроде твоего Новийского.

В этот момент подошла наша очередь, я достала руки из карманов куртки и задумчиво побарабанила пальцами по прилавку, выбирая объем горячего шоколада — единственного напитка из списка, который можно без опаски пить в беременном состоянии.

— Мне не нравится это говорить, но все-таки он молодец, — отметил вдруг Ванька, и я вопросительно взглянула на друга. Он смотрел прямо на кольцо, к которому я уже начала привыкать. Даже не подумала, что меня раскроют вот так.

— Да, это к вопросу о том, как мои дела, — пришлось признать.

Но вышло плохо. Я должна была сказать раньше, чем он заметил.

— Поздравляю.

Несмотря на кучу людей вокруг, Ванька сгреб меня в охапку и крепко прижал к груди. Я пыталась не смущаться, но у меня это всегда выходило из рук вон плохо. Когда Ванька меня отпустил, щеки горели румянцем.

— Завтра я буду вынуждена встретиться с его родителями, — попыталась немножко сменить тему.

— А ты их еще не видела? — удивился Ванька. — Вы ведь давно уже вместе, верно?

Я скривилась. Конечно, этот вопрос волновал всех. Как скоро после разрыва прежних отношений маленькая негодяйка Сафри прыгнула в объятия другого мужчины?

— Год. Чуть-чуть больше. Мне стоит рассказать, как это вышло? — попыталась уточнить. — Чтобы больше не возникало неловких вопросов.

— Если хочешь, — пожал он плечами.

В переводе на общечеловеческий это значило «да».

В этот момент подали заказ, и мы с Ванькой отправились искать место. В помещении былолюдно, но нам повезло отхватить столик у окна, рассчитанный на четверых. Я с удовольствием сбросила куртку и взъерошила волосы. Снова окинула Ваньку придирчивым взглядом и утешилась мыслью, что, если бы меня еще недавно побрили на лысо, растрепаться тоже было бы нечему.

— Я хотел тебе сказать наедине, — вдруг, помявшись, сказал Ванька, едва я успела сделать первый глоток горячего шоколада. Конечно, ни в какое сравнение с тем, что готовил Сергей. — Лона выглядит потерянной. Ее опять заносит. Этот восторг от учебы такой же ненастоящий, как свадьба с Романом.

— Возможно, но это хоть не во вред, — согласилась я.

— Не во вред. Вот только боюсь, как бы она глупостей не наделала. Гнуть себя не в ту сторону очень тяжело, Саф.!лк я знаю. А Лона... ты прости, но стержня в ней не хватает.

— Ну и что ты мне предлагаешь? Она всю жизнь полагала, что дорастет до двадцати лет, переложит ответственность за свое благополучие на мужчину, и будет жить безбедно до самой старости. Мама такая же. Или ты думаешь, что я от хорошей жизни самостоятельной выросла? Нет. Просто мои родные слабо представляют, что такое забота даже о себе любимых.

Ванька на это ничего не сказал, и я неожиданно для себя начала оправдываться.

— Я помогаю, чем могу. Лоне есть где жить, я понимаю, что можно сделать больше,

но...

— Это и плохо. Потерять все и начинать с нуля иногда помогает, — перебил меня Ванька. — У меня было все. Отец, который разработал план моего профессионального утверждения на двадцать лет вперед, деньги, отличное жилье в новостройке, машина, какой завидовали друзья... — взглянул на меня и осекся. Да, и девушка тоже была, но этот вопрос мы решили пропустить. — Однако мне всегда казалось, что цена этому завышена. Спустя два года я все еще так думаю, но понимаю и другое: я не ценил имеющееся. А неделю назад я посчитал заработанные за время службы деньги и пришел к неутешительному выводу: что предпочитаю личный комфорт сексу. — Я вытаращилась на него, ничего не понимая. Да и тема, мягко скажем, не из моей юрисдикции. Ванька взглянул на меня и весело хмыкнул. — Пояснить? Имея стабильный заработок, я мог либо переехать от Сан Саныча, либо купить себе автомобиль и больше не таскаться по метро в час-пик. И выбрал второе. То есть возможность водить домой подружек опять откладывается.

— И это в лучшие молодые годы, — погрозила я ему пальцем, пытаюсь принять серьезный вид. Но куда там.

Он лишь пожал плечами.

— Видишь ли, начинать с полного нуля в двадцать восемь как-то странно. Задумайся я о будущем раньше, уж точно что-нибудь бы предпринял, хоть счет процентный открыл, чтобы потом эти копейки грели душу. Но я не думал. Ведь у меня был отец, который решал за меня все вопросы. Илона в том же положении, и ей пора учиться думать своей головой, на перспективу. Иначе время уйдет, а самостоятельности так и не прибавится.

Он говорил примерно то же самое, что Сергей, но в лояльности Ваньки к Лоне я была уверена на сто процентов, поэтому просто кивнула, давая понять, что услышала. Некоторое время мы молча пили свои напитки. Я смотрела в окошко на хватающихся за юбки девушек. Ветер утихать и не думал, и долгой прогулке, по-видимому, не суждено было случиться. А жаль.

— Значит, ты все еще не хочешь видеть отца? — решила я подкрасться к цели своего визита как можно незаметнее. — Оно тебе все время спрашивает.

— Ну почему же? Он мой отец, и я по нему скучаю. Просто я не услышу от него то, что хочу услышать, а он — от меня. Закончится все точно так же, как всегда. От этого на душе паршиво, знаешь ли. Внутри такой раздрай... Ощущение, будто я делаю что-то не то и обязательно пожалею. Вдали отсюда было легче.

— Так бывает, когда принимаешь важные решения, — попыталась я успокоить Ваньку. А потом не выдержала и все-таки любопытствовала: — А что же ты хочешь услышать от отца? — и тут же осеклась, что лезу в личное.

Ванька молчал довольно долго, вместо этого следя глазами за полетом птиц. Решив, что ответа не получу, я нервно заглянула в телефон и поправила рукав кофты. И зачем спросила?

— Что был прав, — наконец, бросил Ванька, когда я уже почти забыла вопрос. — Но признает он это только если я чего-то добьюсь.

— Откроешь крутое страховое агентство? — попыталась я уточнить.

— Саф, агентство не за этим, — досадливо поморщился Ванька. — Да и ты видела сметы: нужны большие деньги.

Он сомневался. Впрочем, ничего удивительного. Мне потребовалось переступить через себя, чтобы взять у Николая Давыдовича заем, и это нормально для любого человека,

готового нести ответственность за свои действия. Но кроме страшных цифр я увидела в сметах кое-что еще. То, что они были составлены в кратчайшие сроки, детально и аккуратно. На такую кропотливую работу способны только люди, искренне увлеченные идеей. Да, сложности будут, но неужели игра не стоит свеч? Из памяти сама собой вдруг выплыла фразочка, как-то раз брошенная Сергеем:

— Найди! В чем проблема? Как бы ты ни старался это отрицать, Иван Гордеев — не обычный, среднестатистический мальчик. Ты вырос среди людей с большими возможностями. У тебя есть влиятельные знакомые, далеко не бедные друзья, и знания о мире, в котором крутятся деньги. Это очень много. Можешь отказываться от отца с его ультиматумами, но он не есть все твоё прошлое, не забывай об этом.

Окинув меня внимательным взглядом, Ванька признал:

— Может, ты и права. Сам думал полгода повертеться в этом бизнесе, попытаться понять особенности кухни изнутри. Если печень выдержит, и знакомства нужные заведу. А там посмотрим.

— Шесть месяцев, значит, — задумчиво протянула я. Полгода — срок хороший, не слишком много, но и не с гулькин нос. — Ну а что твоя мегера-валькирия? Она же, как ты сказал, уже много знает.

— Зоя хороша в частном сыске. — Но не спустил мне шпильку: — Мегера- валькирия?

Отвечать на это я не стала. Если он без пояснений понял, кого я имею в виду, то какие еще нужны уточнения? Вместо этого переключилась на главное. Наверное, не существует способа пригласить на свадьбу своего бывшего, избежав неловкости, и я решила спросить в лоб. Репутацию излишне прямолинейной особы надо подтверждать.

— Вань, я хотела пригласить тебя на свадьбу, но подумала, что неплохо бы поинтересоваться, насколько хороша эта идея.

— Мы оба знаем, что идея отстой, — сказал Ванька, смягчив слова улыбкой. — Новийский, хоть и вежлив, но едва меня терпит, и это взаимно.

— Тебя приглашает не он, — выразительно напомнила я.

— И все же нет, — решительно отказался он.

— Лона расстроится. Мечтала, чтобы ты составил ей компанию, — попыталась я схитрить.

— Действительно? А я думал, что нынче она спит и видит Егора, — не остался в долгу Ванька, театрально округляя глаза. — Саф, давай не будем никому накручивать нервы. Мое присутствие будет точно лишним. Если хочешь, напьемся по поводу твоего замужества в любой другой день. И напоминаю: это не означает, что я не рад видеть тебя или Илону. Просто давай сведем наше с твоим... будущим мужем общение к минимуму.

Я кивнула, ничуть в этом не сомневаясь.

— Пойдем со мной, — велел вдруг он и, подхватив стаканчик, направился к выходу.

Подтягивая повыше шарф перед выходом на улицу, я мысленно ехидничала: надо же, как ему понравилась моя затея. Подорвался с места, будто черти за пятки кусают! Интересно, сумел бы он столь же категорично отказаться от приглашения моей сестры или не посмел? Меня он задеть не постеснялся, а ее?

На этот раз Ванька уверенно прокладывал маршрут сам. Я понятия не имела, куда он собрался, но шагали мы так быстро, что даже не успели замерзнуть. К моему удивлению, нашей целью оказался обыкновенный палаточный тир, где за меткие выстрелы дают мягкие игрушки. И все посетители мажут мимо, ибо ружья в этих киосках убитые.

— Соскучился по службе? — съехидничала я, переводя взгляд на парня. — Быстро ты.

— Можно пристреляться? — спросил Ванька у флегматичного парня, всячески меня игнорируя. Тот пожал плечами и протянул руку за стандартной таксой.

Ванька определил мишень и несколько раз выстрелил, проверяя прицел. Сделал четыре выстрела, даже не потратив все патроны, а потом, еще раз заплатив парню и перезарядив ружье, перешел к маленьким картонным изображениям зверей. Он стрелял мгновенно, почти не прицеливаясь, но каждый раз попадал в мишень. Несколько секунд, и выстрелы отгремели. Нам же с флегматичным продавцом нехитрого развлечения потребовалось больше времени, чтобы отмереть. Первым подхватился он: вытащил откуда-то огромного плюшевого медведя и протянул Ваньке. Я поспешила отступить на шаг. Игрушечная животина оказалась с половину моего роста!

— Это тебе, — весело сказал Ванька, протягивая мне медведя и откровенно наслаждаясь замешательством. — На помолвку. И в извинение за отказ.

— Класс, спасибо. — В голове не нашлось ни одного умного ответа.

Я взяла медведя и тут же пожалела: он оказался увесистым. Испугавшись, поспешила отойти в сторону и пристроить свой презент на ограждении клумбы. Проходящий мимо маленький мальчик сказал маме, что хочет такую же игрушку. Вдруг подумалось, что моему малышу тоже наверняка понравится медведь. Подумала — и сразу удивилась. Раньше в моей голове таких мыслей не возникало.

— Саф, — позвал Ванька, привлекая мое внимание. — Твой Новийский придурок, но к тебе относится хорошо. Так что давай, счастья вам и иди повторять этикет перед встречей с его снобскими родственничками. Помни: лучшая стратегия — помалкивать и садиться так, чтобы никто не смог посчитать, сколько раз ты посмотрела на часы.

Я кивнула, в последний раз задумчиво посмотрела на Ваньку и потащила игрушечного медведя в сторону метро. Он занял целое сидение.

Едва я переступила порог квартиры, Сергей вышел мне навстречу с телефоном в руках.

— Собирался тебе звонить... — хотел что-то добавить, но удивленно уставился на заботливо усаженную на лавочку плюшевую животину.

— Поздравляю, милый, у нашей Анастасии Сергеевны появилась первая игрушка, — съехидничала.

— Или Алексея Сергеевича, — поправил Новийский. — Ты что, рассказала сыну Гордеева?

— Это на помолвку, — торжественно объявила, опустив, что не «нам», а «мне». Право, смешно даже. Можно подумать, Ванька бы стал делать Сергею подарок!

— Слушай, странные все же у тебя друзья. То розовые пони на новоселье, то медведи-переростки на помолвку.

— Какие есть, — пожала плечами. — Теперь нужно определить, где мишка будет жить, — подсказала я, тонко намекая на то, что комнату под детскую мы так и не выбрали. — Думаю, в твоём кабинете ему будет достаточно комфортно.

Сергей заметно помрачнел, но ничего не сказал. Он догадывался, что его святилище под угрозой с тех самых пор, как впервые закрылся в нем во время нашей размолвки. Хотя, если честно, я на этот счет колебалась. Искушение избавиться от гостевой спальни и, соответственно, гостей с потенциальной гонореей было практически также велико.

Впрочем, злопамятная часть меня, как всегда, возобладала над здравым смыслом, и

через пять минут плюшевый трофей оказался на любимом столе Сергея Афанасьевича. Флаг был воткнут, а противник — обезврежен.

* * *

Родители Сергея пришли к нам в гости в воскресенье днем, на обед. Со свекровью Анной Павловной мы друг другу не понравились сразу. Эта строгая женщина с безупречной прической и ниткой жемчуга на шее окинула меня оценивающим взглядом с головы до ног, а потом обернулась к сыну и расцвела такой ласковой улыбкой, что я удивленно моргнула. Преображение оказалось феноменальным. Афанасий Ильич отнесся куда благосклоннее, хотя, мне и самой он понравился больше. Во-первых, мужчина выглядел как состаренная копия Сергея, а, во-вторых, он был шутником. Чувство юмора у Афанасия Ильича было очень специфическим, и я так и не смогла к нему привыкнуть. Но он не цедил фразы сквозь зубы и не смотрел на меня как на грязь под ногами — уже успех.

— Это к чаю, — нехотя протянула мне — как хозяйке — торт собственного приготовления Анна Павловна.

— Спасибо большое, — ответила.

Спокойствие, молчание, кротость, минимум эмоций — напомнила. С помощью такого коктейля я и старалась пережить этот день.

— Благодарю, мама, с вашей стороны это очень мило.

Мой мозг забил тревогу и начал лихорадочно подыскивать иное объяснение, кроме обращения на «вы» к родителям. Возможно, торт пекли родители Сергея вместе, или этикет требовал поблагодарить обоих, однако это было ошибочно. Новийский называл родителей на «вы». Точка. Это сказало мне об их семье больше, чем все прошлые слова. По всему выходило, что в доме Новийских не спорили с пеной у рта, не повышали друг на друга голос, не давали друг другу ключи от квартир. Наверняка моя семейка ужасала Сергея не меньше, чем его — меня.

— Знакомая люстра, думал, ты ее уже выбросил, — с неприкрытой гордостью проговорил Афанасий Ильич, и я поняла, о чей подарок мы с Сергеем столько раз ударялись. Итальянское барокко, ну конечно!

— Как можно, отец. Это же истинный шедевр, — усмехнулся Сергей. — Прошу к столу, надеюсь, вы голодны.

Анна Павловна двигалась вглубь квартиры, осматриваясь. Ни разу не была у сына дома? Или была так давно, что успела все позабывать? А, может, любовалась? Как бы то ни было, на лице ее появилось одобрительное выражение, и уже от одного этого стало легче дышать.

За столом разговаривали, преимущественно, мужчины. О новинках в искусстве и изменениях в законодательстве по части переправки ценностей через границу. Отчего молчала Анна Павловна, я не представляла, а вот мне попросту нечего было сказать. В последнее время я видела пару свежих спектаклей, однако не могла похвастать даже отзывами критиков на них. Теперь жалела.

— Мама, вы молчаливы, — отметил Сергей.

— Все замечательно, милый, — ответила она спокойно.

— Как вам обед?

— Вино прекрасное, но мясо пересушено, а в салат бы добавить заправки,

— ответила она без обиняков и стрельнула в меня глазами.

— Жаль, я так старался, — отметил Новийский.

— Ты готовил сам? — Прозвучало как обвинение.

— Разумеется. Было бы бесчеловечно подставить Ульяну таким образом,

— прозвучало недвусмысленно, и Анна Павловна укоризненно взглянула на сына.

Зато Афанасий Ильич заулыбался, хитро так, по-плутовски даже.

— Ульяна, расскажите о себе, мы все же пришли знакомиться, — сменил он тему.

Потребовались нечеловеческие усилия, чтобы сдержать вопрос: «а вам это точно нужно?», — и все же я улыбнулась и в двух словах перечислила свои биографические данные и сомнительные достижения в жизни. Закончила журналистику? Прекрасно! Выехала из общежития, купив квартиру? Какая молодец! Устроилась личным помощником к Гордееву? Просто прелесть! Меня выслушали, не перебивая. Пришли в ужас тоже молча. Могло быть куда хуже!

— На какую дату назначили свадьбу? — спросила Анна Павловна у Сергея, дослушав рассказал о моих сомнительных достижениях.

— На пятое августа.

— Мы приглашены? — уточнила.

— Разумеется, мама, — делано оскорбимся Сергей.

— Замечательно, мы придем.

На мгновение мне показалось, что она встанет и уйдет. Все выяснила, к чему оставаться? Смешно даже.

— И еще, — Сергей утешающе сжал мою руку под столом, и я попыталась сдержать тяжелый вздох. — Мы с радостью сообщаем, что вы станете бабушкой и дедушкой.

— Милый, это было понятно с тех самых пор... как невеста отказалась от вина, — отозвалась Анна Павловна, продемонстрировав нам свое истинное отношение к браку.

Она тронула Сергея за руку и скривила губы в подобии улыбки. Я же вдруг подумала, что не будь я в интересном положении, будущая свекровь могла бы закатить истерику и потребовать у сына расторжения помолвки с помощью каких-нибудь угроз. Что ж, не все так страшно!

— Поздравляю вас обоих, — закончила Анна Павловна, вспомнив, что инкубатор тоже присутствует в комнате.

Зато Афанасий Ильич желал нам всего доброго от души. Как он относился ко мне лично, я никогда не понимала, однако был искренне благодарен за внука, которого уже не надеялся дождаться. Впрочем, желать большего было бы глупо.

Когда родители Сергея ушли, а это случилось довольно быстро, я не окропила квартиру святой водой лишь потому, что у меня ее не было.

— Гляжу, тебе мои родные приглянулись, — подметил Новийский.

— Напомни, почему я выхожу замуж за человека из такой семьи?

— По залету, — милостиво подсказал Сергей.

Он относился к деликатной ситуации куда спокойнее, а вот я подобные шутки воспринимала очень болезненно. Не сдержалась:

— Именно так они и думают! — пожаловалась.

— И пусть думают дальше, пока помалкивают, — закончил Сергей, окончательно подтверждая догадку, что вертел он беспокойство близких о его благополучии. — Советую

не разубеждать их, а то в жизни не объяснимся. Не уверен, что моя матушка хоть раз в жизни произнесла слово «люблю».

Я задумчиво на него посмотрела, про себя подумав, что не так это и плохо. Моя мама, к примеру, часто оперировала своей «любовью» как последним аргументом в споре. «Ульяна, ты же знаешь, что я тебя люблю и это из лучших побуждений».

Ох не знаю, в какую сторону должна была повернуться Земля, чтобы свести нас с Сергеем Новийским в одном месте в один час. Но все же спасибо ей за это.

Почти весь список приглашенных составлял Сергей. Из моей семьи присутствовали только мама и отчим, Илона и Егор. Сестра очень не хотела оставаться одна в компании пугающих людей, и сильно расстроилась, узнав, что Ванька не согласился составить ей компанию. В ответ на мой вопросительный взгляд смутилась и сказала, что, в отличие от Егора, он точно понимает, как себя вести в обществе страшных людей вроде родителей Сергея. Ох, знала бы Лона, что Ваня посоветовал мне выселить ее из квартиры, чтобы научить плавать без спасательного круга, запела бы совсем иначе! Впрочем, обсуждать было нечего: Гордеев-младший отказал нам обеим в самой категоричной форме, и я до сих пор считала, что получилось у него почти... грубо.

Свидетелями мы с Сергеем выбрали Петра и Лону. Представив, какими получатся свадебные фотографии в такой компании, я чуть не прослезилась. Хотя, жаловаться было глупо: мама сделала все возможное, чтобы я стала красавицей. Сохранив со времени свадьбы Илоны номера мастеров, она вынудила меня сначала досконально продумать с мастерами образ, потом сделать «примерку», а довершение устроила фотосессию, чтобы обсудить наряд на следующий день и внести коррективы. В ответ на мой ужас от такой щепетильности сказала, что невеста из меня удивительно безответственная. С этим было трудно спорить, учитывая, что я ухитрилась забеременеть до свадьбы.

Платье я выбрала белое, но вечернее. Льнущее к телу, шелковое. Возможно, скрыть потенциальный живот под килограммами колючего тюля было бы проще, но мне хватило одной примерки шедевра из «стеклянной» свадебной ткани, чтобы решиться на риск. К сожалению, я не учла, что подобрать под такой наряд незаметное белье будет очень непросто, и пробежала по магазинам несколько недель. К счастью, результат того стоил: когда я предстала перед родными при полном параде, мама растроганно хлюпнула покрасневшим носом и прижала к глазам платочек. Образ получился изящный, достойный жены политика. Хотя, спорю, мало кто из девушек одобрил бы такой выбор.

День свадьбы выдался непогожим, и все говорили: к добру. Помню, как иррационально радовалась этому обстоятельству, хоть и не верила в приметы. Перед выходом немножко волновалась. Боялась наступить на платье и растянуться прямо на глазах у всех. Или уронить кольцо, не там расписаться или... много было или, но в своем выборе я не сомневалась ничуть. Один раз уже пострадала от собственной нерешительности — хватит.

В ЗАГС решили ехать по отдельности. Не так романтично, как в американских фильмах, где жених и невеста встречаются в церкви, но все лучше выкупа. У меня после свадьбы сестры на них аллергия.

Когда я вышла из такси, Сергей уже ждал. Никогда не забуду, как он смотрел на меня. Если до этого момента оставались какие-то сомнения, то после я готова была клясться на чем угодно, что никогда не выглядела лучше. Вокруг было полно людей, много значивших для Сергея в профессиональном плане, а он стоял и как мальчишка пялился на собственную невесту. Это совсем не походило на мои представления о торжестве с прицелом на сближение с партнерами.

— Это платье выглядит так, будто под ним ничего нет, — негромко сказал Сергей, обнимая меня и будто невзначай проводя пальцами по спине. — Но уже чувствую, что ошибся, — поправился, добравшись до почти неощутимого края белья. — Не уверен, что рад

этому.

Должно быть, я покраснела до кончиков ушей. Но это не помешало мне дать смелое обещание:

— Надевать такое платье без белья можно только для собственного мужа. А у меня его пока не имеется.

Сергей весело сверкнул глазами и хотел было что-то сказать, но, будто почуяв провокационную тему, к нам уже спешил Петр. Без летного обмундирования я его едва узнала, хотя, врать не буду, он выделялся даже в костюме.

— Думаю, стоит познакомить наших свидетелей, — предложил Сергей. — Илона, — позвал Сергей мою витающую в облаках сестрицу, которая прижимала к груди корзинку с розовыми лепестками.

Мы быстро представили друг другу свидетелей, те заверили друг друга в приятности встречи, а затем... случился казус:

— Надеюсь, дамы и господа, вы настроены решительно, и никто из-под алтаря не сбежит, — пошутил Петр.

Это было ужасно нетактично, но мы с Новийским расхохотались оба, а Лона начала заикаться:

— Я... я... я, пожалуй, пойду. Проверю шампанское, и все такое.

— Я что-то не то сказал? — удивился Петр и проводил мою сестру задумчивым взглядом.

Смех смехом, но так все между ними и началось. По собственному признанию Илоны, на то, чтобы влюбиться в блистательного капитана авиалайнера (слово-то какое!), ей хватило одного вечера. И эта фраза, угодившая пальцем в небо, сыграла не последнюю роль. Несмотря на то, что шутка была не более, чем средненькой, она произвела на Илону впечатление, и с тех пор сестра поглядывала на Петра слишком часто. Он это, конечно, заметил. Не посмотрел, что она — сестра жены лучшего друга, которую обижать было попросту свинством, и что пришла она с парнем. Петр просто увидел заинтересовавшуюся им не в меру хорошенькую особу и не отказал себе в удовольствии окончательно вскружить ей голову. Гребаный гедонист. Естественно, что еще ему было делать на свадьбе Сергея, как не искать очередную..? Нет, так о сестре нельзя; но, дьявол, каким местом думала Лона, связываясь с человеком, у которого женщины делились на два типа: однократного и многократного использования?

Я же со своими эпохальными событиями даже не сразу заметила происходящее. Сначала бестолково улыбалась Сергею, сияя от счастья, стояла в красивом зале, говорила, что согласна стать женой лучшего мужчины на свете и не видела усмешки Петра, направленной на Лону из-за спины Сергея. Не заметила, как дрожали руки расписывавшейся в журнале регистраций сестры. И уж конечно не обратила внимания на тот факт, что свидетели поехали в ресторан в одном такси. Я искренне полагала, что Лоне больше пяти лет, и ее можно оставить без присмотра в компании незнакомого дяди.

И только в ресторане, видя, как тесно прижимает сестру в танце оживший кошмар любой здравомыслящей мамы, поняла, что дело дрянь. Нет, ну вот что мешало моей сестре крутить роман с Егором? Ну или, прости господи, с Ванькой? Конечно мне было бы не очень комфортно видеть последнего в паре сестрой, но прошло бы время, и я бы смирилась, ибо это вполне жизнеспособный альянс. Увы, но нет! Лоне понадобился любитель игрищ с

профессиональными проститутками.

Танец закончился, Петр поцеловал Лоне ладошку, и она развернулась к выходу из зала. Сестра шла быстро, будто ей в самом деле не хватало воздуха. Я поспешила следом, намереваясь вскрыть Лоне череп, покопаться внутри и вернуть мозги на место. Однако стоило мне догнать ее у выхода на улицу и схватить за руку, как до слуха долетели обрывки крайне занимательного разговора.

— С твоей стороны это ужасно безответственно, Сергей! — возмущалась Анна Павловна. — Теперь мне придется платить юристам за оформление документов задним числом.

— Только попробуйте, мама, — мягко проговорил Новийский, но мне почудилось, что он на грани срыва. Такое с Сергеем на моей памяти случалось всего пару раз.

— Можешь говорить что угодно, но ты обязан защитить и себя, и нас. В первый развод тебя спас только брачный контракт. Как думаешь, что будет на этот раз, если учесть, что женился ты на девушке... нуждающейся?

Мы с Лоной обе примерзли к месту. Это было так... грязно. Внутри живота будто холодной воды плеснули.

— Вот только вы не учли, что я не собираюсь с ней разводиться, — едко сказал Сергей.

— Так и прекрасно. Будет еще одна из тысяч ненужным бумажек. Страховку тоже делают не для того, чтобы пойти отрезать себе ногу.

— Уля, — попыталась остановить меня сестра, но не успела: я уже шагнула на живописную террасу.

Сергей и Анна Павловна стояли не слишком близко ко входу, но в пылу спора перешли на повышенные тона. Плюс, подветренная сторона сыграла свою роль. Заметив меня первым, Новийский пробормотал себе под нос какое-то ругательство, но мне было не до него.

— Я подпишу при одном условии, — проговорила холодно и отстраненно. Как же я корила себя за то, что своевременно не дала этой женщине сдачи!

— Что при любом исходе мы с ребенком будет жить не на улице, а в нормальных условиях. Внесите этот пункт в свой контракт.

Анна Павловна не стушевдалась, лишь выше задрала голову. Сергей отреагировал более эмоционально: он сжал зубы до скрипа. Ему явно не понравилось мое условие. Да я и сама знала, что он не оставит нас на улице.

— Это разумное требование, — заключила Анна Павловна.

Ох, да неужели? Стерва!

— К сожалению, не могу ответить взаимностью, — протянула я, не скрывая издевки. — Ладно контракт — ну и черт бы с ним, я от вас другого и не ждала. Но вы говорите сыну на его же свадьбе, что безродная девчонка вышла за него замуж исключительно ради денег, будто больше ничего стоящего в нем найти невозможно. Хоть бы до завтра подождали.

Сергей выразительно посмотрел на мать, наслаждаясь моментом; а Анна Павловна пошла красными пятнами, глядя на меня и сердито, и пристыженно.

— Мама, действительно, обсудим это после медового месяца. А я вам предлагаю либо вернуться в зал, либо... — выразительный взгляд в ее сторону, — вспомнить, что в ресторане возникли неотложные дела.

Анна Павловна холодно посмотрела на Сергея, но самообладание к ней уже вернулось.

— В ресторане возникли неотложные дела, прошу прощения, — воспользовалась она

предоставленной лазейкой, а затем, как ни в чем не бывало, потянулась, чтобы запечатлеть на щеке сына дежурный поцелуй.

— Поздравляю, милый. Веселитесь и счастливого вам отдыха.

Она ушла собирать вещи, распрямив спину до неестественности. А на второй день после возвращения из медового месяца связалась со мной в обход Сергея, заставив подписать контракт. Надо ли говорить, что я сделала все возможное, дабы ограничить общение своего ребенка с одной из бабушек? Даже наличие у нее замечательного сына не рассматривалось мною в качестве смягчающего обстоятельства.

Развернувшись к двери, я заметила, что Лона не ушла, и все еще жметя в дверях, втягивая голову в плечи.

— Так, теперь ты, — обратилась я к сестре, которая, похоже, больше испугалась моего настроения, чем матушки Новийского. — Еще раз увижу поблизости от Петра — ушей не досчитаешься.

— Я не...

— Мне приступить? — указала я на собственное ухо.

— Тише, — рассмеялся Сергей, обнял меня руками и уткнулся носом в мои волосы, покрытые десятью слоями лака и бог знает, чем еще. — Хватит воевать со всем миром. Тебе положено быть счастливой и влюбленной.

— Как? Стоит отвернуться, и жизнь мигом выходит из-под контроля.

— Чужая, — вдруг сказал Сергей.

— Что?

— Чужая жизнь, а не твоя. Это большая разница. Ты не можешь нести ответственность за всех окружающих тебя людей. Твоя семья теперь я и наш ребенок. Нам ты нужна по-настоящему, и мы тебе об этом будем напоминать часто. А остальные пусть заботятся о себе сами.

Звучало разумно и логично, но как я могла не переживать за бестолковую сестру? Нет, не глупую, а именно бестолковую: мозги в наличии, но толку от них никакого. Тяжело вздохнув, я прижалась к груди своего теперь уже мужа и постаралась сосредоточить свое внимание на нем одном.

* * *

Возвращение из медового месяца было ознаменовано громким воплем моей матушки. Будучи не в курсе моей беременности, она вдруг обнаружила у своей дочери неожиданную часть тела. Нет, не живот — грудь. Она сразу сказала мне, что у ее старшенькой такой стати отродясь не было, и отныне разговаривать она со мной не станет. Я примерно представляла, что это значит, и на обещанное даже не рассчитывала. Под отсутствием общения мама наверняка понимала ни что иное, как методичный вынос мозга. Впрочем, к этому я привыкла с детства.

Гордеев оказался менее проницателен и не замечал симптомы вплоть до шестого месяца. А потом он вызвал меня в кабинет и, к нашему обоюдному ужасу, вместо сухого листочка растений отрезал абсолютно здоровый. Это сказало мне о его состоянии больше любых слов. Антистресс больше не работал. Прямо скажем, настоятельно выдавая меня

замуж за Сергея, Николай Давыдович даже не думал о такой штуке, как рождение детей и удивился. Громко. Впрочем, в декрет я отправилась вовремя. Полагаю, иначе и быть не могло, учитывая, что я вышла замуж за одного из парочки человек, к которым начальник прислушивался. Сергей же к моему положению относился крайне серьезно.

За два последних месяца, что я просидела без работы, успела возненавидеть свое решение раз сто. Сидеть в четырех стенах в одиночестве оказалось невыносимо, причем, как и бывать на свежем воздухе установленное врачами время. Да, есть люди, которые наедине с собой не скучно, но я к таковым не относилась. Разумеется, Сергей и Илона составляли мне компанию, но первый был занят карьерой, а вторая — учебой. Пришлось привлечь дополнительные силы в лице всех остальных знакомых. Не трудно догадаться, кто этим положением охотно воспользовался, ведь среди моих знакомых имелся только один человек, которому катастрофически не хватало толковых и свободных ушей.

К тому моменту, когда я ушла в декретный отпуск, Ванька как раз проработал полгода в своей охране и взялся за агентство всерьез. Поскольку мне рассказывать о своих делах было нечего, то обсуждали, преимущественно, его бизнес. То, что в этом вопросе я чувствовала себя полной дурой, его ничуть не смущало. Кто-то привык записывать все свои мысли на доску, а кто-то — вываливать всю информацию на друзей. Иными словами, отдача не являлась обязательным условием.

Поначалу, глядя на это, Новийский злился. Тихо и молча, на свой манер. А затем пару раз затем застал нас за чаем, разговаривающим исключительно о делах и всякой ерунде и, кажется, осознал безнадежность сопротивления. Смирился. Став женой Сергея, я, наконец, пересекла прежде невидимую черту и начала приглашать домой гостей. Иначе сошла бы с ума в одиночестве. Решила, что так и скажу Новийскому, если начнет возмущаться, но он отнесся к вопросу философски. Если он считал, что визитеры (читай, одна только Лона) злоупотребляют гостеприимством, то подкрадывался ко мне сзади, прижимался губами к затылку и тихо просил позволить ему побыть с женой наедине. Этому я никогда не сопротивлялась. Нам было хорошо вместе, а, главное, есть о чем поговорить. Для себя я решила, что это и есть залог счастливого брака. Пока мы могли говорить, мы были безупречной парой.

Алексей Сергеевич Новийский оказался пунктуален с самого рождения. Как врачи предписывали, так и появился на свет. Беременность вообще не доставляла мне хлопот. Наверное, дело в том, что окружающие меня люди слишком суетились и раздражали, и реши я им уподобиться — начался бы полный дурдом. Только последние месяцы, которые я провела дома, было немного сложно, но не критично. Еще бы, меня даже свекр, временами принимался опекать. В браке с человеком, старшим, чем ты, есть не так уж мало преимуществ. Вряд ли недавние подростки могут похвастаться таким же чувством ответственности.

Сразу после появления на свет сын задал нам жару. Он оказался очень беспокойным ребенком, будто заранее знал, что скромно сидящее в углу чадо придется маме не по вкусу. И пусть врачи говорили, что с малышом все в порядке, о том, что ночью положено спать, наш Алешенька даже не догадывался. Пришлось поставить около кровати качающуюся люльку и в полудреме дергать ее за ручку. По очереди. Качаться сыну нравилось, а вот на отсутствие внимания он реагировал, наоборот, громко. Я ворчала, что это у него от Сергея, а тот возражал: мол, сам он был спокойным ребенком, а потому невиновен.

Пару раз после особо трудных заседаний совета счастливый папочка сдавался и уходил в

другую спальню, чтобы нормально выспаться. После первого такого случая я расстроилась, решив, что именно так и начинаются проблемы. Однако уже на следующий день Сергей извинился: приготовил мне ужин, со свечами. Впрочем, только мы перешли от десерта к поцелуям, как Алексей проснулся и разразился бурными рыданиями. Было решено в следующий раз увезти его к кому-нибудь из родственников. Благо, жаловаться на отсутствие помощи не приходилось.

У Лешеньки количество нянек зашкаливало. Как-то так вышло, что он стал единственным ребенком на кучу людей сразу. Нашего сына баловали нещадно и коллективно. И, будто этого было мало, Алексей уже родился манипулятором. Унаследовав от меня большие глаза, он за пару месяцев научился ими пользоваться лучше, чем я за двадцать семь лет жизни. Помните кота из Шрэка? Вот очень похоже. Если сын чего-то хотел, то сначала молча смотрел на жертву, точно лапушка, а если все же не получал — принимался орать. Еще он терпеть не мог сидеть на ручках, а уж что до нежностей... Только на меня нападала минутка острой любви к сыну, и я брала его на руки или в кровать, как он становился сущим дьяволенком. То вопил, то портил едва надетый подгузник, то пытался выдрать волосы. Но самое ужасное, что когда я попыталась предостеречь маму, она оскалилась и сообщила:

— Это ничего, милая. Ты была такой же, и это еще цветочки. Вот дорастет лет до восьми, тогда и поговорим.

Признаться, ей удалось меня запугать. Я отчетливо помнила, какие устраивала маме проверки на прочность в возрасте с восьми до четырнадцати. Возможно, из общежития она сбежала, уступив инстинкту самосохранения.

Впрочем, все это меркло на фоне того, какой до смешного гордый и довольный ходил Новийский. Я всерьез опасалась, что его помешательство не пройдет, и мы превратимся в типичную семью, где мама злая, а папа покупает по радиоуправляемой игрушке на каждое событие. К счастью, Сергей быстро смекнул, что если не умерить пыл, то наш сынишка при врожденном крутом нраве вырастет страшным тираном, и стал с ним строже. Тогда я вздохнула с облегчением и окончательно уверовала, что все будет хорошо.

Глава 6

Во второй раз они встретились, когда Алексею исполнилось семь месяцев. Я говорю о Петре и Илоне, конечно. Это вышло случайно, у нас дома. Мы с сестрой и Алешей играли в мяч и болтали о каких-то глупостях, и вдруг от дверей раздались два мужских голоса, Сергей с Петром вошли в гостиную комнату, и все — Лона пропала. Я отчетливо увидела момент. Когда она позабыла обо мне, о племяннике, о манерах, а еще об инстинкте самосохранения...

Так и начался их роман. Позже выяснилось, что, несмотря на обещания не приближаться к Петру, Лона когда-то успела с ним переспать. После свадьбы или во время нашего с Сергеем медового месяца — точно не знаю, просто случилось и не забылось. Помимо прочего их секс объяснил мне причину, по которой сестра резко порвала с Егором. До этого я лишь догадывалась, в чем, а точнее в ком, было дело.

Отговаривать сестру я не взялась. Во-первых, сильно разозлилась, а, во-вторых, попробуй я увести Илону при всех, чтобы отчитать, выглядело бы странно. Ну а после того, как она ушла, вернее даже они (с разницей всего в полчаса), спасти уже было нечего. В следующую нашу встречу щеки сестры алели от румянца, а глаза горели огнем. Когда я сама осторожно спросила ее о Петре, Лона стыдливо закусил губу. Клянусь, я не желала знать, что являлось причиной такого красноречивого жеста, но как было не догадаться?

Они встречались каждый раз, когда Петр бывал в Петербурге (в смысле каждый раз, когда он говорил сестре, что здесь бывал). Илона сказала мне это, чтобы отвести от расспросов. Мол, не лезь, видишь, как все хорошо. К несчастью от Сергея я знала другое: Петр навещался в северную столицу куда чаще, чем думала сестра. Но ее голову такая мысль не посещала, а сказать такое было равносильно самоубийству. Слепленная своим прекрасным капитаном, сестра не замечала множественные нестыковки и тревожные сигналы, и винила меня за каждую попытку раскрыть ей глаза. Наверное, секс был феерический и наркотический, иначе не объяснишь.

Через полтора месяца склок и стычек, мы с сестрой решили закрыть тему Петра раз и навсегда, иначе перестали бы общаться. Впервые в жизни Илона с полным осознанием ответственности за свои действия пошла наперекор всем моим предупреждениям, не оглядываясь. Она была уверена, что поступает правильно, а движется — к алтарю. И во всем этом чувствовалось чужое влияние.

Сестра очень изменилась. Неведомым образом Петру удалось привить ей специфическую уверенность в себе и своей красоте, доходящую, порой, до агрессивности. Некоторые замечания новой Илоны ставили меня в тупик. Как-то раз она вслух посмеялась над девушкой, которая явно недавно встала на каблуки, а однажды выдала что-то по типу «красивым можно больше». Возможно, все мы так думаем, но редко набираемся наглости произнести вслух. Моя сестра никогда не была наглой, но она легко поддавалась внушению. Черт возьми, она настолько безоговорочно верила своему бравому летчику, что пошла ва-банк, рискнув даже отношениями с семьей. Представьте себе, она полагала, что он принадлежит ей одной на протяжении целых восьми месяцев!

Поглядев на свою сестру, я вдруг поняла, что совсем не жалею об отсутствии подобных чувств к Сергею. Окрестила себя идиоткой за то, что когда-то желала подобного, и, наконец, с легким сердцем сказала мужу «люблю». Потому что действительно люблю, а не болею.

Я привыкла делиться с Лоной любыми мыслями. Только самые мрачные и депрессивные оставляла при себе. Теперь же, когда у нас появился Петр и целый круг запретных тем, я оказалась связана по рукам и ногам. Сергей, как друг бойфренда сестры, тоже попал в группу риска, и само как-то вышло, что говорить о нем я перестала. «ГорЭншуранс» тоже жил своей жизнью, все больше от меня отдаляясь. Прошло всего ничего времени, как единственным по-настоящему сближающим нас человечком был Алеша. Мой белобрысый сынишка с не проходящими синяками на лбу.

Но хуже всего, что поговорить с Илоной я хотела... об Илоне. В моей жизни, где наибольшей проблемой было не пропустить момент, когда Алешка опрокинет на себя стул, не существовало ничего более страшного. Мама о Петре даже не слушала. Красивый мужчина? В ЗАГС! Сергей мои опасения разделял в полной мере, но все разговоры с ним сводились к простой истине: ты не сможешь человеку, который сам не хочет себе помочь. Оставался Ванька. Его позиция мало отличалась от той, что занял Новийский, но он готов был слушать, а Петр не являлся его другом.

С момента открытия охранный агентства прошло около полугода, и стало понятно, что у Ваньки и Зои сложилось неплохое партнерство. Она отвечала за заказы и подбор персонала, а Гордеев отлично справлялся с привлечением финансирования, вниманием и прочими моментами, которые ему были знакомы благодаря данному отцом образованию. Он не кичился достигнутым, но дела шли неплохо, и это чувствовалось. В нем появилась какая-то необъяснимая уверенность в правильности выбранного пути. Он уже начал возвращаться к жизни, в которой есть место не только работе, но и другим вещам. Например, прогулкам со скачущей декретницей и ее дьяволенком.

В тот день он привычно рассказывал мне о делах, но я не могла сосредоточиться. Беспокойство достигло предела: накануне заметила на запястьях Илоны содранную кожу. Она смутилась и спрятала руки, но я поняла, что это след от наручников. Это означало простую вещь: обычный секс капитану наскучил, и сестра решила поступиться принципами, дабы вернуть отношениям искру. Когда я на это намекнула, мне в ответ прилетело весьма болезненное заявление: такой ханже, как я, не понять. Нарушила молчанку? Получай, Саф. И вторую щеку не забудь подставить!

— Ты где? — заметил мое отсутствие Ванька.

— Мне нужно, чтобы ты меня выслушал, — выпалила, даже не став делать вид, что не ждала своей очереди высказаться.

— Валяй, — кивнул.

Опасаясь, что не сдержусь, повышу голос и разбужу едва заснувшего Алешку, я откатила коляску на пару шагов и вернулась к другу.

— Вань, Лона чудит, — призналась я. — Она спит с ужасным человеком и отказывается это понимать. Даже не говорит об этом! Я...

— Постой, разве этот ужасный человек не был свидетелем Новийского на свадьбе? — удивился Ванька. — Он же его друг.

— А друг Сергея не может быть отвратительным человеком? — поинтересовалась я ехидно.

— Да как по мне, и Новийский не очень, но ты считаешь его святым, — пожал плечами извечный антагонист моего мужа.

Я лишь нахмурилась, но сын пошел дальше: словно почувствовав адресованный папочке

негатив, разразился громким ревом.

— Получил? — позлорадствовала я и вернулась к коляске. А ведь так надеялась, что не придется ее качать хоть пять минуток!

— Леха, тебе больше года, а ты все рыдаешь. Как девчонка, ей богу, — пожурил Ванька. Сын прислушался, на мгновение замолк, а потом заорал еще громче. Сравнение с девчонкой пришлось ему не по вкусу. Пришлось срочно доставать сына из коляски и качать на руках.

— Так что с Лоной? — не отступился Ванька.

— Я видела на ее теле синяки.

Секунд на пять Ванька задумался, а потом решил уточнить:

— В смысле синяки или, — многозначительно поиграл бровями, — синяки.

— Второе, — призналась, поморщившись. — Я понимаю, что это ничего не значит, что у всех подход к, — покосилась на сына, — этому вопросу разный, но Петр это Петр. Он же...

Я снова покосилась на ребенка и представила, что мне скажет Сергей, если первым словом нашего ребенка будет «кобель». В принципе, конечно, это и мой сын, а значит невинного лексикона от него ожидать бессмысленно, но хоть не с пеленок!

Алешка, тем временем, ухитрился содрать варежку и засунуть палец в рот. Поскольку у меня свободных рук на нашлось, пришлось подключаться Ваньке. Прохожие на нас умиленно покосились, а я вздохнула. Еще месяц, на улице установилась бы теплая погода, необходимость в шапках отпала, а нас бы перестали принимать за семью. Ведь Алешка — светловолосый одуван, совсем как Сергей в детстве, в то время как мы с Ванькой оба темноволосые. Я очень ждала этого момента. Уверена, от комментариев по типу «какой у вас чудесный малыш» было неловко не только мне.

— Ты думаешь, он может причинить Лоне вред?

— Я не знаю. Просто мне кажется это... неправильным. Будто то, что изначально сближает людей, окончательно наскучило, и в ход пошли ухищрения.

Губы Ваньки сами собой расползлись в многозначительную ухмылку, я же поморщилась.

— Вот не надо этого. Одно обвинения в ханжестве я уже выслушала. Но я знаю сестру, нас воспитывала одна женщина, — отчеканила. — Не вынуди Петр, Лона бы жестокость не допустила.

Оправдания выглядели жалко, но я не сумела их вовремя проглотить. Ванька же весело хмыкнул, но тут же помрачнел.

— Не вижу ничего криминального в происходящем с Лоной, но, когда речь заходит о ней, ты почему-то оказываешься права. В общем, если я могу что-то сделать — давай, я за.

— Я не знаю, да что тут сделаешь? Я просто боюсь, что правда о Петре ее сломает, — вздохнула я. В ответ на вопросительный взгляд Ваньки попыталась объяснить. — Он имеет какое-то отношение к организованным вечерам с участием проституток. Бывает в Петербурге чаще, чем думает сестра. С Сергеем встречается, с Лоной — нет. Я думаю, в такие дни он проводит ночи не с ней. О венерических заболеваниях я даже говорить не хочу.

Алеша, наконец, задремал и я вернула его в коляску. Уложила и взялась за ручку, покачивая.

— Могу выяснить, где именно он бывает, — предложил Ванька. — Тем более если это ночами.

— Правда? — Такая мысль мне в голову не приходила. — Конечно. И я, заплачу.

Ванька прищурился, будто прикидывая варианты, а у меня аж сердце защемило, так он мне напомнил отца. Я вдруг осознала, что скучаю по начальнику и попыталась засунуть эту странную мысль подальше. Вот еще не хватало! Мне почти год в декрете сидеть, и я вовсе не уверена, что выйду на прошлое место.

В последний раз, когда приходила в «ГорЭншуранс», за моим столом сидел с иголки одетый парень. Узнав, кто перед ним, он окинул меня таким взглядом, что я снова почувствовала себя обитательницей общежития. И вовсе не потому, что была плохо одета или покрашена. Катерина объяснила это тем, что парень попросту не видел меня в роли счастливой мамочки. Оказывается, Гордеев столько раз ставил меня в пример очередному из личных помощников, что тот представлял меня беспардонной стервой. И вдруг тут я с ребенком на руках. Разрыв шаблона.

— От оплаты отказываться не буду, — начал Ванька. — Но возьму не деньгами.

— То есть? — опешила, боясь додумывать варианты.

— Есть у меня идея по поводу расширения области деятельности, поэтому... пригласи меня на ужин к вам Новийским. Хочу с ним переговорить.

На губах Ваньки появилась мечтательная улыбка. Я знала, что скажу глупость и все испорчу, но просто не сумела промолчать:

— Ты все больше напоминаешь отца.

Ванька задумчиво посмотрел в сторону и вздохнул.

— Я и сам об этом думал, — признался парень. — О том, что закончу жизнь в компании фикуса, гибискуса и едва успевшей округлиться в нужных местах идиотки. А искренне любить стану только личную помощницу за стенкой.

Да уж, свое будущее он разрисовал яркими цветами!

— Пф, у нас с твоим отцом чисто деловые отношения, — почти не покривила я душой, отмечая тот факт, что минуту назад скучала по Гордееву-старшему.

— Поэтому он устроил твою личную жизнь? — насмешливо поинтересовался Ванька, а, напоровшись на мое недоумение пояснил: — Так-так! Саф, я открыл тебе Америку? Думаешь, ты случайно оказалась в руках человека, которого отец посчитал достойным того, что он растил для собственного сына? Отец раздал все, что было моим, но чтоб побольше — он отдал это человеку, которого годами ставил мне в пример. Он всегда хотел, чтобы его сыном был не я, а твой политик. Он вручил тебя ему на блюдечке с голубой каемочкой.

Я так никогда не думала. Вздрыгнула, а по глазам поняла, что Ванька действительно в это верил. На его месте я бы сошла с ума от таких мыслей.

— Выше нос, Саф! — велел Ванька. — Еще повоюем. Вот подрастет ваш чемпион, и я научу его играть в футбол и подарю боксерскую грушу. Чтобы не вырос таким же прилизанным, как папаша. В конце концов, не только Новийским населять планету.

— Гордеев, я маленького роста, и бить буду низко. Угадаешь, куда?

— Пожалуй, переживу. Ведь это не меня ужасает парочка синяков после секса. — Моя челюсть отвисла, а на щеках выступили красные пятна. — Бог мой, Саф, у тебя ребенок. Разучись уже краснеть!

От таких слов я закономерно покраснелась еще сильнее, а Ванька засмеялся.

— Ну так что, ты пригласишь меня на ужин?

— А ты имел в виду сегодня?

— А чем плох сегодняшний вечер? — удивился он. — Или ты думаешь, что я за

разносолами к вам иду? Чем раньше — тем лучше. А то к тому моменту, как я расплачусь с долгами, Алексей Сергеевич в университет пойдет!

— Если ты так уламываешь потенциальных заказчиков, то это вряд ли. Ванька самодовольно улыбнулся. Он прекрасно знал, что делает.

— Ну что, Алексей Сергеевич, — повернулась я к спящему сыну. — Пойдем домой, устроим папе сюрприз!

Ванькин план был прост и изящен. Он решил заключить контракт на предоставление охранных услуг на время правительственных мероприятий. Для этого требовалось выиграть тендер, что, как всем известно, достигается путем снижения заявленной стоимости работ. От Новийского требовалось всего-навсего узнать, какая из заявленных цен является минимальной, и слить информацию Ваньке. Сергею было очень интересно, за какие мои проделки он отдувается, но отказывать жене — себе дороже. На том и порешили.

За то время, что я ждала заветную папку, пыталась приглядеться к сестре в поисках тревожных симптомов. Как-то раз вечером мы с ней и Сергеем играли в куклы. Не барби какие-нибудь, а старые, тряпичные, родом из нашего детства. Мама когда-то шила их для нас с Илоной, потому что на другие не было денег. Но вышло у нее хорошо. Кроме традиционной принцессы была еще мышка, зайчик, котик, петух, корова и другие звери. Так нас учили «что говорят животные», и так мы решили учить Алешку. Как ни удивительно, наш непоседа относился к кукольному театру очень благосклонно. Сын сидел и с открытым ртом таранился на игрушечных животных. Разумеется, для нас это было божье благословение!

Мы с Илоной разыгрывали теремок (с поправкой на звериный состав, конечно), а Сергей сидел рядом и внимательно слушал. Глядя на них с сыном я мысленно усмехалась: вот ведь два прирожденных зрителя. Если где-то есть шоу, Новийские в первых рядах.

— Лона, подай, пожалуйста, платок, — попросил Сергей, глядя на облюбованную мордашку Алешки.

Она потянулась к дивану, чуть наклоняясь в сторону, футболка приподнялась, и тогда я увидела: на ее боку были отчетливые синяки. Я быстро перевела взгляд на Сергея, и по нахмуренным бровям поняла, что он тоже видел. Мотнула головой, велев молчать.

Алексею совсем не понравился, что кто-то пытается сделать из него более приличного ребенка. Захныкал, завозился и потянулся к зайцу, намереваясь оторвать ему совсем недавно пришитое на место ухо. Маленький варвар! У него вообще была какая-то патологическая нелюбовь ко всему миловидному. Недавно я пыталась на пробу показать сыну «Ну, погоди!», пролистала на сцену с зайцем. Ноль внимания. Но стоило подумать, что ребенок останется равнодушен к советской мультипликации, как вдруг на экране появился курящий, потрепанный волк, и сын залился громким хохотом.

— Эй, — возмутился Сергей, вытягивая из цепких детских пальцев многострадальную игрушку. — Нельзя обижать зайчика! — укорил он сына.

— Вообще никого нельзя. Ни зайчиков, ни белочек, ни мальчиков, ни девочек.

На последних словах он словно невзначай взглянул на Илону, и я не выдержала. Сослалась на необходимость разогреть сыну молоко, и отправилась на кухню. Сергей появился следом — не прошло и минуты.

— Жаль, что твоего друга этому не учили, — огрызнулась я, коротко взглянув на Новийского.

— Еще больше жаль, что этому не учили твою сестру.

— Ты это о чем?

— Есть множество женщин, которые полагают, что бьет — значит, любит,

— мрачно выдал он. — Виноваты всегда двое.

— Да ты мне Америку открыл! — не сдержалась. — Я до нее не достучусь?

— Нет. Уля, она уже большая девочка. Которая, очевидно, считает, что после драки секс острее.

Я вздрогнула, представляя себе сценку из фильма «Мистер и миссис Смит». Дом в щепки, а супруги в угаре страсти. На экране это выглядит сексуально, но глядеть на отметины на белой коже сестры страшно.

— Скажи мне только одну вещь, — попросила я у Сергея.

— Уля, — простонал он обреченно.

— Нет, ты скажи, это игры такие или нет? Ты же знаешь Петра. Ну?

— По-твоему я знаю Петра в такой плоскости? — желчно поинтересовался Новийский.

— Ладно, забудь.

Он не хотел говорить, и если у любого другого человека это значило бы «да», то в устах дипломатичного Сергея могло быть не большим, чем солидарность.

— Я действительно знаю очень мало, — развернул меня к себе Сергей. — Была одна девушка, они какое-то время встречались, затем расстались. А после она пришла к Петру с пистолетом и выстрелила. Вот почему он ни с кем не встречается. Мне жаль это говорить, но Илона не исключение. Я интересовался...

— Ты спрашивал Петра о моей сестре?

Вот оно — доказательство настоящей любви! Новийский поступился принципами и завел неудобный разговор с человеком, которым был ему очень и очень нужен.

— Да, именно так, — кивнул Сергей, улыбнувшись. — Петр сказал, что инициатива исходит от нее, и он предупреждал Илону, чтобы на многое не рассчитывала.

Я поверила. Несмотря на уверенность сестры в светлом и чистом будущем я верила, что Петр ее предупреждал, и не раз. Мне ли не знать, как сложно выбить из головы Сафроновых дурь?

— Ульяна, я прошу тебя оставить эту тему в покое, хорошо? — попросил Сергей, пристально глядя на меня. — Петр с Илоной не имеют к нам никакого отношения, правильно? Есть мы с тобой и Алексеем, у нас все замечательно. Не забывай об этом. Ну так что, я хороший? — лукаво улыбнулся Сергей уголком губ.

— Хороший, — признала.

— И ты меня любишь?

— Любишь, — согласилась я более кисло.

— Тогда обещай, что не полезешь, куда на приглашают.

— Ты собираешься меня шантажировать? — опешила я. — На почве моей маленькой слабости?!

— Обещай, — шире улыбнулся Сергей, подтверждая, что занимается именно этим.

Я честно обещала, глядя ему в глаза. Не говорить же, что уже влезла...

На следующий день мой ловкий манипулятор принес домой два билета на самолет до Москвы и договорился с родными, чтобы забрали ребенка на выходные. Я знала, что это попытка меня отвлечь. Или взятка — кому как больше нравится. Но, знаете, взятка взятке рознь! Сергей не планировал ничего существенного, просто отдых всеми возможными способами. Короткие два дня без тревог и опасений в компании человека, который точно

знал, как сделать меня счастливой. Это именно то, что доктор прописал мамочке, просидевшей в декрете шестнадцать месяцев.

План сработал идеально: возвращаясь в Петербург я действительно жалела, что влезла в дела Илоны, да еще привлекла к этому Ваньку.

Сбор информации о ком-либо — дело не самое быстрое, тем более что процесс тормозила периодичность появления в городе Петра, но я все равно не ожидала, что за время Ванькиных изысканий «голубки» успеют разбежаться. Новость стала громом среди ясного неба. Разрыв инициировал Петр, в миллионный раз доказав, что сколько мужчину наручниками к кровати не приковывай — не удержишь.

Мы с Сергеем решили, что это дар небес и бессовестно напились при ребенке, но потом выяснилось, что все не так радужно. После разрыва с Петром Лона окончательно отдалилась. Если раньше после особенно трудных дней она бежала к нам, чтобы пообщаться с племянником, то теперь я вынуждена была даже звонить самостоятельно. Прошло больше недели, прежде чем я затеяла спасательную экспедицию, намереваясь вытащить сестру из дома. Выбор пал на боулинг. Лона его не любила, но, по правде говоря, ей бы в любом случае идти не захотелось, так отчего было не порадовать остальных?

Я не стала предупреждать или даже звонить в домофон: хотела застать сестру врасплох. Удалось. Войдя в квартиру, я нашла Лону лежащей на диване и тупо перебирающей каналы на телевизоре. Рядом валялась упаковка от приконченного пакетика арахиса. Отчего-то захотелось пойти в кухню и проверить, нет ли в раковине горы посуды, но я сдержалась.

— А ну вставай, — велела, глядя в осунувшееся лицо Илоны.

Она исхудала, волосы висели грязными сосульками, а плед, под которым бедняжка пряталась от враждебного мира, представлял собой совокупность кое-как соединенных ниточками дыр.

Лона лишь пожала плечами и снова уставилась в экран.

— Через двадцать минут, нас ждут в боулинге, — сообщила безапелляционным тоном.

Ладно, ждали нас через сорок, но, предчувствуя долгие препирательства, я приврала.

— Кто? — насторожилась сестра.

Раньше мы всегда ходили развлекаться в компании ребят из «ГорЭншуранс», но после того, как Лона бросила Егора, ее отношения с бывшими друзьями еще больше охладели. Пришлось, как обычно, вешать рыцарские доспехи на Ваньку. На этот раз он не стал прикидываться, что без проблем стойчески перенесет общество двух ноющих девиц и предложил разбавить компанию Зоей. Я скривилась, но решила, что леди-монстр может обеспечить Лоне необходимый пинок, посему, да будет так.

— Я не пойду, — естественно, заартачилась Лона.

— Пойдешь как миленькая! — рявкнула.

Я попыталась содрать с сестры плед, но она вцепилась так, будто именно эта тряпка не давала мне вытащить Лону из дома. К счастью, истлевшая ткань затрещала и, наконец, развалилась на бахрому из ниточек.

Так мы оказались в боулинге. Сестра притворялась декабристом, которого ведут на расстрел, но помалкивала. Мне пока хватало. Наполеоновских целей я перед собой не ставила: достаточно было выбить из Илоны одну улыбку и половину имеющейся дури. Ну правда, ни один мужик, будь он трижды летчик, не стоит того, чтобы так по нему убиваться!

Стоило переступить порог, как я увидела Ваньку и Зою. Они уже переобулись, арендовали дорожку и состязались друг с другом. На мгновение показалось, что мегера снова обвинит меня в опоздании, но нет. На этот раз она промолчала. Отвернулась,

размахнулась и играючи выбила страйк. Стоило порадоваться, что я пришла сюда не для того, чтобы ее побить. Хотя, такой удар деморализовал бы любого противника. Бросалась она, кстати, семикилограммовыми шарами.

— Смотрю, вы уже разогрелись, — подметила я вместо приветствия.

Но едва Ванька успел открыть рот, как вмешалась Зоя:

— Даже если бы мы этого не сделали, у вас никаких шансов, — сообщила она, будто по ее показательному удару это было не очевидно. А я не обиделась. На правду не обижаются.

— А давайте на коротенькое сегодня заключим перемирие, — кисло предложил Гордеев-младший, правильно расценив общий настрой.

— Ты тут не командуй! — отбрила я. — Тут и без тебя есть кому поругаться.

— Она мне не нравится, — подтверждая мои слова, буркнула Лона, стрельнув взглядом в Зою. Впрочем, ей в тот день никто не нравился. Надеюсь, включая Петра!

— Значит, будешь играть со мной, — жизнерадостно объявил Ванька.

А вот я его настрой не разделила! Зоя ведь такая дамочка, что за прорехи в табличке очков может и приложить шариком. Тем, что весит целых семь кило!

— Если что, я плохо дерусь. Будешь защищать, — поставила друга в известность.

— На меньшее я даже не рассчитывал, — съязвил он.

Лона, которой по праву самой несчастной отдали первый удар новой игры, понуро поплелась к дорожке и начала выбирать шар. Очень неспешно. Наклони-и-ила, покрути-и-ила, приме-е-ерилась, взялась за следующий.

— Что это с ней? — не осталась в долгу Зоя.

— Не забивай голову, — отмахнулась я.

— Она рассталась с парнем, — пояснил Ванька и, одарив меня мрачным взглядом, поднажал: — Дружелюбнее.

Мы хором оскалились. Полагаю, любой парень, кроме Ваньки, после такого сбежал бы, но Гордеев-младший не робкого десятка. Всем своим видом демонстрировал, что не боится нашей коалиции.

— Ну рассталась, и что? — не поняла Зоя.

— Обычно такие события приводят к депрессии, — пояснила я для особо одаренных. Вряд ли это было дружелюбнее, но кроме Ваньки в чудеса никто из нас не верил. — Поэтому я решила вмешаться. На ее месте мне бы вечер в боулинге помог.

Если бы когда-то друзья это учили и не прокатали меня с дартс, я бы не позвонила одному политику и, вероятнее всего, не вышла потом за него замуж. Короче, пока Лона тоже за кого-нибудь не вышла, я привела ее за ручку в боулинг. А то у нее что ни кандидат, то монстр с белозубой улыбкой.

— Что ж это за парень такой, чтобы настолько убиваться? — философски поинтересовалась Зоя.

— Летчик, красавчик, кобель, — перечислила я особые приметы особи по имени Петр.

Ванька поперхнулся пивом, а вот его напарница окинула меня оценивающим взглядом.

— Ага, типаж знакомый, — хмыкнула она, стрельнув глазами в Ваньку. Тот закашлялся сильнее.

— Может, хватит меня обсуждать?! — возмутилась Илона.

— Ты не переживай, на этот раз разнообразия ради достается мне, — утешил мою сестру Гордеев-младший.

Лона смутилась и отвернулась. Кажется, выбрала шар, теперь замахивалась. Раз, второй, третий... Да, с таким игроком в боулинг, пожалуй, наиграешься!

— Нет, там куда более запущенный случай, — отмахнулась я запоздало.

Ванька предпочел сделать вид, что окончательно оглох.

— Да ладно!

— Зуб даю.

— Вы собираетесь играть или сплетничать?! — разозлилась сестра.

— Ты помалкивай, — посоветовал Ванька. — Целее будешь.

Лона насупилась, наконец, замахнулась в последний раз, и бросила шар. Долгие сборы с силами не помогли: тот сполз в желоб еще на половине дорожки. Сестра стоически перенесла неудачу и вернулась к нам за столик. Ей в утешение тут же выдали бутылку пива.

— Ну и что у тебя за фраер такой? Фотку давай, — потребовала Зоя у Лоны. — А ты иди играй, — велела она мне.

— У меня нет его фото! — попыталась откреститься сестра. Она не учла, что от некоторых леди, которые совсем не леди, так легко не отделаешься!

— У страдающего хрупкого цветочка всегда есть фото объекта страсти, — не поверила ей мегера. — Ты что думаешь, я его отниму или нашлю порчу? Так по что жадничаешь?

— У тебя плохой вкус на подруг, — сообщила Ваньке Лона и полезла за телефоном.

Тот обречено пожал плечами. Мол, а что делать? Жизнь такая! Я ему сочувствовала, честно, но не настолько, чтобы отказаться от обсуждения Петра. Спеша отделаться от своей очереди, я бросила шар почти не глядя и вернулась за столик.

Когда Лона сунула нам под нос фото своего возлюбленного, к экрану потянулись все. В том числе и Ванька. Следующие десять минут две не слишком симпатичные девушки громко и вслух обсуждали недостатки самого красивого мужчины из всех, кого они видели.

— Мне кажется, она бровь у него выше, — присмотревшись, заключила мегера. — Но вообще, как можно судить о красоте мужчины, пока он не снял рубашку? — задалась она философским вопросом. — Что можно понять по одной лишь физиономии?

Я бы с этим поспорила, но сбилась с мысли, когда Ванька не выдержал:

— Я пойду поиграю. Моя очередь, — сказал он и смылся.

— С каких пор ты стал таким стеснительным? — усмехнулась я. — В «ГорЭншуранс» все были уверены, что смутить тебя невозможно!

— Просто я равнодушен к мужикам без рубашек, — грамотно ушел он от ответа.

Мы с Зоей многозначительно и понимающе переглянулись. Дело было совсем в другом: мы его задели. Привыкший к безраздельному вниманию Ванька не обрадовался тому, что его сравнили с парнем Лоны. Впрочем, даже не так. Он не привык к проигрышам, а тут вдруг две девчонки: бывшая и безответно влюбленная — сидят и обсуждают другого. Наверное, было обидно. Клянусь, обижать Ваньку я не хотела. Единственной моей целью было спустить на грешную землю и идола сестры. Красавчик Петр или нет, он был просто парнем, которого можно обсудить в той же манере, что и остальных. И пусть Лона делала вид, что ей наши умозаключения совсем не интересны, — прислушивалась, не спорила и не защищала.

— Ну, давай ищи, — сунула Лоне мобильный Зоя. — Где он без рубашки?

— Я не буду показывать своего парня без одежды! — Помилуйте, она далее не отрицала, что у нее есть такое фото! Вот дурочка. Нет бы удалила. Так ведь наверняка временами поглядывала в телефон, поливая дисплей слезами.

— Бывшего, — напомнила мегера. — Это все меняет!

— Уля, серьезно, а что, если бы мы твоего мужа без рубашки рассматривали?! — попыталась возмутиться Лона.

— Видишь ли, мой муж не позиционирует себя как секс-символ и не позирует мне топless, кроме как дома в спальне.

Мне казалось, что это очень разумный и обстоятельный ответ, но Зоя не согласилась:

— Либо ты очень закомплексованная особа, либо у твоего мужа проблемы, — закатила она глаза.

— Либо это детсад, — парировала я.

Хотя про себя подумала: может, мегера права? Не просто же так надо мной глумились, стоило упомянуть синяки от наручников Лоны. Наверное, чтобы в наш век тебя не доставали с обвинениями в ханжестве, нужно натянуть корсет, привязать мужа к кровати и сфотографировать со всех ракурсов. И только потом делать что хочется, живя спокойно. Настроение медленно поехало вниз.

Наверное, чтобы отвести от себя обвинения в занудстве и прочем, Лона добыла из недр телефона фото Петра без рубашки. И даже Ванька, который успел наиграть очки обеим командам, бросил ревнивый взгляд на дисплей. Я очень старалась не улыбаться, но не вышло.

— Ну, даже не знаю, — протянула Зоя. — Что скажешь? Может, еще ниже посмотрим на предмет изъянов?

Не выдержав, я расхохоталась на весь зал. Лона же, наконец психанула и попыталась забрать телефон. Зоя быстро среагировала, увернулась и начала листать фотки дальше, справедливо рассудив, что фотосессия с обнаженкой еще не закончена. Судя по ее репликам, так оно и было, но сама я смотреть не стала. Лично мне зрелищ хватило.

— Милая, — обратилась Зоя к моей сестре, проиграв, наконец, борьбу за мобильный. — Либо с тобой что-то не так, либо ты не очень умна! Таким самцам место не в кровати, а в музее. С такими спать нельзя. Ну или нельзя больше одного раза, — поправила она, сделав скидку на все женские ошибки мира.

— Да, меня очень интересует твое мнение, — вконец разозлилась Лона.

— Я с таким служила года три назад. Он был настолько самовлюблен и избалован девами вроде тебя, что слова «нет» не понимал. Догадываешься, что с ним стало? Изнасиловал девчонку и попал под трибунал. На суде все твердил, что она сама хотела. Благо, его за этим делом застукали совестливые ребята, оттащили, а потом дали показания против. Только девчонке уже не помогло.

Повисло молчание, нарушаемое лишь пыхтением сестры. Она явно не была согласна.

— Саф, можно тебя? — позвал Ванька, давая Зое возможность добить Лону без моего участия.

Разговаривать в помещении Ванька не стал. К негодованию персонала, вывел меня на улицу прямо в ботинках для боулинга.

— Я хотел уточнить по поводу информации о Петре. Ты все еще ждешь ее? — уточнил он. — Или думаешь, что раз они расстались, то все?

Мне бы отказаться, но природная мнительность не позволила. А ведь могла бы, и обещание Сергею исполнила бы. Но оставаться на полпути — не мой метод, к тому же, по отношению к Ваньке это было нечестно. Пусть за работу заплачено, но знать, что ты потратил время на никому не нужное дело, бывает обидно.

— Да, конечно, — уверенно сказала.

— Думаю, это правильно, — кивнул Ванька. — Судя по тому, как ведет себя Илона, это не конец.

— Хоть бы ты был неправ.

— Хоть бы. Но обычно я в таких вещах не ошибаюсь, — поджал он губы. — Правильно сделала, что вытащила ее. Зоя бывает грубой, но Лоне не мешает услышать мнение постороннего человека.

— Спасибо за помощь, — поблагодарила я.

— Не за что. Еще бы в боулинг поиграть, и совсем идеально, — поддел он меня.

Тем не менее до нормальной игры мы так и не добрались.

Несмотря на разрыв отношения между сестрой и ее бессменным объектом страсти, информации от Ваньки я ждала с замирающим сердцем. Не представляла, чем мне теперь помогут знания о Петре, но все равно. Просто, понимаете, что-то с ним было очень не так. Это внутреннее ощущение поселилось во мне с первого дня знакомства. На своем примере (все-таки сравнительно психически здоровом) могу сказать, что будь я так приметна, как наш капитан, не стала выбирать такую еще и броскую профессию, никак не связанную с внешностью. Плюс, это не очень вязалось с полученным Петром воспитанием.

В общем, моей теорией было то, что с этим человеком что-то сильно не так, и он прилагает множество усилий для отвода глаз.

На этот раз мы с Ванькой встретились подальше от моего дома. Сергей бы точно не образовался тому, что я решила тайком покопаться в жизни его друга. Таким образом я впервые оказалась в охранном агентстве Ивана Гордеева и Зои как-ее-там-понятия-не-имею. Она, кстати, как раз отсутствовала по делам и не стала бы задавать неудобные вопросы. Я была более чем уверена, что Ванька ее в подробности этого заказа не посвящал.

Когда мы с Алексеем Сергеевичем переступили порог небольшого помещения, было почти обеденное время. Мне это не нравилось. Это значило, что либо Ванька очень не хотел светить своей подработкой, либо расковырял осиное гнездо и опасается втягивать в эти дела коллег. Я надеялась на первое, но объективных причин тому не находила. Вся контора, за исключением Зои, находилась у него в подчинении, так с чего бы опасаться ребят?

— Простите, вы к кому? — заметив со мной маленького ребенка, тут же насторожился один из сотрудников охранного агентства. Ну да, мнительный тип обнаружил инородный объект. Учитывая, что ему, по виду, едва перевалило за двадцать, скорее всего, для него так оно и есть.

— К Гордееву, к кому ж еще девицы с детьми ходят? — поинтересовалась, откровенно наслаждаясь реакцией парней. Вы уж простите, но в декрете не так много развлечений!

Помещение они арендовали небольшое, но на штат из четырех человек хватало. Ванька рассказывал, что в случае необходимости они добирали знакомых по найму, а официально руководили только двумя охранниками, коих я в тот момент лицезрела. Оба были очень молодыми и явно еще не охладевшими к своей работе.

— Саф, — высунулся из кабинета Ванька и поманил меня к себе.

Алешка обернулся на знакомый голос, дернул рукой и заехал мне по носу.

— Лешенька, сколько раз я говорила, что маму царапать нельзя, а не то папу посадят? — кисло поинтересовалась я у ребенка. Не в силах ответить мне так же язвительно, сын пропел что-то на диалекте, понятном одному ему.

Со стороны подчиненных Ваньки раздались сдавленные смешки.

— Ребят, будете возвращаться, захватите мне что-нибудь пожевать, — попросил «начальник» и посторонился, пропуская нас с Алексеем в кабинет.

Места было немного. Квадратов на двенадцать, но то, с какой гордостью Гордеев-младший оглядывал свои владения, испукало все их недостатки. Несмотря на аскетику обстановки, в кабинете было уютно. Стол, огромный шкаф, кресло для посетителей, тумбочка с большим цветком и диван. Обследовав последний, я направилась к креслу. Ванька снимал квартиру вместе с одним из двух подчиненных, и по этой причине вряд ли водил девиц домой. Будь я начальницей, ни за что бы не захотела, чтобы сотрудники знали, с кем, как и когда я сплю. Короче, на таком фоне диван выглядел более чем подозрительно, и, будучи собой, да еще с ребенком, сесть на него я не решилась.

Прикинув высоту стола и количество опасностей на квадратный метр, я решила, что можно выпустить сына из кенгуру. Стадию ловли лбом всех имеющихся углов мы пошли пару недель назад и теперь, вроде бы, передвигались, ничему не угрожая. А ребенку явно наскучило сидеть в переноске. Но, конечно, я Алешку недооценила: стоило сыну оказаться на свободе, как он решительно направился к цветку на тумбочке и потянулся, намереваясь стянуть тот на пол.

— Вот как с тобой появляться в приличном обществе? — застонала я в голос. — Ребенок, ты уверен, что ты Новийский?

Ванька рассмеялся:

— Этот вопрос скорее к тебе, — справедливо заметил он.

Алешка, который являлся настолько подробной копией Сергея, что даже свекрови не к чему было придраться, окинул меня явно подозрительным взглядом. Правильно, никакой он не Новийский. Самый что ни на есть Сафронов!

— Хочешь чего-нибудь? Ром, виски, коньяк, водка, — пошутил. — Но чай и кофе тоже имеются.

— Кофе, — милостиво согласилась.

Пока Ванька готовил мой заказ, я возилась с Алексеем. Пыталась пристроить ребенка так, чтобы никто не пострадал. Тот, разумеется, был недоволен ограничением на перемещения и пытался возмущаться.

— Ну а что делать, если ты маленький варвар? — спросила я у Алешки.

Тот что-то залопотал.

— По-моему, он только что рассказал тебе, что думает по поводу твоих обзывательств, — усмехнулся Гордеев. — Парень, я прав? — уточнил он у моего сына.

Тот в ответ снова выдал одному ему ведомую тираду.

— Думаешь? — дослушав до конца речь сына, поинтересовалась у того, с кем можно говорить на одном языке.

— Он сказал «баяй». По-моему, это «варвар», — пояснил Ванька. — Поздравляю, первое слово твоего ребенка — ругательство. Но могло быть и хуже, — утешил Гордеев и поставил передо мной дымящуюся чашечку кофе. Пахло обалденно.

Я даже возмущение растеряла.

— Вот это да, — поднесла я к носу чашку.

— Хороший кофе настраивает людей на мирный лад, — скромно подметил Ванька, обозначая, что идея задабривать посетителей таким образом принадлежит ему одному.

— Тогда тебе стоит поспешить с рассказом, — помрачнев, перешла я к сути визита.

Ванька замялся, но все же нехотя полез в стол, и я заранее распрощалась с остатками

хорошего настроения.

— После сначала я решил последить за Петром. Куда ходит, что делает с кем встречается. Узнать расписание рейсов оказалось совсем несложно, он и не думал скрываться. Поначалу ничего интересного.

Ванька положил папку передо мной, позволяя посмотреть содержимое без лишних слов. Пришлось усадить сына на колени и попытаться не обращать внимание на попытки помять и порвать бумагу. Очень хотелось попросить у Ваньки веревку и связать неугомонного ребенка, но это негуманно. Оценив ситуацию, Гордеев все же решил поведать историю вербально:

— Ладно, слушай, — хмыкнул он. — Когда я только начал, Лона с Петром еще встречались, и о его прибытии твоя сестра знала. Пошли выпить в бар, выпили. Час, не больше. Сразу предупрежу: Петр выглядел скучающим, но был вежлив. Я сразу заподозрил, что в раю гроза, но это уже никакая не новость. Потом они пошли вместе в отель. Явно не впервые, поскольку Лона сама знала дорогу. Расстались часа через три, причем твоя сестра выглядела расстроенной. Ты была права: непохоже, чтобы ей нравились игры с наручниками. Оставшуюся часть ночи я караулить не стал, а потом понял, что зря. Только время проиграл.

На следующий раз Петр прилетел в тайне от Лоны. Встретился с Новийским. — У меня в этом месте сердце екнуло. Стало страшно, что Ванька узнал что-то и о нем, но нет. — Я честно пытался к чему-нибудь прикопаться, но из примечательного в их встрече была только стоимость алкоголя и пари на футбольный матч. Оказывается, они с Петром болеют за разные команды. Поздравляю, твой муж — ужасный зануда.

— Спасибо, — кивнула я.

Алексей в этом месте тоже попытался высказаться. Мы его внимательно выслушали, но не поняли. Впрочем, в мире есть множество людей, которым это не мешает высказываться. И зачастую они очень даже неглупы. Сын в хорошей компании.

— Сидели они долго и, вроде, никуда не спешили, но сразу после того, как Новийский уехал, Петр выскочил из ресторана и направился за город на такси. Я поехал следом. Местечко, куда он направлялся, примерно в тридцати километрах от Петербурга. С хорошей охраной. Пришлось сделать вид, что я заехал не туда вслед за такси, развернуться и припарковать машину в отдалении. Там забор, за ним большой коттедж и повсюду камеры. Пока я сидел в засаде, туда подъехало не меньше дюжины машин. Исключительно с мужчинами.

Последнее полностью соответствовало тому, что рассказывал мне Сергей. Почувствовав неладное, я громко вздохнула и закрыла папку. В ней хватало фотографий, и многие из них я предпочла бы смотреть в одиночестве. Надежда на то, что, встречаясь с моей сестрой, Петр воздерживался от походов, осыпалась пеплом.

— Продолжаю? — уточнил Ванька.

— Конечно, — ответила я нейтрально и поднесла к губам остывший кофе.

— Информацию о том, что там происходит, я раскопал далеко не сразу, а уж скольких барышень пришлось опросить, прежде чем попалась сговорчивая... — с намеком протянул Ванька. — Это привилегированные вечеринки с участием проституток. Но ты и так это знаешь. А то, что ты не знаешь — там наркоты, как грязи. О существовании некоторых психотропов из того списка я даже не подозревал. Но, что интересно, все отмыто добела, все по обоюдному согласию. Дом арендован, налоги уплачены, девочки официально

устроены в модельные агентства и эскорт-услуги. Как и наркотики, на любой вкус. Пользование не по часам. Членский взнос с астрономической суммой, а дальше «все включено». Но для определенной когорты людей первый раз бесплатно. Такой вот способ подсадить.

Я, не сдержавшись, вскрикнула:

— Ты был внутри?!

— Был, — пожал он плечами.

— И не потратил миллионы?

— Я же сказал: для определенных людей первый вход бесплатно.

— И ты... — начала.

— Представь себе, сын Николая Гордеева как раз из таких, — наслаждаясь моим замешательством, съехидничал Ванька. — Вспомнил твои слова и решил попробовать сослаться на свое происхождение. Гляди-ка, сработало!

Стоило бы улыбнуться, но я не смогла, вместо этого отвела глаза. Я даже знать не хотела, что и как было внутри этого особняка, и уж точно не желала марасть этим Ваньку. В моем воображении он был слишком светлым и хорошим для такой грязи.

— Саф, не побывай я там, я бы ничего не узнал.

— Тебе не нужно передо мной оправдываться, — резковато выговорила я.

— Вот именно. Так не заставляй — сделай лицо попроще, — выразительно приподнял он брови, а я прямо уставилась ему в глаза и почувствовала себя еще более дискомфортно. — Это не какое-то местечковое заведение, там собираются очень известные люди. Коллеги твоего мужа, например. — Я дернулась, как от пощечины. Выходит, Сергей не мог не знать об этом месте. Не он ли дал Петру наводку? — Девицы, которых я видел в доме, судя по всему, не из числа элитных. В смысле, они выглядят дорого, явно проходят медосмотры и так далее, но они... бесправны. Их пичкают наркотиками насильно, чтобы соглашались на любые условия. — Я снова не выдержала и отвела глаза. — А вот мужчины могут выбирать. Во всяком случае, меня не пичкали, да и Петр, судя по всему, не ради них появляется. Может, слишком дорожит своим летным мундиром. Телефон в особняк не пронести, но мне удалось сделать несколько его снимков на небольшую камеру.

После этого Ванька сам перелистнул несколько страниц из папки и показал мне фото девушки. Один из снимков бытовой, видимо, с просторов сети, второй — из особняка. Знойная брюнетка с фигурой, о какой можно только мечтать. Все при ней. Пластика, вероятнее всего, тоже, но какая разница?

— Знакомься, это новая Илона, — скромно пояснил Ванька. — Зовут Жанна. Петр выбирает ее каждый раз на протяжении последних двух месяцев. Ее и еще пару девочек. Их — меняет. Иногда по-дружески делится богатством с друзьями. Кстати, последних у него там хватает.

Я сидела в полном ступоре, даже не знала, что сказать. Но Ванька не ждал никакой реакции. Просто продолжил:

— С одной из «сменных» девочек я поговорил. Она была обдолбанная, свое подставное имя вспомнила со второго раза, но капитана опознала легко. Сказала, что он любит, когда жестко, а поэтому почти никогда не остается с девочками наедине. Боится, что снесет крышу.

А с моей сестрой, значит... или не значит? Что еще позволяла ему Лона кроме наручников? Воображение услужливо нарисовало мне такую картинку, что затошнило. Я не

выдержала, схватила Алешку и попыталась запихать его в кенгуру, но руки не слушались. Ваньке пришлось подняться и помочь мне.

— Саф, это не значит...

— Мне нужно время, чтобы успокоиться, — невежливо перебила я друга. — Я не могу сейчас это обсуждать.

Ванька смерил меня опасливым взглядом, будто боялся, что я могу наделать глупостей.

— Папку возьми, — напомнил он, когда я бросилась к дверям. — Почитаешь. Ты захочешь почитать.

Я поколебалась, не желая касаться этой гадости, но не зря же Ванька рисковал задницей. Я схватила папку и вылетела на улицу кометой. О том, что нужно было поблагодарить Ваньку или хотя бы попрощаться, я даже не вспомнила. В голове билась всего одна мысль: надо запереть сестру в квартире, а еще лучше — приковать к батарее. Наручниками, например. Ей ведь так нравится это щекочущее ощущение опасности, неправильности! Риск, адреналин. Гребаная каскадерка. Молодец, девочка, продолжай в том же духе! Интересно, не будь Лона сестрой жены Сергея, мы бы вообще нашли то, что осталось от нее после секс-игрищ с участием блистательного капитана?

Внезапно я четко осознала, кого мне напоминает Петр Днепров. Одного небезызвестного юношу, который продал душу за право оставаться всегда молодым и прекрасным, скатываясь все глубже и глубже в бездну.

В последний раз взглянув на папку сунула ее в бардачок машины в полной уверенности, что там она и останется.

Глава 8

Разумеется, папку я вытащила из бардачка уже на следующий день рано утром. Проследила в окошко за тем, чтобы Сергей уехал и поскакала по лестнице вниз к машине. Пока Алеша жевал свою кашу, я вчитывалась в тайную жизнь Петра и все удивлялась.

О том, куда деть эту папку потом, я как-то не думала. Только перед самым приездом Сергея сунула ее в боковой кармашек старого чемодана, который если куда и полетит, то только на помойку. Вариант мне показался идеальным: и данные под рукой, и в чемодан никто не полезет. Ага, совсем- совсем никто, кроме одного доморощенного террориста. Алексей вытащил папку на следующий день, причем прямо перед Сергеем. Благо, тот в своей жизни столько папок навидался, что не придал значения.

Если бы не это, меня бы ждала хорошая выволочка, и, решив не рисковать семейным счастьем, я на следующий день поехала в общежитие прятать папку в старой, бесхозной комнате. Там могли появиться мама или Илона, но кому, в самом деле, понадобится лезть на пыльную антресоль?

Не знаю, как мама и Лона договорились об оплате коммуналки, но я в этом не участвовала. Они приезжали за квитанциями и, должно быть, появлялись на собраниях, но я об этом не знала и не хотела знать. Я ушла и закрыла дверь в прошлое. Как причудлива судьба, заставившая меня спрятать залог своего благополучия именно в этом месте.

Едва взглянув на дом, в котором прожила большую часть жизни, я почувствовала, как меня туда затягивает. Не в хорошем смысле. Воспоминания были так свежи и неприятны, будто я только утром покинула старую, неотапливаемую комнатку с покрытыми плесенью обоями. Потребовалось собрать волю в кулак, чтобы переступить порог и подняться на второй этаж.

Комната еще больше обветшала: пол просел, дверь разбухла от сырости и еле открылась, а на одном из грязных стекол появилась трещина. Мальчишки засадили мячом или перекосило само здание? От одной лишь мысли, что не сойдишь я с Сергеем, Лона жила бы именно здесь, меня передернуло. Не желая задерживаться в старой комнате дольше необходимого, подошла к накренившемуся шкафу, привстала на цыпочки, пошарила рукой по антресоли и, не обнаружив ничего стоящего, сунула папку между пакетами с нашими старыми вещами. Я очень хотела никого не встретить. Увидят из окна? Пусть. Будут гадать о цели визита? Прекрасно, пусть! Но вот общаться с этими людьми я не желала. Да и порядком растеряла навык.

Однако только закрыла дверь на ключ, как обнаружила в коридоре Маню. Женщина стояла около двери своей комнаты с сигаретой в руке и явно поджидала меня. Она и раньше напоминала скелет, а теперь и вовсе превратилась в анатомическое пособие.

— Класс, — прокомментировала она, окинув взглядом мой далеко не лучший, но добротный наряд.

Сергей всегда говорил, что признак хорошей жизни — дорогая и неброская одежда. Я старалась этому правилу следовать. Но если большинство обитателей общежития подметили бы только количество дыр и катышков на одежде, то Маня всегда отличалась завидной наблюдательностью. Впрочем, я тоже. Скользнув взглядом по женщине, я с трудом подавила удивление. На дворе двадцать первый век, где она нашла сигарету без фильтра?

— Слышала, у тебя сын, — без обиняков сообщила Маня. — Поздравляю. Не придется

переживать, что дочка блядью вырастет. А парень... парням все можно. — Маня улыбнулась, и вокруг ее глаз собрались почти старческие морщины. Интересно, сколько ей лет? Я никогда не спрашивала.

— И это твое благословение?

— А тебе нужно благословение? У тебя на пальце кольцо с бриллиантом. Мое благословение простое: не проси мужика, который его подарил.

Внезапно мне стало не по себе. Некогда мои соседи продолжали зимовать в промерзших квартирах и принимать ставки на то, кто первым ладно в больницу с пневмонией.

— Как вы тут?

— Нормально, — каркнула Маня. — Помолился и спать. Проснулся — крыша на месте. Помогло, значит.

Она попыталась усмехнуться, но вместо этого закашлялась. Надрывно так. И до мокроты.

— Что с тобой?

Клянусь, я хотела подойти к ней, но не смогла. Знаете, в жизни каждого человека наступает момент, когда он теряет о себе последние иллюзии и перестает пытаться казаться лучше, чем есть на самом деле. Познав и приняв себя, я вынуждена была смириться с горькой правдой: я брезговала бедностью и бедняками. Это меня не красит, но что толку врать? Манька мне почти нравилась, но коснуться ее костей и дряблой кожи я не смогла.

Тем более жутко стало, когда она легко и просто ответила:

— Рак легких.

Не знаю, что меня шокировало больше: эта новость или то, как Маня об этом заявила.

— Приятно, что хоть один человек этого не ожидал, — вдруг хмыкнула она по-доброму.

Будь на месте Мани кто-то другой, я бы, наверное, сначала выразила сочувствие. Хотя бы попыталась, но в общежитии не нужно думать о нормах этикета. В двери здесь входит первым тот, кто успел, руку не подает никто — опасно, а о том, что во время еды принято пользоваться ножом, никто даже не задумывается.

— У врача была? — спросила я. — Что говорят?

— Что у меня ни вшей, ни сифилиса, — хмыкнула Маня. — Когда достояла в очереди к онкологу, лечить уже было нечего. Два месяца осталось.

Когда мать бросила на с Поной, помню, Маня обозвала ее проституткой. Она многих обзывала проститутками, но мне все равно стало легче. Это был знак какого-никакого сочувствия. А еще она никогда не выгоняла нас из ванной, терпеливо дожидаясь очереди. Редкость.

Неожиданно мне стало за Маню так горько. Ей было не место в общежитии, что за злой рок витал над этой женщиной всю жизнь? Хоть бы кусочек справедливости для нее выбить. И, черт возьми, муж входил в правительство Петербурга, я могла это сделать.

Вернувшись домой, я решила поговорить с Сергеем, и он отреагировал положительно. Политику было выгодно заботиться о бедняках, причем чем показательней, тем лучше. Он обещал попытаться выбить для Мани деньги, ну а дальше перешел к своей любимой части:

— Но ты должна написать о ней статью, — потребовал взамен.

— Хочешь лучей славы, Сергей? — кисло поинтересовалась я, хоть и не собиралась сопротивляться, уже все для себя решив.

— Хочу, чтобы ты занялась тем, к чему у тебя несомненный талант.

— Ох, если выбирать профессию по такому принципу, то у нас проблемы. Тебе придется бросить политику и податься в специалисты по лестям!

— Политики льстят друг другу даже больше, чем люди искусства, — не согласился Новийский. — Ну так что? — не дал он мне соскочить с крючка.

— Я напишу статью, — согласилась я. — Но никаких газет и редакторов. А то пока я бодаюсь с этими товарищами, Маня умрет.

Новийский помрачнел.

— Интернет, ты о таком слышал? Если договориться с админами больших групп в соцсетях. — Я потеряла пальцы друг о друга, намекая на, скажем там, аванс. — Можно привлечь внимание куда проще. И, конечно, дальше раскрутить блог с этой историей. Ты сам говорил, люди любят восстанавливать мнимую справедливость.

— Ты так сексуально планируешь захват виртуального мира, что я просто не могу подобрать контраргументы, — улыбнулся Сергей, дьявольски сверкая глазами.

Что ж, возбуждаться от амбиций друг друга не так уж плохо. А какие маленькие слабости делают приятнее вашу жизнь?

На статью ушло больше времени, чем я думала. Нужно было спешить, учитывая, как мало времени осталось Мане, но наличие на руках маленького ребенка не способствовало. Собирая материалы, приглядывая за Алексеем, оказалось сущей пыткой, а отсутствие опыта и, разумеется, уверенности в результате, вызывало нервный тик. Я лезла в словарь по поводу и без, потом находила тысячи противоречивых примеров и списков ошибок для новичков. К концу второй недели я начала сомневаться в своей способности складывать слова в предложения... и обратилась за помощью к человеку, который давно этого ждал. Сергей ничего не говорил, но я прожила с ним под одной крышей более двух лет и все повадки успела выучить назубок. Будучи повернутым на статейках о себе в прессе, Новийский замечательно разбирался в нюансах эпистолярного жанра, равно как и в пиаре. Он помог мне перестроить каркас (ну да, как всегда, под финал пришлось начать с начала) и подчеркнуть социальную направленность. А еще, что не менее важно, взял три дня в счет отпуска, чтобы избавить меня от Алексея.

— Ряд статей? — возмущалась я. — Ха. У меня времени два месяца, но на возню с первым опусом я убила три недели. И ты еще говоришь о попытке устроиться в газету.

От разочарования я выпила дорожее вино, как воду.

— Это твоя первая статья за долгие годы, — скромно напомнил Новийский.

— А ты все ждешь чудес.

Промилле в крови явно не хватило, и я наполнила бокал снова.

— Тут дело не в первой и не в последней статье. Времени нет, а я плетусь со скоростью инвалида. Самонадеянная, высокомерная, и вообще... Слов не хватает, чтобы описать себя любимую!

— Хватит жаловаться, — улыбнулся Сергей. — Как не стыдно заниматься самокопанием при ребенке?

— Сначала я при ребенке две недели чертыхалась, теперь перешла к алкоголизму, а ты переживаешь из-за нытья? — спросила я кисло и отхлебнула вина.

— Пить и ругаться он научится в любом случае, а вот рефлексировать по поводу и без — не обязательно. Если, конечно, не посмотрится на дурной пример, — с намеком ответил Новийский. — Понятно, что тебе непросто. Декрет выбил тебя из колеи, но это временно.

Традиционный период адаптации составляет три недели, так что я тебя поздравляю, все почти позади. Не растеряй достигнутое.

— Оч-чень смешно! — огрызнулась.

— Смотри, Алексей, мама говорит «р-р-р-р»! — усмехнулся Новийский.

— Вопрос из любопытства: с тебя убудет, если назовешь ребенка не полным именем?

— Еще скажи тебя называть «Сафри».

— Ну, другие зовут, — пожала я плечами. Кличка как кличка, есть куда хуже.

— Сафри — это что-то маленькое, злобное и колкое. Не лучшие качества для жены.

Подпитывать их я не собираюсь.

Он так широко улыбнулся, что я и сама хмыкнула.

— Пойду поработаю, — сказала. Посмотрела на бутылку, и решила, что ее общество будет очень даже кстати.

Однако результат того стоил. При скромной помощи Сергея администрация раскошелилась на местечко для Мани в онкологическом центре. Мою статью опубликовали на следующий день, появились первые заинтересованные. Затем Сергей упомянул мое маленькое расследование в одном из интервью, и следящих глаз стало больше.

За следующие две недели я опубликовала интервью с Маней об онкоцентре, ее краткую биографию и даже несколько фото общежития с кратким описанием отношения служб к подобным местам. Разослала их, опять же, по сети за определенные деньги под видом журналистского расследования. И если до этого результаты были ожидаемы, то после мне на почту посыпались письма. Одни — с описаниями подобных ситуаций и просьбами не обойти вниманием и их, а другие — с оскорблениями. То, как жила я сама, очень быстро раскопали и не преминули использовать против меня. Мол, выбралась из общежития, уехала, а теперь корчит из себя святую сочувствующую.

Узнав об этом, Сергей строго-настрого запретил мне комментировать подобные высказывания. Любой человек, высказывающий свое мнение публично, априори становится уязвим. Но те, кто привлекает к себе внимание с помощью результатов чужой деятельности нуждается в ответе. Без диалога они бессильны. Иными словами, если ты дал алкоголику бутылку, то не плачь потом, что он не завязал со своим пагубным пристрастием.

Маня сдавала быстро, ей дали единовременную ударную дозу химиотерапии, но это болезнь не замедлило. От продолжения она отказалась, а соблазнять ее лишними неделями мучений я не стала. Люди не готовы терпеть мучения ради одних лишь мучений. У Маньки ведь никого не осталось. Несколько лет назад последний из ее родственников — брат — умер от цирроза печени. Судите или нет, но в тот день общежитие вздохнуло с облегчением.

Вместо химиотерапии мы устроили девичник. Я пригласила Лону и сняла столик в дорогом ресторане. Перед этим мы ненадолго забежали в магазин и купили для Мани мундшгук и платье по моде двадцатых, под стать. Дешевое, блестящее. Оно выглядело ужасно, тем более на костлявом теле женщины, но я не стала предлагать запустить руку в бездонный кошелек Новийского. Маня никогда ничего не просила. Гордо сжимая зубы, она была готова умереть в одиночестве в общежитии. Предложение обрядиться в тряпки подороже ее бы обидело.

Я боялась, что в ресторане будет неловко, но оказалось совсем не так. Маня принесла с собой старые черно-белые фотографии, и, взглянув на них, я обомлела. В юности эта женщина была очень красива. Я бы даже сказала, в ней чувствовалась порода. Грива темных

кудрей, черные высокие брови, вызов в глазах. В годы, воспоминания о которых мы держали в руках, Маня играла на сцене. Она охотно рассказала нам об учебе в театральном, об актерской братии, о закулисе. У нее получалось очень увлекательно, и мы обе заслушались.

— Но, если ты была хорошей актрисой, как вышло, что вернулась в общежитие? — не сдержавшись, задала я вопрос.

— Как и все женщины, — легко ответила она. — Я забеременела от режиссера. Он был женат, и меня вышвырнули из труппы. Беременная актриска с запятнанной репутацией оказалась никому не нужна. Девчонку родила, отдала в приют.

— И где она? — сглотнув, спросила Лона.

— Не знаю. Не искала, — снисходительно взглянула на нее Маня. — Хотела, но к чему заставлять ее стыдиться матери?

— Это неправильно! — запальчиво возразила Лона. — Мать есть мать.

— Цветочек, твоя мамаша просто непутевая, а мой отец пил. Брат — не только пил, но и распускал руки. Как бы я стала ее защищать? — Маня подняла свои тонкие руки-палочки, показывая нам. Раньше она была полнее, но особой физической силой не отличалась и тогда. — Я решила, что лучше пусть мою дочь недолюбят, чем покалечат. Она родилась хорошенькой, у нее были неплохие шансы попасть в семью. Большого я ей дать не могла.

Я бы с этим поспорила, но у каждого своя философия. Лона раздраженно пыхла рядом.

— Твоя сестра вот дала деру из общежития, и я уж думала, никогда больше ее не увижу. Разве что в газете. Глазам не поверила, когда заметила ее в коридоре.

От этого разговора я напряглась. И не зря.

— Да, я все хотела спросить, — нахмурившись, повернулась ко мне сестра.

— А зачем ты приходила в общежитие?

— Документ потеряла, решила проверить в комнате, — соврала я, не моргнув глазом. Версию готовила заранее, потому что знала: вопрос о том, как мы встретились с Маней, обязательно всплывет.

Лона мне поверила и сразу потеряла интерес, но сердце все равно застучало в ушах. Ей нельзя было знать правду.

Очень редко бывает так, что в катастрофе виноват только случай. Если кружка падает со стола, значит ты поставил ее на край. Если обжегся о раскаленную сковороду, значит, не потрудился проверить, хорошо ли взял прихватку. Во всем и всегда виноваты мы сами.

Мне стоило сделать иначе очень и очень многое, но я так и не поняла, в каком именно месте допустила главный просчет. То ли когда влезла в романтические дела сестры, то ли когда для самоуспокоения решила попросить Ваньку поспособствовать в поисках информации, то ли когда не приняла никаких мер, эту самую информацию получив. Сергей бы сказал, что вся моя беда в неуверенности в себе, но сама я думаю, что в перфекционизме. Мне всегда кажется, что сделано слишком мало, плохо и неправильно. А другим непонятно, зачем я вообще все это затеяла. Одно знаю наверняка: каждый человек должен для себя решить, кем он является. Сергеем Новийским, помогающим лишь тем, кто об этом прямо попросит; или Ульяной Сафроновой, от которой не избавишься.

Да, я навязчива. Не со всеми, конечно, только с близкими, но все же. Я заставляю сестру жить в своей квартире, таскаю домашние супчики парням, поссорившимся с отцами, я не могу успокоиться, пока не развожу родных с недостойными людьми. А, главное, я уверена, что без меня им никак. И, конечно, ошибаюсь.

В тот страшный день сестра пришла ко мне в районе девяти часов вечера. Сергей задерживался на работе, я была одна, скучала. Подумала, что Лона соскучилась по племяннику и обрадовалась ее обществу. Только когда Лона полезла в сумку и достала из нее ту самую папку, я поняла, что натворила, и потеряла способность дышать. Я сохранила информацию о Петре только на случай экстренного вывода сестры из состояния острого помешательства на объекте страсти. Я собиралась показать Лоне папку только в том случае, если она сойдется с Петром снова, но план провалился. Благородный порыв превратился в предательство.

— Ты сказала, что потеряла какой-то документ, возможно, в общежитии, — начала Лона сбивчиво. — Но в последний раз мы убирались там с мамой, и я... я решила помочь. Сегодня после работы заехала за квитанциями и решила заодно проверить... Как думаешь, что я нашла? — потребовала она.

У меня в висках застучало.

— То, что я пыталась тебе сказать на протяжении долгих месяцев, — ответила, мигом выстроив оборону.

Я понимала, что сестре стоит посочувствовать, пожалеть, ведь она узнала об изменах человека, которого любила. Но как? Наружу вдруг полезла обида за то, что мое мнение опять не учли и опять незаслуженно. Я ведь знала, что Петр ублюдок с того самого дня, как его увидела! Тем не менее, Сергей это игнорировал, Илона это игнорировала, и иногда у меня создавалось впечатление, что это не они спятели, а я. Это у меня паранойя, шизофрения и все прочее!

— То есть ты все это время знала? — спросила она так, будто я скрывала тайну ее рождения!

— Нет, это я получила уже после вашего разрыва. Но я догадывалась, что с Петром что-то не так. И потому обратилась к Ваньке...

— Должно быть, вы с ним отлично надо мной посмеялись! — резко перебила сестра. — Посмеялись и забыли, а правду спрятали на антресоли в общежитии. Почему, кстати, не здесь? Что, Сергей не одобряет твое копанье в жизнях других людей?

— А ты готова меня слушать? Или снова скажешь сидеть молча, раз моя жизнь устроилась? — припомнила я ей пару оброненных фраз. — Извини, один раз тебя уже накачали наркотиками, я решила перестраховаться. А то, знаешь, в синяках ты, а разгребать — мне.

— Я тебя об этом не просила, — жестко отбрила она. — Я тебя вообще ни о чем не просила. И я съеду из твоей квартиры завтра же! Раскапывать информацию о моих друзьях у меня за спиной... Это слишком!

Я не сдержалась и закатила глаза, чем еще сильнее разозлила сестру. У нее даром что пар из ушей не пошел. Впрочем, со мной творилось то же самое.

— А знаешь, давай! — рявкнула я. — Мне все советуют отпустить тебя и позволить повзрослеть. Ну, кроме мамы, конечно, ей бы и самой нянька не помешала. Сергей так и вовсе считает, что вся ответственность за то, что могло случиться с тобой во время романа с Петром, полностью на тебе. Ты читала, да? Конечно, читала. Он любит распускать руки и групповой секс. И ты еще спрашиваешь, почему я лезу не в свои дела? Ну, прости. Вот такая бракованная у меня забота.

— Это не забота, а высокомерие. Ты так поступаешь, потому что считаешь меня ни на

что не способной. Не бил он меня. Не. Бил! Мы так играли, но о чем я? Такой зануде, как ты, не понять. Просто прими как факт, что мне не нравятся мужчины, готовые проводить вечера за рассуждениями о полотнах Пикассо. Наверное, Сергей хороший муж и отец, но я бы с таким умерла со скуки. И все же не навязываю тебе свою точку зрения. Почему ты считаешь, что имеешь на это право?

— Действительно! Дело именно в этом. Хотя, постой, может, еще имеет некоторое значение то, что Сергей мне не врет и не изменяет?

— Это ты так думаешь! А потом найдешь на чердаке папку, — привела она железобетонный аргумент.

— И все бы ничего, но я месяцами пыталась тебя предостеречь, а ты велела мне не упоминать имя Петра.

— И ты пошла к Ивану Гордееву, чтобы он узнал, с кем спит Петр, когда он не со мной. Знаешь, это было очень больно. Двойной удар. Я доверяла тебе и Ване, а вы меня обманули. — Лона стерла со щек злые слезы. — Знаешь, с меня хватит. Я устала от того, что ко мне относятся как к маленькой, бессловесной девочке. Вы все ответите за то, что водили меня за нос!

По решимости на лице сестры я поняла, что грядет взрыв, и пора принимать меры.

— Верни папку, — потребовала.

— Нет, — отрубил сестра и развернулась к выходу.

— Не делай глупостей! — рывкнула я и бросилась следом. — Ванька пошел на подлог из-за этой информации. Ты можешь навредить ему. Отдай!

Я попыталась ухватить краешек папки, но Лона ее вырвала с такой силой, что сломала мне ноготь. Она обернулась, и вдруг на знакомом с детства лице я увидела совершенно безумные, чужие глаза.

— Какая досада, что на этот раз ты не все предусмотрела, да? Жаль, что в этом мире нет людей, готовых прощать ошибки.

Она выскочила за порог, а я поняла, что все испортила. Заложенный в моей сестре инстинкт саморазрушения сработал, как часы. Только на этот раз под угрозой оказались и другие. За Ваньку стало по-настоящему страшно. Что-то мне подсказывало, что, если фотографии всплывут, ему не поздоровится.

Я бросилась к календарю и пальцем прочертила по цифрам даты. Выходило, что по дикой и страшной случайности именно в тот день Петр был в Петербурге. И не нужно было семи пядей по лбу, чтобы догадаться, зачем Лоне понадобилась папка. Она отправилась к нему. И было уже достаточно поздно, чтобы дом терпимости заработал...

Тогда-то мне и стало по-настоящему страшно. Обида на весь мир могла толкнуть сестру на полное безумство.

Я схватилась за телефон, позвонила Сергею вкратце обрисовала ситуацию. Мне нужно было оставить с ним Алешку. Сын, тем временем, ревел, реагируя на мой невроз, но старалась не поддаваться инстинктам. Раз папа не хочет помогать маме, пусть сидит с ребенком! Недолго думая, я следующим я набрала Ваньку.

Приехав, муж попытался выяснить, что происходит, но я знала: стоит рассказать, и он не выпустит меня из дома. Лона ему до лампочки, но мое благополучие — совсем другое дело. Я приложила все силы, чтобы уйти от расспросов, но, если бы не Ванька, не вышла бы за порог. Закралось подозрение, что Сергей прекрасно знал, куда я собралась. И только необходимость торопиться не позволила мне устроить разборки прямо на месте.

Когда пришел Ванька, я упихивала в сумку деньги и диктофон, не зная, что может понадобиться.

— Гордеев, — донесся до меня изменившийся голос мужа. — Головой отвечаешь. Что случится...

В этот момент он замолчал, и я мысленно его поблагодарила. Сергей Новийский не опускался до угроз, он вообще был самым цивилизованным человеком из всех, кого я знала. И я не хотела, чтобы это изменилось.

— Я понял. Уж поверь, со мной с Саф ничего не случится. Лучше бы не за нее боялся, — огрызнулся в ответ Ванька.

Едва я оказалась у двери, он настойчиво подтолкнул меня в спину, не став терять ни минуты. Выходя, я бросила через плечо взгляд на мужа. Это был последний раз, когда я посмотрела на мужа сквозь розовые очки.

— Рассказывай, — велел Ванька, заводя машину.

И я рассказала, хотя от стыда хотелось провалиться сквозь землю. Как можно было так подставить друга? Он сильно рисковал, появившись в особняке, а я небрежно отнеслась к собранной информации. Вряд ли кто-то мог корить меня сильнее, чем я себя, но Ванька... Ванька меня отругал. Причем, впервые и без цензуры. Было очень неприятно, и когда спустя минут десять он попытался взять меня за руку, я вежливо, но однозначно отняла ладонь. Ну а где мне было прятать папку? Отдать ему обратно на хранение? Или арендовать тайную ячейку, на которую после моей насильственной смерти у следствия будет вся надежда? Тьфу пора завязывать с сериалами.

— Уверена, что Лона поехала к Петру? — попытался завязать разговор Ванька.

— А то! Она же обещала восстановить мировую справедливость. В прошлый раз это кончилось прилюдными разборками в ЗАГСе. На этот раз главный кандидат — дом терпимости. Лона не оригиналка. Ей милее шаблоны.

Я пыталась не говорить с Ванькой, но вопрос крутился в голове слишком навязчиво, а молчание терзало страхами.

— Она сказала, что ее привлекали все эти игры на грани жестокости. Думаешь, наркотики тоже были?

— Думаю, да, — не стал юлить Гордеев-младший. — Она слишком легко внушаема. А еще она трусиха. Дальше пары косячков Илона бы не пошла. Она же твоя сестра. Не о том волнуешься.

Я лишь горько хмыкнула. После этого разговор сошел на нет. Ваньке утешать меня было нечем.

— Это здесь, — предупредил Ванька, стоило машине приблизиться к высокому бетонному забору.

Было лето, темнело поздно, и я долго вглядывалась вдаль в надежде увидеть бьющуюся о створки ворот Лону. Очень надеялась, что ее попросту не пустят внутрь, но шансы были невелики. При ней была папка с фотографиями из особняка, и стоило ею тряхнуть, как сестру бы затолкали в дом для дальнейших разбирательств.

— Она внутри, — подтвердил опасения Ванька, а на развилке свернул в сторону леса. — Здесь мы встретимся с Зоей и все обговорим, — сообщил, к моему неудовольствию. — А теперь главное. Саф, тебе стоит остаться здесь и не идти внутрь.

— Я не нежный цветочек, — отбрила и отвернулась.

— Совершенно верно. Но ты не способна себя защитить, не умеешь адекватно реагировать на происходящее в особняке и слишком импульсивна, поскольку дело касается твоей сестры. Ты будешь мешать.

— Вот только я не стану слушать разумные аргументы. В этом доме моя сестра, по моей вине, и я пойду за ней.

— Саф, пожалуйста, — сделал Ваня еще попытку. — Ни к чему это пустое геройство.

— Пустое геройство? Ты сказал, что там коллеги Сергея! Они не могут сделать мне ничего, ведь я выпиваю с их женами. Если кто-то из них тронет меня пальцем, Новийский их закопает. Я полезна, Ваня.

Наши взгляды схлестнулись, и ни один не хотел уступить. Каждый был прав по-своему.

Но я была пристрастна и не отступила. Будучи виновата перед Лоной, Ванькой и Сергеем сразу, я не смогла бы усидеть на месте. Не могла подставить людей еще больше, не рискуя собой. Так не делается!

— От меня ни на шаг, слушаешься приказа — я тебе врежу. Без шуток.

— Ни на шаг, — повторила послушно. — Гав-гав, — добавила, не сдержавшись.

Ваньке это очень не понравилось, но подъехала Зоя, и стало не до моих колкостей. Увидев мегеру в платье и на каблуках, я испытала непередаваемый спектр эмоций, но план все объяснял. Зоя собиралась прикинуться опоздавшей проституткой, которой необходимо попасть внутрь. Нужно было подкупить охрану, вырубить, а затем провести нас в дом. Все. Не став ничего отвечать, я молча сунула ей пачку купюр. Она так же молча ее взяла. Мои проблемы — мои деньги.

Все прошло как по маслу. Привыкшие мужчины видеть в женщинах мясо охранники легко повелись на обман мегеры. Не прошло и двадцати минут, как мы втроем оказались на крылечке особняка. Ванька едва успел распахнуть по карманам оружие, всучить мне нож и рассказать, куда бить, чтобы не нанести серьезных увечий. Это, как сказал он, чтобы я не промедлила из страха нечаянно убить человека. К счастью, этот урок мне не пригодился.

Следуя в дом вслед за Зоей, я была уверена, что ко всему готова. Я была дурой. Визит в дом терпимости стал для меня серьезнейшим испытанием на прочность. Я вышла из него совершенно другим человеком. Еще более жестоким и категоричным, чем была раньше. Я жалею, что не доверила миссию по спасению сестры Ваньке и Зое и не стыжусь в этом признаваться.

Среди всех нас я явилась главным срывом прикрытия. Кроме меня во всем доме не нашлось ни одной девушки в брюках, и это было плохо. Даже Ванькины джинсы можно было как-то объяснить, но я не вписывалась.

— Если пристанут, скажи, что ты лесби, — посоветовала Зоя, правильно оценив обстановку.

Мы старались не задерживаться, но я успела увидеть, как один из мужчин ткнул в нас пальцем. Наверняка собирался звать охрану.

— Скорее, — подтолкнул Ванька меня в сторону лестницы.

Там я впервые споткнулась. Очевидно, кому-то не хватило комнаты, и один из мужчин нагнул девчонку прямо над перилами. Ее волосы и груди раскачивались в такт толчкам, а на лице было написано полное отсутствие в этой реальности. Думаю, свались она на первый этаж, даже не поняла бы, что произошло. Не позволяя мне увлечься занимательными картинками, Ванька грубо подхватил меня под локоть и потащил вверх с удвоенным усердием.

— Ты проверяешь комнаты слева, я — справа, — скомандовал Ванька напарнице, и они разделились. Памятуя о наказе не отходить от Гордеева, я следовала за ним по пятам.

— Откуда ты знаешь, что Лона здесь?

— Лона там, где Петр. Бизнес и наркотики внизу, бордель — наверху. Первые два пункта капитану неинтересны. — коротко ответил Ваня,

— Впечатляет, — признала.

Но он толкнул дверь, и все мысли вылетели из головы. То, что я там обнаружилось, мало напоминало фильм «С широко закрытыми глазами». Ванька пытался загородить спиной проем, но я все равно увидела, как потный и обрюзгший мужчина за пятьдесят

трудился над двумя девушками. Эти были не совсем обдолбанные и не забывали стонать. Практически достоверно. По крайней мере, мне так показалось. Ванька захлопнул дверь и перешел к следующей. На этот раз я смотреть не стала.

А вот потом удача нам изменила.

— Задержите их! — раздался крик за нашими спинами.

Впрочем, окружающим не было дела. Люди оказались слишком заняты, чтобы обращать внимание на крики охраны. В общем, пока охранник протолкался к нам, Ванька успел проверить еще одну комнату. Преследователь, не будь дураком, попытался схватит меня, но Ванька не допустил. Он так ловко припечатал мужчину к перилам, что я едва успела убраться с дороги.

— Нам нужно забрать отсюда одну девушку, — зашипел он в лицо охраннику. — И мы уйдем. Попытайтесь помешать, и снимки из этого веселенького места разлетятся по всем газетам. Сечешь? — Мужчина не сопротивлялся, и Ванька счел это за содействие. — Блондинка, не из ваших. Зашла сюда с полчаса назад. Где?

Охранник выразительно кивнул на одну из дверей, куда мы еще не дошли. И тогда я позабыла обо всех обещаниях. Рванула туда первой под злой рык Ваньки, распахнула настежь дверь и, кажется, закричала. Ворвавшемуся следом Гордееву пришлось схватить меня и прижать к себе от греха подальше, а еще забрать нож, чтобы я не бросилась с ним на человека, избившего мою сестру.

Петр обернулся и застыл. Не в состоянии пошевелиться в руках Ваньки, сжавших меня тисками, я отупело осматривала комнату, пытаюсь фокусироваться на деталях. Это было сложно, поскольку все плыло перед глазами. Жавшиеся друг к другу голые проститутки. Сброшенная рубашка у босых стоп Петра. Сбитые костяшки его пальцев. Бедняга так запыхался, трудясь, что его эталонный плоский живот дергался в такт вздохам. А потом я увидела ее. Папка лежала на кровати, а листы, части разорванные, рассыпались по одеялу. Сестра додумалась показать Петру данные. Интересно, этого оказалось достаточно, чтобы у него сорвало предохранитель? Или Лона подлила масла в огонь своей истерикой? Неважно, что ни сказала капитану сестра, он перешел черту, подтвердив самые страшные мои догадки.

— Ублюдох! — заорала я, срывая голос. — Ты все потеряешь, ты понимаешь?

Петр смотрел на меня бесстрастными глазами конченного психопата и ничего не отвечал, а потом... потом уголок его губ пополз вверх.

— Это вряд ли, — заметил он пугающе ровно.

И тогда я вспомнила, кто его отец. Я поняла, что попал не он, а мы. Петр мог творить что угодно, и его бы прикрыли сверху. Мне ли не знать, как все делается? Сергей, будучи низшим звеном политической цепочки, легко тащил наверх мою статейку о неизвестной женщине, а здесь... пара звонков, и Петр чист.

Если бы не присутствие Ваньки, я бы точно что-нибудь сделала. Бросилась на обидчика сестры с кулаками или плюнула в лицо. Я даже дернулась, пытаюсь освободиться, но Гордеев не пустил. А Петр такому поведению лишь усмехнулся. Красиво усмехнулся. Он ведь жуткий и красивый. Он стоял перед нами без рубашки, со взмокшими от секса волосами и внушал ужас всем присутствующим.

— Не надо, — тихо проговорил мне на ухо Ванька. — Ты сделаешь только хуже. Доставим Илону в больницу, а там обсудим, как действовать. Главное, не ведись.

Я так хотела, чтобы он отпустил меня и сам бросился на Петра, сбил его с ног ударом, но эти слова разбили последнюю надежду. Я знала, что Ванька мог бы уложить капитана в

два счета, ведь тот всего лишь пустышка. В нем ни силы, ни мужества, а бить он способен только беспомощных девчонок. Но Ванька, в отличие от меня, понимал: одно неверное движение, и нам из дома терпимости не выйти, а о выигрыше дела прости него и говорить нечего. А я хотела, чтобы он заплатил. Петр заслуживал большего, нежели пара синяков. Его шлюхастое имя обязаны были трубить на все газеты.

Я расслабилась в руках Ваньки, признавая его правоту, и он тут же выпустил меня.

Падая на колени рядом с сестрой, я боялась ее даже тронуть. По лицу и волосам Лоны текла кровь, скула заплыла, рот с одной стороны оказался разорван. Что там под одеждой, было не видно, и смотреть при Петре я не стала. Много чести.

— Лона! — позвала я полупшепотом. Голос дрожал. — Ты можешь идти?

Она смотрела на меня с такой болью, будто и не человек вовсе. Сожаления ни на грош — лишь животный страх. Она не сказала мне ни слова.

— Помоги, — попросила я Ваньку.

Зоя добралась до нашей комнаты тоже, и теперь стояла в проеме, не позволяя любопытным совать носы. Ванька подошел и попытался тронуть Лону, но тут что-то пошло не так. Она дернулась и неожиданно резво поползла прочь. Забилась в угол. Я скользнула взглядом по полу к ногам Петра и отчетливо представила, как втыкаю нож его в ступню. Несколько раз. Хорошо, что Ванька успел меня обезоружить.

— Расчисти дорогу, — быстро сориентировалась Зоя. — Мы сами.

Из-за существенной разницы в росте, тащить Лону оказалось очень несподручно. Она пыталась перебирать ногами, но толку было мало. К тому моменту, когда мы покинули комнату, уже весь особняк знал, что произошло. Они глазели на избитую девушку, но ни один не предложил помощь. Ни мужчины, ни женщины. А выход загораживали охранники.

— Мужик, — обратился Ванька к охраннику. — У меня полно на вас компромата. Не выпустите, и уже утром информация появится во всех газетах. Мой отец и ее муж, — кивнул Гордеев на меня, — об этом позаботятся. Выпустите по-хорошему, и никто не узнает, как вы тут развлекаетесь. Мы не идиоты и не полезем в бутылку, если вы не заставите. Мы просто хотим доставить девушку в больницу.

— Кто-нибудь из здесь присутствующих готов подтвердить это? — спросил охранник у других людей.

— Я беру на себя ответственность, — услышала я знакомый голос. Обернулась и встретила глазами с тем самым коллегой Сергея, о котором говорил мне Ванька. Мы общались семьями, и именно по этой причине я понимала, что при разводе стерва-жена обобрала бы этого парня до нитки. — Я их знаю, — закончил он хрипло, глядя исключительно на меня. С намеком.

В принципе, он не рисковал. Всем нам было плевать, какими способами собравшиеся себя гробят, пока не идут на улицу пичкать наркотиками детей. Только после этого охрана убралась с нашего прохода и, кивнув коллеге Сергея, я убралась из этого проклятого места.

* * *

— У вашей сестры разрыв селезенки, кроме того имеется несколько сломанных ребер, одно из них проткнуло легкое, но опасности для жизни нет, — рассказывал доктор, хотя я

слушала вполуха. Меня просто терзало чувство дежавю.

— Мы поняли, — ответил Ванька вместо меня. Я не хотела, чтобы его выставили прочь и соврала врачам, что он нам брат. Это было спонтанно и шокировало Гордеева-младшего до глубины души, но к черту. Меня трясло от пережитого, мои знакомые принимали наркотики, прилюдно совокуплялись и избивали женщин. На мой вполне себе разноцветный мир вылили ведро чернил, превратив его в массу негатива. Хуже того, мне стало страшно выходить на улицу в одиночестве. Кроме парочки человек, одним из которых был Ванька, я не верила больше никому. А «брат» бы не уехал, мне нужен был «брат».

— Вы зафиксируете побои? Возьмете пробы из-под ногтей? Проверите, не было ли... проникновения... в разные части тела?

Наверное, мне стоило больше волноваться о здоровье Лоны, а не о возмездии, но я слишком злилась на нее, чтобы говорить о другом. Меня просто раздирало на части от ярости. Врач от моего вопроса опешил.

— Конечно, — выдавил он. — Это стандартный протокол. Мы уже вызвали полицию... И вам еще стоит подумать о пластической операции.

— Делайте, что нужно, — кивнул за нас обоих «брат».

— Мне от вас понадобятся документы девушки, потому что при себе ничего не было обнаружено. И стандартные больничные вещи, конечно...

— Девушку зовут Илона, — процедила я сквозь зубы. — Не вынуждайте меня писать еще одну статью о врачебной халатности.

Доктор окинул меня далеким от дружелюбия взглядом и удалился.

— Поехали, Лона проспит до утра, — потянул меня за руку Ванька. — Нужно много всего сделать.

Напоследок я посмотрела на опутанное проводами тело сестры и внезапно испытала желание не пожалеть ее, а добить. Меня дико взбесила ее безответственность. Что должно было замкнуть в голове настолько, чтобы в одиночку отправиться в притон? Это просто ни в какие ворота!

— Фотографии из особняка у нас останутся, — говорил мне Ванька, усаживаясь в машину. — Они — единственный залог нашей безопасности. Зоя сейчас их прячет в безопасном месте. Саф, после первого нападения напиши статью об одном из участников оргий.

— Что? — переспросила я. Мозг отказывался воспринимать информацию.

— Ты же понимаешь, что мы никогда полностью не выйдем из этого особняка. За нами будут следить, может, пытаться убрать. Первые месяцы все решат. Наш с Зоей офис перевернут вверх дном сегодня-завтра в поисках документов, могут попытаться напасть. Но не на тебя, ты — жена политика, это опасно. Как можно быстрее подготовь статью о ком-то из этих людей, найди слабенький компромат вроде отказа от помощи человеку вроде Мани и опубликуй везде, где удастся, как только произойдет нападение. Пусть Новийский пробьет ее в какое-то издание. Они должны знать, что мы не шутили. Нужно поставить охрану у палаты Илоны. Не выходи из дома одна. Вообще.

Я смотрела на него и хотела забиться в истерике. Значит, вот такой теперь будет моя жизнь? Полной страха? Не знаю, как так, но внешне я была полностью спокойна. Хотя до адекватности было далеко. Кажется, звонил Сергей, но я не взяла трубку. Да и что было сказать? Твой друг, наконец, избил мою сестру до полусмерти? Или в таких случаях по

этикету положено добавлять «поздравляю»?

Мы направились не домой, а к Лоне. За документами. Глядя на связку ключей, я не сразу вспомнила, какой подходит для квартиры. Чуть не разревелась, усмотрев в этом особую символику. Может, вторгайся я в жизнь сестры чаще, ничего бы не случилось? Или не вторгайся вообще. Если бы не я, Лона бы не нашла папку и не поехала к Петру. Ее бы не избили, в опасности не оказалась бы толпа людей. Глаза защипало отчетливее.

Оглядывая свою, но чужую квартиру, я пыталась понять, где сестра могла хранить документы. Покопалась в ящиках стола, но там оказался идеальный порядок из конспектов. Интересно, с чего я взяла, что учеба отвлечет Лону от глупостей? Мозги у нее имелись и раньше, но еще ни разу не мешали главному — искать ублюдка для замужества.

На мгновение сознание заволокло алой дымкой ярости, а когда, очнувшись, содержимое ящика было разбросано по всей комнате, а тот, на счастье соседей, валялся на диване. Эффект мне неожиданно понравился. В следующий момент участь первого ящика разделил и второй, и третий. Ни в одном из них документов не оказалось, и я с чувством пнула папку с распечатками семинаров. Ванька наблюдал за мной молча.

Далее я направилась к шкафу и, сбросила на пол все, что нашла на полке. Бинго! Вот и документы. Цель достигнута, но желание громить квартиру никуда не делось.

— Ты не думаешь, что Илона не будет счастлива вернуться в такой бардак? — осторожно поинтересовался Ванька, стоило мне протянуться к полке с одеждой. Его пальцы сомкнулись на моем запястье, мягко намекая остановиться.

— О, пока она валяется на реабилитации, я все успею убрать тысячу раз. Я ведь все делаю для того, чтобы Лоне не было больно или обидно. И наивно жду, что окружающие помогут мне в этих попытках. Будь то мама, ты, Сергей или даже этот ее мудак. Вот только даже матушка понимает, что без толку ограждать ребенка, которому уже двадцать пять. Это мой персональный заскок. Лона выбирает ублюдков, а я ее спасаю. У каждого в этой жизни своя роль!

— Тогда я, должно быть, твой белый конь, — пошутил Ванька, прочувствовав аналогию.

Однако вместо смеха пришли слезы, и я порывисто стерла их ладонью. Обещала себе, что на этот раз Лона от меня рыданий не дожидается, а все туда же. Мне начинало казаться это дурной традицией. Как только она делает глупость, я подбегаю, хватаю ее в охапку и утаскиваю в бункер пережить очередное ненастье. Только на этот раз без последствий не отгремит.

— Поехали со мной, — вдруг скомандовал Ванька. — Только... предупреди сначала мужа, что задержишься.

— Не могу, — выговорила едва слышно. — Не могу об этом говорить.

Понятливо кивнув, Ванька направится к выходу, так и не выпустив моей руки. Боялся, что вырвусь или это был знак поддержки?

Мне было не очень интересно, куда мы ехали. Главное, чтобы не домой и не в больницу. Дороги не помню — только удивление, которое меня настигло, когда машина остановилась около спортзала Сан Саныча.

— Идешь? — спросил Ванька, и я запоздало поняла, что он уже давно открыл дверь машины и выдающее на меня смотрит.

Что ж, приходилось признать: то, что случилось с Илоной выбило меня из колеи сильнее, чем я готова была признать.

— Саф?

Мотнув головой в попытке отогнать наваждение, я толкнула свою дверь и вышла на пустынную ночную улицу. Было в районе трех часов ночи, где-то в пяти кварталах отсюда меня ждал сын, но я не могла к нему вернуться сейчас. Вряд ли Лешка бы по достоинству оценил мамочкин психоз.

Как оказалось, дверь черного входа спортзала можно было без особого труда открыть с улицы. Об этом, конечно, знали только местные, но мне все равно не понравилась такая беспечность. А вдруг проникнет грабитель, затаится и ударит Сан Саныча исподтишка. Теперь мне везде мерещились монстры.

— Зачем мы пришли? — спросила я Ваньку, когда мы добрались до подсобки, чтобы взять фонарик.

Гордеев, кажется, говорил что-то о верхнем свете, который не стоит включать, дабы не привлечь лишнее внимание. Мне было все равно, я едва улавливала происходящее.

— Затем, что тебе это необходимо.

Он снял со стены боксерские перчатки и отдал мне. Я не взяла, лишь одарила друга мрачным взглядом.

— Мне все это не нравится.

— Замечательное доказательство твоего психического здоровья, — не поддался на провокацию Гордеев.

Я схватила перчатки и вгляделась в лицо парня. Если бы он только улыбнулся — не выжил бы. Но Ванька, видимо, знал. Он невозмутимо пощелкал кнопкой на фонарике, выбирая режим, и направился в самое большое из помещений. К боксерской груше из тех, которые вешают на потолочный крюк совместными усилиями.

— Слушай, — начал Ванька, укладывая фонарик на лавку. — Не знаю, что бы посоветовал психотерапевт, но у меня есть один метод, помогавший во времена разборок с отцом. Когда есть человек, которого нельзя избить или обматерить, стоит обратиться... к ней, — Ванька указал на грушу, и я ошарашенно на него вытаращилась. — Работает безотказно.

Я, разумеется, не двинулась с места. Так и осталась стоять молчаливой статуей имени себя.

— Просто бей и говори. Представь на ее месте Петра. Или даже Лону. Скажи все, что думаешь, чтобы в голове не крутилось.

Секунд двадцать я молчала, пытаюсь представить себя прыгающей и орущей на грушу, но не удавалось. Не сошла же я с ума.

— Вань... — начала.

— Нет, не Вань. Ты пойдешь домой к мужу и ребенку, обязательно сорвешься на них, тебе станет еще хреннее, Саф. Я тебе отвечаю. Клянусь, что никому не скажу. Я — могила.

— Шел бы ты подальше, могила, — тяжело вздохнула. — Мне неловко за то, что ты уже видел.

— Перед своим Новийским извиняться будешь, а я в курсе, что люди живые и реагируют сообразно ситуации.

Звучало разумно, и я поддалась. Покрутила на пальце обручальное кольцо, не зная куда деть. Боялась повредить во время ударов. Заметив мою нерешительность, Ванька протянул руку, предлагая подержать. Очень не хотелось отдавать ему лучший из подарков Сергея, но сумку я оставила то ли в машине, то ли в подсобке, а карману без замка доверять ценности

нельзя.

— Саф, не дури.

Я сняла кольцо и передала ему.

Теперь не проходит и дня, чтобы я не думала: а что было бы, если бы не сняла? Или если бы положила в карман, на подоконник, да куда угодно? Нет, я не суеверная, но совпадение пугающее. Пусть мой брак разрушили не чувства к Ивану Гордееву, но он держал в руках наше с Сергеем благополучие слишком много раз, чтобы это можно было назвать нормальным. Та страшная ночь стала лакмусом для наших взаимоотношений. А дальше... дальше и тестов не нужно. Шторм поднял всю грязь, которую таило в своих глубинах море наших душ.

Первый удар вышел слабым и нерешительным. Груша насмешливо дернулась, но и только.

— И кто так бьет? — фыркнул Ванька. — Или ты пытаешься утешить эту бедненькую грушу? Пожалуй, ласки ей перепадает мало, но позволь напомнить: Петр твою сестру кулаками не гладил.

Я понимала, что он нарочно пытался спровоцировать мой срыв, чтобы выпустить пар, но черт возьми! Это работало. Одно напоминание о Петре, Илоне и том, во что превратилась их встреча, вызывало желание крушить. Я стиснула зубы до скрипа, чтобы не велеть Ваньке заткнуться.

— Саф, если ты сдерживаешься из-за меня, то это чушь собачья. В отличие ото всех остальных. Пройдет несколько часов, и ты останешься наедине с врачами, которые будут рассказывать тебе, как именно нужно резать лицо твоей сестры, чтобы она не осталась страшилищем. Твоя мать не поможет, твой муж пойдет на работу, оставив тебя наедине с ребенком. Потому что потребуются сначала разбираться в ситуации, ведь он верит, что Лона во всем сама виновата...

Это был последний гвоздь в крышку гроба. Я стиснула зубы, замахнулась и ударила. Не сдерживаясь. Груша чуть отклонилась и вернулась в начальное положение.

— Все еще паршиво, — резюмировал Ванька. — Серьезного вреда такой удар не нанесет, но заставит бить в ответ. Сильно. Очень больно.

Он говорил ужасные вещи, но честные. Хуже всего было понимать, что ни у меня, ни у Лоны не было ни единого способа противостоять Петру. Разница полов в том, что мужчины могут убивать женщин, не прилагая особых усилий, но не наоборот. Я годами занималась йогой, тренированные мышцы были видны глазу, но от моих ударов груша едва качалась, а некоторые парни сшибали ее с крюка.

— Я не могу сильнее! — заорала я в отчаянии. — Я вообще ничего не могу!

— Это ужасный самообман, — припечатал Гордеев.

Как же мне захотелось направить на Ваньку. Но вместо этого я, зарывав впечатала кулак в грушу. Так же слабо и бестолково, как прежде. И снова. И снова. Думала, что буду злиться на Петра, но вместо этого я представляла на его месте сестру. И винила сестру за глупость. Никто не в ответе за нашу безопасность больше, чем мы сами, а она поставила свою одержимость мужчиной выше самосохранения. Мне было больно и противно от самой себя, ведь Лона уже лежала в постели избитая, но по щекам текли слезы, а остановиться было никак. Хорошо, что Ванька придумал это с грушей, иначе я могла бы наорать на уже

пострадавшую сестру. Наверное, ей было хуже, но она пострадала далеко не одна! Эгоистично, но я не смогла избавиться от мысли, что сестра рисковала не только собой и здоровьем, но еще моим браком. Отключив голову, она думала... не заставляйте меня говорить, чем она думала, ведь и без того очевидно. Я бы не поступила на месте Илоны так никогда!

Вместе с ударами в какой-то момент пришли слова. Да такие, что у самой горели от них щеки. Благо, Ванька это слушать не стал — ушел, оставив меня воевать с собой в одиночестве.

Выходя из зала уже под утро, я надеялась, что негодование осталось в его пределах, но стоило переступить порог квартиры и увидеть Сергея...

— Ты не брала трубку, — начал он холодно.

— Потому что не знаю, что как облечь в слова все, что чувствую. Давай по фактам. Моя сестра пришла в дом терпимости, о котором тебе прекрасно известно. Петр ее избил, сейчас она на операции в больнице. Я видела твоих друзей со спущенными штанами и исколотыми венами. Нас едва выпустили из этого места. Ваня сказал, что нас могут попытаться убить за то, что мы видели слишком важные задницы голыми. Я боюсь выходить из дома.

Сергей на секунду оскалится, явно сдерживая рвущиеся ругательства, но все же промолчал. Какая потрясающая выдержка! Мне вот понадобилось несколько часов наедине с грушей.

— Интересно, о чем ты сейчас думаешь? — спросила я, не сумев скрыть горечь. — О том, как тебя подставили твои же друзья?

— О том, как подставилась ты, — выговорил он, сдерживая ярость. — Твоя сестра всегда отличалась завидной дуростью, но зачем туда поехала ты?

— Хм, а мне стоило пересидеть эту ночь в тепле и комфорте, а еще лучше выспаться, чтобы как можно лучше выглядеть на похоронах сестры?

— На что ты намекаешь? — прищурился Новийский.

— На то, что твоя удобная позиция более невозможна.

— Уля, если ты попытаешься обвинить Петра, то пострадаешь. Мы все пострадаем — не только Илона. Ради Алексея, не делай этого.

Мощный аргумент! Если бы только я могла поверить, что его забота вызвана исключительно опасениями за безопасность сына. Увы, едва сказав это, Сергей двинулся библиотеку, где теперь было подобие кабинета. Он взял на работе отгул, днем поехал со мной к Илоне, но те несколько часов, что он провел за закрытыми дверями... что он делал? Кому звонил? О чем договаривался? Я ничего из этого не знала, поскольку посчитала ниже своего достоинства подслушивать под дверь. Да и так спешила в душ смыть с себя грязь этой ночи, что ни о чем больше не помышляла.

К тому моменту, когда мы приехали в больницу, Илона была все еще на операции. Я перепугалась, подумала, что дело в осложнениях, но меня успокоили: врачи посчитали разумным сделать пластику сразу, чтобы не давать еще один наркоз. Я ничего в этом не понимала, но насторожилась. И не зря.

Уже к утру все данные о насилии над Илоной Сафроновой были уничтожены. И последние из свидетельств — физические увечья — скрыты под следами операций. Причем совсем не тех, что на самом деле. Разрыв селезенки? О чем вы? Всего лишь сложный аппендицит. А куда же она делать и откуда трещина в ребре? Я вас умоляю, девушка росла в таких условиях, что ее могли избить еще в пеленках, а записи потерять трижды! И, конечно,

пластическая операция — мое любимое! Ну не смешите, какой представительнице прекрасной половины человечества нравится свое лицо?

Ерунда, что Лона бьется в припадке каждый раз, когда приближается мужчина. Мелочи, что потеряла способность разговаривать. Так даже лучше! Какое избиение? О чем речь?

Пережив насилие со стороны любимого человека, Илона на долгие месяцы потеряла контакт с внешним миром, но кроме нас с мамой и Ванькой ей не посочувствовал никто. Если кому еще нужно доказательство уродства этой жизни, вот вам, пожалуйста. Забирайте! Неважно, кто ты и где ты. Ты всегда одинок, никому до тебя нет дела. Даже самым близким.

У меня было так мало ответов, а вопросы все множились. Кто уничтожил право на справедливость для Илоны? Что именно делал мой муж за закрытой дверью, пока я подставляла лицо струям воды? Как вышло, что после этого в его карьере произошел стремительный взлет? Но самый главный из вопросов звучал так: хватит ли моей любви на то, чтобы простить Сергею бездействие в ситуации угрозы жизни дорого мне человека?

По итогам трех лет бесплотных попыток склеить отношения из обломков, думаю, ответ на последний из своих вопросов я нашла.

Глава 10

Я никогда не перестану себя корить за то, что слишком доверилась продажным врачам и не сделала снимки Лоны сама. Могла бы, но так торопилась передать сестры на руки профессионалам, так жалела себя и свой брак... я всю ночь избивала грушу вместо того, чтобы попытаться добиться справедливости, и проиграла. А теперь утопала в чувстве вины. Перед Лоной, перед Ванькой, перед собой и даже перед сыном, родители которого не могли прийти к взаимопониманию.

Оказалось, любовь умирает медленно. Это совсем не похоже на один шаг или переброшенный тумблер. Это как гангрена, которая отнимает по кусочку. Вся надежда только на то, что инфекция остановится. А вопрос: сколько ты потеряешь прежде, чем это случится. Ногу? Руку? Или всего себя?

Мы с Сергеем балансировали между любовью и ненавистью очень долго. Всячески старались обходить стороной запретную тему, а потом срывались и скатывались на самое дно снова. И снова карабкались к спасению. Обидные слова срывались с губ, избивая любимого человека, будто камнями. Уже не только у меня, но все об одном и том же. Я обвиняла мужа, прикрывшего и «друга», и политическое кресло, а он — что я иду против армии с зубочисткой. Сергей даже не пытался найти другой выход, кроме как прогнуться под обстоятельства. А я не гибкая, и никогда такой не была. Мне была понятна позиция мужа, и я разделяла опасения за себя и Алексея после всего, что было сделано, но принять не выходило. Порой, Сергей говорил, что это обязательно сотрется и пройдет, и я соглашалась. Прилагала нечеловеческие усилия, пытаюсь простить ему предательство, забыть обо всем, но не могла.

Когда я прямо спросила мужа, как бы он поступил, случись со мной то же, что с Илоной, он ответил, что убил бы. Звучало до тошноты искренне, но я не поверила. Он бы защитил меня, будь на месте Петра школьник или безобидный клерк, или кто-то еще, но если бы этот человек оказался выгоден самому Новийскому? Нет. Он бы попытался найти золотую середину.

Проблема была не в отказе от помощи, а в доверии. В том, что я более не чувствовала себя рядом с Сергеем в безопасности. Офис Ваньки и Зои грабили трижды, прежде чем я успела бахнуть статью об ошибках одного из членов дома терпимости. Это сделала я — не Сергей. Признаться, мне и в голову не пришло к нему обратиться.

Сразу после наступило затишье, но я не поверила. Записалась на курсы самообороны и стрельбы. Оказалось, что последнее — отличный антистресс. Мое сознание противилось приближаться к Петру так же близко, как к боксерской груше, а вот решетить его голову с расстояния оказалось просто невероятно приятно. Я пугающе отчетливо представляла его неестественно красивое лицо с дырочками в местах попавших пуль. Хорошо, наверное, что капитана сняли с Петербургских рейсов во избежание. Встреть я его на улице, не знаю, что бы было. Ведь долгие месяцы я ходила по городу бледная, как смерть, чуть что хватаясь за припрятанный в кармане коляски пистолет.

Я скрывала свое состояние ото всех, но точно знала, что являюсь посттравматиком точно так же, как Илона. Старательнее других избегала Ваньку, опасаясь его пронизательности. Узнай кто о том, как мне на самом деле плохо, настояли бы на посещении врача. Но сестре уже вlepили диагноз «реактивный психоз», признав ее

душевнобольной. Ну и хватит, пожалуй. Обратись я к психиатру за помощью, мне бы тоже дали справку. Не было сомнений, что в случае чего добрые люди найдут способ обратить любые медицинские записи против меня.

Если раньше у меня были сомнения по поводу того, где буду работать после декрета, то после случившегося с Илоной я твердо для себя решила, что только в журналистике. После нескольких разгромных статей о врачах Илоны (связанные с другими пациентами) и последовавших исках, популярность моего блога возросла на порядок, что заинтересовало несколько редакций. Но я точно знала, на какую хочу работать — единственную не политически ориентированную. Их главный редактор Зарьяна была ожившим кошмаром, но только ее, если верить слухами, было не купить. Жену Сергея Новийского она динамила долго и упорно, пришлось потратить три месяца жизни на то, чтобы ее дожать до сотрудничества.

Сергею мой выбор совершенно не понравился. Одна неуправляемая женщина — плохо, но две, причем в коалиции просто катастрофа. Но к тому моменту переговорная стадия нашего конфликта сошла на нет, уступив следующей. Мы с Сергеем больше не ругались и не разговаривали — мы трахались. Я привыкла называть вещи своими именами, и, поверьте, к любви то, что мы делали, не имело никакого отношения. Прежние романтические ужины и посиделки в компании бутылочки вина остались в далеком прошлом. Теперь стоило сплавить Алексея, мы не вылезали из кровати, или не слезали со стола, или не отжимали кнопку стопа лифта. И стыд за то, что мы делали, выжигал причиненную друг другу боль. Поверьте, это было очень страшно.

Я это к тому, что как только Сергей заговаривал о Зарьяне, я лишь отмахивалась. Перестало быть важным, разочарую ли я его, подведу ли. Я понимала, что он неплохой человек, что все новые назначения — благо, ведь, по сути, если можно поступать правильно, но это делает, и в политике это важно. Но с тех пор, как Илона пострадала, я снова все делала одна. Заботилась о себе, о своей судьбе, о своей сестре, о семье, в которой выросла, о друзьях. Сергей принимал активное участие в жизни нашего сына, и это мне было приятно, но, фактически, я стала жить с человеком, на которого перестала полагаться. Тепло пропало, настоящая близость сменилась физической.

— Я теряю тебя, — сказал он однажды.

— Думаешь, и это пройдет? — усмехнулась я.

— Нет, — ответил. — Это не пройдет.

Довольно долго он молчал, пока я мыла посуду, а потом я почувствовала ласковое прикосновение губ к своей шее.

— Но ты все еще нужна мне.

Мне всегда было проще не верить в бога, нежели полагать, что он садист. Но некоторые совпадения не объяснить иначе. Разумеется, я знала, что стоит отдать Алешку в садик, как квартира превратится в лазарет. Со скрипом договорилась с Зарьяной, что в такие моменты буду работать из дома, чтобы не сидеть без конца на больничном, но я не ожидала, что не успею проработать и двух месяцев, как выпишут сестру.

Лону держали в психиатрии до тех пор, пока она не начала разговаривать. Она не стала прежней, практически на все отвечала резко, агрессивно, с ней было ужасно сложно. Тем не менее врачи посчитали, что раз она социально активна, смысла держать ее в стационаре нет. Остальное вылечит время.

Я должна была порадоваться, но вместо этого впала в депрессию. Я навещала Лону в больнице трижды в неделю, и после каждого визита возвращалась разбитой. Нужно было работать, готовить или заниматься Алексеем, но я не могла — тупо сидела на полу и смотрела, как он складывает кубики. Если находились силы, заставляла его называть буквы, и он вполне спокойно поддавался, но обычно меня хватало только на то, чтобы сидеть рядом и наблюдать. Он был единственным источником моей радости. Замечать изменения, происходящие с твоим ребенком приятно. Или было приятно, пока однажды он не ткнул в меня пальцем и не сказал новое слово: «грусть». Непостижимо, но двухлетний ребенок очень четко описал мое хроническое состояние последних месяцев.

Я попросила выписать Илону в выходной, потому что, во-первых, нужно было подготовить к ее приезду квартиру. Это я бессовестно свалила на маму, ибо так устала в очередной раз лечить Алексея, что едва могла шевельнуться. А второй причиной, по которой я не стала забирать Лону на неделю, был Ванька. В лечебнице сестра была под охраной, а теперь я опасалась, что на нее могли напасть с целью закрыть рот навсегда. Разумеется, только стоило попросить Ваньку о помощи, как он с готовностью согласился. А я достаточно навредила их бизнесу, не стоило просить еще и жертвовать рабочим временем. Гордеев, конечно, ни в чем меня не винил, ну или делал вид, а вот мегера... И она была права: я здорово подставила. Всех.

— Хороший денек, верно? — спросил Ванька, доставая изо рта зубочистку. Мы условились, что подниматься к нам домой он не будет, и теперь он ждал меня у машины.

Я оглядела свинцовые тучи, грозившие в любой момент разразиться ливнем и промолчала.

— Да, Ваня, ведь мою сестру выписывают. Это такое приятное событие! — тоненьким голоском ответил Гордеев сам себе.

— Поедем на моей машине, — попыталась я сменить тему. — Лоне будет комфортнее в привычной обстановке.

— Как угодно, но за руль сяду я, — вмиг посерьезнел Ванька. — А некомфортно ей будет в любом случае. Когда я в последний раз ее навещал...

— Ты навещал Илону? — опешила я. Он мне ничего не говорил, а сестра — тем более.

— Ну конечно навещал! — раздраженно сказал. — Так вот когда я в последний раз навещал Илону, мы поговорили, и я узнал о себе очень много интересного. О том, как жестоко с тобой обошелся, и вообще вариться нам с Петром в одном котле. Закончилось все пожеланием больше никогда меня не видеть.

— Ну, Ваня, добро пожаловать в мой ласковый и нежный мир, — сказала я, забираясь на водительское сидение.

Ванька не последовал моему примеру. Открыл дверцу, наклонился и добавил:

— Если что, это была не жалоба на несправедливое обращение, а сомнение в выздоровлении твоей сестры. Год назад она бы никогда ничего подобного не сказала. И мы условились, что я поведу.

— Обрато. Ты поведешь обратно, а пока за рулем я, — сказала раздраженно.

Он со вздохом уселся рядом со мной в кресло и тут же отодвинул его до максимума.

— Ты не рада, что сестра возвращается, — заметил он тихо.

Я довольно долго молчала. За последние месяцы мы виделись от силы несколько раз, поскольку я избегала душевных разговоров. Но Ванька все равно все выпытывал, словно близкий друг. Это неожиданно усугубляло чувство вины. Отвратительно сознавать, что ты

подставил такого хорошего человека.

— А чему мне радоваться? Думаешь, она твякает только на тебя? Мы договорились, что первое время с Поной поживет мама, но это пара недель. А дальше я снова окажусь в компании деспотичного главреда, вечно болеющего ребенка и озлобленной на весь мир сестры. Ну просто рай наяву. Прости, это не твои проблемы.

Ванька смолчал, но еще довольно долго я чувствовала на себе его испытующий взгляд и усердно делала вид, что не замечаю. Он хотел что-то спросить, и все же не решился. Возможно, о Сергее, но уж этой темы я касаться не собиралась.

В последнее время он активнейшим образом продвигал мою журналистскую карьеру, всячески выражая поддержку решению писать, пусть и для Зарьяны. И блог поддерживал, и все поддерживал. Иногда доставал материалы, иногда — новые темы подбрасывал. И я тоже активно его поддерживала в своих статьях, на фуршетах и так далее. Наше общение стянулось к карьерам друг друга. И только это было честно.

Иногда я чувствовала такую ужасную боль от потери своего Сергея, что пыталась все наладить и вернуть, и он охотно отвечал мне взаимностью. На несколько дней дома появлялся мираж прошлой близости. Но потом я ехала к сестре в лечебницу, и все снова становилось плохо. Новийский прекрасно понимал причины перепадов моего настроения. Тогда-то он и задумался о переезде всерьез. Если бы он увез меня из Петербурга, подальше от воспоминаний о трагедии, семья бы, вероятно, выстояла. Но я верила, что найду способ отомстить за сестру и с того самого дня, как врачи уничтожили записи, искала доказательства заговора против Илоны Сафроновой. Я бы не уехала, не добившись для нее справедливости. Иначе это предательство.

Я не предупредила сестру о том, что приеду с Ваней, ибо не самоубийца. Мама предпочла остаться в квартире, подогреть чай. В общем, Лона думала, что я приеду одна, и даже не собрала вещи. Как обычно лежала в кровати в халате и наушниках, что явилось для меня крайне неприятным сюрпризом.

— И как это понимать? — спросила я, едва переступив порог.

— Что он здесь делает?! — воскликнула Лона, воззрившись на Ваньку с неподдельным ужасом и инстинктивно плотнее запахнула полы надетого поверх ночной сорочки халата.

— Так, — не дал Гордеев развязаться конфликту. — Еще раз. Добрый день, Илона.

— И, сделав выразительный жест в мою сторону, велел: — Повторяй.

— Добрый день, Илона, — закатила я глаза.

— Твоя очередь, — ткнул пальцев Ванька в мою сестру.

Сестра откинула голову на подушку и отвернулась к стене.

— А это что должно значить? — спросила я именно то, чего от меня ждали. Увы, но призывом к вежливости ее было не пронять.

— Я никуда не поеду, — ответила она, даже головой в нашу сторону не дернув.

— Отлично. На мне не того цвета блузка? Я переступила порог не с той ноги? Приехала не одна? Или...

— Я слышала разговор врачей, — резко обернулась ко мне сестра. — Они сказали, что ты просила подержать меня до выходных, потому что не веришь, что я вылечилась, не хочешь, чтобы я вернулась и устала со мной возиться.

Я постаралась не краснеть и не выдавать своих реакций, но ее слова попали в яблочко, и было ужасно стыдно за них.

— Не переваливай на меня догадки медперсонала. Боишься быть обузой — собирай вещи и на выход, — твякнула я на нее. — Мы ждем тебя в фойе. Заберем документы на выписку и выпьем кофе.

Сестра раздраженно запыхтела, а я захлопнула за спиной дверь палаты и только тогда выдохнула.

— Желать ее смерти, пока она такая — нормально, — утешил меня Ванька.

Подавив желание рассмеяться (упаси боже Лона услышит, что мне весело!), я потащила Гордеева подальше. Выслушала последние рекомендации от врачей и отправилась пить кофе, как и обещала. Я уже перегнула палку со своей заботой, не хватало еще собирать за Лоной вещи, как за маленьким ребенком! Впрочем, успела пожалеть о своем решении. Ждать пришлось долго. Мы с Ванькой успели и поболтать, и поскучать, и даже обзавестись сканвордом. Третью отгадали, прежде чем рядом появилась донельзя раздраженная Лона с тяжелой сумкой наперевес. Однако на этот раз ею была избрана тактика молчания, и мы не услышали ни слова жалоб. Хвала всевышнему!

По дороге домой Ванька пытался что-то рассказывать, и я ему не мешала, но и не участвовала. Нравится ему работать аниматором для человека, который не ценит стараний — пусть. Сама я от этой роли устала.

Благо, когда мы переступили порог квартиры, стало не до того. Мама была в своей радости так искренна, что я даже позавидовала. Она накормила нас всех (Ваньку

— дважды), напоила чаем, рассказала обо всех родственниках-знакомых, о том, что дядя Боря задумался о покупке дачи, о том, как здорово будет иметь дома овощи без пестицидов. И при этом мама то и дело трогала свою младшенькую, то сбрасывая с плеч невидимые пылинки, то заправляла волосы за уши и, кажется, даже не замечая, что Лона не произнесла ни слова. Сестра смотрела на всех исподлобья, особенно нервно поглядывая на Ваньку. И в какой-то момент, когда мама с силой провела ладонью по волосам Илоны, та так как заорет:

— Не трогай меня! Не трогайте меня все! Почему вы не можете оставить меня в покое?!

Она бросилась в комнату и хлопнула дверью так, что та треснула. Дешевенький ДСП, на который хватило моих скудных сбережений, не выдержал такой ярости.

— Мама, прости, но мы пойдем. — Мои нервы, наконец, не выдержали. — И, возможно, тебе тоже стоит.

— Н-нет, я останусь. Может быть, тебе стоит навестить ее с Алешей... — предложила она.

— Ага, чтобы Лона его без руки или головы оставила? — желчно поинтересовалась я, указывая на пострадавшую дверь. — Нет, спасибо! Врачи посчитали ее состояние приемлемым, чтобы выйти на работу и попытаться наладить взаимодействие с внешним миром. Учитывая, в какую копейчку обошелся этот центр, у них не было причин выписывать Илону раньше времени. То есть она вполне способна отвечать за свои действия и сейчас крушит мою квартиру осознанно. Не думаю, что я хочу подпускать ее к племяннику до тех пор, пока она не начнет вести себя нормально!

Я даже не попыталась понизить голос. Ни сразу, ни после того, как из комнаты донеслись первые всхлипы. Вместо этого обулась и отправилась на улицу. Спешно попрощавшись, Ванька последовал за мной. Видимо, он тоже не горел желанием приближаться к Илоне.

За руль меня он не пустил, но я и не рвалась. Колотило до дрожи. Далеко в таком состоянии не уедешь. Впрочем, сам Гордеев тоже не спешил трогаться с места, положил обе

ладони на руль, и только. В моей машине это казалось вопиюще неправильным.

— Я не смогу, — призналась я, напряженно вглядываясь в даль. — Я не знаю, что делать. Она не хочет выздоравливать, и я не могу ее заставить.

— Заставить выздоравливать? — опешил Ванька. — Она выздоравливает, Саф, очевидно же. С ней случилось ужасное, и злиться в такой ситуации нормально. Или ты хочешь, чтобы она притворилась, что с ней все в порядке?

Я закусила губу и отвернула лицо, чтобы Ваня не заметил моих горящих щек. Ну конечно я хотела, чтобы Лона ради нас притворилась. Конечно, не мне судить, ведь избили не меня, но все равно казалось, что сестра могла и постараться. Мы ее боялись, не хотели быть рядом. Если она добивалась этого, то, конечно, молодец, но разве все это время она сама о себе заботилась? Будь так — пожалуйста, но она усложняла жизнь всем, и Ванька последний считал это оправданным.

— Ваня, — начала я нервно, и он настороженно на меня покосился. Понял, что взорвется бомба? — Ты говорил, что Лона пыталась обвинить тебя в жестоком обращении со мной, но... но это неправда. Мне она говорила совсем другое. Честно говоря, я очень удивилась, услышав это сегодня. Лона говорила, что восхищается тобой, и..

— Саф, не продолжай, — попросил он напряженно.

— Почему? — вместо того, чтобы замолчать, я, напротив, потеряла контроль. — Она тебе всегда нравилась, и ты ей. Из вас получилась бы отличная пара. Просто... подумай об этом...

— Ульяна, — резко и громко перебил меня Ванька и окинул злым взглядом. — Тебе будет потом после этого разговора ужасно стыдно, но так и быть, я сделаю вид, что его никогда не было!

Вопреки его словам, стыдно стало мне сразу же, и защипало глаза. Но я правда не знала, что еще сделать, чтобы стало легче. Причем, на этот раз не Илоне — мне самой.

Целую неделю после возвращения Илоны все шло сравнительно гладко, но в понедельник позвонила мама и сообщила, что сестра уволилась из «ГорЭншуранс». Мы общими усилиями уламывали Николая Давыдовича не вышвыривать сестру из службы, а она взяла и ушла. Прекрасно!

На мой уход из компании Гордеев-старший отреагировал... бурно. Весь офис содрогался, так он орал. Когда я вышла из кабинета, последний из личных помощников уже бывшего начальника втянул голову в плечи на манер черепахи и косил на меня испуганным взглядом. Будто это я устраивала арии, а не один голосистый юрист! Эх он по мне прошелся! Меня и обвиняли, и подманивали прибавками, повышением полномочий, Гордеев дошел до того, что пытался всучить мне какой-то из отделов со всеми потрохами, лишь бы осталась (уж не знаю, чем бы ему это помогло!), но я была непреклонна. До Илоны и Петра — быть может. Но теперь мной завладело желание добиться справедливости для подвергшихся насилию женщин в лице сестры. Громовержец потерпел поражение.

И после того, как я едва унесла ноги, сестра пришла к Гордееву и отказалась от последнего, за что я просила. После такого мне стало страшно ходить по городу. Вдруг встречу Николая Давыдовича, и тот оторвет мне голову.

С Илоной было очень сложно. Она выходила из дома только в случае острой необходимости и в таком виде, что ни один человек не назвал бы ее нормальной. Когда я

встретила это чудо в магазине — мы условились встретиться, и обе отправились покупать печенье к чаю, — у меня отнялся дар речи. Моя любившая яркие и красивые вещи сестрица стояла у прилавка, низко натянув на глаза кепку, в мужской бесформенной толстовке, свисавшей мешком до колен и старых, вытертых джинсах и разношенных кедах. Забирая пакет с курабье, Лона вся сжалась и постаралась ни в коем случае не коснуться руки продавщицы. Когда сестра покинула магазин, я отмерла не сразу, и слышала, как работницы магазина говорили, что чокнутая наркоманка какая-то к ним повадилась.

С тех пор, как мама уехала к себе домой, Лоне пришлось заботиться о себе самостоятельно. Я за нее переживала, но больше не потакала этим порывам. Сотню раз на дню себе повторяла, что уже накололась на свою гиперзаботу. Всем будет лучше, если я позволю сестре отрастить внутри стержень. Она не жаловалась, но не понимала. Вроде бы, именно сейчас ей было нужно, чтобы вокруг попрыгали, но нет. И терапию я подбирала для нее безжалостную.

— Лона просила меня увидаться с Алешей, — сказала я Сергею.

— Она достаточно стабильна?

— Определенно, — пожала я плечами, и это было правдой. — Но теперь все иначе. Хочет видеть племянника — увидит, но на улице и в твоём присутствии.

Новийский промолчал.

— Я не прошу тебя общаться с ней каждый день, — проговорила язвительно. — Но один раз выживешь.

Еще одна порция молчания.

— Думал, ты меня к ней и близко теперь не подпустишь, — сказал он, стыдя меня одним взглядом.

— Нет, я думаю, что она воспринимает тебя исключительно как друга человека, который ее избил.

— Думаю, так меня воспринимает не она, а ты, — ловко перевернул все Сергей. — Но я все равно рад, что ты попросила.

Эта прогулка стала настоящим кошмаром. Едва завидев Новийского, сестра замкнулась. За полтора часа ни единого слова. А Алексей, напротив, носился вокруг кометой и спрашивал «кто эта тетя». Удар с двух фронтов, о котором я пожалела. В итоге, все это время мы подбирали Алешке секцию. Новийский был за музыкальную школу, я — за каратэ или что-то в этом духе. Обычно бывает наоборот, но у кого что болит. Мне хотелось, чтобы сын умел себя защитить в ситуации угрозы жизни. Сошлись на том, что спортом можно заняться с четырех, а вот мучиться с уроками сольфеджио раньше пяти не согласен даже Новийский. На том и порешили. Лона все это время маячила сбоку от меня призрачной тенью. На следующий день она не пустила меня на порог.

— Ты позвала его, чтобы я не навредила ребенку? — потребовала она, открыв дверь и загородив проем.

— Ты спятила? — опешила я.

— Именно так ты сказала маме. В любом случае, не хочешь позволить мне общаться с Алешей — не надо, только избавь меня от своих уловок!

Бамц, — и дверь захлопнулась прямо перед моим носом, а я впервые растерялась. Мне не с кем было об этом поговорить. Сергей? Ни за что, в нем все дело. Ванька? Быть может, если бы я не сглупила и не предложила ему свою сестру на блюдечке с голубой каемочкой. И все же одиночество оказалось настолько невыносимым, что я пошла в магазин, накупила

вина и нарезки и заявила со всеми этим добром к маме с отчимом. Они, конечно, удивились, но от посиделок отказываться не стали.

Домой я вернулась в одиннадцать вечера, и шагать было трудно. После вина мы дружно решили, что выпивки недобор, и дядя Боря достал с полки припасенный на черный день самогон. Ни у кого не возникло сомнений в том, что этот самый черный день настал...

— Ты где была? — спросил раздраженно Сергей, едва меня увидев.

— У мамы, — пролепетала я пьяно. — Лона выставила меня из моей же квартиры. Я ее почти ненавижу.

Включив мозг, я внезапно осознала, с кем это обсуждаю, и досадливо отмахнулась.

— Уля, — как-то горько выдохнул Сергей. — Мы можем поговорить об этом.

— Ты заплатил врачам, чтобы они уничтожили записи? — неожиданно спросила я, хотя поклялась себе этого не делать. Будто существовал шанс, что Сергей скажет «да».

— Это сделал отец Петра, — сухо выдавил он.

— И как только узнал так быстро, — иронично проговорила.

— Уля, мы столько раз клялись все забыть и жить дальше, — снова начал Новийский, подошел ко мне и обнял, помогая удержать равновесие, пока я снимала обувь.

— Не надо, — попросила.

Затем покачнулась и сама схватилась за его руки в попытке устоять. Он наклонился и поцеловал меня. Не губы — лицо, и так сладко, щемяще. Даже слезы на глазах выступили.

— Я хочу вернуть все назад. Я бы все сделал иначе, — простонал Новийский, прижимая меня ближе.

— Я тоже хочу все вернуть, Сергей, — всхлипнула я. — Но ты бы ничего не сделал иначе. И я бы не сделала. Мы упрямы и уверены в своей правоте.

— Это не самое плохое.

— Я уже так не думаю, — призналась тихо и смело взглянула в его глаза.

Дни плелись невыносимо медленно. Кроме короткого периода общения с сыном, зацепиться было не за что. Первая радость от новых должностных обязанностей сменилась рутинной, и теперь даже редакция не спасала от грусти. Часы на работе тянулись медленно, с сестрой или Сергеем — тоже. Но стоило обернуться назад, как не находила за спиной ушедших месяцев.

Только Алексей радовал. Повзрослев, она стал очень интересным. Не только болтал без умолку, но и делал смешные выводы, подвластные только детскому разуму. К нему я и спешила. Каждый день надеялась, что он научится чему-то новому. Недавно ему подчинилась смягченная «л», и в честь такого события я накормила его мороженым. Конечно, на следующий день мне позвонили из садика и потребовали забрать кашляющего ребенка, но то были лучшие часики месяца. Жаль, что последствия мороженого испарились слишком быстро.

Остальное не радовало. Илона нашла работу, но... в прокате видео. Я вообще не представляла, что такие еще существуют. Впрочем, зарплата, кажется, была такой же мистической, как спрос на диски. Но это позволяло Лоне ходить туда в своей бесформенной толстовке и ни с кем не разговаривать. Кто ищет, как говорится, тот всегда найдет.

Зарьяна придиралась к моим статьям так, что временами хотелось ее придушить. Я сидела, тупо смотрела в вылизанный текст и не понимала, что ей не нравится. Рейтинги подтверждали ее слова о том, что журналист из меня так себе, но сколько я ни билась, толку — чуть. Да, социальная проблематика находила в сердцах людей отклик, но подача хромала, и это ужасно расстраивало.

Сергей же... Сергею предложили переезд в Москву. Тогда я еще об этом не знала, но чувствовала, что что-то происходит. Он забрасывал удочку раз за разом, намереваясь зацепить меня и утянуть в нужную сторону. Но я относилась к его попыткам слишком настороженно.

И был еще один важный человек, но его я избегала. Весьма успешно. До того дня, пока не вышла с занятий йогой и не увидела Ваньку на парковке рядом со своей машиной. Он сосредоточенно ковырялся в телефоне, и я было развернулась, чтобы сбежать, пока не заметил, но тут за спиной раздалось:

— Сафронова, это обидно, меду прочим. Я внимательностью зарабатываю себе на хлеб. Считаешь, я настолько плох в своем деле?

— Считаю, что не хочу разговаривать, — буркнула я себе под нос и обернулась.

— А то, что меня так упорно избегают, еще обиднее! — припечатал Ванька.

— Ноя пришел не ругаться, а поделиться идеей. Позвони на работу и наври, что пробила колесо.

Я нахмурилась и открыла рот, чтобы спросить, но... не дали.

— Саф, живее-живее! Мне тоже на работу, и я тоже не горю желанием опаздывать.

Я открыла машину, позволяя Ваньке залезть внутрь и набрала номер Зарьяны, предчувствуя...

— Ну, и что ты задумал? — спросила я кисло, выслушав о себе много лестного и забравшись в машину.

— Твоя сестра не выходит из дома и почти не говорит, надо ей помочь. Хитростью, —

улыбнулся Ванька, наклонившись ко мне, но мне это не понравилось.

От воспоминаний о том, как я в этой самой машине предложила стать панацеей для своей сестры, до сих пор передергивало. Я бросила на друга мрачный взгляд, но слово Илона было ниточкой, за которую тянуть марионетку Ульяну можно сколько угодно.

— Куда едем? — спросила мрачно.

— Ты рассказывала, что Лона всегда хотела собаку. Мы едем в приют для животных.

У меня это заявление вызвало такую бурю эмоций, что пришлось опустить глаза. План был действительно гениален. И Ванька помнил вскользь брошенную фразу о щенке... Я вообще не понимала, как сестра рядом с таким парнем могла связаться с эгоистичным и ублюдочным Петром. Проницательность Ваньки была моим криптонитом всегда. Почему не для Илоны?

По дороге до питомника Ванька вслух впечатлялся моей манерой вождения, но я лишь пожимала плечами.

— Профессиональный водитель во мне не умер.

— Зато статьи ты пишешь классные. Я все читаю. Думаю, отец все локти искусал, что не нанял тебя специалистом по связям с общественностью.

Я промолчала. Зарьяна бы ему час отвечала на это заявление, причем красочно, с деталями!

— Саф, — потребовал вдруг Ванька. — Посмотри на меня.

— Я веду машину. И веду ее плохо.

— Ну на светофоре посмотри.

Я сразу почувствовала себя глупо, но пришлось так и сделать. Ваня есть Ваня, если что-то придумал — не отстанет.

— Все в порядке, — напомнил он, дождавшись моего взгляда. — Ты ведь знаешь?

— Еще как в порядке. Порядочнее ситуации не придумать, — не сдержалась я.

— У нас с тобой все в порядке. Ты, конечно, сделала мне предложение века, за которое тебе будет неловко до конца своих дней, но я понимаю. И у нас все в порядке. Поэтому не заставляй меня скучать по тебе и придумывать благовидные предлоги для встречи.

Я не стала отвечать на это, просто тронулась на зеленый и, кажется, услышала раздраженный вздох Ваньки.

Питомник располагался далеко, район был мне незнаком, и пришлось поплутать. Я дважды свернула туда, по-девчачьи перепутав право и лево. Гордеев ругался и грозился отобрать у меня руль.

Оказалось, мы искали совершенно неприметное двухэтажное здание, от вида которого у меня сердце защемило. Внутри оказалось не лучше. Ряды клеток с измученными животными произвели на меня удручающее впечатление. Тем более, что почти все были либо злы, либо голодны.

— Здесь нет никого похожего на ту собаку, — с грустью сказала я, оглядевшись.

— Так даже лучше. Если ты найдешь именно такую собаку, манипуляция станет слишком явной.

— Я не уверена, что Лона будет заботиться о другой. В смысле сейчас. Она так зла, — я устало потерла пальцами переносицу.

— Конечно, станет. Она добрая. И чистюля. После пары луж на ламинате ей станет неудобно. Выкинуть собаку она не сможет, так и пойдет на улицу. Саф, очень важно, чтобы

она осознала свою значимость, ей нужен кто-то нуждающийся. Ей всегда не хватало ответственности перед другими, это нужно исправлять. Смотри-ка, это хаски? — вдруг растерял философский настрой Гордеев, грубовато вырывая меня в реальность. — Простите, — обратился Ванька к мужчине, присматривавшему за животными. — У вас здесь хаски?

— Не, — отмахнулся мужик с желтыми зубами. — Помесь с лайкой. Вчера целый выводок привезли.

— Да они же почти неотличимы, — удивилась я.

— Ну, согрешила сучка, вот и отдали приплод. Некоторые ведь только чистокровных растят. Забирайте быстрее. Этот последним остался. На хаски сейчас все помешались, скажете, что чистокровная — даже не заметят.

Мы не стали сопротивляться. Час спустя клетка с грустным щенком стояла на моем рабочем столе.

— Сафронова, я так понимаю, это и есть шина? — уточнила Зарьяна, брезгливо принюхиваясь.

— Рядом с автосервисом питомник. Пока мастера возились, заглянула полюбоваться зверюшками и не устояла. Привезу сестре, может, хоть собака ей поможет.

За спиной главреда одна из коллег показала мне поднятый большой палец. Отлично соврала, мол. Жаль, что это поняла даже она. Зарьяна точно посообразительнее будет!

Я еще никогда так не ждала окончания рабочего дня, как тогда. Сама не ожидала, что идея Ваньки мне так понравится. Он, кстати, напросился в гости, чтобы посмотреть на реакцию Лоны. Видимо, ожидал мгновенного прогресса, но я не была столь оптимистична: слишком много срывов сестры повидала.

Не представляю, как мы выжили по дороге до дома Лоны. Бедный Алешка как увидел щенка — все. Ребенка было не остановить. Я думала, что он вылезет из детского кресла и начнет прыгать по всему салону — так вертелся. И ныл, и пытался до переноски дотянуться. Под конец ему, к моему ужасу, удалось выпустить собаку. Это случилось на повороте. Переноска подъехала ближе, липучки взвизгнули, раздался громкий лай, удар в спинку моего кресла. Я, не сдержавшись, взвизгнула.

Открывая дверцу авто у дома Лоны, я поймала щенка в прыжке, начала упихивать в переноску, но тот меня укусил. Не до крови, но кожу сvez. Алексей, впрочем, попытался повторить те же трюки, но с ним я церемониться не стала — дала щелбан, заставив недоуменно притихнуть. Когда рядом припарковалась машина Ваньки, я все еще воевала с неугомонной парочкой.

— Я привез поводок, миску для еды и немного корма, — отчитался он, с интересом наблюдая за моей войной с двумя мелкими и верткими субъектами.

Я была благодарна за прозорливость, но не в меру энергичные подопечные не позволили выразить это вербально.

— Кого понесешь? — поинтересовалась я устало, поняв, что без смирительной рубашки для Алексея с двумя никак не справиться.

Ванька решил не сразу, но выбрал ребенка. Наверное, это можно назвать джентльменским жестом, ведь собака в переноске куда менее прыткая. Лешка Ваню знал и не смутился. Напротив, начал многословно жаловаться на жизнь. Злая мама не позволила поиграть с собакой. Негодяйка! Гордеев честно выслушал сетования, покивал, обещал быть

хорошим и позволить поиграть со щенком, как только мы поднимемся в квартиру. Но это не помогло, и буйный ребенок начал вырываться в попытке добраться до переноски немедленно.

— Я тебе сейчас еще раз по лбу дам! — пригрозила я сыну. — Дядя Ваня и так в шоке от такого несносного мальчишки!

— Это я тебе сейчас по лбу дам за дядю Ваню, — не остался в долгу Гордеев.

— Вот она, знаменитая мужская солидарность! — не удержалась я от шпильки, открывая подъезд, а горечь в голосе выдала с потрохами.

— Я в курсе, что твой муж осел. Только я здесь ни коим боком!

— Сергей не осел, — тут же стушевалась я. — И не вздумай упоминать его при Илоне.

Лифт звякнул, и мы вышли из кабины на втором этаже. Решили не подниматься с таким скарбом по лестнице.

— Спрячься, — велела я Ваньке, указав в сторону от двери.

Лона всегда сначала смотрела в глазок. Не стоило ей знать, что я не одна, а то могла не открыть. Ваня, если и удивился, то виду не подал и послушно шагнул вбок. Таким образом, сестра пропустила меня, ни о чем не подозревая, а когда в квартиру ввалилась целая толпа, помрачнела и отступила в комнату. Мне показалось, она едва не закрыла за собой дверь, отрезая нас от себя любимой.

— Это тебе, — протянула я переноску.

Лона ее не взяла. Напротив, спрятала руки за спину. Зато Алексей рванул вниз так, что пришлось его ловить сообща.

— Бака! — завопил он радостно, пугая бедного щенка.

— Вот на какую реакцию я рассчитывал, — грустно пробормотал Ванька.

Я чуть не упрекнула его в невероятной наивности!

— Лона, предложишь гостю чая? — поинтересовалась я у сестры тоном, не терпящим возражений.

Сестра только и ждала возможности спрятаться. Она не только ушла на кухню, но и дверь закрыла. На собаку даже не посмотрела. Зато Алеша продемонстрировал, чудеса хакерского мастерства и вскрыл переноску еще раз. Щенок с лаем вырвался на свободу, оскальзываясь на ламинате. Сын, заливаясь смехом, рванул следом. Добежал до дивана, около которого собака вздумала развернуться, плюхнулся на нее брюхом, придавив. А затем схватил и ка-а-ак начнет целовать...

— Вот бы к маме так ластился, — ревниво пробормотала я, с интересом наблюдая это действие. — Но нет! Маме мы выдираем волосы клочьями.

— Хорошо хоть не папе. У того факторов риска больше. Да и возраст... — тут же воспользовался возможностью уколоть Сергея Ванька.

— Лет через пятнадцать продолжим этот разговор, — отрезала я, критически осмотрев безупречную шевелюру Гордеева.

— Из предположения, что я пошел в отца, поднимаю ставку вдвое.

Окинув Ваньку еще одним взглядом, я нахмурилась. Николай Давыдович поседел, но лысиной не обзавелся, поэтому у меня были все шансы проиграть спор! Вот только как же чертовски хотелось стереть это выражение самодовольства с лица Ваньки! Пришлось утешиться мыслью, что продолжать с ним препираться было бы слишком по-детски.

— Так, дружок, отдай-ка собаку на минуточку, — обратился Ванька к Алексею и

удостоился очень недружелюбного взгляда.

— Ты что задумал? — спросила я, придерживав сына, который уже замахнулся, чтобы досадливо треснуть Гордеева.

— Стресс-тест. Сиди тут даже если из кухни полетят кровавые ошметки.

Я не сдержала улыбку и подняла хнычущего сына на руки. Алексей не испытывал потребности делиться с ближними и тянул жадные ладошки к щенку. Альтернатива собаке в лице любящего родителя его не устраивала.

— А ну тихо! — шикнула я на него, пытаюсь прислушаться.

Неразборчивые голоса, громкий лай, грохот... Я правда испугалась, что сестра огрела Ваньку сковородкой, но вскоре он показался живой и невредимый и позвал нас пить чай.

Можно было подумать, что Лона осталась равнодушна к подарку, но это не так. Когда я пришла в следующий раз, обнаружила, что единственной обувью на полу прихожей остались изжеванные тапки, а на все еще свеженьких обоях кое-где просматриваются глубокие следы когтей. Но Лона собаке злого слова не говорила. Нацепила ей на шею ярко-красный ошейник с какой-то девчачьей подвеской, стала чаще расчесывать блестящую шерстку, а миску держать полной до краев.

Необходимость заботиться питомце, который действительно в этом нуждается, потихонечку что-то меняла в сознании сестры, возвращая веру в свои силы. Она не переставала жаловался на питомицу, на то, как мы ее обязали и загрузили лишней, но исправно ухаживала за собакой и выгуливала ее дважды в день: до и после работы. Мы делали вид, что очень раскаиваемся, а потому «помогали». Утром, конечно, Лона ходила с Шиной одна, но по вечерам мы составляли ей компанию минимум трижды в неделю. В смысле мы с Лешкой — трижды, а Ванька — как получится. Из-за разношерстности компаши я в шутку называла нас Бременскими музыкантами.

Сын просто сходил с ума от счастья. Ради собаки сам карабкался по лестнице, пыхтя от усилий, цеплялся за поводок во время прогулок и утверждал, что именно он ведет Шину гулять. Мы всячески это поддерживали, но не разрешали ему направлять собаку в одиночестве. Шона обладала веселым нравом и запросто могла рвануть за голубями, болтая ребенка на веревочке, как воздушный шарик. Росла не по дням, а по часам. Глядя на это, я хотела завести животное дома. Но Сергей был категорически против: нечего измываться над зверьем, держа его в квартире.

В общем, терапия от доктора Гордеева оказалась очень действенной. Подружившись с псом, сестра начала без опаски подходить к Алексею, а там и до нас — взрослых — оказалось рукой подать. Осознание, что все позади и удалось выкарабкаться, пришло ко мне в тот счастливый день, когда я, подъезжая к дому Илоны, увидела, как она разговаривает с каким-то парнем. Она сутулилась и держала приличную дистанцию, но не пыталась уколоть его или обидеть. У ног сестры металась Шина, обвивая их поводком, но сестра свою питомицу не останавливала: слишком много сил забирало у нее общение с молодым человеком. Но то, что она не огрызалась, вынуждая его бежать, сверкая пятками, очень обнадеживало.

— Привет, — подошла я, как только разговор между сестрой и молодым человеком подошел к концу, и тот скрылся в одном из подъездов. Сестра покраснела до кончиков ушей. — Это...

— Это... Антон, — проговорила она неловко. — Мы познакомились на площадке для собак. У него пес хаски. Теперь он вздумал устроить случку. Пришлось объяснить, что Шина

дворняжка. — Ну да, и это имело бы смысл, вздумай парень устроить случку именно собакам. — Он из тех, кто разводит и тренирует собак. Он видел, как я пыталась научить Шину сидеть, и сказал, что хаски очень своевольные. Вот только мой пес не хаски, и все равно не слушается. В общем, дворняжка обласканному Микки не пара, — очень нелогично закончила сестра, но я все равно кивнула. Лоне явно было неловко рассказывать мне о знакомстве с молодым человеком и его псом.

Домой я вернулась довольная, с улыбкой на губах, и ощущением, что все будет хорошо. Мне даже расспросы Сергея о состоянии сестры не показались странными. Мы сидели на кухне, ужинали и болтали. Алексей сидел в сторонке дубасил плюшевого медведя плюшевым же молоточком и ни к кому не лез. О новом знакомом сестры я рассказывать не стала, но он совершенно точно понял, что все хорошо. Именно в тот момент день он решил, что я достаточно успокоилась по поводу сестры и заговорил о переезде открыто.

— Ульяна, я хочу поговорить, — позвал он меня, стоило уложить Алексея.

— Я так понимаю, Илоне намного лучше. Она нашла работу, хорошо выглядит...

— Где ты ее видел? — тут же насторожились я.

— Видел, — ответил он уклончиво.

— Я не хочу, чтобы вы виделись. В смысле, ты напоминаешь ей о Петре, а это плохо. Ты правильно сказал: ей лучше, и я не хочу, чтобы это изменилось.

— Да, я уже заметил, что ты предпочитаешь общаться с ней в компании Ивана Гордеева, — уколол он меня.

— Его друзья ее не избивали, — пожала я плечами, даже не попытавшись смягчить ситуацию.

— Я хотел поговорить о другом. — Сергей не стал развивать опасную тему.

— Мне предложили место в Москве.

В кухне повисла гнетущая тишина. Даже если бы я нашла, что на это сказать, вряд ли не назрел бы скандал, а их в нашей жизни стало слишком много.

— И? Ты согласился, — поинтересовалась я сипло.

— Я соглашусь, когда ты согласишься поехать со мной.

— Этого не будет, — ответила категорично.

— Второго такого шанса...

— Не будет, — закончила я просто. — Конечно, нет. У меня же нет еще одной сестры, из которой можно выбить место в государственной думе! — сорвалась я. — Пас, Сергей. Я — пас.

— Ей лучше, Ульяна. Ты вытащила сестру, снова. Но пора отпустить, — так правильно и так... расчетливо. Слишком очевидная манипуляция.

— Один раз я уже это сделала, — напомнила я, скрывая иронию.

— Нет, ты не отпустила, а установила за ней слежку и солгала мне! — Пожалуй, то был первый раз, когда Новийский открыто вменил мне это в вину. — Тебе необходимо абстрагироваться от этой ситуации и от своей сестры. Она уже очень большая девочка, пусть сама о себе заботится. Или пусть о ней заботится Иван Гордеев.

Наши мысли стиль пугающе совпали, но не мог бы Сергей руководствоваться теми же мотивами. Он не знал о том, что именно думала о Ваньке сестра, не знал, сколько именно Гордеев сделал для Илоны.

— Что? С чего вдруг? — опешила я. — Между ними ничего нет. Увы.

— Ты это сейчас серьезно? — раздраженно спросил Новийский. — Парень вместо того, чтобы устраивать свою жизнь, без конца возится с двумя девчонками, одна из которых больна, а вторая готова жизнь положить на то, чтобы вылечить первую. Тут только два варианта: либо он делает это ради одной, либо ради другой.

— Или он просто хороший человек, — огрызнулась я, отказываясь признавать даже возможность его правоты.

— Настолько хороших не существует, — усмехнулся Сергей горько.

— Это все плод твоего воображения, — отрезала я упрямо.

— Знаешь, если ты права по поводу его чувств к своей сестре, то мне очень жаль Ивана. За то время, что он работает на ЗС я не раз убеждался, что ты права в нем: он замечательный человек и заслуживает счастья, но я сделаю все, чтобы сохранить семью.

— Ты уже в этом облажался. Забудь о том, что я брошу сестру. Этому не бывать.

— Мы вернемся к этому разговору в пятницу, — пожал плечами Новийский. И мне вдруг показалось, что точно таким же тоном он разговаривает с нашим трехлетним сыном.

Вот так появилось расписание разговоров о Москве, каждый из которых неизменно заканчивался руганью. Сергей не хотел жертвовать своей семьей, а я... я не собиралась своей. И в ней было чуть больше людей. Плюс, его перспективы были вполне конкретны, а мои? Я должна была оставить не только маму, Лону и Ваньку, но еще карьеру, Зарьяну, ребят из редакции, с которыми было легко и весело. Новийский требовал ради него вырвать с корнем из себя прошлое ради него, ради его карьеры. А ведь от бывшей любви и слепого обожания уже ничего не осталось. Я не желала расставаться с прошлым ради бесконечного облизывания бесчестных политических задниц, сидевших на обломках судьбы моей сестры. Даже Сергей, тот Сергей, которого я узнала в браке, не стоил этих жертв. И как-то так вышло, что я начала желать ему всяческих благ... но без меня.

День, когда я поняла, что теперь остаюсь с мужем исключительно ради ребенка, не изгладится из моей памяти никогда. Катализатором послужил разговор о переезде в Москву и требовании Сергея все бросить, но реактивы смешивались в моем мозгу долго, еще несколько недель, на подсознательном уровне. И однажды смесь просто вспенилась и вырвалась наружу из пробирки пониманием обреченности.

Сергей пришел домой в хорошем настроении, я уже успела уложить ребенка спать и мыла оставшуюся от ужина посуду, как вдруг он подошел ко мне сзади, положил руки на талию и коснулся губами шеи. В этом не было ничего необычного, такое не было редкостью ни до трагедии, ни после, но внезапно мне так захотелось скинуть его руки, вывернуться из объятий и не позволять больше к себе прикасаться. Это чувство оказалось не подавить, не перетерпеть. Мы с мужем пережили много разного, но чувство гадливости оказалось новинку.

Вода бестолково текла по рукам, губы Сергея чертили дорожки на коже, но я не шевелилась. Стояла жесткая и неподатливая, как деревяшка, явно смущая мужа, и пыталась себя перебороть. Не смогла. Вырвалась, вывернулась из объятий, отскочила подальше, так и не закрыв кран, а затем горько расплакалась. Тогда я поняла, что окончательно разлюбила мужчину, за которого вышла замуж. Я больше не хотела его ласк и объятий, я видела в нем только хорошего отца. Отныне были только сын и я и сын и Сергей. А нас с Новийским больше не существовало. Уже не семья.

Когда я бросила взгляд на Сергея, он стоял посреди кухни, сжав зубы и кулаки. Ему не удалось стереть с лица выражение боли и обиды. И все было плохо.

Прошло не менее полугода пустых склок, прежде чем Сергей заявил о своем намерении попытать счастья в правительстве Москвы в открытую. Не в прессе, но в кругу друзей-политиков. Причем узнала я об этом походя, на фуршете, и семью сотряс ужасный скандал.

— Ты вообще собирался мне сказать? — орала я, забыв обо всем. К счастью, Алексей был предусмотрительно оставлен у моей мамы. — Или мое мнение не учитывается? Так к чему ты все это время вынуждал меня тратить нервы и делал вид, что я еще что-то значу?!

— Я говорил гипотетически, но ведь не объяснишь, как вышло, что я отказываюсь от шанса, выпадающего единицам! Единицам, Ульяна! Я ждал его всегда. И у меня нет двадцати лет, чтобы стать таким же близким и родным тебе, как Илона. Ни единого шанса убедить тебя, что я важен не меньше. — И он тоже сорвался. Совсем.

— А тебе это нужно? Ты поставил мне ультиматум, в самой что ни на есть прямой форме! Сергей, я уже не жду, что ты начнешь считаться с моими желаниями, но вынуждать меня переехать?!

— Выбора нет. Мы не сохраним семью на расстоянии, мы сейчас едва справляемся, — озвучил он то, что было на уме у обоих. — Ты даже прикасаться к себе не разрешаешь. — А это уже с болью.

Мы притворялись прекрасно. Для других, для сына. Даже самые близкие мои люди не догадывались, насколько все вышло из-под контроля. Наверное, в мире миллионы семей, которые точно так же не могут примириться с недостатками друг друга и терпят, терпят, терпят. Мы тоже терпели, срывались, жалили, и снова терпели. Ради ребенка и ради прекрасного прошлого. Но уж точно не ради будущего. Мое тело отвергало примирение на

всех уровнях, и только Новийский еще не потерял надежду, что это поправится.

— Так оставайся. Если я уеду с тобой, бросив Лону, ко всем тем людям, что ее уничтожили, я перестану себя уважать.

— Уля, у нас же сын, — привел главный аргумент Сергей.

О да, этот свет в карих глазах Алексея был тем, ради чего можно пожертвовать очень многим, но прошла бы пара лет, и он бы понял, насколько неправильна его семья. Сколько бы прошло времени, прежде чем Новийский нашел себе женщину на стороне? И что сильнее ранит ребенка: развод или запоздалое понимание о том, что всю сознательную жизнь родители ввали ему о своих взаимоотношениях? Скандалы нельзя запретить между десятью и двенадцать часами вечера, они прорываются при дневном свете бесконечными придирками. Да и возраст не щадит. То, что есть в тебе двадцать, в сорок лишь усилится. В Сергее, увы, это было стремление принижать мои ценности ради своих, а во мне — нетерпимость к несправедливостям, на которые он готов закрыть глаза. Мы бы не сумели это перебороть.

— А тебе с твоей блестящей карьерой будет дело до сына? Новый город — это масса сил и времени на новые знакомства. Учитывая твой круг общения, потребуется полная отдача. Я же буду сидеть в полном одиночестве с ребенком на руках. Здесь хоть есть кого попросить присмотреть за Алексеем, чтобы было время на журналистку. Там не будет ничего подобного. А я лучше сдохну, чем позволю своему ребенку чувствовать себя брошенным и нелюбимым среди няnek или в интернате для отпрысков наплевавших на них богатеев. Значит, ты просишь меня навсегда отказаться от всего моего ради всего твоего!

— Я — твое, я! — взвыл Сергей. — И Алексей не твой ребенок, а наш. Ты хоть иногда об этом вспоминаешь? Я тоже никогда его не брошу, ни в интернате, ни вообще. Мы сможем и справимся.

— Нет, мой ненаглядный, справишься только ты. Все, кто не считается с окружающими, может больше. За чужой счет. Например, за мой.

Повисло страшное молчание, нарушаемое лишь частым дыханием разгоряченных спором супругов. Сергей смотрел на меня будто впервые, и то, что я видела в его глазах, медленно убивало что-то внутри меня.

— Значит, так ты обо мне думаешь, — прохрипел он спустя минуту. — Вот в чем все дело. Так ответь честно, любимая, изменится ли это когда-нибудь? Можно ли вообще это изменить и все вернуть? Столько сил и слов положено на попытки достучаться до прежней тебя и наших старых чувств, но не в этом дело, не так ли? Просто я стал для тебя врагом. Тем, кто обижает маленьких и слабых ради процветания сильных. Я тот, с кем ты борешься в своем блоге и в каждой статье, верно?

Даже мне было не выразить мысль лучше. Сергей стал для меня адвокатом дьявола, преступил черту, и прощения ему не существовало. Он задал самый правильный вопрос из всех: кем я стал и можно ли это исправить? Кто я для тебя теперь? И я совершенно точно знала на него ответ. Мой муж — человек, с которым я делила кров и постель, но которому не доверила бы ничего, что не представляло для него выгоды.

Ответа не последовало, но по моим щекам заструились слезы.

— Когда речь идёт о человеке с таким обостренным чувством справедливости, как ты, нет ничего страшнее утраты веры в человечность. Я надеялся, что моей и любви к вам с сыном окажется достаточно, но тебе этого мало. Ты хочешь, чтобы я поступал правильно по отношению ко всему миру. Как ни смешно, я не плохой человек. Не жесток и не равнодушен.

Просто я не герой. А тебе нужно именно это.

А мне вдруг отчётливо вспомнились слова Катерины: не герой, но не пропадет. Я знала это еще до замужества с Сергеем, выходит, не знала я только себя. Например, как поступлю в ситуации, когда придется выбирать между счастьем для себя и счастьем для близких. Может, сыграла роль та сама разница в возрасте и опыте, о которой шла речь с самого начала. Сергей в своих приоритетах не колебался ни секунды, в то время как я постоянно искала способы себя переломать и переделать. Не странно, кто же в двадцать с небольшим обладает полным самосознанием? На том и погорела.

— Прости, — всхлипнула я отчётливее. — Это не твоя вина.

— Было бы настолько проще и мне в тебе разочароваться, Уля, но я так и не смог.

Я плакала всю ночь, потому что впереди впервые замаячил отчетливый призрак близкого развода.

Наша с Сергеем история началась с предвыборной кампании, и ею же закончилась. Лавина, поднявшаяся при новости о его переезде, встретила с лавиной, катившейся навстречу полному краху наших отношений. Решение собрать пресс-конференцию в обход моему мнению и всему, о чем я просила, стало последней каплей. Наверное, мне следовало ожидать чего-то подобного, но я все равно очень расстроилась, а ведь мне таким образом вежливо сообщили, что дальше мы точно идем разными дорогами. Наверное, стоило догадаться, что так будет, когда муж перенес свои вещи в другую спальню... но все равно примириться с мыслью о полном фиаско оказалось трудно.

Если честно, я несколько ночей лежала в одиночестве в своей спальне, не могла сомкнуть глаз и не понимала, как люди решаются на второй брак? Но спрашивать у Сергея не стала, ведь ему должно было хватить сил на еще одну попытку, а я желала ему счастья. И так стыдно становилось от мысли, что я не оправдала его ожиданий, оказалась не той женщиной, которая смогла подарить ему счастье.

Неделя перед пресс-конференцией стала нашим персональным адом. По обоюдному согласию мы решили не разводиться до оглашения результатов выборов. Сергей это делал ради карьеры, а я — уж простите — ради Алексея. Муж обещал мне за содействие единоличную опеку над ребенком. Разумеется, он хотел видеть Алексея в любое время и забирать на некоторые праздники, и я не сопротивлялась. При всех недостатках Новийского, отцом он был хорошим.

График встреч Новийского с ребенком было решено обговорить с юристами непосредственно при подписании бумаг. Я видела, что отказ от Алексея дался Сергею непросто, но начинать карьеру в новом городе на пороге пятого десятка само по себе проблематично, тут не до заботы о сыне. Мы больше не притворялись, что семья для Новийского значит столько же, сколько работа, и это облегчило вопрос опеки. Впрочем, будь у Сергея на прицеле объект для следующей женитьбы, Алешка бы мне так легко не достался, но, говоря, что чувства ко мне еще не догорели, Сергей не шутил. Оттого я лишь сильнее переживала из-за нашей ситуации.

Как было оговорено в брачном контракте, мне оставалась квартира, та самая, где мы прожили все эти годы. А вот о новом месте проживания моего благоверного папа Петра позаботился лично. И это уже говорилось в открытую.

Два дня мы потратили на обсуждение условий развода, а остальное время — на разработку плана действий во время предвыборной кампании. Думала, что разучилась удивляться, но когда за завтраком Новийский предоставил мне план статей и речей для

прессе с указаниями предвыборных недель, я чуть не выплеснула свой кофе ему в лицо. Он даже не спросил, каково мне будет работать для Зарьяны, присматривать за ребенком, да еще пахать на предвыборную кампанию. Сразу создается впечатление, будто я... выкупала сына! Стало интересно, каков будет штраф в случае невозможности четко следовать плану. Минус один день общения с ребенком в неделю? Минус один праздник? Минус один год жизни? Или его вообще у меня отберут, стоит Сергею жениться в третий раз?

— Не думала, что мы станем такими, — хрипло призналась я в последнюю ночь перед пресс-конференцией, когда все было утверждено и даже подписано.

Измученные годами конфронтации мы сидели на диване, поверх сбившегося покрывала и пили вино, все еще хорошее, но отчего-то ставшее безвкусным.

— И я тоже, — ответил Новийский. — Ощущение, будто мы с тобой кого-то наверху здорово рассмешили. А потому нас прожевали и выплюнули.

— Будь кто-то наверху, он бы не допустил, чтобы с нами так случилось. А жевали друг друга мы сами. Некого винить.

Сергей дернулся от этих слов, но спорить не стал. Я всегда была за правду, какой бы та ни была, и мне хватало наглости ее озвучивать.

— Думал, что мы проживем славную жизнь и вместе состаримся. Это выглядело таким реальным, предрешенным. — Он смотрел в стену и крутил в руках бокал вина.

Я оперлась локтем о спинку дивана и повернулась к Новийскому.

— Теперь, когда все кончено, скажи мне, Сергей, кому ты звонил утром после избиения Илоны?

Он усмехнулся и облизнул губы, что было плохим знаком, и я вдруг пожелала взять назад свой вопрос. Ничего было не вернуть и не изменить, но мне не хотелось думать об отце своего ребенка как о соучастнике преступления, кем он, скорее всего, являлся.

— Так и знал, что тебя волнует именно это, — улыбнулся он невесело. — Наверное, ты права, и я виноват. Ты сказала, что с Илоной, но не сказала, как сам Петр. Тебя спрашивать было самоубийством, но я, уж прости, за него волновался. Набрал его номер, чтобы убедиться, что он в порядке, но Петр не взял трубку. И тогда я сглупил и набрал номер его отца в надежде, что тот что-то знает. Как и ты, я влез не в свое дело, куда не просили. Я не ожидал, что это приведет к масштабным последствиям. Под влиянием эмоций прочитать ситуацию сложнее, чем кажется. И вот мы здесь.

Я могла бы сказать ему, что дело совсем не в его звонке. Во лжи, в отсутствии участия, нехватке понимания, упрямстве на ровном месте... но это больше не имело значения. Мы годами ломали об это копыя, но проиграли.

— Спасибо, что сказал. Вообще за все тебе спасибо, — тихо сказала я. — Особенно — за Алексея.

Он потянулся ко мне для поцелуя, и я не стала сопротивляться. В этом жесте не было ничего, кроме утешения и сожаления об утраченном.

Знаете, я верила, что мы мирно разведемся, без скандалов в прессе, истерик и вылитых друг на друга ведер грязи. А также без нарядов спецназа, как это случилось с Юлией, и отвратительных судебных процессов по опеке над ребенком. Четыре месяца, всего четыре месяца мне нужно было не делать глупостей и резких движений. Я все испортила сама. Или сожгла мосты, не позволив нам и дальше сожалеть о том, как оно могло бы быть, что к лучшему.

Часть 3. Иван — Глава 1

— А ну покажи, — велел Сан Саныч, вынуждая Ивана отнять лед от подбитого в ходе спарринга глаза. — Вот ведь ты хорош! — И от досады языком цокнул почти виновато.

Ваня попытался грозно на него зыркнуть, но с начавшей наплывать бровью, да еще сидя на неудобной, низкой лавке это получилось не слишком эффектно, и он решил спустить сенсею — как называли Сан Саныча в зале — ядовитую ремарку.

— Знаешь, что самое пакостное? — фыркнул он, отбросив завернутый в полотенце пакетик со льдом, пользы от которого не наблюдалось. — Сегодня Новийский делает заявление для прессы. Выдвигает свою кандидатуру на выборы. Понимаешь, да? Камеры, репортеры, и начальник службы безопасности с фингалом в пол-лица на экране крупным планом. Лучшей антирекламы бизнесу не придумать, — улыбнулся он мрачновато, уже представляя, что ему на это скажет Зоя вместе с которой они поднимали охранное агентство. На кампанию Новийского возлагали большие надежды благодаря широкой огласке мероприятия, но фингал сводил ожидания на «нет».

Сан Саныч расхохотался и закинул на плечо полотенце.

— А нечего было витать в облаках на спарринге, — с ухмылкой озвучил он прописную истину. — Если предстоит такое ответственное событие, можно и пропустить денек тренировок. А теперь мало того, что тебе разукрасили смазливую мордашку, так еще нервничать в пробках придется.

— Да тут рукой подать, — отмахнулся Иван. О собственной смазливости даже не спорил — давно научился пропускать мимо ушей любые комментарии о своей внешности: и хорошие, и не очень. — И потом, перед подобными встрясками разогнать кровь не мешает.

Но настроение этот разговор немного испортил. Сан Саныч тоже что-то почувствовал и задумчиво потер подбородок, что Ваньку совсем не порадовало. Недомолвки старого друга всегда оборачивались грядущими неприятностями. Нюх у него был на такие вещи. Но только пострадавший открыл рот для вопроса, как послышались голоса: это прибывали новые ребята — галдели, спорили, шутливо перебрасывались шапками. Ваня с Сан Санычем оба были ранними пташками: утро, как правило, принадлежало только им. Какой-то быстро заканчивающийся час, но он был неприкосновенен. Оба мужчины его берегли и нежно любили. Сенсей был тем единственным, кто до сих пор порой клал Ваньку на лопатки, и потому тот каждое утро задавался вопросом: победит на этот раз или нет? Считал день удачным, если это случалось, а всю дорогу до работы самодовольно ухмылялся. Ему это было нужно. Несмотря на то, что юнцом его уже было не назвать, огонь в крови так и требовал подпитки. Потому Ваня каждый день с трудом отдирав голову от подушки в пять утра, выпивал чашку горького черного кофе, брал костюм и туфли, забрасывал их в машину, а сам натягивал спортивный костюм и ехал в тренажерный зал, чтобы снова попытаться сделать свой день чуточку лучше еще на старте.

Отвернувшись от галдящих новоприбывших, Ваня все-таки потребовал от Сан Саныча:

— Давай выкладывай.

Тот посмотрел на него и усмехнулся.

— Экий прозорливый. Я вот подумал: если Новийский баллотируется в Госдуму, то как же Ульяновка? Тоже переберется в Москву?

Ваня сжал зубы.

— Ничего об этом не знаю, — ответил резковато.

— А может, так будет правильно? — мягко поинтересовался Сан Саныч. — После всего, что случилось, ей пора жить дальше, своей жизнью. — Заметив, как сжались в кулаки руки парня, добавил: — Не горячись. Ты и сам понимаешь, что я прав.

— Я с тобой не согласен, — тем не менее, отозвался Ваня и поднялся с лавки. — Пойми, я ведь там тоже был! Много раз думал, что нужно было запереть ее в машине, не пускать, но ведь это Ульяна. Она бы скорее через багажник вылезла, чем просидела на месте десять минут.

— О да, Ульянка такая, — улыбнулся сенсей. — Кстати, передавай ей привет от меня. Можешь крепко поцеловать даже.

Но Ваня шутку не оценил, молча кивнув, подхватил свои вещи и направился в душ.

Утром у него было дурное предчувствие. Говорят, интуиция — женская стезя, но Ваня своим ощущениям верил, помня о том, что дыма без огня не бывает. Если птицы поют, значит, рядом с ними опасности нет, если паутина сорвана, то до тебя этой тропой уже кто-то прошел. Именно из таких вещей произрастают необъяснимые ощущения, и никак иначе. Научился замечать — получай в придачу интуицию. Он привык доверять таким вещам, хотя не все мог объяснить логически, не напрягаясь. Знал, что если расстарается, сумеет, но какой был в этом толк, если даже Сан Саныч заподозрил неладное?

— Вот это ты молодец, — фыркнула Зоя, стоило Ивану выйти из машины и продемонстрировать ей подбитый глаз.

Признаться, реакция напарницы по бизнесу пугала его даже больше отзывов прессы. И неспроста. Учитывая подбитый глаз на главном рекламном лице их охранного агентства, ситуацию уже было не спасти ни безупречным костюмом, ни начищенными до блеска туфлями, ни идеально уложенными волосами. Потому, Ваня театрально раскинул руки и повернулся вокруг себя, нагло улыбаясь во все тридцать два зуба.

— Нравлюсь? — прошептал проникновенно. — Скажи, хорош, а?

«Вот ведь ты хорош!» — пронеслись в мозгу слова Сан Саныча, и ведь даже не поспоришь.

— Не паясничай, — осадила его Зоя, не оценив шутки. — Начальник охраны предвыборной кампании с подбитым глазом! Уму непостижимо! Раз головы на плечах не имеешь, спрячься в чулане. Я сама расставлю ребят и встречу Новийского и его женушку. А ты попытайся не попадать в объективы. Иначе я тебе двину по второму глазу. Репутацию еще больше это нам не испортит, а мне будет приятно. Можно даже сделать это на камеру, чтобы знали: у одного человека в нашем агентстве все же есть яйца. Авось, спасемся.

С этими словами она резко развернулась и ушла. А Ваня усмехнулся. Из службы в войсках Зоя вынесла просто удивительный навык: осаживать любого, кто не по ней. Иногда даже брали сомнения, что она женщина. И все-таки, полностью проигнорировав грозные выпады напарницы, Иван отправился проверять расстановку своих людей и, рискуя уже не вторым глазом, а как минимум жизнью, внес в план некоторые изменения. Обязанности распределял он объективно лучше, но сегодня уже один раз облажался, и в глазах Зои это вполне тянуло на лишение привилегий в лице признания превосходства напарника. К счастью, ей было не до того: судя по всему, ее здорово муштровали какие-то большие шишки, вынуждая представить полный план охраны мероприятия. Ванька ей искренне посочувствовал: обычно такими вещами занимался он, с детства привычный давать отчеты о

проделанной работе, а вот напарнице подобного воспитания не хватало. Ну что ж, она сама так решила, и Иван теперь чуточку злорадствовал.

По громкой связи новость о прибытии главных персон мероприятия звучала так: «Новийский с супругой прибыли». Даже сухой тон Зои не смог скрыть предвзятости, прозвучавшей в формулировке. Ваня давно смирился с тем, что его напарница терпеть не могла Ульяну — одного из самых старых его друзей. Это было незаслуженно, но парень перед этим был бессилён. Во время старого конфликта она поддержала сторону человека, которого знала и любила, но она видела лишь верхушку айсберга. Любой, кто стал бы свидетелем полной картинке, не осудил бы Ульяну. С другой стороны, вступаться за нее не имело смысла: даже если бы Зоя решилась выказать «супруге Новийского» хоть малейшее неуважение, пожалела бы мигмом. Эта девушка, ко всеобщему ужасу, обладала бритвенно-острым языком, злить ее лишний раз не стоило. Да и могло ли быть иначе, если Ванька еще помнил, откуда начинала свой взлет эта девчонка, а теперь жена без пяти минут члена Законодательного собрания. Такая не каждого подпустит на расстояние обиды.

Выглянув из окна в коридоре, Иван увидел, как Новийский расшаркивается перед каким-то высокопоставленным лицом. Говорили на редкость душевно: хлопали друг друга по плечу и улыбались. Никаких сомнений в том, что новоявленный кандидат выиграет выборы, не было. Все это понимали, уж больно выгоден такой персонаж верхам. Молодой, симпатичный — видный, в общем. И их с Ульяной история была просто сказочной, особенно после легкой журналистской ретуши. Они вполне могли бы поставить Москву на колени, никто и не сомневался. Вот только кому из них была нужна столица на самом деле: обоим или только одному?

— Ваня? — эхом прокатилось по пустынному помещению. Пресс-конференция должна была состояться на первом этаже, но, подгоняемый нежеланием встретиться с представителями СМИ, Иван забрался на второй этаж и теперь осматривал периметр то из окна, то с балкона. Надеялся никого не встретить, несмотря на то, что остановился прямо напротив дверей уборных. — Что с твоим лицом? Надеюсь, это не мегера постаралась? — спросила Ульяна, подходя ближе и цокая каблуками бирюзовых туфель по плитке.

— Эта мегера куда охотнее откликается на Зою, — отшутился он, осознавая тщетность попыток разнять женщин. — И нет. Сан Саныч постарался.

— Значит, тебя побил мужик с гусарскими усами. И не стыдно? — пошутила она и плюхнула сумку на подоконник.

Ваня на всякий случай осмотрелся, но все было спокойно, а Новийский продолжал обмен любезностями, не обращая внимания на ожидающих представителей прессы.

— Он, кстати, привет тебе передавал, — ответил Ваня и хотел ответить на шутку про усы, но заметил, что, доставая вещи из сумки, Ульяна прятала лицо. Высокая прическа не позволяла закрыться волосами, и она отворачивалась слишком сильно.

— Саф, — позвал он ее по старому прозвищу, мгновенно растеряв шутливый настрой. — Ты в порядке?

— Нашла, — отозвалась она, преувеличенно бодро. — Сейчас твои боевые травмы загрируем.

На вопрос не ответила, но это было и не нужно. Стоило ей повернуться, как Ваня разглядел красноту вокруг глаз. Плакала.

— Тональник? — Он не стал настаивать на своем. По крайней мере, до момента окончания пресс-конференции сердить ее еще больше не стоило. — Ты серьезно? Давай без

этого, я при исполнении и не могу отвлекаться.

Правила игры охотно переняли:

— О бога ради, это же пара минут! И не тональник, а консилер. Он справляется куда лучше, плюс, у меня хорошая палитра. Отек, конечно, не скрыть, но хоть с расстояния не будет заметно. Едва ли тебя будут снимать крупным планом. А попытаются — отворачивайся.

Она крутила в руках какую-то коробочку и кисточку, а это означало, что с рельсов уже не сойти. Решение принято, сопротивление бесполезно.

— Ты правда собираешься меня... накрасить? — сделал Иван слабую попытку вырваться из лап фанатичного гримера, но, разумеется, тщетно. — А если на твоего мужа нападут какие-нибудь монстры, пока ты упражняешься в визаже?

— Гордеев, когда ты вот так жеманишься, куда больше напоминаешь девицу. Я, конечно, понимаю, что фингал в пол-лица придает мужественности, но это Сергей баллотируется в Думу, а не ты — в неудачники года, — закатила она глаза. Туше. Спорить с ней действительно не стоило.

Иван кисло улыбнулся и оба, не сговариваясь, посмотрели в окно, где журналисты уже дожидались сенсации. Надо было убираться. Разговор затягивался, а жена кандидата, активно общающаяся с другим мужчиной или, упаси боже, касающаяся его лица, это определено из разряда «хот».

— Раз мы в России, здесь просто обязан быть темный, пыльный коридор, заваленный сломанной мебелью, — подсказала Ульяна и огляделась.

— Давай за мной. Я здесь все изучил, — усмехнулся Ванька.

Стул ужасно скрипел и шатался, но бывали времена, когда Иван рисковал и большим, нежели сохранность пятой точки. Далеко не с первой попытки обнаружив приблизительный центр масс выдавшего вида предмета мебели, парень приготовился страдать. В его понимании, это было лучшее слово для описания процесса, при котором мужчине замазывают масштабный синяк всякими женскими штучками. Декорации, кстати, соответствовали кошмарности ситуации: мигающая тусклая лампа, нагромождение сломанных стульев из зала, доски, щепки, и все покрыто толстым слоем пыли, который не мог не перекочевать на безупречный костюм.

— Голову подними, — велела Ульяна и тронула пальцами припухлость на его брови.

— Ауч.

— Терпи! — потребовала, и Ваня помимо воли улыбнулся.

Щеки коснулась холодная, жесткая кисточка с какой-то липкой массой. Несколько минут Уля пыталась справиться с синевой с помощью инструментов, но потом сдалась: отложила их в сторону и стала терзать кожу пальцами. Растирала краску так рьяно и активно, что Ваня усмехнулся. Вряд ли даже Сан Саныч с Зоей пощадили бы его меньше, чем маленькая и хрупкая Саффри.

— Что? — спросила она, заметив, как смешливо кривятся губы Вани.

— Если не умеришь пыль, ты мне голову открутишь.

— Слышал поговорку о красоте, которая требует жертв? — не стала она сочувствовать.

Ваня весело взглянул на нее, вспоминая, какой впервые встретил Ульяну Сафронову, подстриженную чуть не под мальчика, худенькую, в лучшем случае миловидную помощницу отца. Метр с кепкой в ярко-красных туфлях, вытянутых на коленях брюках, с вызовом в

глазах. Ее все звали Сафри, и Сафри она была. Дерзкая, колючая, озлобленная девочка из низов в панцире из цинизма, под которым скрывалась редкостная наивность и доброта. Возраст и опыт все поправили: скрасили неровности, заставили отрастить настоящие зубы и почти непрошибаемую броню, научили надевать темно-зеленое платье, сумасшедшие дизайнерские туфли и выходить на поклон публике с красными от слез тазами ради мужа, который, по мнению Ваньки, этого не заслуживал. Да, оболочка изменилась, обстоятельства, внешность, но из-под всего благоразумия пробивалась все еще Сафри — та самая, которая могла залезть в любой пыльный угол и замазать Ивану Гордееву синяк. Так было раньше, так было и сейчас. Не без горечи он подумал, что сам изменился куда больше. И, в отличие от Ульяны, не внешне.

Объективно говоря, она похорошела. Отрастила волосы до плеч, научилась одеваться так, чтобы подчеркивать то невидимое нечто, данное ей природой и выделявшее из толпы, но то была чужая кожа. И Ванька скучал по настоящей Ульяне. Не сдерживающей шаг при ходьбе, не оглядывающейся в поисках объективов, не фильтрующей колкости, коими раньше виртуозно осыпала окружающих. Был в ней особый шарм, который теперь спрятан макияжем и укладкой, замаскирован до неузнаваемости — точно по этикету. Она шла в уборную, чтобы скрыть под своим волшебным консилером не синяк Ивана, а свои красные глаза; и парень не мог не заметить, что в палитре осталось не так много краски. На этой мысли он отклонился от рук Сафри. Какая разница, синяк у него на глазу или нет? Разве он станет хуже защищать людей, раз участвует в настоящих спаррингах и держит себя в форме? Все хотят, чтобы и охранник был хороший, и на костюме ни пылинки. Подобное лицемерие всегда вставало Ваньке поперек горла.

Его попытка уклониться породила странную неловкость, и Ульяна замерла с занесенной рукой и непониманием в глазах. Тонкие пальцы застыли в воздухе, будто она сделала паузу в мелодии, а не в искусстве макияжа. Ваня взглянул на нее мрачно, исподлобья, и внезапно с языка сам скатился вопрос, который давно не давал покоя:

— И ты уедешь? — прозвучало холодно и жестко.

Она не стала делать вид, что не поняла смысла, но было почти слышно, как с лязгом опустилась решетка, запирая где-то вдали приветливую и отзывчивую Ульяну.

— Об этом рано говорить, — обрубил, однозначно давая понять, что не его это дело.

— Какого лешего, Саф? Тут твоя семья, друзья... Лона, в конце концов. Ты нужна им.

А еще почему-то она была нужна ему. Как друг, разумеется, старый друг, с которым связывает великое множество мелочей, который заскакивает на чай и рассказывает смешные истории о том, что творится в его жизни — жизни, которая на твою совсем не похожа.

— У Новийского же карьера на первом месте, причем не твоя! Чем ты собираешься заниматься в новом городе и окружении?

Она отступила на шаг и внимательно на него посмотрела, будто пыталась разглядеть все причины столь странного поведения.

— Я могла бы начать и закончить тем, что это тебя не касается, но из уважения не стану, — четко проговорила Ульяна, явно намереваясь не допустить кривотолков.

— Мне приятно, что по мне будут скучать, однако я замужем, и это правильный вариант...

— Ты поэтому плакала? От осознания правильности решения все бросить и рвануть за мужем, которому плевать на твою жизнь? В Москву? — не сдержался Иван. — Не ожидал,

что ты начнешь мне врать, Саф. Зачем? Лучше бы сказала, что меня это не касается, я бы сразу все понял.

— Все сложнее, чем я могу объяснить даже себе! — всплеснула она руками. — Просто забудь.

Чувствуя себя идиотом, Иван поднес руку, чтобы потереть лицо, но наткнулся на инородную липкую массу и скривился. Замазала-таки синяк, спрятала. И что толку? Будто от этого меньше болело.

* * *

Вопреки ожиданиям, скомканному началу и прочим неприятностям, пресс-конференция шла гладко. Никаких эксцессов, связанных с нарушением порядка, не было зафиксировано, СМИ воздержались от провокационных вопросов, Новийский ответил на все легко и непринужденно, а Ульяна стояла сбоку и улыбалась. Если бы не утренний разговор, Ваня бы даже поверил в ее искренность.

Единственный если не конфуз, то забавный инцидент произошел под конец, когда Новийского уже расспрашивали в частном порядке для какого-то издания. Журналистка, бравшая интервью у новоявленного кандидата, стрельнула взглядом в Ивана раз, затем второй и вдруг начала приглядываться получше: заприметила припухлость над глазом. В ответ парень тоже прищурился, повернул лицо другой стороной и вопросительно приподнял здоровую бровь. Он пытался казаться непроницаемым, но все равно опасался, что вышло как издевка, а этого они с Зоей себе позволить не могли. К счастью, обратив внимание на странности в поведении окружающих, Новийский осекся и замолк. Все тут же сделали вид, что ничего происходит. После этого журналистка больше не отвлекалась от объекта разговора, что всем было только на руку.

— Передай там... благодарности, — с трудом выдавила Зоя, стреляя глазами в машину Новийского, куда садилась Ульяна. — О-очень профессионально замаскировала синяк, — добавила с намеком, и для уверенности, что напарник понял, о чем речь, закончила мысль прямым текстом: — Мне даже стало интересно, откуда такие умения.

Задавался ли Иван этим вопросом? Разумеется. Но в чем парень не сомневался, так это в любви Новийского к жене. Говорят, одно другого не отменяет, но не тот был человек. По части отношений с женщинами он был редкостно здоров на голову. Отец Ивана не забывал это подчеркивать, отчего парень любил этого политика еще меньше.

Распроставшись с напарницей и пообещав показать ей почерневший синяк на следующий день, Иван распустил людей, все проверил еще раз и уже сел в машину, собираясь уехать, как вдруг дверь открылась, а на соседнее кресло плюхнулась Ульяна.

— Ты ведь подбросишь меня? — начала она, нервно теребя пуговицы. Ее трясло так, будто кто-то слишком много раз повернул заводной ключик. — Просто там Сергей... он решил пообедать с людьми из министерства, а я не стала составлять им компанию. Они будут разговаривать о делах, я ни к чему и...

— Уля, — прервал ее Иван. — Конечно подвезу. Ты только скажи куда.

Она вдруг резко обернулась, глаза у нее блестели сильнее обычного.

— Да какая разница?! — воскликнула она. — Хоть куда-нибудь! — Губы задрожали, а из глаз выкатились первые слезинки.

Молча выругавшись, Иван включил зажигание и утопил педаль газа в пол. Только это не помогло, и пассажирка все равно расплакалась. Она старалась делать это негромко и прятала лицо, но скрыть эмоции не могла, равно как и успокоиться. Прикинув, сколько лет назад он в последний раз подвозил плачущую девушку, Ванька с чистой совестью посчитал себя старым. Он уже забыл, что правильно делать и говорить в таких случаях. В последнее время не находил ни одной красавицы, которая могла бы заинтересовать настолько, чтобы дошло до стадии слез и взаимных претензий. Было несколько встреч, обязательно заканчивавшихся в постели, но дальше по кругу, с новой пассией. Никак иначе.

— Ты мне расскажешь, в чем дело? Новийский ведь... не жесток с тобой? — подобрать нужные слова оказалось очень сложно, особенно когда внутри все сжималось от одной лишь мысли, что предположение могло оказаться верным.

— Боже мой, конечно, нет. Просто... — Ульяна всхлипнула, а затем сделала несколько глубоких вдохов в попытке успокоиться и уже почти нормально закончила: — Мы решили, что единственный выход из нашей ситуации — развод.

Ваня не мог объяснить, что именно его так шокировало в этой новости, ведь люди расходятся сплошь и рядом, но Сергей и Уля казались такой гармоничной парой. Ивана, порой, даже пугало то, насколько грамотным получился их альянс. Новийский был прирожденным политиком, причем любимцем народа, и ему очень помогало то, что его жена была «из простых». Ульяна всячески ратовала за людей. Ее остросоциальные статьи и выступления пользовались бешеной популярностью. И хотя большинство людей в верхах относились к ее деятельности с пренебрежением, простому народу было донельзя приятно видеть, что супруга такого видного человека целиком и полностью на их стороне. Было так на самом деле или нет, никогда не узнать, но неутомимая Сафри совершенно точно помогла не одной дюжине человек. Переселение из аварийного жилья, новенькие детские площадки, сбор средств для замены коммуникаций... Будучи прекрасно подкованной по части психологии, она вертела голосами избирателей в угоду мужу, без нее Новийский потерял бы очень много. А это значило...

— Но только после выборов, не так ли? — усмехнулся Иван. — Будете доигрывать свои партии до конца.

— Вань, ну конечно, после. — Она обернулась к нему. Глаза были все еще красными, а нос — чуть припухшим, но слезы прекратились. — Ты можешь сколько угодно не любить Сергея, но человек он хороший, прими этот факт головой, если нутром не можешь. Лучшего кандидата не будет, и я искреннее желаю, чтобы он добился своего. Дело не в нем, ты сегодня сам озвучил причины, по которым я не могу быть с ним и дальше. Если думаешь, что это спешно принятое решение, то ошибаешься. Мы ругались и спорили несколько месяцев, точнее с того самого момента... И я молчала, пыталась все поправить... Вот только нечего уже поправлять, давно уже нечего, — всхлипнула снова и зажала рот ладошкой.

— Извини. Мне жаль, что у вас все так вышло, правда. Но я согласен с тобой: есть вещи поважнее карьеры.

Помолчав секунд с десять и успокоившись, Ульяна заговорила вновь:

— Знаешь, я буду очень благодарна, если мы с тобой просто напьемся, а потом ты не будешь напоминать мне этот день при случае.

Не сдержавшись, Ванька рассмеялся и, притормозив у выезда на проспект, притянул Улю к себе на плечо.

— По части напиться, Саф, ты по адресу.

Поскольку рисковать карьерой Новийского, появляясь в общественных местах, Ульяна отказалась, пришлось искать более уединенное место, и Ваня предложил поехать к нему. Воспринято было с энтузиазмом. Поскольку с отцом отношения не клеились, Иван некоторое время обитал в съемных квартирах, а не так давно обзавелся собственной недвижимостью. Однако просчитался с новосельем. Сначала думал то одно доделать, то другое. В конце концов, пока тянул, у него побывали практически все знакомые, по очереди. Чего уж тут было показывать? Пожалуй, кроме Ульяны набралось бы не более трех человек, кто еще не переступал порог новенькой холостяцкой берлоги. Теперь Ваня спешил уменьшить и эту цифру.

— Прошу, — шутливо склонился хозяин, открывая дверь перед гостьей.

— Иван Гордеев взял ипотеку, — смеялась Ульяна, ступая внутрь его жилища. — И почему этого нет на первых полосах газет? Пожалуй, я исправлю. — А затем огляделась по сторонам и воскликнула: — Вау! А ведь ради этого стоило брать ипотеку. Только не говори мне, что ты сам все это сделал?

— Нет, — весело ответил он. — Мне повезло с прошлыми хозяевами.

Ваня не стал выпендриваться и обставлять помещения как отец — в хром и стекло, вынуждая каждого подумать, что в этом месте обитает крупный бизнесмен, или как Новийский — обивать все деревом, превращая квартиру в святилище аристократа; он сделал ставку на функциональность и уют. Можно было приобрести что-нибудь попроще, обойтись собственными средствами, тем более у него не было намерения задерживаться в этой квартире дольше необходимого, но привычка жить хорошо дала о себе знать и заставила пренебречь жесткой экономией. А еще Ваня строго следовал правилу: дом должен быть местом, куда хочется возвращаться. Судя по интересу, с которым Ульяна оглядывалась по сторонам, она была солидарна.

— Ну, — улыбнулась она, закончив осмотр в коридоре — ровно в том месте, откуда начали. — Иди сюда, я буду тебя поздравлять.

Скорее всего, не зная Ваня о крушении брака Новийского и Ульяны, все было бы иначе, но с тех пор, как признание достигло ушей, что-то изменилось, и теплота дружеских объятий трансформировалась во что-то иное. Иван был рад этому разводу. Будто несмотря на терзавшее дурное предчувствие, все разрешилось более чем благополучно. И это было ужасно эгоистично, порождало чувство вины, так как проблема исчезла только для него — постороннего человека. Умом он понимал, с чем Сафри придется столкнуться, но, невзирая на доводы логики, чувствовал иначе. А ведь приятного было мало. Если бы муж Ульяны выиграл выборы, газеты бы не оставили ее в покое долгие месяцы, а крыть было нечем. В России каждая женщина, имевшая неосторожность выйти замуж, чтобы не подвергаться осуждению, должна следовать примеру жен декабристов. Никаких собственных устремлений, никакого мнения, всегда только «да, виновата» и в пол глаза. Едва ли нашлось бы с десятков людей, кто бы понял, почему Ульяна отказалась идти проторенной дорожкой и покидать Петербург. И она это знала. За мужество и способность не бежать от проблем, захотелось лишь крепче обнять эту женщину, но Ваня понял ошибочность порыва и отступил на шаг.

— Недавно мне подарили отличный коллекционный бренди. Откупорим? — предложил он.

— Валяй, — отозвалась Ульяна.

Едва на столе появились стаканы и криво нарезанная колбаса — оба повеселели и начали перекидываться смешными историями из жизни. Только о личном не говорили, что являлось лучшим доказательством того, насколько не клеилось у обоих.

Пить Ульяна так и не научилась. Сильно кривилась, зажимала рот ладонью и смеялась громче обычного. Но если к третьему тосту весело обсуждали отца Ивана, то после пятого настроение пошло на спад и в голову полезли тревожные мысли, которые обычно держатся за семью печатями, легко открывающимися при помощи алкоголя.

— Ты ведь понимаешь, что все хорошо будет? — Ваня знал, что говорит что-то не то, но не смог вовремя остановиться.

— Конечно, понимаю, — спокойно ответила Ульяна, не став строить дурочку. — Я точно справлюсь. Просто иногда мне безумно хочется, чтобы все было попроще, чтобы стен, которые нужно раскрошить, добираясь до чего-то легкого и светлого, было меньше. — Она сухо улыбнулась и сделала очередной большой глоток виски.

— Ты не одинока, — напомнил Ваня.

— Ты говоришь как герой американского сериала, который трогает другого за плечо и проникновенно заглядывая в глаза, уверяет, что все будет хорошо и что людям больше делать нечего, кроме как поддерживать друзей.

— Вот это новость! В данный момент я сижу и пью с тобой виски. Это, конечно, совсем неплохо, но, думаешь, не мог бы найти более интересное занятие? — усмехнулся Иван. — Разве в твоей извращенной системе ценностей это ничего не значит?

— В моей извращенной системе ценностей это значит "спасибо тебе огромное", — неожиданно мягко улыбнулась Ульяна, заканчивая полусерьезный разговор.

Повисла непродолжительная пауза.

— Ты куда не спешишь? — спросил Ваня.

— О нет, — замахала она руками. — Сегодня я отказываюсь ото всех своих социальных ролей и обязательств. Я просто пью виски в хорошей компании.

— Тогда предлагаю для продолжения вечера перебраться в комнату на удобный, располагающий к бессмысленной лени диван и выбрать музыку, а я пока смою эту гадость, — указал парень на свой глаз.

Он довольно долго пробыл в ванной, пытаясь смыть с кожи липкую краску, а затем, сдавшись, просто стер ее полотенцем, оставив на нем жирный, бежевый след. Решил, что лишняя стирка предпочтительнее одиночества гостя.

Тем не менее Ульяна не скучала. Со стаканом наперевес она крутила в руках коробочку с диском и подпевала стереосистеме. Причем так увлеклась, что даже не сразу заметила Ивана, а когда увидела, подпрыгнула от неожиданности.

— Ты меня напугал, — выдохнула.

— У тебя хороший слух, — улыбнулся Иван.

— Я знаю, — кивнула.

— Интересно, что нужно сказать, чтобы тебя смутить?

Она обернулась, будто намереваясь ответить на шутку, но для того, чтобы вырвалось откровение, оказалось маловато алкоголя.

— Ты не представляешь, как давно я не слушала ничего подобного, — вместо этого подняла диск Ульяна и показала ему. — У нас только классика, и, кажется, я соскучилась по нормальной, современной музыке. Но не по такой! — тут же ткнула пальцем в динамик,

откуда лился неразбавленный альтернативный рок, изобилующий дисторшнами.

— Ну давай тогда обратимся к компромиссу. Рок, классический. Великолепные 60-е,

— и подвинул ближе нужную стопку дисков.

— Отлично, — согласилась Ульяна.

— АСЮС? — предложил Ваня, выуживая нужный диск из стопки.

— Am Dm и утиная походка? Умоляю, что за примитив?! — издевательски закатила она глаза. [Am Dm — базовые аккорды, которые может сыграть даже начинающий гитарист, а утиную походку зауглите — это забавная отличительная черта гитариста группы].

— Pink Floyd? О нет, дай я угадаю за тебя. Тоскливые, однотипные соло. — Диск полетел на диван. — Deep Purple? Только Smoke on the water, а остальное не качает. — Второй диск присоединился к первому. — Постой-постой, я знаю, что ты просто обязана одобрить.

На то, как он перебирал диски, она смотрела со скептической улыбкой, но только дело дошло до Aerosmith, выражение ее лица изменилось на удивленное.

— Dream on, — пропел Ваня, помахивая диском.

Дело было в смысле. Иван готов был под присягой заявить — за всю жизнь не встретил человека, который бы мечтал так же красиво, как Ульяна Сафронова. Ее уверенность в том, что завтра будет лучше, чем вчера, заражала окружающих, буквально подчиняла всех этой идее. Эта девушка не просто представляла себе лучшую жизнь в отдаленном будущем, но совершенно отчетливо знала, как таковой добиться. И не останавливалась на достигнутом: добившись своего, она тут же делала следующий шаг к новой цели. И горела — горела своей верой в лучшее будущее, вдохновляя других. Не было в Ульяне ничего мелкого или даже половинчатого, наверное, за это провидение было к ней щедрее, чем к остальным.

Ваня этим восхищался. И тем, как она стояла посреди его комнаты и подпевала Стивену Тайлеру, пока весь ее мир рушился. Было понятно, что завтра она встанет разбитой, с адским похмельем и, возможно, пожалеет себя, но затем обязательно поднимется на ноги снова и будет улыбаться, мечтать и уверенно шагать вперед.

Все получилось внезапно, как-то само собой, естественно: вот он стоял на расстоянии трех шагов, а через мгновение уже обхватывал лицо и целовал губы. Бокал вылетел из ее пальцев и разбился о паркет, расплескивая по нему остатки виски. Это отрезвило, и Ваня ее отпустил, но было уже поздно. В глазах застыл немой вопрос пополам с предвкушением. Алкоголь таки сделал свое дело, сорвав тормоза, и Ваня с Ульяной бросились друг к другу, жадно сцепились. Голод вырвался наружу, толкая на поступки, о которых невозможно было не сожалеть впоследствии. Даже если разум пытался совладать со страстью, градус повышался слишком быстро, снова и снова одерживая победу.

Понимая, что рискует оставить синяки на коже Ульяны, которая все еще является женой другого, Ваня не без труда оторвал губы от ее шеи и заглянул в глаза. Изменившееся выражение в них сбивало с толку, будто здесь, сейчас он держал в объятиях незнакомку. И отчего-то мысль о том, что в ее жизни было множество всего неизведанного, такого, до чего можно добираться, снимая пласт за пластом, казалась невероятно привлекательной. Вся она была будто шкатулкой с бессчетным количеством доньев.

— Сделай это, — прошептала Ульяна, лишь оправдывая свою непредсказуемость.

Ваня знал, что она сама бы не решилась на первый шаг, но сопротивляться ему не сможет. Забавно, он и сам не понимал, что подтолкнуло, но на анализ подсознания не было

сил. Вырвалось ли старое желание или новый виток начался с нуля — имело ли это значение, если от одежды нетерпеливо избавлялись, по минимуму, на инстинктах, а еще опыте, дарованном не друг другом?

В одном из стоявших ящиков стенки была припрятана упаковка презервативов, и поскольку кровать казалась ужасно далекой, Ваня просто задрал платье, подхватил Ульяну на руки, под коленями, и прижал к стене. Из груди рвалось что-то больше похожее на хриплые крики, чем на обычные стоны, но ни о красоте, ни о романтике не шло и речи. Нечего было украшать. Каждое движение ощущалось болезненно-остро, заставляя содрогаться всем телом. И быстро пришедшая разрядка была такой же: опустошающей, но не приносящей облегчение, будто неправильность происходящего трансформировалась из этики в физику. И, в то же время, он никогда не испытывал ничего подобного. Даже глаза повлажнели от слез. Колени подогнулись, и они с Ульяной оказались на полу.

Каждая взрывная волна оставляет после себя разве что груды обломков, и Ваня понимал, что этот неуправляемый поток, судя по всему, уничтожил все прежние отношения, что подтвердилось даже быстрее, чем парень рассчитывал.

— Мне нужно уходить. Немедленно, — сказала Ульяна, поднимаясь на ноги и собирая свои вещи по комнате.

— Не хочешь поговорить? — переспросил он, не сумев скрыть раздражение. Реакция последовала незамедлительно:

— А о чем тут говорить? — тут же показала зубы Саф. — Не помню, чтобы мы с тобой жаждали разговоров до, а тогда они были куда уместнее. Хочешь помочь — вызови такси.

Она только платье оправила, не стала натягивать колготки, даже белье при нем надевать постеснялась, будто это было еще интимнее. Может, и было. Ваня понятия не имел.

— И куда ты поедешь? К мужу? — спросил он, не сдерживая издевки.

— Нет, к маме, — отрезала и покинула комнату.

Когда Иван немного привел себя в порядок и вышел в коридор следом за ней, Ульяна уже натягивала пальто.

— Слушай, останься. Или ты думаешь, что мы наделаем что-нибудь худшее?

— Ты это серьезно? — спросила она насмешливо, даже обернулась. — Мы с тобой переспали, сняли напряжение, перепихнулись... как это еще называют, если разово и без последствий? Можешь подсказать, по этой части ты у нас мастер. — Иван сжал зубы до скрипа, даже побитый глаз отозвался болью. — Тошно ли мне от самой себя? Да, тошно. Фактически, в грязи извалялась. Алкоголь, развод и все прочее меня не оправдывает, просто так поступать было нельзя. Но пока об этом никто не знает, последствия минимальны и только на моей совести. — Она коротко и затравленно взглянула на Ивана и продолжила: — Но, если я здесь останусь, я не знаю, что будет. Я вообще не понимаю, как и почему мы до этого дошли. Если у тебя есть ответ, давай!

— У меня его нет.

Он правда не знал, что на него нашло. Утром вставал с постели в полной уверенности, что Сафри ему друг и не более, но вечерние поступки свидетельствовали об обратном.

— А я бы дорого заплатила, чтобы разобраться.

Бросив на него последний недобрый взгляд, она дернула ручку двери и переступила порог, а Иван схватился за голову.

Понимая, что рискует оставить синяки на коже Ульяны, которая все еще является женой

другого, Ваня не без труда оторвал губы от ее шеи и заглянул в глаза. Изменившееся выражение в них сбивало с толку, будто здесь, сейчас он держал в объятиях незнакомку. И отчего-то мысль о том, что в ее жизни было множество всего неизведанного, такого, до чего можно добираться, снимая пласт за пластом, казалась невероятно привлекательной. Вся она была будто шкатулкой с бессчетным количеством доньев.

— Сделай это, — прошептала Ульяна, лишь оправдывая свою непредсказуемость.

Ваня знал, что она сама бы не решилась на первый шаг, но сопротивляться ему не сможет. Забавно, он и сам не понимал, что подтолкнуло, но на анализ подсознания не было сил. Вырвалось ли старое желание или новый виток начался с нуля — имело ли это значение, если от одежды нетерпеливо избавлялись, по минимуму, на инстинктах, а еще опыте, дарованном не друг другом?

В одном из стоявших ящиков стенки была припрятана упаковка презервативов, и поскольку кровать казалась ужасно далекой, Ваня просто задрал платье, подхватил Ульяну на руки, под коленями, и прижал к стене. Из груди рвалось что-то больше похожее на хриплые крики, чем на обычные стоны, но ни о красоте, ни о романтике не шло и речи. Нечего было украшать. Каждое движение ощущалось болезненно-остро, заставляя содрогаться всем телом. И быстро пришедшая разрядка была такой же: опустошающей, но не приносящей облегчение, будто неправильность происходящего трансформировалась из этики в физику. И, в то же время, он никогда не испытывал ничего подобного. Даже глаза повлажнели от слез. Колени подогнулись, и они с Ульяной оказались на полу.

Каждая взрывная волна оставляет после себя разве что груды обломков, и Ваня понимал, что этот неуправляемый поток, судя по всему, уничтожил все прежние отношения, что подтвердилось даже быстрее, чем парень рассчитывал.

— Мне нужно уходить. Немедленно, — сказала Ульяна, поднимаясь на ноги и собирая свои вещи по комнате.

— Не хочешь поговорить? — переспросил он, не сумев скрыть раздражение.

Реакция последовала незамедлительно:

— А о чем тут говорить? — тут же показала зубы Саф. — Не помню, чтобы мы с тобой жаждали разговоров до, а тогда они были куда уместнее. Хочешь помочь — вызови такси.

Она только платье оправила, не стала натягивать колготки, даже белье при нем надевать постеснялась, будто это было еще интимнее. Может, и было. Ваня понятия не имел.

— И куда ты поедешь? К мужу? — спросил он, не сдерживая издевки.

— Нет, к маме, — отрезала и покинула комнату.

Когда Иван немного привел себя в порядок и вышел в коридор следом за ней, Ульяна уже натягивала пальто.

— Слушай, останься. Или ты думаешь, что мы наделаем что-нибудь худшее?

— Ты это серьезно? — спросила она насмешливо, даже обернулась. — Мы с тобой переспали, сняли напряжение, перепихнулись... как это еще называют, если разово и без последствий? Можешь подсказать, по этой части ты у нас мастер. — Иван сжал зубы до скрипа, даже побитый глаз отозвался болью. — Тошно ли мне от самой себя? Да, тошно. Фактически, в грязи извалялась. Алкоголь, развод и все прочее меня не оправдывает, просто так поступать было нельзя. Но пока об этом никто не знает, последствия минимальны и только на моей совести. — Она коротко и затравленно взглянула на Ивана и продолжила: — Но, если я здесь останусь, я не знаю, что будет. Я вообще не понимаю, как и почему мы до этого дошли. Если у тебя есть ответ, давай!

— У меня его нет.

Он правда не знал, что на него нашло. Утром вставал с постели в полной уверенности, что Сафри ему друг и не более, но вечерние поступки свидетельствовали об обратном.

— А я бы дорого заплатила, чтобы разобраться.

Бросив на него последний недобрый взгляд, она дернула ручку двери и переступила порог, а Иван схватился за голову.

Он проснулся слишком поздно, но в голове бил набат. Будто не спал вовсе. Вместе с воем клаксона какого-то спешащего работяги, на Ваньку обрушился весь прошлый день. Подбитый глаз, немилосердные пальцы Саф на его лице, Новийский со своими невозможно громкими и эффектными речами, плач Ули в машине и, наконец, распитая бутылка спиртного, закончившаяся тем, что он вбивался в тело своей «подруги» с одержимостью секс-маньяка. Он со стоном перевернулся на спину и закрыл лицо руками. Не от стыда, глупости или переживаний за то, во что превратил и без того непростую ситуацию. Нет, он просто банально хотел повторения, продолжения. До такой степени, что лежать на животе было невыносимо.

Дьявольщина какая-то.

Он точно знал, что это не конец. Точнее конец, но дружбе. Его тело однозначно больше не собиралось дружить с Ульяной. О женщине думаешь либо головным мозгом, либо спинным. Вчера его дружески настроенные мозги разжижились и стекли в позвоночник. А, как известно, закон всемирного тяготения в обратную сторону им вернуться не даст. Ни один парень в здравом уме не откажется от такого секса, какой был у них вчера.

Осознав, что проспал ежедневный бой с Сан Санычем, а также, вероятно, возможность увидеть Ульяну на йоге, Ванька выругался и отправился в душ. Нужно быстро собраться и перехватить ее по пути в редакцию. Извиниться или... лучше «или». Дьявол его раздери, разве за такое извиняются? Он бы с радостью проделал с ней это еще миллион раз. Точнее нет, не это. Зачем повторяться, если есть еще множество способов? В общем, виноватым за то, что был с ней и в ней, Ваня себя не чувствовал. Только за то, что это получилось не вовремя. Он добавил Уле проблем, и переживал только об этом. Исключительно! Не хотела бы сама — сказала бы «нет». Он не насильник. А вот теперь говорить «нет» ей поздно. Придется сильно попотеть, чтобы прозвучало громче оргазма на твердую восьмерку, а то и девятку.

Раздраженно посмотрев вниз, Ваня увернул до минимума кран горячей воды и, зарывав от холода бьющих по спине струй воды, с чувством приложил кулаком стену. Он никогда не был сторонником контрастного душа, но не видел другого способа быстро прийти в себя. Время было не на его стороне.

Но если одна из проблем решалась неприятно, но просто, остальные оказались более существенными. Как одеться, что делать с заплывшим глазом, что сказать... Ругаясь цветистее, чем в годы службы, Ванька нарядился в костюм и решил, что раз под рукой нет чудесной аптечки Ульяны, то лучше списать все на поговорку об украшающих мужчин шрамах. И верно, с холеным Новийским Ваньке не тягаться. Зато порядочным сексом муж Ульяну, судя по всему, давно не баловал. Ванька всячески настраивал себя на то, что дело не в разводе, а в том, насколько неотразим он сам, но мысленно посмеивался над собственной глупостью.

По городу он мчал как шахматист-самоубийца. Под аккомпанемент скрипа шин, воплей клаксонов, а то и гневных окриков. Зато приехал вовремя: работники редакции еще лениво подтягивались к турникетам и, мазнув карточками по сенсорам, на автопилоте толкали вертушки. Попасть в редакцию без приглашения было гиблой затеей, но, вероятно, это было ни к чему. Ульяна запросто могла еще не подойти. Тем более после такой насыщенной

ночки.

Мысленно окрестив себя конченным подонком, Ванька скривил губы в самой соблазнительной из улыбок и направился к девушке, ответственной за пропуск посетителей.

— Привет, — сказал он и, словно невзначай, облизнул губы. — Не посмотришь по базе, Сафронова уже подошла?

Девчонка улыбнулась в ответ, но поддалась неохотно.

— Откуда?

— Редакция, шестой этаж, — подсказал Ванька и постучал пальцами по стойке. — Во сколько она обычно приходит?

— По-твоему я слежу за всеми сотрудниками офиса? — недовольно пробурчала девушка. — Тут работает с пять сотен человек...

— Ну ее несложно запомнить. Она маленькая и злобная. Как пикси. Девушка усмехнулась и указала на его глаз:

— Надеюсь, это не она тебя отделала? А то разборки мне тут ни к чему.

— Я похож на человека, которого может избить девчонка? — оскорбленно изогнул Ванька бровь, но покраснел, припомнив, как ему во времена службы досталось от Зои. Она еще потом сказала, что все его мышцы — сплошная бодибилдинг-бутафория. С другой стороны, Ванька с ней не спал, поэтому не мог поручиться за то, что его напарница девушка и не скрывает огромные яйца.

— Нет, не похож, — кокетливо повела ресницами девушка.

— Ему вмазал мужик с гусарскими усами. Который вдвое старше и уже давно обзавелся брюшком. С девчонкой, конечно, было бы обиднее, но тут тоже особо хвастать нечем! — выпалила на одном дыхании Ульяна, неожиданно вырастая за спиной Ваньки, и, схватив того за локоть, потащила к закуткам с туалетами.

Гордеев уже думал, что не миновать ему участи посетителя дамской уборной, но внезапно обнаружил себя в хозяйственном помещении, среди швабр, щеток и ведер. И день вдруг стал намного лучше. Несмотря на изобилие света, места было мало, и достаточно шага, чтобы тела соприкоснулись. Только инстинкт самосохранения подсказывал Ваньке, что этого делать не стоит. Пока. Пока он мог сопротивляться электричеству, прошивающему помещение. Но не был уверен, что силы воли хватит, чтобы довести раунд до конца без потерь.

— Поверить не могу, что ты заявился ко мне на работу! — вспылила Ульяна.

— Если что, я сделал это не впервые.

— Но не после вчерашнего...

Она замолчала и спрятала глаза. Ванька помимо воли опустил взгляд ниже и заметил, как часто и гневно вздымается ее грудь. Обратно взгляд возвращаться отказывался. Он помнил грудь Ульяны еще с «детских» времен, как Гордеев называл доармейские годы. Внезапно ужасно захотелось раздеть Саф прямо здесь и сейчас, раз уж ночью не удосужился полюбоваться. Куда спешил? Знал ведь, что с сексом всегда все хорошее заканчивается, и начинаются проблемы. Со времен разрыва с Ульяной он вывел для себя непреложную истину: не хочешь портить отношения с женщиной — не трахай ее.

В затянувшейся тишине до слуха донесся тяжелый вздох, и Ульяна скрестила руки на груди, однозначно давая понять, что изучение достопримечательностей затянулось.

— Ты действительно хочешь, чтобы я ушел, оставил тебя в покое и сделал вид, что

ничего не был? Ты уверена, что хочешь именно этого?

— Я уверена, что повела себя совершенно непозволительно, и мне очень плохо, — искренне сказала Ульяна. — Надеюсь, ты понимаешь, насколько важно для меня не дать скандалу развернуться.

— Ты что, разумеется! Это же важнее всего! Упаси боже кто заподозрит, что ты живая, — гаркнул Ванька, не сдержавшись.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — всерьез перепугалась Саф, отступила назад, споткнулась о ведро, и тут же оказалась в крепких объятиях.

— Вот о чем.

Он жадно смял ее губы поцелуем. В отличие от Ульяны, прекрасно понимал, чем закончится этот разговор в излишне тесном помещении. И то, что она начнет вырываться, а потом сдастся и растает, как восковая фигурка, подстроится по каждый изгиб его тела, тоже знал. Но, несмотря ни на что, не смел выпустить ее талию из кольца рук, боялся, что она снова испугается, сбежит. А если совсем не отпускать, то...

— Нет, — вскрикнула Ульяна, вывернувшись. Она закрыла рот тыльной стороны ладони, отвернулась и задрожала. Ей было плохо, и в любой другой ситуации Ванька бы ее обнял... А теперь не мог, потому что сам оказался причиной ее сложностей.

— Пожалуйста, — попросила Ульяна. — Я не могу позволить себе это. Нужно остановиться.

И руки Ваньки сжались в кулаки.

— Я не думаю, что смогу остановиться, — признался он честно и не узнал собственный голос.

По взгляду Саф вдруг понял, что до этого момента она не предполагала, в какой оказалась заднице. И теперь лихорадочно соображала, как бы разругать ситуацию с минимальными потерями. Вот только все было бесполезно.

— Мне очень жаль, что ты оказалась в щекотливой ситуации, но какого черта? Ты разводишься!

— Ты не понимаешь, Ваня. Я помогаю Сергею добиться места в Думе не по доброте душевной. Я выкупаю таким образом сына. Новийский посадил в тюрьму первую жену и продал мою сестру за карьеру. Мне есть чего опасаться.

Ванька всегда знал, что Новийский ублюдок, который нигде не упустит своей выгоды. Одной только симпатии Гордеева-старшего было достаточно, чтобы утверждать это с уверенностью. Но играть на чувствах Ульяны по отношению к ребенку? Это было чересчур! И как теперь охранять человека, зная, что тот заслуживает хорошего хука с правой?

— Я пошла. Зарьяна меня в порошок сотрет за опоздание.

Она уже опоздала, Ваня это знал, поскольку в силу своей профессии чувствовал время до минут. Не будь он так зол из-за шантажа Новийского, наверное, попытался бы ее остановить и довести разговор до какой-нибудь уступки, но в данный момент в голове крутились одни ругательства. Вряд ли Ульяне понравилось бы, назови Ваня ее мужа мудаком. Она все еще пыталась защищать Сергея, несмотря ни на что.

Ульяна ушла, а Ванька постоял еще некоторое время в своем убежище, собираясь с мыслями, и пошел на работу выслушивать оперные партии разгневанной напарницы.

Ульяна

Работы и в мыслях не было. Увидев пьяную, дерганую старшую дочь на пороге в районе

трех часов ночи, Валентина Сафронова потеряла дар речи, но койку выделила, и на том спасибо. Вот только Ульяна не сомкнула глаз до самого утра. Глядя в потолок, она судорожно сжимала пальцами одеяло и представляла, что с ней станет, едва Сергей узнает об... измене? Можно ли считать изменой близость к другим мужчиной, если муж тебе давно уже никакой не муж? Ее чувства говорили, что да. И Сергею бы тоже сказали. Несмотря ни на что, он до сих пор не пережил отношения, на это указывало многое.

Ее поступок был эгоистичен, с какой стороны ни посмотри. Всю жизнь она старалась действовать правильно, по совести. За все прошедшие годы единственное, что она сделала для себя — устроилась в редакцию Зарьяны, а вот остальное — попытки вернуть сестре нормальную жизнь, сохранить брак, вырастить сына достойным человеком были направлены на других. С дрожью она призналась перед собой, что слишком давно перестала думать о Сергее, как о нужном ей мужчине. Просто уважала его чувства по отношению к ней, сделанный выбор, брак... Разумеется, все, что она делала, было необходимо в некоторой мере и ей самой, но не как женщине. Всего лишь тридцать. Казалось, цифры ввали, разве ей столько лет? Не окажись она у Ивана Гордеева дома, распластанной по стене его телом, и не вспомнила бы о такой мелочи, как возраст. Ульяна была полностью уверена, что не испытывала к старому другу ни малейших романтических чувств. Это все слабость, страх, алкоголь, воздержание и тридцать лет, которым давно не уделяли внимания. Досадное недоразумение, и вот по своей глупости она ухитрилась потерять единственного друга, способного оказать ей поддержку. Еще никогда в жизни она не обзывала себя такими словами!

Из кабинета высунулась Зарьяна и поманила сотрудницу пальцем. В очередной раз пожалев о том, что так и не сподобилась купить противогаз, Уля закрыла за спиной дверь кабинета главного редактора и постаралась не закашляться. На часах было одиннадцать, но пепельница Зарьяны была заполнена наполовину, а в помещении стоял густой смог.

— Бога ради, какая неженка, — фыркнула начальница. — Открой окно, коли так тошно. И Уля поспешила впустить в помещение воздух вместе с шумом большого города.

— Сядь, — резко махнула Зарьяна в сторону стула. Сама сползла ниже в кресле и сложила руки на животе, раскачиваясь вперед-назад и складывая губы в трубочку.

Она вся была в этом. Резкая, грубая и эпатажная. Предпочитала темную, не требующую особого ухода одежду и имела сразу двое очков: от профессиональной близорукости и от возрастной дальнозоркости, при этом плохо видела и в тех, и в других. Несмотря на то, что Зарьяна уже давно начала потихоньку расплываться в талии, ее подвижность впечатляла. И громкий голос, разносившийся над редакцией, без труда добавлял сотрудникам седых волосков.

Она сделала головокружительную карьеру. Переехала в Петербург из Казахстана и очень долго мыкалась по редакциям, поскольку была слишком своенравна для политически ориентированной прессы. А потом у нее случился роман с каким-то влиятельным товарищем, который подарил ей на свадьбу... редакцию. Брак развалился в рекордные сроки, но газету у Зарьяны было не отобрать. Ею она ловко заправляла и по сей день.

— Птички поют, что твой муж решил делать ноги, — без предисловий начала Зарьяна.

— Похоже на то, — не стала лукавить Ульяна, но удивилась.

За последние сутки столько всего случилось, что казалось, будто пресс-конференция состоялась в прошлой жизни. Разговаривать о переезде Сергея было странно.

— И? — продолжила Зарьяна. — Я долго ждала, что ты сама придешь ко мне с этим разговором. Мне искать замену или не искать? Или у вас будет брак на расстоянии?

Ульяна замаялась, не зная, что сказать. По-хорошему говорить о разводе не стоило, поскольку это могло разнестись по кулуарам в рекордные сроки и подорвать сделку об опеке. С другой, Зарьяна была в своем праве начальницы. Впрочем, молчание она истолковала по-своему.

— Скажем так, я по-доброму советую тебе остаться. И в Петербурге, и в журналистике. Тебе не хватает опыта, но потенциал чувствуется. А в Москве тебя разве что тянуть привычную повозку поставят. Я и сама не хотела тебя брать из-за такого мужа, но ты упорная. Там тебе подходящей работы не найти.

Похвала от Зарьяны была чем-то из ряда вон, и Ульяна, поддавшись, решила признаться.

— Я в любом случае не еду в Москву, — проговорила она устало. — Сергей едет один.

— На-а-адо же, — протянула Зарьяна. — Обычно у меня на такие вещи чуйка, а ты, выходит, молодец. Я никак не могла въехать, как после нападения на сестру такая принципиальная дамочка могла остаться с откровенно купленным политиком, да еще сохранить рай в шалаше. А в шалаше никакой не рай. Просто ты не из тех, кто жалуется. Ясно все с тобой, — задумчиво протянула главная. — Иди, — кивнула на выход, но на прощание окинула сотрудницу задумчивым взглядом.

— Зарьяна, это между нами, — предупредила Ульяна на пороге, обернувшись. — Может пострадать мой сын.

Та лишь раздраженно махнула рукой. Мол, было очевидно с самого начала. А Ульяна вдруг поняла, что придется разработать некую стратегию, ведь о переезде будут спрашивать все, и двоим она уже призналась. Больше нельзя.

Целый день Уля пыталась заняться чем-то полезным, но мысли, которые, как считает трудовой кодекс, обязаны подчиняться воле обладателя, совсем не желали собираться в кучу. Страх расплывал внимание, заставляя раз за разом задумываться о случившемся. И еще вспоминать, покрывая кожу мурашками. Как итог, под конец рабочего дня окошко ворда все еще показывало два вымученных предложения с тремя пунктуационными ошибками. И это при том, что требовалось писать еще больше, для блога, для Сергея. Ради сына.

Вернувшись домой, Уля первым делом поспешила в душ. Ей ужасно хотелось расцеловать Алексея, который из-за бумажных баталий с Сергеем несколько дней обитал у родственников, но не теми губами, что жадно впивались в рот Ивана Гордеева ночью... и утром тоже. Она стыдливо закрыла лицо руками постаралась сосредоточиться. Было гадко, грязно и стыдно до ужаса. Понимание того, как так вышло, не приходило. Они постоянно общались, гуляли, подтрунивали друг над другом и выручали, так отчего вдруг приятные дружеские отношения дали сбой? И как остановить этот спешащий навстречу гибели состав?

Она выскочила из ванной только когда в коридоре раздался грохот и рев ребенка. Знала, что нужно поторопиться, но не смогла справиться с нервами, и теперь, завернувшись в полотенце поднимала опрокинутый стеллаж с обувью и дула на ранку на щеке сына. Браво, не сумела приглядеть за ребенком. Если так пойдет и дальше, Новийскому хватит одного взгляда, чтобы все понять.

Но когда тот пришел домой, Уля сидела за ноутбуком, отстукивая шаблонные, сухие строчки, годные только для кнопки delete. Шли часы, Алексей стал клевать носом, и Сергей ушел укладывать его спать. Ульяна все еще притворялась, что крайне занята и старалась

погасить румянец стыда. Она легла спать только в четыре часа ночи, пыталась хоть что-то успеть для Зарьяны, хотя уже предвкушала громкий разнос каждого слова в каждом предложении. И именно этого ожидала, входя на следующий день в кабинет главного редактора, но неожиданно для себя получила в руки экземпляр московского издания с новостью о помолвке Петра Днепров. А следом — отгул.

Предполагалось, что ей следует поехать и утешить сестру, но вместо этого Ульяна забрала сына из детского сада и пошла с ним в парк. Глядя на веселящегося на площадке ребенка, она чувствовала, как потихоньку отпускает желание сделать что-то безумное, что-то, о чем она будет жалеть всегда. Иногда ей казалось, что случись с сестрой эта трагедия до рождения Алексея, Ульяна бы не удержалась от мести. Дело было даже не в Илоне, не только в ней, просто Петр Днепров стал ожившим ночным кошмаром не одной, а сразу двух женщин. Уля не представляла, как можно чувствовать себя в безопасности в мире, населенном подобными монстрами. Она не могла двигаться дальше до тех пор, пока хищник ходил по улицам города, мастерски притворяясь веселым и добродушным парнем с ма-а-аленьким недостатком в виде неумемного распутства.

Отвлекая маму от грустных мыслей, Алексей взобрался на горку, споткнулся, плюхнулся брюхом на скат, оглашая площадку громким протяжным воплем, и проехался вперед головой до самого низа, после чего плюхнулся в глубокую осеннюю лужу, поднимая в воздух фонтан грязных брызг. Остальные мамочки недовольно покосились на маленького грязнулю, а затем на поспешившую к сыну Ульяну. Благо, ребенок выть не стал. Как и все дети его возраста, он был абсолютно счастлив побултыхаться в грязи, да и содранные ладони в холодной воде куда меньше болят. Представив, что придется тащить перемазанного по уши сына к выходу, Уля тяжело вздохнула.

— Ты мой поросенок, — роптала Ульяна, запихивая ребенка в машину. — Вот как тебе удастся портить вещи быстрее, чем я их покупаю? Я даже не переживаю о том, что ты вырастешь, и мне некуда будет девать твои тряпки...

— Мы давно не гуляли с Шиной! — сообщил ребенок, устав от нравоучений. — Давай заедем за Ваней и поедем к тете Илоне гулять.

— А Ваня тебе обязательно нужен? — попыталась Ульяна уклониться от ответственности. Не хватало еще с ребенком объясняться. Нет, конечно, на безобидной прогулке ничего бы не случилось, но неловкость, поселившаяся между ними, перепортила бы много нервов.

— Он обещал подарить мне мяч и гетры, чтобы я был самым крутым футболистом! — гордо сообщил ребенок.

— Милый, ты не будешь возражать, если некоторое время мы обойдемся без Вани? — спросила Ульяна сына. — Но обязательно сегодня съедим к Шине.

— Но как же гетры? — На глазах Алексея выступили слезы, и Ульяна мысленно застонала, поняв, что попала в переplet. — Ты что, поругалась с ним? Как с папой?

Ульяна дернулась и ударила головой о потолок машины. Она и не подозревала, что сын в курсе их сложных взаимоотношений с Сергеем. Они же так тщательно ограждали ребенка от неприятных моментов.

— Я с ним не ругалась, — буркнула она.

— Тогда почему ему больше нельзя гулять с Шиной?

— Ты задаешь слишком много вопросов. — шикнула на Алешку смущенная мать. —

Сейчас переоденемся, и поедем играть с Шиной и ждать тетю Лону.

Решение было принято. Ребенок мог сколько угодно ныть в свое удовольствие на заднем сидении, но Ульяна старательно его игнорировала, и вскоре Алексею надоело жаловаться на жизнь и отсутствие обещанных подарков. И без них неплохо. Ульяна раздраженно отмечала, не отказалась бы от такой же забывчивости. Ей, наоборот, в голову лезли слишком навязчивые мысли. Раньше они могли не созваниваться неделями, а сейчас счет шел на пару дней, и вдруг ей дико хочется набрать его номер, услышать голос. Она боялась, что на самом деле желает вовсе не этого, но нельзя, нельзя, нельзя... Нужно переждать, повременить и вернуться к прежней манере общения. Ей нужен друг, и только. Только!

Ульяна решила дожидаться сестру у нее дома, но вскоре чуть не сошла с ума от визгов и криков. Не привыкший к ограниченному пространству однокомнатной квартиры Алексей, играясь с Шиной, успел не только обежать все помещения десять раз, но и набить себе шишек. Поныл, получил пятно йода прямо на лоб, а затем уснул на диване в обнимку с собакой. Во сне он перебирал мягкую шерсть полухаски, не давая той спать. Вдоволь налюбовавшись умильной картинкой, Ульяна отправилась на кухню готовить еду к приходу сестры.

Лона вернулась в хорошем настроении. Она, разумеется, понятия не имела о том, что ее злой гений женится. Не настолько важна была новость, чтобы ее осветили в Петербурге. Или отец Петра справедливо рассудил, что не стоит еще раз копаться палкой в этом городе, как в осином улье. Однако Зарьяна не дремала.

Увидев Улю в дверном проеме, Илонка подпрыгнула от неожиданности и схватилась за сердце. К ней редко навевались во внеурочное время, а сюрпризы с некоторых пор вызывали вполне понятные опасения.

— Напугала, — буркнула она, скидывая кеды.

Уля помялась, не зная, как лучше сказать. Но в том, что стоит это сделать, не сомневалась. Ей не хотелось, чтобы сестра узнала случайно, да еще на людях, и снова замкнулась. Заглянув в комнату, чтобы проверить, спят ли еще неугомонные Леша с Шиной, Ульяна увела сестру на кухню и завела опасный разговор.

— Зарьяна передала мне сегодня московскую газету. Там заметка о помолвке Петра, — лаконично сообщила она, решив не мяться и показывать свои истинные опасения.

Она ожидала хоть какой-то реакции, но сестра продолжила помешивать салат, как ни в чем не бывало.

— Ты меня слышишь? — испугалась Ульяна молчания. Слишком знакомой казалась эта показная невозмутимость.

— Уля, я это пережила, — ответила Илона. — Мне жалко времени о нем даже думать. Несколько лет страдала и сожалела, а сейчас... я ничего не чувствую, и пусть так будет и дальше. Не надо мне о нем рассказывать.

— И тебя не волнует, что он может навредить кому-то снова?

— Может. Но не мне, ведь я больше такого не допущу. Давай честно, — улыбнулась она грустно, отложила нож и подняла на Улю глаза. — Иногда очень полезно проявить здоровый эгоизм и простить себя. Я сглупила и очень злилась на весь мир за его жестокость, но я пренебрегла безопасностью и пострадала. Потребовалось время, чтобы простить себя, и теперь я не хочу ворошить прошлое. И я очень надеюсь, что однажды ты тоже перестанешь.

Она попала в яблочко.

Ванька

Новийский выглядел совершенно невозмутимым. Улыбался коллегам, любезничал с журналистами. Казалось, в его жизни не существует проблемы большей, чем подбор галстука, а это значило, что Ульяна совершенно точно сумела скрыть неподобающую связь. Нахождение вблизи от этого человека было для Ваньки огромной проблемой всегда, но теперь — особенно. Потому что Сергей Афанасьевич любил и умел лгать. Например, один раз он пугающе подробно и правдоподобно рассказывал коллеге об Ульяне. О том, что она совершенно точно поедет с ним в Москву и уже подыскивает себе новую редакцию для работы. Особенно приятно им было рассуждать, как взбесится нахалка Зарьяна, когда одна из ее лучших сотрудниц бросит карьеру ради своего политика.

Умом Ванька понимал, что это неправда, что Уля несклонна к поспешным решениям, но ради ребенка она готова на многое. Ему дико хотелось позвонить ей и убедиться, что все ложь. А еще больше хотелось врезать Новийскому.

Если бы не Алешка, Ваня уже обивал бы пороги Ульянки в попытке заслужить ее внимание, но кто знает, на что способен ее муж? Под приятностью и обходительностью скрывалась сталь, которую ничем не согнешь. Ульяна не сумела согнуть его, даже будучи горячо любимой, а стоит ей упасть с пьедестала, и кто знает, чем это закончится. Каждый новый день она ходила по лезвию, а Ванька... скажем так, приглядывал. Что пишет, куда ходит, во сколько появляется дома. Он возил с собой подарки для ее сынишки, и руки чесались их отдать. Выйти из машины у садика, пока она забирает Лешку, сделать вид, что просто заехал подарить мяч. Но этот вариант вдруг стал запасным и спасительным. На случай полной невозможности увидеть Улю.

Хотя, по большому счету, он манипулировал доверием ребенка. Обещал Алешке чертов мяч, и для того было самое время. Мальчишки во дворе, где жил Ванька, до поздней ночи играли в футбол, порой попадая по машинам и вынуждая те жалобно попискивать. Начинали днем, в смешных школьных костюмах и с безразмерными рюкзаками наперевес, а заканчивали с криками встревоженных матерей. Ванька легко представлял, что спустя пару лет Алешка станет точно таким же. Он же как на батарейках: ни минуты усидеть на месте не может. Ему в самый раз мяч гонять. Такие не будут ходить по улицам, уткнувшись носом в планшет.

Один раз Ванька чуть было не воспользовался своим подарком. Уля не приехала за сыном в садик, и Гордеев уже хотел было зайти и спросить, что с ребенком, не заболел ли. Но по какому праву ему будут выдавать информацию о чужом сыне или чужой жене? Подглядев сквозь прутья забора, он убедился: Алешки на площадке не было. Тогда он испугался: учитывая обстоятельства, в доме Новийских могло случиться что угодно. Вдруг Сергей узнал о них с Ульяной и забрал у нее ребенка?

Благо, Ванька вовремя догадался съездить к Илоне. Там увидел, как Ульяна с Алешкой выходили из подъезда. Вот только выглядела она дерганой. Не из-за того ли, что ей приходилось лгать своему политику от страха потерять сына? Врагу не пожелаешь оказаться в таких обстоятельствах. Он был готов поспорить, что кроме него о случившемся так никто и не узнал. Не с кем поговорить, некому пожалеть. Ведь сам Иван превратился в главного врага ее будущего благополучия.

Не решился позвонить, только в соцсетях набрал вопрос, в порядке ли Ульяна. Ответила, что да, но как узнать, если лица не видно? В прошлый раз они год общались по переписке, причем хорошо общались, а потом она сказала, что больше ждать не собирается. Обвинять ее не стоит. Он строил собственное будущее, и она решила, что пойдет дальше одна... вот только он все равно не ожидал. И, вроде, понимал, в чем причина, а вроде и нет. Не похоже, чтобы она устала от одиночества. Видно, решила, что ждать нечего. Он не спрашивал, ни к чему задавать такие вопросы. Поначалу они бы разрушили хрупкое перемирие, а потом утратили свой смысл.

Зоя окрестила Ульяну за это предательницей, но сам Ванька так не считал. Они были вместе всего пару месяцев, едва успели преодолеть тысячу и одну неловкость первых встреч, как он решил уйти в армию. Раз ее бросил, затем — еще раз, когда остался на второй год. В таком не обвиняют, но все равно прийти и увидеть ее с другим было обидно. С тем, кого она однажды вечером в шутку описала как своего идеального спутника жизни. Впрочем, Ванька прекрасно понимал, что в том состоянии, в котором он уходил, он просто не мог являться завидной кандидатурой. Сам не знал, каким будет его завтрашний день. Откуда бы взялась вера в него у других? Все получилось правильно. Кроме того, что Саф вышла замуж, ослепленная блеском человека, который являлся искусным обольстителем и безжалостным манипулятором. Она, видно, искренне верила, что с ней Новийский так не поступит. Но он поступил, а она не только не проснулась под его требования бросить семью, но и поняла, что именно он сделал. Новийский ее недооценил. Ваньке оставалось всего лишь не повторять его ошибок.

Кто-то из ребят звонил и звал выпить, что обычно означало ночь в чужом доме и с чужими женщинами, но Ванька отказался. Ни веселиться, ни изображать веселье не было желания. Перед глазами так и стояла кривоватая улыбочка Новийского, а в ушах звенели слова о переезде Ульяны. Она все еще давил на нее? Или все-таки просто врал? Ваньку ужасно угнетала сложившаяся ситуация, и это при том, что он являлся чуть ли не сторонним наблюдателем. А какого Саф?

Следовало заняться документами по работе, но для этого не было настроения. Он до последнего оттягивал момент, когда придется сесть за бумажки, а потому успел поужинать и принять в душ. Однако, документам пришлось остаться без внимания, так как не успел Ванька выключить кран, как до слуха долетела трель дверного звонка.

Ругнувшись, Гордеев попытался прикинуть, кто это может быть. Ребята решили заехать лично? Или Зоя вздумала проследить за тем, как продвигается работа с документами? Или...

Ванька спешно натянул джинсы прямо на голое тело, даже не подумав о полотенце. Шагнул за дверь ванной и в уме прикинул, что скажут такому хозяину квартиры свидетели Иеговы, если это они? Пока он копался одевался, гость, очевидно, потерял терпение и нажал на кнопку еще раз.

Ванька надеялся, что за дверью Ульяна, но все равно не ожидал увидеть ее на пороге, прижимающей к груди какую-то массивную папку. Зрелище полураздетого парня подействовало на нее еще интереснее, чем на потенциальных религиозных пропагандистов. Она застыла столбом с открытым ртом и окинула его взглядом с головы до ног, а потом с трудом выдавила:

— Я зря пришла, извини.

Она попыталась сбежать, но Ванька был быстрее:

— Постой!

Он схватил ее за запястье и дернул на себя, а в следующее мгновение Ульяна шагнула прямо к нему в руки и прижалась к губам. Папка оказалась на полу. Кое-как вспомнив о том, что он все еще обнимает чужую жену, Ванька со второй попытки закрыл дверь и, уже не сдерживаясь, припал к ее губам снова.

Ульяна

После разговора с сестрой Уля всерьез растерялась. Илона заслуживала отмщения, но ей оно было не нужно. И что теперь? Ульяна собирала информацию на обидчиков сестры несколько лет, если бы кто-то нашел эти данные, избиением этот кто-то не ограничился бы. Когда-то ей казалось, что риск того стоит, а теперь... Илоне хочется, чтобы ее оставили в покое, а Сергей больше не защитит Ульяну с Алешкой. Удалить документы? Сжечь распечатки? Не будет ли она жалеть? Это Илона отпустила ситуацию и живет дальше, а Ульяна? Она сможет? Она всегда переживала глубже.

Несколько дней назад Уля была уверена, что справится со всем одна, без Ваньки, а теперь не знала, к кому еще обратиться за советом. Он тоже был там, и он, в отличие от нее, ни разу не потерял контроль над ситуацией. Ехать к Гордееву с документами было страшно. И не только потому, что это могло закончиться очередными неудобными разговорами или, хуже того, не разговорами. Ульяна чувствовала, что ей влетит за самодеятельность... и она этого ждала. Вдруг именно этой капли ей не хватало, чтобы окончательно отказаться от идеи об отмщении? Она жила мечтой о разоблачении Петра, бессонными ночами искала способ сделать это, не навредив Алексею. А Илона сказала, что пора отпустить... Так что же делать?

Ванька не открывал долго, и вдруг в голову закралась жгучая мысль: вдруг он не дома, или вдруг дома, но не один? Вдруг выставит ее прочь? Что тогда будет? Она вздрогнула и на всякий случай нажала на звонок еще раз, не давая мыслям окончательно разбушеваться. Звук шагов за дверью принес облегчение, но ненадолго. Стоило двери распахнуться, как все мысли вылетели из головы.

Ульяне потребовалась пара секунд, чтобы осознать: она выдернула его прямо из душа. На голове красовался беспорядок из мокрых волос, капельки воды блестели на обнаженной коже торса, спускаясь прямо до пояса джинсов, сидящих... очень низко. Уля почувствовала, как по телу пробежалась огненная волна, осев тягучим желанием в животе и ярким румянцем на щеках. Она старалась подобрать челюсть и отвести взгляд, но для этого требовалось больше сил, чем было у нее в запасе. Перебор. Ступи она за порог, это закончилось бы очень плохо. Следовало убираться, пока обоим не смело уже знакомой волной.

— Я зря пришла, извини, — пробормотала Ульяна не своим голосом и сделала шаг в сторону, перехватывая дрожащими руками папку.

— Постой!

Ванька схватил ее за запястье и буквально заставил шагнуть в квартиру. К нему. Желание прикоснуться оказалось слишком сильным, и в следующий миг руки Ульяны оказались на мужской груди, а губы жадно потянулись вверх, к чужим губам. Документы, которые казались жизненно важными, посыпались из рук. Тая в руках мужчины, на которого у порядочной жены политика не было ни малейшего права, Уля услышала щелчок замка. Не без грусти констатировала, что у Ваньки мозги остались на месте. Это немного отрезвило,

она попыталась отойти, но было поздно: ее уже ловко тянули в спальню, не переставая целовать.

В первый свой визит Уля заглядывала в спальню, но ничего не запомнила. Зато теперь изучала ту досконально, спотыкаясь обо все, что попадалось под ноги. И даже не сразу поняла, что остановились они лишь потому, что единственным объектом позади осталась кровать. Эта мысль опалила щеки румянцем.

Ванька оторвался от губ, но не позволил отодвинуться, завел руки на спину, потянул вниз собачку на молнии юбки и стянул ту вниз по бедрам. Уля могла бы его остановить, она отчетливо осознавала, что делает и какими могут быть последствия подобной неосмотрительности, но отчего-то не стала. Слишком хотела продолжения, слишком горела. Сама провела пальцами по его животу вдоль кромки джинсов, затем — под тканью... и закусила губу, чтобы сдержать стон. Белья не было. Впрочем, учитывая, что он выскочил из душа, ничего удивительного. Бесстыдно наслаждаясь ее реакцией, Ванька расстегнул пуговицу на джинсах, а затем и молнию. Он до обидного точно знал, чего добивался этим действием.

Ульяне вспомнились все ее колкости по поводу внешности друга. Она думала, что ее слабость перед Иваном осталась в далеком прошлом, что она имела право подтрунивать над его безупречностью, а выходило, что нет. Оказалось, для того, чтобы потерять голову, ей хватило вида стекающих по пластинам мышц капелькам воды. Интересно, она правда думала, что между ними ничего не может быть? Не верила тому, что сказал Сергей о вовсе не дружеском интересе Ваньки? Или хотела, чтобы это было правдой? Возможно, чуть-чуть, какой женщине не хочется быть желанной, но... но не так. В фантазиях не бывает вопросов опеки над ребенком. И нет мужа, расставание с которым все еще горчит на языке. Да и вообще, на то они и фантазии, чтобы не сбываться. Она и в страшном сне не могла представить, что потеряет из-за Ивана Гордеева голову. Снова.

Отчего она сгорает под напором губ человека, с которым их долгие годы связывало не больше, чем взаимная симпатия? За эту слабость Ульяне было стыдно, но остановиться не получалось. Тот самый скелет, который она много лет назад обещала убрать из шкафа, судя по всему, там и остался. И стоило этот самый шкаф тряхнуть, как содержимое услужливо вывалилось на свет божий. Никто не отрицает, что можно играть против собственного подсознания, но не когда ты в абсолютном меньшинстве и не когда измотан другими войнами до предела. Она определенно не была влюблена в Ивана Гордеева, и коленки в его присутствии более не дрожали, но что-то внутри отзывалось, отказываясь сопротивляться.

Она поцеловала его сама, и все еще продолжала, жадно изгибаясь в кольце рук, стремясь почувствовать еще больше ласки, горячей и влажной от воды кожи.

— Второй раз тебе уйти не удастся, — хрипло предупредил Ванька.

— Я об этом не прошу, — ответила она, задыхаясь.

Едва услышав это, Ванька опрокинул ее на кровать, и Уля поспешила сорвать с себя блузку, чтобы ощутить его обнаженной кожей... всей. Она гнала эту мысль от себя все прошедшие дни, но на самом деле дико хотела еще раз почувствовать себя такой же беззащитной перед... мужчиной. Ей было стыдно называть в этом месте конкретное имя, но никого другого уже не представлялось. Даже закрывая глаза, Уля отчетливо знала, с кем она и где. Не могла забыть.

Она обманывала себя, думая, что позволяет Ваньке считать себя своей, но таковой не

является. Только лихорадочно шепча его имя, осознала, настолько серьезно она влипла.

Ванька

— Я приехала... не за этим, — тихо сказала Ульяна.

Борясь с дезориентацией, Ваня повернулся к Саф и обнаружил ее сидящей на кровати с натянутым до шеи одеялом. Впрочем, это ничуть не мешало ей изучать его, не подумавшего прикрыться. Ванька не удосужился даже до подушки доползти. Так и растянулся на середине кровати. Тело было слишком тяжелым, будто чужим. Восхитительно непослушным.

— Ну конечно нет, — фыркнул он, уже готовясь к обороне.

— Так... — решительно сказала она. — Слушай, я наговорила тебе всякого, а потом, будучи до сих пор замужем, пришла сама и потащила в кровать. И я в шоке, но...

— Я не пострадал, если ты об этом, — усмехнулся Ванька.

Он подтянулся выше, не отнимая у Ульяны спасительное одеяло, нырнул под него тоже и прижал ее к себе. Она попыталась улизнуть, но не тут-то было.

— Ваня! — рявкнула она, замерла, но не сделала попытки оттолкнуть. — Я не об этом! Узнав, почему я пришла, ты очень разозлишься.

— Ты собралась со своим политиком в Москву? — задал он мучивший вопрос.

— Что? — опешила она. — Ты за кого меня принимаешь? Думаешь, это я вот так отмечаю супружеское воссоединение?!

— Так ведь ты приехала не за этим, — поддел Ванька, не сдержавшись.

— И тем не менее! — надулась Ульяна. — Я... я все же соображаю, что делаю, даже если кажется, что нет.

— А ты знаешь, что он говорит, будто ты поедешь в Москву? — зло выплюнул Ванька. — Новийский рассказывает друзьям, что ты бросаешь работу у — цитирую

— «этой журналюги», а те отвечают «Аминь».

— Ну, было бы странно уличить политика в честности, ты не считаешь? — горько поинтересовалась Саф, и Ванька мысленно обозвал себя дураком. Надо было придумать сразу после секса завести разговор о ее муже! — Папка, которую я принесла, она важная... — начала Уля и замялась.

— Так можешь сходить и поднять ее с пола, — нахально предложил Ваня.

Ульяна в сотый раз за этот день покраснела, но вылезла из-под одеяла и, гордо выпрямив спину, отправилась в коридор. Было заметно, что ей очень хочется прикрыться, но она этого не сделала, и Ванька хмыкнул. Забавно, прошло столько лет, а комплексы все еще при ней. Или дело в новизне? Может, со временем она перестанет стесняться? Представив, как будет ломать Ульяну, Ванька предвкушающе хмыкнул. Воображение оказалось удивительно немилосердно на этот счет, и когда она вернулась, ему было уже не до папки. Не позволяя увлечься документами, он опрокинул Саф на кровать и жадно поцеловал.

— Мне правда очень нужно тебе это показать, — говорила она, то уворачиваясь от поцелуев, то, наоборот, подставляя губы из желания продолжить. — Ваня... — наконец, решительно оттолкнула она его.

— Раньше ты меня так не называла, — с намеком протянул он. — Наверное, это хорошо.

— Раньше ты был задницей, спал со всякими юристками и творил глупости. А если продолжишь вести себя как подросток...

Так и пришлось ее оставить. Глянув на него со смесью настороженности и вины,

Ульяна села прямее и снова взялась за папку, на которую Ванька даже смотреть не стал. Он искренне не верил, что ужаснется содержимому. Тем удивительнее, что оправдался не его прогноз.

— Вот. — Ульяна развернула к нему материалы, и нахальная улыбка сама собой стерлась с губ Ивана. — Это две другие девушки, пострадавшие от рук Петра, я...

— Стоп, — резко перебил Ванька и поднялся.

Он совсем не хотел вести этот разговор, лежа в кровати, где только что занимался сексом с Саф. Его даже несколько покорило, что ей показалось разумным приплести к такому моменту ублюдочного капитана. Или наоборот? Момент к капитану? Впрочем, неважно. Натянув неприятно мокрые джинсы, Ванька сорвал со спинки стула домашнюю майку и бросил ту Ульяне.

— Надень, — велел.

Она пожалала плечами, но подчинилась. Сразу стало ясно, что идея так себе. Несмотря на то, что при росте Ульяны майка доходила ей почти до колен, в прорезях рук виднелись полукружья грудей. Ванька поспешил уткнуться в папку носом, чтобы не думать о лишнем.

— Ты связывалась с этими девушками? — потребовал он почти зло.

— Н-нет, мне показалось это неэтичным, пока не принято решение по поводу остальных материалов...

— Остальных?! — рывкнул Гордеев и стал переворачивать страницы. Оказалось, там не просто пара бумажек, а альманах начинающего суицидника. — Петр, отец Петра, их приближенные из дома терпимости, списки трат врачей Илоны, поданные иски о халатности... — Листать дальше Ванька не стал. — Подойди ближе, я хочу убедиться, что твою голову не отрывали и не пришивали обратно. Ты накопила все это одна? Зачем?

— Сергей строго-настрого запретил мне приближаться к опасным людям, но... Пойми, я просто не могла иначе. Когда я это делала, мне становилось как-то легче дышать. Понимаешь?

— Но теперь ты с ним разводишься и собираешься устроить пир на обломках своего брака, — заключил Ванька.

Ему даже стало интересно, не ради ли обнародования информации Уля послала в Москву муженька в одиночестве. Он знал, что у Саф все не так хорошо, как она пыталась показать. С недавних пор он начал думать, что виной всему развалившийся брак, но теперь картинка становилась еще менее радостной. Было что-то еще, что-то спрятанное, внутреннее. Паранойя?

— Я бы это и сделала, если бы не Алешка...

— Ну, то, что ты готова поставить его под удар мы уже выяснили... дважды, — кивнул Ванька на кровать, закрыл папку и скрестил руки на груди. — И тем не менее если доразводный секс еще можно чем-то объяснить, то вот этот пояс шахида — нет. Твою сестру упихнули в психушку за один призрак возможного рассказа правды. Если ты напечатаешь свою бомбу, Саф, то у тебя отберут опеку. И, кстати, в этом случае я поддержку твоего политика. Просто потому, что он никогда не подставит ребенка таким образом.

— Я не... — задохнулась Уля, но вовремя опомнилась и подошла ближе, показывая раскрытые ладони. Осознанно внушала ему правильные мысли? Вряд ли, Ванька не хотел думать, что она научилась манипуляциям у своего супруга. — Слушай, я знаю, насколько безумно выглядит моя одержимость, но все наоборот. Эта информация помогла мне

сохранить рассудок, когда больше ничего не работало. А теперь... теперь Петр женится. — Ванька изменился в лице. Вот он, волшебный пендаль, который вынудил Ульяну бегать по городу, потрясая гранатой. — Ия поговорила с Илоной. Она сказала, что ничего не хочет знать, что правильно будет забыть и перестать копаться в прошлом.

— Удивительно дельное замечание, — фыркнул он. — Думал, что ты в этом возьмешь инициативу, а все наоборот!

— Перестань, пожалуйста, — попросила Уля, взглянув на Гордеева с укором. — Я не знаю, что мне теперь делать. Разве могу я позволить Петру творить такое и дальше? Какой я после этого непредвзятый журналист? Да и вообще...

— Саф, — остановил ее Ванька. — Тебя дома ждет веселый и счастливый пацаненок четырех лет. У Зарьяны, на которую ты все пытаешься равняться, нет детей. Она в разводе, а вся ее ближайшая родня за границей. Тебе не кажется, что это неспроста? Мир страшное место, добиваясь справедливости для сестры, ты не только разбередишь старые раны, но и подставишь Алешку. Пожалуй, мне стоит отобрать у тебя эту папку ради твоего же блага.

— У меня есть электронный вариант.

— И, надеюсь, мозги. Они тоже есть?

— Я стреляла в него, — вдруг призналась она тихо, и Ванька застыл. — Я постоянно езжу в тир и стреляю в Петра. Я носила с собой оружие, чтобы сделать это, когда увижу его снова.

— Ты не смогла защитить сестру — человека, за которого отвечала с детства. Это естественно. Но убить ты бы не смогла. Это сложнее, чем кажется.

— Ты недооцениваешь страх, — призналась она. — После той ночи мне страшно каждую минуту. Я всегда мечтала выкарабкаться из общежития, чтобы больше не испытывать пренебрежения со стороны людей, СМИ и правовых органов, но оказалась в его эпицентре! Скажи, сколько нужно добиться, чтобы быть в безопасности? — Она присела и начала собирать свою одежду. — Почему, чтобы неприятности обходили тебя стороной, необходимо представлять из себя угрозу?

— Это не битва, Уля, это война. А ты идешь туда в одиночестве и еще удивляешься. Остановись, пока не поздно. Или затевай дело всей жизни, как Зарьяна, но забудь о личном счастье. Твой выбор.

Она притихла, глядя на него в удивлении.

— Мне нужно принять душ. — Подумав, добавила: — Одной.

Ванька кивнул и пообещал раздобыть еду, но проводил Улю задумчивым взглядом. Как только зашумел душ, он раздосадованно цыкнул языком. Интересно, Новийский действительно не понимал, что происходит? Или старался не замечать? Понятно, что от друзей Уля могла отдалиться, но человек, который жил с ней в одних стенах, то ли старательно игнорировал ее паранойю, то ли являлся ее частью. Про себя Ванька окрестил его очень нелестно, а затем засунул папку подальше и сделал себе мысленную пометку потребовать у Ульяны электронный вариант документов. А то Сафроновы, как известно, бывают крайне неосторожны с информацией!

Ульяна

Находиться дома было больно. И не только потому, что у нее появился секрет, который ни в коем случае нельзя было выдать, просто с некоторых пор Ульяна перестала быть частью семьи Сергея, и ей это наглядно демонстрировали. С сыном Новийский общался прекрасно, а с ней разговаривал исключительно о договоренностях или, опять же, Алексее. Наверное, так и должно было быть, но атмосфера царила настолько угнетающая, что Ульяна готова была бежать куда угодно, лишь бы только не оставаться дома дольше необходимого. И иногда очень жалела, что решила держаться на расстоянии от Вани, пока не прояснится ситуация с опекой. Капелька тепла от человека, который знает, не помешала бы. Увы, для этого Уля была слишком плохой актрисой.

Когда Сергей сказал, что собирается на неделю в командировку в Москву, дабы обсудить все нюансы будущей должности, она едва сумела скрыть вздох облегчения. Ульяне нужна была передышка в этой войне. Сергею было больно находиться рядом с женой, а потому он делал больно и ей. Не нужно докторской степени по психологии, чтобы это понять.

— Я посмотрел твою статью и внес правки, — как-то сказал он Ульяне.

Она взглянула на распечатку и едва сдержала резкое замечание. Красным было подчеркнуто через строчку. Даже Зарьяна ни разу не критиковала ее работу так жестоко, а у нее опыта куда больше. Меньше только субъективного отношения!

— Я не буду это печатать. Все равно что опубликовать чужую работу под своим именем, — холодно сказала Уля, откладывая листы.

— Это твое окончательное решение? — невозмутимо поинтересовался Сергей.

Ульяне сразу вспомнились все те случаи, когда Сергей блефовал. Когда она думала, что стоит знакомым узнать об их отношениях, и все будет кончено, когда он отказывался идти на свадьбу Илоны, когда... да много раз он намеренно давил на ее страхи, а потом делал вид, что это она сама все придумала. Но сейчас, с сыном, он перешел черту.

— Я посмотрю, что можно сделать, — отвечала она, мысленно отмечая, что в такие моменты почти ненавидит человека, за которого вышла замуж.

Сергей уехал в воскресенье, и Ульяна устроила себе маленький праздник: целый день провалялась в кровати с книжкой. Конечно, ее посетила крамольная мысль рассказать Ваньке и... в этом месте щеки покрывались румянцем, а низ живота тяжелел. Но она сама не понимала, что на самом деле ждет от Ивана Гордеева. Раньше Уля не боялась обязательств, но брак, похоже, это поправил. Иногда ей казалось, что каждый новый спор с Сергеем вычерпывал из нее способность любить. И Ваньку она, кажется, не любила. Выходит, использовала? Ей не нравилось так думать о себе и о нем. Он заслуживал большего.

Рассуждала она красиво, но уже на следующий день, стоило им с Алешкой, Илоной и Шиной направиться в парк, как около подъезда нарисовался Ванька. С мячом и гетрами, лишившими ребенка покоя. Стоило Алексею увидеть обещанные подарки, как он завизжал, вырвал ладошку из руки матери и бросился обниматься. Разумеется, с мячом, но и Ваньке перепало.

Следующие два часа Ульяна с сестрой наблюдали за тем, как шестеро мальчиков (одному, правда, за тридцать) гоняют мяч по площадке в парке. Ванька играл в рабочем

костюме, благо, хоть снял пиджак и закатал рукава. Ему было несладко: дети есть дети, снесешь одного из них— вой поднимется даже среди мамочек, и он заметно поддавался. Последних, кстати, собралось непозволительно много. Ульяна была готова спорить, что это не совпадение. Ивана Гордеева любили женщины и дети, и он тоже любил и тех, и других. Как вышло, что он все еще не женат? Этот вопрос ее совсем не радовал. Неужели Сергей прав, и вина косвенным образом лежит на ней? Но ведь за столько лет ни одного намека! Впрочем, она-то чем лучше? То ли действительно не думала об Иване Гордееве в таком ключе, то ли качественно притворялась.

Набегались мальчишки так, что Алексей засыпал на ходу. Косолапил, держась за холку Шины. Ульяна быстро сообразила, что еще чуть-чуть, и ребенок начнет спотыкаться через шаг, и возмутилась:

— Ты умотал моего ребенка, а мне теперь его на руках нести. Он, кстати, тяжелый. С меня ростом скоро будет!

— Не скоро. Твой политик статью не блещет, — легко парировал в привычной манере Ванька. — Да и ты... — окинул ее внимательным взглядом замолчал.

Ульяна зыркнула на него и направилась к сыну.

— Дай сюда, — отодвинул ее Ванька и взял ребенка на руки.

— Ваня, а когда мы снова пойдем играть? — сонно пробормотал Алешка, и не подумав возмутиться.

— Когда мама разрешит.

— Мама разрешит завтра! — уверенно сообщил ребенок.

— Завтра мама работает, — поправила Ульяна сына.

— Но мы же с Ваней не работаем. А ты не играешь! — тут же нашелся Алексей.

— Весь в папу, — буркнула Илона.

— Ну пожа-а-алуйста, ну ма-а-ам!

Каждый раз после подобного нытья Ульяна начинала подозревать, что у ее ребенка слишком много ушей, и их количество следует уменьшить.

— Так не бывает. Нельзя ходить в парк с чужими людьми, ты слишком маленький,

— резко отозвалась Уля и наткнулась на подозрительный взгляд Ваньки.

— Давай я схожу, — предложила Илона. — Заберу его из садика, пусть у меня переночует, а ты работай и не отвлекайся. Хотя немножко побудешь в тишине.

Ульяна сильно сомневалась, что это хорошая идея, потому что не успел Сергей покинуть черту Петербурга, как на горизонте нарисовался Ванька. Неспроста. Но согласилась, потому что иначе это выглядело бы подозрительно, да и против глаз кота из Шрэка в исполнении Алексея было не устоять.

Впрочем, она пожалела тем же вечером, когда на телефон упало сообщение:

«Я жду тебя завтра в десять. С собой зубная щетка».

«Мы договорились».

«Есть разговор, приезжай. Новийский вернется в субботу — куча времени, чтобы пережить последствия нравственного падения... еще раз».

Она долго перечитывала последнее сообщение, надеясь, что злость Ваньки ей лишь мерещится, но не смогла себя в этом убедить. Следующим вечером она стучала в дверь Ивана ровно в десять часов вечера, как условились. И как только он открыл, стало ясно, что решение прийти было верным.

Ванька

После того, как Ульяна назвала его чужим в разговоре с сыном, все встало на свои места. Одно дело, когда она просила держаться подальше из-за ребенка, и совсем другое — от ребенка. Получалось, что говоря «давай попробуем», Ульяна имела в виду «я согласна тайком трахаться».

— Сегодня секса не будет, — сообщил он с порога, отчего-то желая уязвить Саф тем же отношением, коим награждала она его.

Та застыла и удивленно на него вытаращилась.

— Прости?

— Подумал, что неплохо бы прояснить некоторые моменты. Например то, что я не буду твоей игрушкой.

Она вздохнула и опустила глаза.

— Будем разговаривать на пороге? — ударила она в ответ и сбросила обувь, не дожидаясь.

— Проходи в кухню, — мрачно велел ей Ванька.

Для разговора по душам он припас несколько бутылок пива и алкоголь покрепче. Потому что знал: пьяную Саф разговорить куда проще. И лучше бы самую гадкую часть забыть уже к утру. Ванька не верил, что Уля относится к нему несерьезно, так не бывает, когда за плечами много лет хорошей дружбы. Но кроме этого он знал, что некоторые девушки, в том числе из «ГорЭншуранс», относились к нему как к удивительному музейному экспонату. Например, как в тот вечер в боулинге, когда Ульяна с Зоей бесцеремонно сравнивали их с Петром Днепровым. Тогда было просто неприятно, теперь могло стать фатальным.

Прежде, чем сесть, Саф разгладила юбку, и Ванька раздраженно поджал губы. Не хватало ему первым нарушить обещанный целибат! Он сел напротив, отгородившись столом, а Ульяна, тем временем, оглядела стол.

— Ты предлагаешь наесться пиццы на ночь? Верю, что тебе повезло генетически, но мне — нет, — кисло заметила она, жадно глядя на разноцветные ломтики.

— Учитывая, что после работы я гонял мяч с твоим сыном, времени хватило только на заказ пиццы. А с одного раза тебе ничего не будет. Или можешь сидеть и любоваться, как это все уплываю я один. Поверь, я смогу.

Дважды повторять не пришлось. Очевидно, смотреть на пир голодными глазами Саф не собиралась. Она сбегала и переделалась в безразмерную футболку, а потом вернулась и взяла кусок пиццы.

— Классно поиграли с твоим пацаном, — перешел Ванька к сути разговора, но реакции, на которую рассчитывал, не дождался. А потому продолжил. — Но было забавно узнать, что ты не доверяешь мне ребенка.

— Не в этом дело, — сказала Уля, дожевывая пиццу и запив. — Лешка болтливый, да и Лона не в курсе, что мы с Сергеем расходимся. Она бывает пугающе проницательна.

— Почему ты не хочешь ей рассказать?

— Потому что я уже рассказала тебе и Зарьяне. А Сергей всем сообщает, как ты заметил, что я еду с ним. Если он узнает, что кто-то в курсе...

— Ты не думала переехать от него? — предложил Ваня. — Снять квартиру или...

— Зачем?

— Что зачем? Зачем съезжать от человека, которого ты боишься? Чтобы не дергаться по мелочам как минимум.

Ульяна поджала губы:

— Весь смысл в том, что ему нужно выиграть эти выборы и свалить. И пока это длится, мне положено быть примерной женой. В свете последних событий я очень хочу, чтобы он оставил меня, и как можно быстрее. Наверняка он теперь будет часто мотаться в Москву, то есть мы будем проводить вместе не так много времени и...

— А потом? — перебил ее Ванька.

— Что потом?

— Он уезжает, а что потом?

— Ты имеешь в виду... себя? — неловко уточнила Ульяна и сделала большой глоток пива. — Я не знаю. Разве я вправе принимать такое решение? — Ей хватило мужества посмотреть на Ивана прямо. — Тебе скоро тридцать пять, но ты не был женат, у тебя даже не было мало-мальски серьезных отношений. А я уже успела побывать замужем, родить ребенка и все похерить. Ты уверен, что хочешь свалить это решение на меня?

— Один раз ты уже сказала мне, что не собираешься ждать, пока я повзрослею, на подходе следующий?

Повисло тягостное молчание. Говоря это, Ванька на Саф не смотрел. И теперь с трудом подавил порыв взглянуть в ее лицо. Она обдумывала ответ довольно долго. Напоминание явно пришлось не по вкусу.

— Мы можем поспорить о смягчающих обстоятельствах, но ты принял решение уйти и бросил меня, — резко припечатала она. — Это было странно, и все смотрели на меня, как на дуру, но я ждала тебя год. А затем ты сделал что? Ты бросил меня еще раз, решив остаться. Чего мне было ждать? Ты все делал один, все решал один и заботился лишь о том, чтобы обеспечить свое будущее. Я решила, что будет справедливо и мне заняться тем же. Какого черта? Ты все эти годы меня винишь?

— Я не думал об этом. Саф, если бы я начал сожалеть обо всем, что натворил, то давно бы уже спился, — признался Ванька. — Просто... когда я бросил свой дом, его иллюзия осталась с людьми, которые меня ждали. Мне было важно знать, что есть вы с Сан Санычем, но ты сказала, что для тебя это слишком.

Она надолго замолчала, а потом вдруг призналась:

— Я хотела от тебя больше, чем ты мог мне дать. Была до смешного влюблена и ждала чего-то в ответ, хоть и понимала, что этого быть не может. Ты ушел раз, затем решил остаться. Тебе там было хорошо, ко мне ты не спешил. На что ты вообще рассчитывал?

На этот раз свой стакан опустошил Ванька.

— Не знаю, но было больно, — признался прямо. — В отношениях я не силен, и такой опыт мне повторять совсем не хотелось. Я отлично умею дружить и заниматься сексом. А вот смешивать два этих пункта — нет. — Саф улыбнулась и кивнула его словам. — Тогда что я делаю неправильно на этот раз? Почему ты говоришь, что я чужой человек и просишь держаться от твоих проблем подальше?

Улыбка Ульяны померкла. Она молча смотрела на Ивана, не замечая, как с зажатого в руке куска пиццы медленно стекает на стол начинка.

— Ничего, Ваня, — наконец, тихо выговорила она. — На этот раз все неправильно делаю я. У меня просто не осталось сил на новые полноценные отношения. Я могу думать

только об одном: как оградить сына. Но дружить и заниматься сексом — звучит прекрасно. Просто побудь, пожалуйста, пока чужим всему остальному.

Как ни странно, для Ваньки это прозвучало обнадеживающе, будто вопрос времени. Поэтому он кивнул и полез за бутылкой рома, которая, как ни странно оказалась фатальной.

* * *

Когда они подъехали к работе Ваньки на машине Ульяны он не удержался. Положил руку на ее колено, ненадолго прижался губами к шее за ухом. Сладко, почти безобидно. Всего лишь благодарность за то, что подвезла его до работы, так как накануне рома оказалось слишком много. Но уже через день в газете это выглядело совсем не трогательно и не невинно. Статья же... Ваньке хватило заголовка, чтобы отбросить идею читать дальше.

Ульяна не отвечала на звонки, к ней в редакцию соваться не следовало: коллеги Саф будут первыми, кто напишет о новом визите «любовничка». Написал ей по всем соцсетям и мессенджерам, но пока ни одно из сообщений не было просмотрено. Ульяне было не до Ваньки. Впрочем, ему тоже было не до нее. Эта статья стала сокрушительным ударом не только по ней.

Гордеев вздохнул и поднялся со своего стула, подошел к окну. Из него открывался отличный вид на парковку. Нечеловеческими усилиями подавляя желание по чему-нибудь хорошенько врезать, Гордеев схватил со стола газету и направился в соседний кабинет. Зоя что-то читала, закинув ноги на стол и крутила пальцами ручку.

— Ты правда считаешь меня идиотом, не способным вычислить ракурс, с которого сделан снимок?

Кулаки сами собой сжимались, а в ушах звенело от злости.

— О, ракурс ты вычислить точно можешь, но идиот, как он есть. Трахаться с замужней женщиной, которая, к тому же, уезжает? Пускать по ней соплю, как в первый раз? Поверь, чем быстрее это между вами закончится, тем лучше!

— Вот, значит, в чем дело, — процедил Ванька сквозь зубы. — Это месть.

— Ну конечно, — неприятно усмехнулась напарница, сбросила ноги со стола и поднялась. — Ты даже не видишь, что она вертит тобой, как хочет. Ты все терпишь. Стоит ей позвонить, и ты сразу мчишься куда угодно, очертя голову. Сколько мы понесли убытков из-за ее опрометчивости? Здесь все вверх дном переворачивали после истории с ее сестрицей!

— А ты поступила не опрометчиво? — спросил Гордеев. — Хочешь, я расскажу тебе, кого ты наказала? Ребенка. После развода Новийских Леха должен был остаться с Ульяной, а не с отцом, каждый божий раз ставившим карьеру выше семьи. Думаешь, Новийский будет им заниматься? Хочешь, я расскажу тебе, чем это закончится? Тем, что однажды он поймет, как сильно ненавидит отца, швырнет ему в лицо все «подачки», которыми его будут пичкать годами, и уйдет в самое хрен знает куда!

Наступила пауза. Зоя замерла в неестественно напряженной позе.

— Они разводятся?

— Представь себе. Не такой уж я идиот, а?

— Это не отменяет того, что эта дрянь бросила тебя еще в армии, когда была нужна, и тут же выскочила замуж за парня с туго набитым кошельком. И не отменяет того, что все эти годы держала тебя на коротком поводке!

— Ты в курсе, что есть такое понятие, как дружба?

— Она бросила тебя, когда была нужна! Какая дружба? И потом, за прошедшие годы ты перепортил уйму девиц, но ни одна из них для тебя ничего не значила. И все же ты методично бежишь по первому требованию к Ульяне Сафроновой, сестре Ульяны Сафроновой, собаке сестры Ульяны Сафроновой...

А еще ребенку Ульяны Сафроновой, когда тот хочет поиграть в футбол. И тем не менее Ванька не считал это чем-то из ряда вон, просто за неимением нормальной собственной семьи он нашел в лице этих людей новую. Даже Илона, с которой они были близки лишь опосредованно, была с ним в те моменты, когда рядом должны находиться самые родные и любимые. Конечно, он хотел помогать им в ответ, ибо не являлся неблагодарным. К черту психологию и глубинные мотивы. Ему плевать, любил ли он Ульяну все эти годы в тайне от самого себя, если он ей безоговорочно доверял. Он точно знал только одно: сейчас она ему нужна, но он, скорее всего, ее потеряет. И все благодаря Зое.

— Да, я перепортил кучу девиц, но не тебя, — сказал он. — В армии, когда я тебе рассказал, ты предложила утешиться в твоём обществе, но я отказал тебе. И ты обвинила во всем Ульяну. Вот почему ты ее ненавидишь, не так ли?

— Это смешно. Прошло столько лет...

— Да, я тоже так думал, пока не увидел это.

Ванька потряс газетой перед лицом Зои, и та раздраженно вырвала ее, смяла и выбросила в урну, будто гадость, которую держать в доме не стоит. Или будто желая все забыть. Но такое не забывают.

— Я не знаю, что делать, — обезоруживающе честно признался Гордеев.

— Ничего? — фыркнула Зоя.

— О нет, — вздохнул он. — Как раньше уже не будет. Я не смогу работать в связке с человеком, который меня подставил.

— Ты готов все похерить из-за какой-то газетенки?

— Я готов все похерить, потому что больше не могу тебе доверять. О том, как будет дальше, я тебе сообщу в ближайшее время.

Он увидел в глазах напарницы смертельную обиду. Она не понимала, действительно не понимала, что такого криминального натворила. А Ванька ни о чем не мог думать, кроме маленького мальчика, который оказался жертвой игр бесконечно глупых взрослых. В первую очередь Гордеев винил себя. Если бы не его гордыня, заставившая рискнуть благополучием Ульяны, вынудить ее прийти к нему, несмотря на предостережения... Он все-таки саданул кулаком по косяку, напугав ребят, и выскочил на улицу, прямо под холодный питерский дождь. Ему следовало обдумать многое. Благо, один козырь у него в рукаве имелся. Было чем покрыть Новийского, если тот окончательно зарвется. А в том, что политик попытается отомстить Ульяне, Ванька не сомневался. Он уже не раз доказал, что не считается с «не своими» женщинами на примере Юлии и Илоны. Уля теперь тоже ему не принадлежала.

Плюс во всем этом был один: теперь Ванька мог вмешаться в отношения Новийских на более-менее официальных основаниях.

Ульяна

Ей дико хотелось исчезнуть из этого мира. Раствориться, как не было. Чтобы больше точно ничего не испортить. Столько надежд, усилий, стремлений, и все рассыпалось прахом. Она не представляла, что с ней сделает Сергей по приезду. Не понимала, как продолжать

работать среди людей, каждый из которых будет счастлив не только осудить ее, но и написать о малейшем неверном шаге. Ах да, еще придется посмотреть в глаза сестре, от которой она скрыла факт развода и нового романа.

Как в старые времена, Ульяна прятала слезы в туалете и жалела маленькую и беспомощную Саф. Сколько лет прошло, а все те же самые проблемы, та же беззащитность. И некого винить, кроме себя. Ее силком в постель к Ваньке не укладывали! Как она могла подставить физическое влечение выше собственного ребенка? Неужели не обошлась бы без секса еще несколько месяцев? Нет же, нужно было отдаться лучшему другу, а затем еще раз, ну и заполировать ночкой откровений, после которой у нее все губы от поцелуев потрескались! Ну что за дура?

Наверняка Ванька ей звонил, но у нее не было утешительных слов. Ей нужен был план, хоть плохой, хоть какой-нибудь. Вот что она могла противопоставить мужу? Ничего. У него были деньги, связи и бесстрашие перед разрушением чужих судеб. А у нее — только умение биться за свое вместе с упадком сил.

Во второй половине дня она честно призналась Зарьяне, что в ближайшее пару дней работать не сможет, и наилучшим вариантом будет ее отпустить из редакции. Той идея не понравилась, но спорить она не стала. Не то, чтобы Уле ужасно хотелось сидеть дома наедине со своими мыслями, но разработать стратегию и обсудить ситуацию с родными не мешало. Внезапно показалось ужасной глупостью, что за все время разваливающегося брака с Сергеем, Уля не подготовила запасной аэродром, о котором когда-то говорила мама. Сейчас она вынуждена уйти из своего дома, но в принадлежащей ей квартире живет сестра. И все же не стоит даже думать о том, чтобы остаться с Новийским и дальше.

Покинув редакцию, Ульяна почувствовала облегчение и даже нашла силы сделать звонок единственному человеку, который мог дать дельный совет.

Николай Давыдович Гордеев заметно постарел за те месяцы, что они не виделись. Ульяна даже испытала своего рода откровение. Она как-то всегда жалела Ваньку, а ведь его отец, по сути, был не менее одинок. Жены так и нет, сын отношения не поддерживает, а из постоянных привязанностей только компания, да Катерина. Впрочем, выглядел Гордеев-старший привычно невозмутимым, а в ожидании своей некогда бывшей помощницы он читал газету. Ту самую газету.

— Доброго дня и приятного аппетита, — сказала Ульяна, усаживаясь за столик.

— Вряд ли день так уж добр, особенно к тебе. И бедняге Новийскому.

Жалости от него она и не ждала, но все же мог бы и не упоминать мужа, и без этого было тошно до ужаса.

— Мне нужна консультация юриста, — перешла она к сути, прекрасно зная, что еще успеет послушаться приятностей.

— А в метро уже данного рода услуги не предлагают? Давненько я там не бывал!

— Хорошо, вы можете поговорить с самим собой, так и быть, я послушаю,

— съехидничала Уля, не сдержавшись.

— Ты, Ульяна Дмитриевна, ушла с должности моего личного помощника при том, что знала, насколько я ценил тебя как сотрудника. И ждешь, что я с ног сойду, помогая?

— Не так уж и ценили, если тормозили профессиональный рост ради собственного удобства! — отбрила она. — И что бы вы ни говорили — пришли сюда.

— Я пришел сюда, потому что речь о моем сыне.

— Ой, право слово, вы с Новийским два сапога пара! — не сдержалась она. — Как что

случись, так тоже за отцовство свое хватается, потрясая им, будто главной заслугой жизни. Но беда вся в том, что вы оба понятия не имеете, что делать с собственными детьми.

Сказала это, и тут же поняла свою ошибку. Вряд ли она выбрала верную тактику переговоров, обвинив Гордеева-старшего в пренебрежении сыном.

— Давай еще раз, с самого начала, — вдруг посерьезнел Николай Давыдович.

Уля вздохнула, взялась руками за единственный спасительный круг — бокал с питьевой водой — и вкратце рассказала собеседнику невеселую историю крушения своего брака. Наиболее полно — об уговоре, по которому Алексей должен был остаться с ней, когда Сергей уедет. С каждым новым словом Гордеев-старший все больше мрачнел и некоторое время после завершения разговора молча жевал свой греческий салат. Глядя на него, Ульяна еще удивлялась. Она вообще не представляла, как он может есть после таких событий.

— И где в этой истории место Ивана? — наконец, выдал Гордеев.

— Простите? — опешила Уля.

— Я услышал обо всем, кроме причины, по которой вы с моим сыном украшаете первую полосу.

— Мы... сблизилась уже после решения о разводе с Сергеем. Просто небольшая слабость, ничего серьезного.

Вздыхнув, Гордеев отложил вилку и снова взялся за газету. Долго вглядывался в фото, а потом цокнул языком и, подражая Станиславскому, сообщил:

— Не верю!

Ульяна с маниакальным интересом посмотрела на столовый нож.

— Вспоминать молодость в объятиях старых любовников нормально, ненормально затягивать воспоминания ставя под удар благополучие своего ребенка. Кто был инициатором?

— Да никто, мы напились, — выплюнула Ульяна.

— Напились и ты села за руль?

— Нет! О господи. — Она закрыла лицо руками, отчетливо ощущая безнадежность затеи. — Мы напились в первый раз, а затем...

— А затем снова выпили и встретились, и еще выпили и встретились, а в конце концов, стоило твоему мужу уехать из города, как вы провели вместе целую ночь, после которой потеряли бдительность, и ты села за руль, чтобы подвезти Ивана на работу. Впрочем, уже и так очевидно, что инициатор он. У судьбы забавное чувство юмора. Раньше бегала за ним ты, теперь — наоборот.

Не выдержав, Уля с грохотом опустила на столешницу раскрытую ладонь, да так, что посуда звякнула.

— Я могу ребенка потерять, какая разница, кто за кем бегают или бегал восемь лет назад?! Скажите, какие у меня шансы сохранить Алексея?

Гордеев раздраженно отодвинул от нее подальше тарелку и уже открыл рот, чтобы сказать очередную гадость, но передумал.

— Ты мать, Сафронова, в России закон на стороне матери.

— А еще закон защищает подвергшихся насилию женщин, но стоит вмешаться деньгам, как все эти высокопарные речи вылетают в трубу. Вы помогли Сергею осудить первую жену, а что будет за «измену» со мной? Что бы я ни говорила, мне не поверят. Потому что Новийский всегда подозревал между нами с Ваней... что-то. Постоянно на это намекал, и

теперь...

— На два тона тише, — бесцеремонно напомнил Гордеев, взглянув на нее с плохо скрытой яростью. — В своей нынешней беде ты сама виновата, и ты это знаешь. Что ты хочешь, чтобы я сказал тебе? Как сохранить при себе ребенка?

— Да!

— И ты правда собираешься переиграть Новийского? Этот человек в своем роде гений. Он знает, кому дать взятку, а кто для этого слишком принципиален, с кем выпить, а кому уделить внимание более тонким способом.

— Он знает не все. Он думал, что я прощу избиение моей сестры и укрывательство преступника.

— Нет, Сафронова, он о тебе вообще не думал. Он просто выбрал карьеру. И он за это поплатился. А ты выбрала трахаться с моим сыном, и ты за это тоже заплатишься. Он сделает тебе очень больно, но, если совсем крышей не поехал, снова выберет карьеру и откажется от сына.

— Почему вы так уверены? — спросила Ульяна, нервно сминая руками ткань юбки.

— Потому что будь мать Ивана жива, я бы отказался. Быть папой на вечер или выходные элементарно. Но в сотый раз бросать важные переговоры, потому что твой сын навернулся с велосипеда и попал под автобус...

— Ваня попадал под автобус? — невежливо перебила Ульяна от удивления.

— Он попадал под автобус, дважды в год стабильно пробивал голову, получал переохлаждение после ночевки в лесу во время туристического похода, падал с трех метров на бетон, свозил до костей колени, катаясь на скейтборде... Я устал считать, сколько раз мой сын пытался самоубиться, лишь бы привлечь мое внимание. А хуже всего то, что я все это спонсировал. Мой ребенок тратил деньги, которые я зарабатывал в ущерб вниманию к нему, на попытки свернуть себе шею. Не удивительно, что он отказался продолжать дело моей жизни. Виновато не скучное страхование, не «ГорЭншуранс», не сидячая работа, как Иван любит обманываться. Это просто болезненная ревность ребенка, которого недостаточно любили.

— И вы спрашиваете меня о нем, потому что хотите, чтобы этот пробел восполнила я? — насмешливо поинтересовалась она.

— Когда-то у тебя отлично получалось, — фыркнул Гордеев.

Под его пристальным взглядом Ульяна поежилась. В ее планы не входило брать на себя такую ответственность. И только сильнее захотелось сбежать.

День, когда приехал Новийский, стал для Ульяны персональным кошмаром. Тем не менее она ждала мужа дома, и не думая бежать и прятаться от разговора. Ребенка она увезла заранее, предполагая, каким будет тон беседы. Репетицию с участием сестры она уже прошла. Не сказать, что Лона сильно расстроилась из-за новости о разводе (разве что об Алексее забеспокоилась), но вот скрытность стала для нее ударом. Она даже прибегла к старому трюку и попыталась перестать разговаривать со своей старшей сестрой, хотя та почти не заметила перемен. Было не до того. В итоге, Илона решила отойти в сторону со своими претензиями и просто согласилась с племянником. Мама тоже звонила и громко причитала, но с ней разговор закончился на удивление мирно: она всегда сомневалась в благих намерениях Сергея и обрадовалась новости о том, что "опасный человек" перестанет морочить ее дочери голову. Ульяна даже хмыкнула. Она была уверена, что совет «слушай маму» к их случаю не подходит, а теперь выяснилось, что это неверно.

Когда хлопнула входная дверь квартиры, Уля пожалела, что не выпила валерьянки или корвалола. Сердце решило разломать грудную клетку изнутри, рвалось наружу, будто всеми силами стремилось убежать, избежать неприятного разговора. И все же Уля очень старалась сохранить видимость спокойствия. В коридор не побежала, просто поднялась из кресла и стала ждать, когда Сергей войдет в комнату и осыплет ее вполне заслуженными обвинениями. Но этого не случилось. Он прошел мимо — в спальню, чтобы собрать вещи.

Остатки собственного достоинства, за которые Уля так отчаянно цеплялась, исчезли в один миг. Умом она понимала, что так нельзя, но ничего не могла с собой поделать. Ей нужно было поговорить, ради сына!

— Ты уходишь? — спросила она, залетая в гостевую спальню, где в последнее время обитал Новийский.

— А ты разве не рада? — едко поинтересовался он, даже не повернувшись.

Она стояла на пороге, сжимая и разжимая кулаки и смотрела на красноречиво обращенную к ней спину. Она рассчитывала на крик и обвинения, немножко опасалась пощечины, но к ледяному презрению оказалась не готова.

— Где мой сын? — продолжил Новийский.

Он никогда так раньше не говорил, и всегда поправлял ее, стоило сказать это "мой". Тогда она и поняла, что умерла для него окончательно. Никаких криков, никакого скандала. Она просто больше не существует. Это было больно, но с потерей ребенка даже рядом не стоял.

— Он у моей сестры.

— Что ж, придется мне нарушить нейтралитет и навестить ее. Надеюсь, Илона достаточно оправилась, чтобы не кинуться на меня с ножом. — Даже в этой фразе сквозила попытка ужалить побольнее.

— Не впутывай в это ребенка! Мы с тобой сами все разрушили, он ни при чем, — попыталась Уля защитить сына, как могла.

— Он был в той машине? — спросил Новийский, не сдержав внутри вопрос.

— Нет, конечно!

— Значит, ты дождалась, когда я уеду, скинула ребенка на сестру и поскакала к Ивану Гордееву. Прекрасный пример материнства! Образец.

Она так и не научилась предсказывать, как Новийский способен вывернуть даже самые благие порывы. По типу спасения сестры или попытки удержать ребенка подальше от правды о безобразных отношениях родителей.

— Не смей мне даже слов таких говорить! — взорвалась Ульяна. — Ты обещал не отбирать у меня ребенка, если я помогу тебе с карьерой. Фактически, Новийский, это шантаж. Грубый. Ты всегда знал, что у тебя не будет времени на Алексея, что ему лучше со мной...

— Да, с тобой, а не тобой и твоим охранником.

— О, ну даже если я такая плохая мать, как ты говоришь, то это лучше отца, проживающего за рабочим столом и оравы няnek. Моя сестра его любит!

— Ты закончила? — невозмутимо спросил Новийский. — Если да, то позволь мне собраться спокойно, если нет — приду, когда тебя не будет. И не вздумай мне препятствовать.

— Можешь остаться, уйду я.

— Не вздумай мешать мне забрать ребенка у твоей сестры! — тут же среагировал Новийский, впервые прямо посмотрев на Улю.

— А то что, Сергей? Изобьешь меня? Я ведь больше не твоя семья, со мной можно делать все, что угодно. Делай, увy, я тебе это позволила.

По ступеням вниз она бежала, сквозь слезы набирая номер сестры. Наверху щелкнул ключ и раздались шаги. Кажется, Новийский решил, что она собирается бежать к Илоне за сыном. Но ее план был иным. Она собиралась попросить сестру отдать Алексея Сергею. Гордеев-старший подал ей отличную идею, и она собиралась осуществить задуманное, а заодно устроить окружающим проверку. Ведь, пусть это и было неправдой, казалось, что терять нечего.

Илона была шокирована идеей оставить Алексея с отцом, но на объяснения сил не было. Ульяна бросила трубку, не став дослушивать причитания сестры, посмотрела в сторону машины, но поняла, что в таком состоянии садиться за руль нельзя, и побежала к метро. Она ехала к Ивану Гордееву, которого избегала на протяжении последних нескольких дней.

— Буду благодарна, если позволишь провести у тебя несколько дней, — сказала она с порога, предельно прямо и откровенно.

Если бы он ответил отказом, все стало бы понятно, и Уля сняла бы номер в отеле. Ей было необходимо место, где Сергей Новийский до нее не доберется. Если честно, она с затаенной радостью мазохиста ждала, что после такой наглости Ванька ее выставит вон. Это бы упростило очень многое и уж точно стало бы полным фиаско зарождающихся отношений, которые злили и пугали Улю. Она хотела, чтобы Ваня прокололся как можно раньше, чтобы потом однажды, когда ей потребуется помощь, она не ждала ее от человека, не способного ту предложить.

— А потом ты на сколько исчезнешь? — едко поинтересовался Ванька. — Тебе хреново, но, знаешь, мне тоже несладко. Учитывая, что фотографии в газету отправила моя напарница.

— Что? — ошалело переспросила Ульяна.

— Вот именно, — многозначительно поднял он брови. — Не только у тебя проблемы, Саф. Заходи.

Она почувствовала себя отвратительно. Будто сама оказалась предательницей... А потому повернулась и выпалила:

— Я говорила с твоим отцом о возможностях получения опеки. И по результатам решила устроить Новийскому стресс-тест. Пусть недельку повозится с маленьким ребенком в одиночку, объясняя, где мама, стирая вечно перепачканную одежду и обсуждая с воспитателями, кого Лешка на этот раз обмазал зеленкой. А потом поговорим с ним еще разок. А у тебя какие новости?

Ванька задумчиво склонил голову набок и вдруг сказал:

— Да, так мне нравится значительно больше.

Ванька

Саф вскользь упомянула его отца, и это лишило его остатков сна той ночью. Он поднялся и встал у окна — так лучше думалось. Ульяна после давешних драм спала беспокойно, поэтому он боялся ее разбудить. Правда, поднимаясь, Ванька не удержался и провел пальцами по узкой спине. Уля лишь тихонько вздохнула и даже не подумала повернуться. В этот момент Ваня вдруг осознал, скольких хороших вещей лишал себя, придерживаясь позиции не заводить серьезные отношения. Впрочем, делить кровать с другим человеком он не привык, и вряд ли стал жертвовать комфортом ради незнакомки. Саф — совсем другое дело.

Так о чем же она говорила с его отцом? Что натолкнуло ее на мысль оставить ребенка Новийскому и отправиться к нему — Ваньке — домой, как на курорт? Он много раз искал повод позвонить родителю, удерживался на самой грани, но сейчас чувствовал себя обязанным то ли выяснить, о чем был разговор, то ли поблагодарить за помощь. Сделать это утром? После спортзала? Спортзал и Николай Гордеев были двумя реальностями, которые Иван совсем не желал смешивать. Он много лет представлял на месте отца Сан Саныча, воображая, как сложилась бы его жизнь, окажись это правдой. А впрочем, давно пора избавляться от подобных предрассудков! Так и сделает: позвонит после утренней тренировки.

Ульяна завозилась в кровати, приподнялась на локтях и сонно огляделась, будто пытаясь понять, где оказалась.

— Ты почему не спишь? — спросила хрипло, отводя с глаз волосы.

Ванька пожал плечами.

— Поможешь мне уснуть? — предложил он, подходя ближе и стягивая с Ульяны одеяло.

— Это помогает уснуть девочкам, а не мальчикам, — серьезно ответила она.

— Тогда я помогу уснуть тебе. Тоже неплохо, как думаешь.

Ульяна на мгновение задумалась, а потом вдруг отползла в сторону, схватила подушку и прижала к груди.

— Лучше расскажи, что тебя беспокоит.

Ванька невольно улыбнулся. Ему скромность Саф казалась нелепой. Всего несколько часов назад он касался ее везде, а сейчас нельзя даже взглянуть? Будто он и без того не посмотрится.

— Во-первых, меня беспокоит, что ты забрала подушку.

Ванька бесцеремонно отобрал ту у Ульяны и положил под голову. Саф тут же потянулась за одеялом, чтобы прикрыться, но он остановил.

— Мне некомфортно. — Она попыталась продолжить, но вырвать запястье из пальцев

Ивана не сумела. — Я не привыкла к наготe.

— Ты весьма спокойно спишь голой, но прячешься от взгляда. Дело не в том, что тебе некомфортно в принципе. Тебе некомфортно именно когда я смотрю. Это проблема, потому что я хочу смотреть.

— Подключи воображение, — раздраженно фыркнула она и, за неимением вариантов, подтянула к груди колени.

— Ты приехала ко мне в квартиру, лежишь в моей кровати. Думаю, я вправе диктовать тебе условия проживания. Хочу, чтобы ты была голой.

— Но... — Она замолкла и отмахнулась. — Ладно, забудь.

— Почему это такая большая проблема? Ты и с мужем изображала скромницу?

Сказал и пожалел, потому что совсем не желал знать о том, какими были сексуальные отношения Ульяны и Новийского.

— Вот именно, — заметив, как он морщится, хмыкнула Саф. — Понимаешь, во время секса фокус на другом, желание скрашивает шероховатости. А потом...

— Если верить твоей логике, то я начинаю тебя хотеть просто так, не глядя, — усмехнулся Ванька. — Продолжая тему различий полов, просвещаю тебя: с мальчиками так не работает. Не будь мы все вуайеристами, порно бы не существовало. Или дело в другом? Когда речь не идет о сексе, тебе неприятно на меня смотреть?

— Нет, все неправильно, — замотала она головой. — Мы не о тебе говорим. И вообще, ты все сам прекрасно знаешь. Ты всю жизнь выбирал девиц по длине ног и размеру груди, как меня сюда занесло вообще?

На этот раз она разозлилась.

— Ты сама приехала, — «подсластил» пилюлю Ванька. — Но скажи на милость, зачем мне врать, что я хочу видеть тебя голой? Будь это неправдой, я выдал бы тебе футболку. Кстати, теперь, когда мне пришлось прибегнуть к одежде как последнему аргументу в споре, ты ее точно не получишь.

Ульяна вздохнула и, явно переступая через себя, легла на бок и вытянулась в полный рост. Вопреки тому, что она думала, это было красиво. В приглушенном свете с улицы ее кожа красиво белела, подчеркивая природную хрупкость Саф. Не удержавшись, Ванька провел рукой по ее телу. От бедра до выступающих под кожей ребер, опустил руку чуть ниже и задержался пальцами на груди. Ульяна облизнула губы и вдруг перевела тему:

— Расскажи мне о Зое, — попросила вдруг Ульяна.

— Что ты хочешь знать? — помрачнел Ванька. Вот уж о ком ему совсем не хотелось говорить в такой момент.

— Что теперь будет с вами?

— Нам с ней нужно расстаться.

— И поделить ребенка, — грустно улыбнулась Саф.

Ванька, хмыкнув, кивнул. Все верно, их агентство, их детище. То, над чем Иван работал ночами, жертвуя всеми остальными аспектами жизни. Оно могло достаться не ему. Это было обидно, а еще абсолютно логично.

— Ты вложил в него больше, и ей стоило бы отойти в сторону. Она не управленец по натуре, не потянет!

— Саф, — вздохнул Ванька. — Даже если не учитывать, тот факт, что у Зои хорошие связи, не все так просто. Я переспал с женой человека из числа тех, кто находился под моей охраной. Как ты думаешь, многие доверят мне свое благополучие после такого?

На ее лице появилось выражение полной растерянности. По мере понимания полноты катастрофы, глаза Саф все больше округлялись. Она рывком села на ковати, и Ванька последовал ее примеру.

— Но это не то же самое! Мы с тобой... — вырвалось у нее. Ванька улыбнулся, нечасто он слышал от Ульяны настолько нелогичные речи.

— Вот именно, что это знаем мы с тобой, а для других ты супруга Сергея Новийского, которую я увел из семьи. Поверь, обиженные нами люди не так уж обижены, как им кажется. Себе мы подгадали ничуть не меньше.

— И что теперь будет? — потерянно спросила Ульяна.

— Именно этот вопрос мешает мне заснуть, — серьезно ответил Ванька.

* * *

Ветер поднимал в воздух пыль, стремясь засыпать ее в глаза всем, кто имел неосторожность выйти этим утром на улицы. Было мрачно, явно собирался дождь. Набирая номер отца, Ванька видел в грядущем ненастье предзнаменование. Спустя столько лет у Николая Гордеева был все тот же номер телефона, та же секретарша, и те же дикие убеждения, а это косвенно значило, что разговор выйдет привычно неприятным.

— Гордеев, слушаю, — раздалось громкое и четкое в трубке.

Иван невольно задался вопросом, знает ли отец, с кем он разговаривает. Следил ли за сменой его сим-карт или... или хоть чем-нибудь из его жизни.

— Говорите, — повторил отец, а Ванька вдруг поймал себя на мысли, что не знает, как назвать этого человека.

— Это Иван, — сказал он неуклюже и тут же обругал себя.

Последовало недолгое молчание, которое можно было интерпретировать как удивление, так и ожидание продолжения.

— Я хотел, наверное, поблагодарить тебя за помощь Саф.

Ответа не последовало, и несколько секунд Ванька ждал того, что отец бросит трубку. Это было в его духе. Благодарность — ничего не значащие слова, которые на хлеб не намажешь. То ли дело...

— Что ты ей сказал? — задал Ванька вопрос пустоте.

— Сказал, что отдал бы тебя матери, если бы та была жива, — без обиняков ответил он.

Стиснув зубы, Иван сжал пальцами переносицу. Столько лет прошло, но его все еще ранили слова Николая о ненужности сына. Сколько себя помнил, он только и делал, что мешал отцу работать.

— И был бы отличным приходящим папой.

Возможно, это было бы правдой. Какой мальчишка не мечтает, чтобы классный дядька с часами стоимостью с машину не трепал тебя по макушке, даря радиоуправляемый вертолетик. У Ваньки вся комната была завалена дорогими игрушками, а вот дядя приходил слишком редко. Пожалуй, будь мать жива, все было бы иначе, не существовало бы этого чувства обделенности и тоски по теплу. Его в детстве почти не обнимали те, кто был должен, а во взрослой жизни это с легкостью компенсировали ничего не значащие женщины. Он понял эту горькую правду не так давно и почувствовал себя... жалким.

— Я даже не помню мать, — признался Ванька. — Зачем ты рассказывал о нас Ульяне?

— Затем, что Новийскому не обязательно совать голову в ту же петлю. Он может отнять у матери ее ребенка, накажет, ей будет плохо... какое-то время, пока другой мужчина не заделает ей следующего. Тогда ее тоска поделится на два, если еще одного — на четыре, а если третьего — у нее не останется времени на это в принципе. Со временем она смирится и успокоится. Новийский же найдет няnek, затем — подходящий мальчишке интернат, но не мать и не свое время. В итоге он получит ребенка, который его возненавидит, и будет винить себя за это до конца жизни. Но измениться не сможет. Разница между нами с Новийским одна: у меня не было выбора, а у него он есть. Чем раньше он поймет, тем меньше искалечит всех.

Ванька даже не знал, что на это сказать. Стоял и всматривался в серую, запыленную улицу. Отец никогда не делился с ним чувствами, это было не по-мужски. Его слова ничего не изменили и не исправили, но от мысли, что отец сознает свою ответственность за крах родственных отношений, Ваньке стало необъяснимо легче. На краткий миг захотелось увидеть старика, но это было лишним.

— Кажется, ей помогло, но я не верю, что Новийский откажется от ребенка. Даже если предположить, что ему не больно от новостей в газетах, нельзя не учитывать выборы. Он будет играть на чувстве жалости толпы вплоть до самого объявления результатов, размахивая отцовскими чувствами, как флагом. Я почти уверен, что ты просчитался.

— Жаль это слышать. Потому если Сафронова потеряет сына, она не простит этого вам обоим. А теперь прости, я должен идти.

Последние слова были знакомыми, но далекими, и больше не горчили. Ванька вынужден был признать, что разговор прошел куда лучше, чем предполагалось. Осознал, что стоит столбом посреди парковки и мешает людям разъезжаться, он потерянно покрутился по сторонам, нашел свою машину и направился к ней. Он надеялся за выходные решить, что именно скажет Зое, как урегулирует вопрос с совместным владением агентством, но не нашел ни единого правдоподобного варианта. У них было слишком мало персонала, чтобы отойти от дел самому, а репутация Ваньки была испорчена безвозвратно. Глупо было полагать, что Новийский не позаботится об этом. Глупо было вообще связываться с таким человеком. Им всем, не только Ульяне.

Зою Ванька встретил в своем кабинете. Она не впервые пользовалась его кофемашиной, но на этот раз выглядело слишком символично. Будто ждала встречи или разговора.

— Ну что, готов поговорить? — спросила она ехидно, явно думала, что за прошедшие два дня он окончательно остынет и успокоится.

— Я хочу выкупить твою часть агентства, — неожиданно даже для себя сказал он.

— Во-первых, ты один не потянешь. Во-вторых, ты весь в долгах.

— А в-третьих, ты сделала все, чтобы подмочить мне репутацию.

— Ты сам постарался, переспав с женой подопечного, — сказала она безжалостно.

— Обычно такие ситуации остаются между тремя людьми, а еще в сплетнях между знакомыми. Но ты сделала так, что весь Петербург узнал об этом.

В этот момент зазвонил телефон, и Ваня снял трубку. Это была Ульяна, и он, поморщившись, отвернулся от напарницы, жалея, что та невольно стала свидетельницей слишком личной сцены.

— Я договорилась с одной девочкой, в завтрашнем выпуске газеты выйдет статья-дополнение к прошлой. Рассказ из прошлого.

— Что? — опешил Ванька. — Зачем?

— Затем, что журналистика — удивительная вещь. Если подать с правильного ракурса историю нашего с тобой общего прошлого, то тебе не придется терять агентство. Одного злодея вполне достаточно.

— Не смей! — рявкнул он, примерно представляя, что увидит. — Тебе сначала нужно выиграть суд об опеке.

Раздался грустный смешок.

— Если Сергей захочет меня потопить, он это сделает в любом случае. Я просто хочу опередить его и использовать информацию с максимальной выгодой для себя. Его право — трепать нашу с ним жизнь, но не нашу с тобой. Все решено. Я просто предупредила, чтобы ты был готов.

Ванька молчал, подавляя желание стукнуть излишне самостоятельную особу. Если бы он знал, к каким последствиям приведет ночное признание... С другой стороны, а чего еще было ожидать, изливая душу журналистке? Саф всегда умела работать с информацией, этим ее талантом восхищался даже отец, а он никому не дает баллов за просто так.

— И еще... — вдруг замялась Ульяна. — Я оставила машину у дома. Ты не подвезешь меня к садику вечером? Ну, посмотреть на сына... Я боюсь, что Новийский может заметить, если я приду просто так.

— Конечно, — согласился Ванька.

Ульяна

Илона на нее наорала. Несмотря на наказ Ули, она не хотела отдавать Новинскому Алексея. И не стала. Завязалось безобразное перетягивание ребенка, которое привело к крокодильим слезам. Лоне все равно пришлось уступить. Ульяна сначала хотела отругать сестру за самоуправство, но, услышав об истерике сына, передумала. Разве не этого добивалась? Пусть Новийский помучается, пообъясняет, ведь это только первый раз из множества.

На претензии Лоны Уля отвечать не стала, было не до того. Она чувствовала себя так, будто плывет в лодке в густом тумане. Ничего не понимала, просто смотрела, что происходит вокруг и не сопротивлялась. Одновременно со статьей о том, как они с Иваном Гордеевым были вместе в первый раз, инициированной ею, вышла еще одна, с явным почерком Сергея. Она не помнила точно, что же в ней было такого особенного, вроде даже ничего, но слова врезались в тело болезненными иголками, и к концу Уля почувствовала себя раненой и несчастной, истекающей кровью.

С тех пор она каждый день ждала удара. словно героиня драматического фильма ходила, что-то делала, одевалась, раздевалась, смотрела по сторонам больше, чем вперед, но на самом деле барахталась, как мушка в молоке. Цель отсутствовала. Да, были написаны какие-то статьи, взяты интервью, поправлены пометки, но вся эта суета казалась бессмысленной, несущественной. Она не раз и не два подглядывала за собственным ребенком, которого Новийский приводил в садик и забирал обратно. Сергей выглядел уставшим, а Лешка просто грустным. Таскал везде с собой зайца, которого Уля подарила ему на прошлый день рождения и шаркал ногами по асфальту, не поднимая глаз. Думал, наверное, что мать его бросила. Один раз Ульяна не выдержала, сделала несколько шагов по направлению к сыну, но из-за Сергея отступила назад. Вдруг осталось чуть-чуть, и он

сломается? Вдруг она все испортит и придаст ему сил для нового витка ненависти?

Чем она вообще думала, ввязываясь в мезальянс с этим человеком? Красивые романы, где герой намного влиятельнее героини, всегда заканчиваются свадьбой, и никак иначе. Потому что то, что случается после, редко бывает радужно. Поставь кто-нибудь точку на свадьбе Ульяны и Сергея, они бы стали еще одной потрясающей, увековеченной парой... Увы, их история закончилась не свадьбой.

Спустя неделю после судьбоносного решения, Ульяна забрала свои немногочисленные вещи из Ванькиной квартиры, пока того не было, и перебралась к сестре. Совсем как в старые добрые времена. Она ничего не сказала, просто знала, что ничего у них не склеится, пока ей не вернут сына.

— Ты знаешь, — начала Илона за ужином. — Я много думала о нашем с тобой разговоре о Петре и решила, что действительно должна кое-что сделать.

Это Ульяну заинтересовало, и она выжидательно посмотрела на сестру.

— Ты права, что о его поступке должны знать. Но не все вокруг, как ты хотела, а только те, кого это касается.

— Не понимаю, — нахмурилась Ульяна.

— Я не хочу, чтобы ты печатала грязь с нашим с ним участием. Пресса все может извратить. Тебя называют золотоискательницей, которая годами изменяла мужу с любовником помоложе, подогревая ему теплое местечко под боком у мужа-политика. Это так же близко к истине, как... как к нам Антарктида!

— Ты бы опускала сравнения, они тебе не даются, — поморщилась Уля.

— Так, я хочу, чтобы ты отвлеклась от своей драмы и выслушала меня непредвзято! У меня хороший план. Смотри, Петр женится на женщине своего класса, которую подыскал ему отец. Я это знаю, потому что не удержалась и погуглила. Она не такая, как мы. Если она узнает правду и решит, что это неважно... что ж, это ее муж и ее риск. А если нет, ей добиться справедливости будет легче.

В этом был резон, но в последнее время Ульяну раздирали сомнения, и каждое решение принималось очень сложно.

— Милая, ты всегда пыталась играть с мужчинами по их правилам, но мы другие. Мы слабее, а значит должны быть хитрее. Я прошу только одного: позволь мне сделать все самостоятельно.

— Тогда зачем ты мне это рассказываешь? — удивилась Ульяна.

— Я хочу, чтобы ты записала мое признание на видео. Вот и все.

От такой неожиданной новости у Ульяны из руки выпала чайная ложка, и она удивленно вытаращилась на сестру. Это было так не похоже на Илону. Когда раньше младшенькая пыталась сделать что-то сама, то просила Улю держаться как можно дальше. Будто боялась сломаться, поддаться или опозориться. Мнение Ульяны значило для нее слишком много. Неужели девочка-одуванчик, наконец, выросла, повзрослела и научилась решать свои проблемы без посторонней помощи?

Словно услышав мысли сестры, Илона вдруг улыбнулась. Так радостно и заразительно, что губы Ульяны тоже дрогнули. Они поняли друг друга без слов, совсем как раньше, когда были маленькими, когда казалось, что друг у друга есть только они, а остальной мир враждебен. Но трогательный момент прервал дверной звонок, и Лона поднялась, чтобы открыть дверь.

Ульяна сразу догадалась, кто пожаловал, и постаралась принять максимально

равнодушный вид, заранее готовясь к разговору.

— Привет, ты... — начала Илона удивленно.

— Саф, ты тут? — крикнул Ванька, не обращая внимания на радушную хозяйку. Ответа, впрочем, ждать не стал и прошлепал прямо в ботинках на кухню.

— Эй! А кто пол мыть потом будет? — очень по-женски возмутилась Илона. Но ее снова проигнорировали.

Ульяна, тем временем, мрачно подняла взгляд к лицу Гордеева-младшего.

— Какого черта? — раздраженно зарычал Ванька. — Ты не предупредила, не оставила записку... Да вообще, с какой стати ты ушла?

— Я же сказала, что приехала на время, — попыталась она отделаться стандартной отмазкой.

— Это было бы правдой, не уйди ты тайком. Что происходит?

Уля не стала отвечать, просто сделала еще глоток чая, и это, по ее мнению, было достаточно красноречивым ответом.

— То есть все, что я говорил, прошло мимо. И твои слова о том, это тебе нужно время...

Он смотрел на нее будто впервые. И внезапно так стало больно. Ульяна совсем не хотела видеть в глазах этого человека разочарование. Он по собственному признанию раньше восхищался ею. Если бы это изменилось, она бы стала думать о себе хуже. Его дружба была для Ули своего рода лестью. Она точно знала, что он не к каждому человеку станет относиться с такой теплотой и доверием. И она хотела заслуживать его доверия. Вот только...

— Я теряю ребенка и не в силах больше притворяться, что смогу что-то построить на таком фундаменте, — предельно честно произнесла она. — Прости меня.

— Саф, — тихо позвал он. — Я люблю тебя.

Она не выдержала и отвернулась, это было слишком. Ульяна очень сомневалась, что в состоянии вынести еще одну драму.

— Так, Ваня, на выход, — вмешалась Илона, пока разговор не дошел до точки невозвращения. — Я с ней поговорю сама, а ты пойдешь и...

Она не успела договорить, а входная дверь уже хлопнула.

— Да что ты делаешь-то? — заорала на сестру Илона. — Ты права не имела начинать отношения с Ваней, если не собиралась их продолжать! Вы вместе это так правильно и логично, я так была рада узнать. Несмотря ни на что — рада. Он же... ты вспомни, как он на тебя смотрел, когда вернулся из армии. Даже мне больно было, но ты бы по-другому не поступила, и я промолчала, но...

— Постой, о чем ты?

— О том, что он действительно тебя любит, причем давно! Это же очевидно, Уля,

— всплеснула она руками. — Ну кто побежит спасать сестру безразличной девушки, навещать ее в больнице или дарить ей собаку? Это самые идеальные отношения их всех, какие я видела.

— Но он так не считает! — отбрила Ульяна.

— Дорогая, а он вообще знает, что такое любовь? Его в детстве не баловали. Ваня Гордеев всю жизнь будто подглядывает за чужим счастьем из-за стекла. И не странно, что именно ты ему нравишься. В любви ты самый бескорыстный человек из всех. Вспомни, вы начали встречаться именно после того, как ты побежала в клуб спасать меня. Его привлекло

то, что Новийский всегда считал твоим главным недостатком. И всегда тебя в этом поддерживал. Я была рада, что Сергей любил тебя так, как ты того заслуживала, но он тебе не подходил. Он слишком жаден, когда речь идет о твоих привязанностях, и не желал делить тебя ни с кем, кроме Алексея. Пожалуйста, я понимаю, как тебе плохо и несладко, но не лишай Ваню шанса, хотя бы ради меня попытайся снова. Я ему слишком многим обязана.

Ванька

Он молотил грушу до тех пор, пока костяшки пальцев не пошли трещинками. По телу градом катился пот, даже в глазах от него щипало, но Ваня не мог перестать. Он был чертовски зол на Саф, на Новийского, на обстоятельства. Да даже на Илону за то, что не дала сестре ответить... Но сорвать злость он собирался на одном человеке, и следовало сначала выпустить пар, а то если он врежет Новийскому прямо с порога, все закончится плохо.

Они с Зоей обычно присутствовали только во время заседаний Собрания в Мариинском дворце, в остальное время политиков сопровождал наемный персонал. На прошлой неделе Ванька решил не появляться на заседании, так как не хотел беречь раны, думал, лучше будет им затыкаться. Иными словами, не видел Новийского с самого выхода злосчастной статьи. На этот раз он собирался сделать прямо противоположное: взбесить его до чертиков. Если подонок имеет право требовать от Ульяны исполнения супружеской клятвы, то пусть и сам ее придерживается. Поддерживает в горе и радости. Следовало сразу поставить ублюдка на место, а то он чувствует себя безнаказанным. Или полагает, что уже достаточно пострадал из-за липовой измены? Бога ради, это даже смешно. Она не могла бы ничего продумать, даже если бы захотела. Уля с самой трагедии Илоны напоминает комок оголенных нервов. Волей случая ее бросило в объятия старого друга, вот и все. Но Новийскому до этого нет дела, павлину вырвали из хвоста перо, и теперь он бесится!

Приехав домой, Гордеев стиснул зубы и обежал взглядом непривычно пустое помещение. Непривычно? Ульяна прожила с ним неделю, каким чудом за это время без нее стало пусто? В прихожей больше не висит комплект рабочей одежды, и дурацкие белые отельные тапки, которые он выдал, сиротливо стоят на полке, и помада с тушью не падают с тумбочки, когда ставишь туда сумку. Выругавшись, Ванька пошел в ванную, сорвал с вешалки полотенце Ульяны, швырнул его на пол и с чувством пнул, а потом включил холодную воду уставился на свое отражение в зеркале. Черные круги под глазами из-за бессонной ночи, ввалившиеся щеки, опущенные уголки губ. Кого угодно напугает. А впрочем, так даже лучше.

Перехватив кофе и натянув привычный костюм, Ваня сел в машину и направился прямо к Новийскому. Он едва не срывался на бег, подходя все ближе к кабинету политика. Люди поглядывали на него странно. То ли выражения лица боялись, то ли предвосхищали грядущий скандал из-за женщины. Только ленивый не читал газетенки, в которых Ульяну разобрали по косточкам.

Обиженный герой привычно сидел за столом в своем комфортном кабинете, а вот выглядел примерно так же, как сам Ванька: таким измученным, что впору сочувствовать. Тем не менее сына он Ульяне не отдал, так что сам свою участь выбрал. Хотел наказать всех, включая себя? Ну пусть, кто бы мог помешать.

— И как я мог подумать, что тебе не хватит наглости объявиться здесь вновь? — устало пробормотал Новийский будто бы сам себе.

Он попытался встать из кресла, но Ванька грубо толкнул его назад, не позволяя. Новийский уставился на него с плохо скрытым бешенством. Однако Гордееву нужно было это преимущество в росте, да и вообще в план входило совсем не выяснение отношений на

кулаках. Сидячего бить не так удобно.

— Знаешь, Ульяна верит, что сын тебя измучает вопросами о ней, и ты из любви к нему вернешь ей Алексея.

— Не... — зашипел Новийский, но одернул себя. Ванька даже добавил ему очков за эту сдержанность, ведь политик явно собирался запретить говорить с ним о Саф. — Чего тебе надо?

— Пообщаться на твоём же языке, — хмыкнул Ванька, не чувствуя и крупницы веселья. — Ну знаешь, как мужчина с женщиной. И так, чтобы Саф не узнала. Она, представь себе, до сих пор верит в твою порядочность. Поэтому давай оставим нашу с тобой аморальность за закрытой дверью. Я хочу тебе рассказать о твоей жене то, о чем ты не имеешь понятия. То, что она тебе никогда не рассказывала.

Новийский на мгновение оскалился и шумно втянул носом воздух, но промолчал. Да и что тут скажешь, если жена скрывала от тебя правду, которую сообщила любовнику?

После этого Ванька достал из подмышки папку и положил ее на стол перед Новийским.

— Открывай, — велел насмешливо и дождался, когда Сергей подчинится. На мгновение на его лице промелькнуло какое-то чувство, но быстро исчезло. — Не так давно она пришла ко мне домой и сказала, что после развода хочет опубликовать вот это. Не хотела вредить твоей карьере, собиралась дождаться безопасного момента, но начала колебаться из-за сына и реакции Илоны. Я отобрал у Саф папку и велел забыть обо всяких глупостях, не вредить ребенку, тогда она рассказала, что не знает, сможет ли оставить эту историю в прошлом. Что возила в коляске сына пистолет, чтобы застрелить Петра, если увидит. Ты жил с ней под одной крышей, ты это знал? Ты знал, что твой ребенок в опасности? Что достанет она пистолет, рука дрогнет, и все? Куда там, ты ни хрена не замечал, кроме себя любимого!

Ванька сорвался на крик и одернул себя. Так он делу не поможет. Новийский ничего не говорил, просто листал бумаги. То, что он слышал слова Ивана выдавали только ходящие желваки на щеках.

— К черту. Важно другое. Если ты отберешь у Ульяны сына, то будешь себя ненавидеть за это. И он будет тебя ненавидеть. А тем более она. Ты разрушишь все. На тебя мне плевать, политик, но твои близкие мне дороги. Поэтому я помогу тебе принять правильное решение ради них и тебя самого. Ты вернешь Алексея Саф, или все эти материалы окажутся в газетах завтра же. Как видишь, тут даже наброски статей имеются, дело пойдет очень быстро. Я договорился с человеком, который в случае твоего отказа вышлет материалы прямо в редакцию Зарьяны. Не выполнишь мое требование, и она опубликует их у себя, а затем раскидает по всем более-менее независимым редакциям. Я об этом позабочусь. Понадобится — расклею физиономии этих твоих друзей на автобусных остановках. Посмотрим, как папа Петра на это отреагирует. Ты, конечно, можешь так же оперативно среагировать, как в прошлый раз и попытаться заткнуть всем рты, а то и похуже, но мои знакомые ребята уже присматривают за Зарьяной. А я собираюсь прилипнуть к тебе как тень до тех самых пор, пока ты не передашь ребенка Саф.

Ванька закончил говорить, и в кабинете на несколько секунд повисла гнетущая тишина. А потом раздался громкий, но невеселый смех Новийского.

— И как я до этого дожил? Всего лишь хотел, чтобы не пострадала моя семья и друзья, а в итоге был признан чуть ли не главным мафиози всея Руси. Сначала жена заявила, что я ужасный человек, а потом ее любовник пришел шантажировать меня, обзывая чудовищем и

намекая на наемных убийц. Чудесно, Гордеев, чудесно. Как думаешь, если я сейчас уйду с работы и как следует напьюсь, ты не воспримешь это как тайный сигнал для воображаемого экстремиста?

— Зависит от обстоятельств. Но я в любом случае буду сидеть рядом и портить тебе удовольствие.

— Вряд ли. Я буду весь день размышлять, на чем проколешься с Ульяной ты, и мне будет приятно.

Ванька промолчал. Проколется? Саф и без этого не хотела с ним быть. С Новийским хотела, а его — Ваньку — оставила. Проще всего было бы обвинить во всем неудачный брак, но Гордеев не обольщался. Должно было существовать что-то еще. Возможно, что-то из прошлого.

Направляясь вслед за политиком в бар, он мысленно чертыхался и внимательно следил. Новийский якобы сдулся, и весь покладистый, смирившийся, но бумаги перед уходом уничтожить не забыл. Расчетливая сволочь. Он сел за барную стойку и заказал чистый виски. Утром в этом заведении было пусто, и Ванька почувствовал себя вдвойне глупо. В десять утра в баре, и не трезвый, но и застегнутый на все пуговицы... Вздохнув, решил, что с официозом перебор и стянул с шеи галстук. Хоть так.

— Налейте любовнику моей жены рома, — неожиданно распорядился Новийский, заставляя Ивана напрячься.

Бармен присвистнул и по очереди посмотрел на каждого. Очень заинтересованно, будто сравнивая. Ванька скривился и огрызнулся:

— Я не пью при исполнении.

А выбор напитка его насторожил. Откуда Новийскому знать предпочтения Ивана в выпивке?

— Сделайте, я плачу, — меланхолично махнул Новийский.

Бармен пожал плечами, быстро налил напиток в стакан и толкнул тот вдоль стойки Ваньке.

— И что это значит?

— Не отказывайся, тебе понадобится, — сказал Новийский и, устремив взгляд на полки с алкоголем вдруг сказал: — Шесть лет назад твой отец предлагал мне свое место, причем очень настойчиво. Я не мог понять причину, но потом узнал: у него рак. Вряд ли ему осталось много.

Действительно. Ванька схватил стакан и осушил его одним махом. И старался не смотреть на Новийского, которому явно было приятно выражение боли на лице недруга. Это было понятно и ожидаемо, но Ваньке вдруг дико захотелось уйти. Жаль, что он не мог.

— Можешь уйти в любой момент, я тебя не держу, — сказал Новийский. — И сам скоро уйду. Не покажусь же я сыну пьяным.

Ванька почти не слушал. Он не мог думать о том, что узнал, но и не думать не мог. В голове как заевшая пластинка прокручивались слова Новийского о его отце. Почему под рукой никогда нет боксерской груши, когда она так нужна?

— Сделай милость, удовлетвори любопытство, — вместо этого спросил он самоубийственно. — Кто прав: она или я? Ты бы вернул ребенка, не вмешайся я сегодня с этой папкой?

Новийский вдруг усмехнулся и медленно повернулся к нему.

— Хочешь знать, да? — спросил он.

Ванька от неожиданности даже не успел ничего предпринять, а кулак Новийского уже врезался в его скулу. Да так, что Гордеев едва устоял на ногах, в мгновение ока слетев со стула. Немногочисленные посетители сразу потянулись ближе, как стервятники.

— Не думал, — начал Ваня и сплюнул кровь, — что тебе хватит пороху.

Но желания ударить в ответ отчего-то не возникло, хотя Иван с гордостью мог заявить про себя, что не любил пропускать хорошую драку. Да и совсем недавно мечтал о груше.

— Это тебе за то, что годами вился около моей жены, как шакал. За то, что все-таки поимел ее. И за то, что подарил моему сыну гетры, о которых он мне долдонил всю неделю.

Ванька не выдержал и расхохотался. Какие-то дурацкие гетры окончательно добили бедного политика и толкнули на, подумать только, насилие! Прилизанного Новийского, придурка, который сладкими речами увел у него Саф!

— А удар у тебя ничего поставлен, — вынужден был признать Гордеев. — Думал, ты совсем из-за стола не выбираешься.

Второй хук он уже не пропустил. Отбил и толкнул Новийского назад, на барный стул. Бить в ответ так и не стал. Он понимал, что этот удар — последнее, что политик может ему сделать.

— Убирайся, — попросил Новийский. — Я верю твоим угрозам, сделаю, как ты говоришь. Но не мозоль мне глаза, проваливай и держись подальше!

Сам не понимая почему, Ванька кивнул. Но никуда не ушел, а на всякий случай остался следить за политиком с улицы. Впрочем, тот действительно не делал ничего криминального. Он просто пил, и это казалось естественным.

Ульяна

Услышав просьбу Сергея встретиться, Уля впала в ступор. Она дрожащими руками выключила телефон и отложила его в сторону. Несколько следующих секунд тупо смотрела на стопку бумаги на столе, думая, что пора бы прибраться. К сожалению, с ее работой можно было бесконечно копаться в горах макулатуры, сортируя газетные заметки, распечатки, биографии и так далее. Обычно Уля каждый вечер чуть задерживалась, чтобы не копить лишние листы, но в последние дни стало не до того...

Новийский просил ее встретиться. Не у садика Алексея, не у дома, не у чьей-либо работы, а на нейтральной территории — в парке, где много-много местечек для маленького человечка. Ульяна не собиралась верить, что все закончилось. Еще вчера она была уверена, что план не сработает, что нужно намного больше одной несчастной недели, чтобы сломать Сергея общением с ребенком и побороть обиду. Месяцы, а то и годы. Но он звонил, чтобы просить ее встретиться, чтобы что-то решить...

Зарьяна, не сделавшая скидку на моральное состояние подчиненной, кажется, ругала ее за статью, но Уля не могла реагировать на это адекватно. Она кивала и пропускала мимо ушей всю адресованную ей брань. И не могла удержаться от взглядов на часы.

Едва стрелки коснулись шести, как Уля, цепляясь ремешком сумки за все подряд и в спешке снося мебель, бросилась к выходу. Она даже не думала скрывать, насколько скучала по сыну. Новийский должен был это понимать, иначе зачем играл на нервах?

Приближаясь к парку, она вдруг подумала, что это может быть еще одним наказанием, жестоким испытанием на прочность. Если Сергей не придет, это ее сломает. Сидеть в парке у любимой детской площадки в одиночестве будет невыносимо. Представив такую картинку, Уля почувствовала приступ тошноты. И отчего-то ужасно захотела, чтобы рядом в такой

момент был Ванька. Внутри точно лезвие прошло. Она прогнала своего Ваньку, когда он сказал, что любит. Не смогла ответить. Ей казалось, что эти новые отношения сродни предательству собственного ребенка. Уля же видела: Алешке очень одиноко, и это ее вина. Она сделала плохо своему сыну, и еще хочет, чтобы кто-то пришел и утешил ее? Не сдержавшись, Ульяна всхлипнула и закрыла рот ладонью. На нее странно обернулись проходившие мимо люди, явно решив, что она истеричная дамочка. Впрочем, такой она и стала. Если бы кто-то раньше сказал, что Ульяна Сафронова будет нерешительно топтаться у калитки, воюя со слезами... Додумывать мысль она не стала. Нужно пойти и принять удар, каким бы он ни был.

В первый момент Уле показалось, что кошмар сбывается, потому что ни Сергея, ни Алексея не было видно. Из-за проволочки у входа в парк, она опоздала на пару минут. Ставший таким чужим и колючим Новийский мог запросто списать все на то, что она плохая мать, которая не может прийти к своему ребенку вовремя. Он уже говорил что-то подобное. А теперь...

Услышав цокот копыт, Уля обернулась и посторонилась, чтобы не мешать конной прогулке, а потом замерла. На лошади сидел ее сын. Завидев Ульяну, Лешка завизжал от радости и сиганул вниз. Благо, Новийский оказался с нужной стороны и успел его подхватить на руки. Кажется, он попытался ругать маленького непоседу, но тот не стал слушать: так рванул из рук, что Сергею оставалось только отпустить. Она должна была отругать сына сама. Прыгать с лошади? Совсем голову потерял! Но вместо этого обхватила руками ребенка и поняла, что не сможет выдавить из себя ни одного резкого слова. Ульяна мимоходом отметила, что на лице мужа промелькнула досада. И решила для себя, что не собирается его жалеть. Она безумно злилась, несмотря на то, что сама отдала ему Алексея.

Им бы с Сергеем пообщаться, но явно соскучившийся сын занял весь эфир, решив пересказать события последней недели. Как он выдрал у какой-то собаки клочок шерсти из хвоста, а та его тяпнула. След укуса был щедро смазан зеленкой, доказывая, что Сергей подошел к вопросу дезинфекции ответственно. Алексей рассказывал без страха, будто о боевой травме, и Уля поморщилась. Явно чувствовалось, что Лешку успокаивали притчей о шрамах, которые украшают мужчин. Уля была уверена, что с такими природными данными ребенок скоро станет просто красавчиком. Годам к десяти живого места на теле не останется! На этом, впрочем, новости не закончились. За прошедшую неделю сын успел найти не только ныне несчастную и ободранную собаку, но и первую любовь. Правда, поступил он с ней примерно так же: порвал платье и получил выговор от воспитателя. Ульяна не сдержала смехок. Четыре года, а уже рвет одежду на понравившихся девочках. То ли еще будет!

— А ты больше не уйдешь? — прервал Алексей вопросом свой монолог, глядя на маму не по-детски серьезно.

Она хотела ответить, что в жизни больше его не бросит, но как могла она обещать, не успев поговорить с Сергеем? Вдруг он попросил ее прийти, чтобы попрощаться с сыном? Вдруг они уезжают уже завтра?

— Никуда не уйду, — тем не менее сказала Ульяна в полной уверенности, что так и будет. Сама она ни за что не сдастся, будет биться до последнего. И, если понадобится, грязно. Даже если проиграет, однажды Алексей поймет, что она не отказывалась от него, это немало. Уж она, выросшая без отца, знала наверняка. — Дай нам с папой немножко поговорить, хорошо?

— Вы что, опять будете ругаться? — разочарованно спросил сын. Уле вдруг подумалось, что иными он родителей не помнил — не мог. Слишком мал был, когда в доме царил мир и согласие.

Новийский шумно вздохнул, но предоставил Уле право отвечать на вопрос самостоятельно.

— Сегодня не будем. Обещаю.

Прежде чем подняться, Уля обняла Алексея, и только потом неохотно подошла к мужу. Ребенок закономерно начал приставать к владельцу лошади, который закономерно пытался не подпустить мальчишку к флегматичной кляче. Проследив за ними и убедившись, что Алексей не собирается самоубиться в обозримом будущем, Сергей и Ульяна впервые прямо посмотрели друг на друга.

— Мои юристы подготовили документы, — начал Новийский, доставая папку из кожаного портфеля.

Ульяна настороженно потянулась к нему и принялась. Ей ведь не померещилось?

— Ты что, пьян?

— Я должен перед тобой отчитываться? — поинтересовался он желчно и резко протянул ей папку.

— Какие документы? — раздраженно переспросила она, решив оставить без ответа вопрос о том, не таскал ли Сергей по городу ребенка, будучи подшофе.

— Подал исковое заявление о расторжении брака. Это уведомление.

— О, — стушевдалась Ульяна. Когда она принимала папку, рука дрогнула. — Я должна... должна спросить, Сергей, — начала она нервно. — Ты будешь биться за Алексея?

Он усмехнулся. Мрачно так, нехорошо. Уле это совсем не понравилось.

— Об этом не волнуйся, — горько проговорил Новийский. — Теперь сама будешь отвечать на вопрос, куда делся папа.

Даже оскорбительный тон не смог сдержать быстрый бег сердца.

— В отличие от тебя, у меня есть на это время. Отвечу столько раз, сколько потребуется, — негромко парировала она, зная, что ранит. Но пропустить такой удар было выше ее сил.

На это Сергею возразить было нечего.

— Думаю, для нас всех будет лучше, если оставшееся до выборов время я пробуду в Москве.

— Значит, с твоим избранием все уже решено? — спросила Ульяна. Признаться, она хотела, чтобы у Сергея все сложилось, и он уехал. Возможно, это поставило бы точку в истории, с которой она никак не могла распрощаться. Плюс, было бы очень сложно встречаться с ним на улицах время от времени, объясняться со знакомыми и так далее.

— Да, — кивнул он. — Все решено.

Ульяне показалось, что Сергей так сказал вовсе не о карьере. Он говорил, что это финал, их финал.

— Как и договаривались, ты можешь остаться в квартире. Я уже снял номер в отеле. Перед отъездом попрощаюсь с сыном, — сказал он отрывисто и быстрым шагом направился к выходу из парка.

А Ульяна задрала голову, подставляя лицо лучам пробивающегося сквозь листву солнца. Вряд ли все могло закончиться для нее более удачно. Ей должно было быть радостно, но

вместо этого ощущалось... облегчение. Радость придет после.

За Лешку Уля почти не волновалась. Он маленький, привыкнет, забудет плохое. Сама Уля бы ни за что не отказалась от папы, который будет прилетать из столицы, как волшебник в голубом вертолете, забирать его на время, показывать красивые местечки и катать на лошадях. Из Новийского определенно выйдет отличный папа на расстоянии, если, конечно, они не разругаются в пух и прах. Уля и Лешка привыкнут, обязательно привыкнут. И все у них сложится хорошо.

Так твердил Ульяне разум, но на душе было редкостно погано. Потому что не все вопросы были решены. Ей следовало извиниться.

Ванька

Утром Иван Гордеев полагал, что обязательно придет посмотреть на счастливое воссоединение Ульяны с сыном. Незаметно, конечно, чтобы она не увидела. Но после новости Новийского об отце, у него началась аллергия на чужое счастье. Он потерял Саф, бизнес и, видимо, отца. Он раньше не понимал выражения «зол на весь мир», но теперь с ним происходило именно это.

Пусть Ванька с отцом не общался, но ощущал его присутствие тенью за своей спиной. Он не один раз называл фамилию «Гордеев», видел на лицах людей узнавание и, несмотря ни на что, гордился. Не будь этот человек его отцом, Ванька бы им восхищался. Талантливый юрист, прирожденный бизнесмен и редкий проныра, такого помимо воли начнешь уважать. Просто плохой отец. Но и Ванька больше не ребенок, ему не нужно завязывать шнурки. Не проще ли было бы отказаться от роли его сына и попытаться стать кем-то другим? Теперь уж поздно сожалеть.

— Какой сюрприз. Чем обязан? — проговорил его старик, увидев Ивана на парковке около машины.

Ванька молча оценивал отца и ужасался. Пару раз он видел фото своего старика в газетах, но в реальности картина оказалась иной. Гордеев-старший не просто поседел и приобрел пару десятков морщин, он... сдулся. Тот стержень, который заставлял отца держать спину ровно и всегда отвечать ударом на удар, будто испарился. Его было попросту не узнать.

— У тебя рак? — в лоб спросил Иван.

— Час от часу не легче. — Гордеев-старший скривился и досадливо цокнул языком.

— Ты пришел обняться на прощание?

— Почти. Пришел пригласить тебя выпить.

Гордееву-старшему это явно не понравилось. Он несколько секунд молча смотрел на сына, и за это время Иван понял, что заблуждался. Болезнь могла сломить тело, но не волю этого человека. Ванька буквально увидел момент, когда отец решил ответить отказом.

— Я надеялся, что ты изменился, но ты все такой же сентиментальный сопляк.

Раньше это очень обидело бы Ивана, но не теперь. Не после того, как он увидел изнанку жизни людей, не умеющих признавать собственную неправоту.

— Что ж, я горжусь тем, что я сентиментальный сопляк, — пожал он плечами. — И лучше выслушаю кучу оскорблений, чем буду жить, зная, что не попытался помириться с отцом под конец его жизни. Я изменился. Просто я не стал черствым ублюдком вроде Новийского, каким меня хотел видеть ты. К слову, ты и сам не сильно поменялся. Все еще считаешь недостойным со мной выпить, — сказал и, не сдержавшись, сплюнул.

В ответ на это заявление Гордеев-старший поджал губы и двинулся к машине. Ванька расценил это как добрый знак и просто последовал примеру отца.

— Что там с Сафроновой и ее ребенком?

— Если Новийский не соврал, то вернет ей мальчишку уже сегодня, — лаконично ответил Иван. Он старался сказать это максимально нейтрально, но, видно, не удалось.

— Звучит так, будто вы не общаетесь, — заметил отец, заводя машину.

— И не без причины.

Острый взгляд заставил Ваньку отвернуться. Ему не нужна была ни жалость, ни новые обвинения.

— С женщинами работает то же самое правило, что со всем остальным. Хочешь — добивайся. А если не можешь и опускаешь руки — значит, не больно тебе это нужно.

В очередной раз припечатав сына истиной, Гордеев-старший вырулил с парковки и влился в поток машин.

Только они отъехали, как на телефон упало сообщение от Ульяны. Она что-то говорила о том, что хочет увидеться, есть новости. Знал он, какие у нее новости. А вот разговаривать не слишком хотел. Не то настроение. Отложил телефон, решил не отвечать. Не мстил, просто не находил сил выяснять отношения еще и с ней, а в его настроении все свелось бы именно к этому. Плюс, было несколько неловко из-за фингала, который поставил ему Новийский. Ване неожиданно не понравилась мысль рассказать Ульяне, что он позволил ее политику съездить себе по морде.

Когда доехали до бара, Ванька так и не решился, что делать с Саф. Он понимал, что она может позвонить и спросить. Тогда ответить придется, но ей тоже было комфортнее спрятаться за виртуальными буквами, нежели слышать голос. Так он и решил: понадобится — позвонит. Он в курсе, что Алексея Уля получила, что все у нее прекрасно. А теперь черная полоса на стороне Ваньки. Он тоже имеет право на сомнения и нежелание ее видеть.

Отец не стал медлить: едва переступив порог, направился к барной стойке. Ванька не обрадовался выбору. Это место всегда казалась ему пристанищем убитых горем или ищущих компанию. Но вот уже второй раз за день он сидел лицом к лицу с барменом, заказывал ром и не относил себя ни к первой, ни ко второй категории.

— Это кто тебя так? — решил, наконец, спросить отец, указывая на фингал.

— Новийский.

Брови Гордеева-старшего взлетели вверх.

— Не ожидал, что он способен запачкать руки.

— Ну я, вроде как, с его женой переспал, — фыркнул Ванька.

— Так значит он еще и безнаказанным ушел? — нахально усмехнулся отец. — Откуда ты такой у меня взялся? Кстати, сам хоть ему врезал, когда пришел из армии? — издевательство поинтересовался. — Он же у тебя девчонку увел.

— Между нами все было кончено.

— Как я понял из разговора с Сафроновой, между ними было кончено не меньше. Но хочешь ходить разукрашенным — пожалуйста. Или тебя за подбитые глаза девчонки жалеют? Хотя, о чем это я? К тебе в любом случае очередь из жалеющих,

— хмыкнул и опустошил стакан.

Ванька свой тоже прикончил и подумал, что своеобразная правда в словах отца присутствует.

— Он любит ее, — будто в свое оправдание, пробормотал Иван.

— А ты? — хмыкнул отец. — Дождался новости о разводе и тут же взял быка за рога.

В этот момент телефон, наконец, зазвонил. Саф все-таки не выдержала и решилась на разговор. Голос звучал напряженно, и она явно нервничала, но не стала рассказывать по телефону, настояв на личной встрече. Это Ваньке неожиданно понравилось, и, посмотрев на не первый стаканчик рома, он пришел к выводу, что можно и поговорить. Назвал адрес бара. Пусть приезжает.

— Сколько тебе осталось? — обратился он к отцу, едва отключив телефон.

— Врачи дают полгода. — Хмыкнул и добавил: — Но уже давно. Предпочитаю думать, что живу на одном лишь ослином упрямстве.

В этом не было сомнений. Более твердолобого и невыносимого человека, нежели отец, Иван не встречал за всю свою жизнь. Тем не менее сомневался, что опухоль будет долго подчиняться несгибаемой воле Николая Гордеева. Больше походило на то, что отец храбрится.

— Рядом хоть кто-то есть? Или всех распугал?

Тот лишь фыркнул и отпил из стакана. Ванька достаточно знал отца, чтобы понять ответ: нет. Или одна Катерина. Не будут же, в конце концов, двадцатилетние бестолковые дурочки, к коим у Гордеева-старшего слабость, помогать ему с реабилитацией после химии. Ванька медленно перевел взгляд на волосы отца. Это был явно не парик.

— Ты лечился? — заподозрил неладное Ванька.

— Мне не на кого оставить компанию, — легко ответил отец.

Это стало ударом ниже пояса.

— Ты, вообще, нормальный? — рявкнул он так, что вокруг все смолкли.

— А чего, собственно, ради? — насмешливо спросил Гордеев-старший. — Профукать за время реабилитации дело своей жизни, а потом усесться на диван в пустом доме и радоваться парочке дополнительных месяцев? Нет, Иван, я отказался от лечения сразу, не став даже думать.

Действительно, глупо было предположить, что Николай Гордеев решится оставить компанию хоть на одну гребаную минуту. Зато сына семь лет не видел, и будто так и надо!

— Почему ты мне ничего не сказал? Почему? — потребовал Ванька, вскочив со стула и наклоняясь к своему старику.

— Ты сам отказался от этого права, — ответил отец.

Мечь? Он ударил ладонями по столешнице и оттолкнулся. Внутри нарастало раздражение, не находившее выхода.

— Но это другое. Твоя жизнь чуть серьезнее, чем какие-то неудовлетворенные амбиции! — попытался он вразумить отца.

— Не для меня. Мы все разные, сын, — спокойно ответил Гордеев-старший, глядя куда-то вдаль. — Для тебя первостепенное значение имеет некая эфемерная честь, очертания которой так зыбки и размыты. Для меня — «ГорЭншуранс», в который вложены нечеловеческие усилия. Новийскому необходимо признание, чтобы все его слушали и внимали. У Саф на первом месте благополучие семьи. А ее непутевой сестрице важнее чувства. Мы разные, все мы делаем сознательный выбор исходя из наших убеждений. Что толку нас в этом винить? Наивысшая форма привязанности — принятие человека таким, какой он есть. Без переделок. Я на сий подвиг неспособен, но готов это признать и жить дальше. Или умереть, так и не отступившись от принципов. Как поступать тебе — решай

сам.

— И то верно: мы такие, какие есть. На сегодня мое благородство исчерпано, — пробормотал Ванька и врезал отцу.

Только когда бармен заорал, что драка ни к чему, и он зовет охрану, Ванька понял, что сделал. Ударил больного раком далеко не молодого отца. Не оправдывало даже то, что после чистосердечного признания в неспособности по-настоящему любить и нежелании пытаться это изменить, мало кто не врезал бы за такое.

— Эй! — раздался крик Саф от дверей. — Вы совсем с ума посходили?

Она быстро направилась к бару и несколько раз перевела взгляд с отца на сына и обратно, явно сравнивая симметричные синяки.

— Ну ладно он, а вы-то... — пробормотала Ульяна, обращаясь к Гордееву-старшему.

Тут Ванька понял, что Саф подумала, будто это отец ему врезал. Наверное, из-за адреналина не разобрала, что фингалу уже несколько часов. От такой мысли потянуло улыбаться.

— Это не... — начал Ванька.

— Думаешь, не заслужил? — ехидно поинтересовался отец, и Ванька с удивлением на него обернулся.

Отчего старик решил взять вину на себя? Выгородил, не желая, чтобы Уля знала, как он позволил ее политику безнаканно ударить? Очень странно, но, пожалуй, заслуживало благодарности. Ванька покосился на отца, тот ответил полным невозмутимости взглядом. Это что же получается, помог?

— Дамочка, забирайте этих петухов, да поживее, пока я охрану не вызвал, — пригрозил бармен.

— А вы не жалуйтесь. Сами наливали, — отбрила Ульяна, но подхватила обоих под руки и потащила к выходу.

Ванька за это ее зауважал еще больше. Кое-как извернулся, бросил бармену купюру и отдался на милость клещами вцепившегося в него Ульяны. Никакой охраны с таким конвоем не нужно! Саф дотащила мужчин волоком до своей красной машины и потребовала:

— Что не поделили?

Ванька порадовался, что она Уля спросила об этом сидя за рулем. Кто знает, какотреагировала бы... Глядя в ее бледнеющее лицо, Иван вкратце пересказал все, что узнал. Он и раньше не сомневался, что Новийский не ставил жену в известность, а уж ее реакцию было точно не подделать. Ответа, впрочем, Ваня не дождался. Вместо этого Саф ткнула пальцем в Гордеева-старшего и скомандовала:

— Вы на заднее сидение. — А затем указала на него — на Ваньку. — Ты — на переднее. И не разговаривать!

Отец, как ни странно, послушался. Открыл дверь и вдруг начал ругаться. А в ответ:

— Мама, дядя плохие слова говорит, — пожаловался Алексей.

Ванька чуть не рассмеялся. Ну конечно, Ульяна возила детское кресло с пассажирской стороны, чтобы проще было в случае чего дотянуться. А Гордеев-старший и не подумал о возможной встрече с ребенком. Как и всегда.

В ответ на реплику сына Саф застонала и тихонько пробормотала:

— Слишком много мужиков. — Ванька стоял достаточно близко, чтобы расслышать, и хмыкнул. — Ну так дай дяде по лбу. Будто сам не знаешь, что делать! — опомнившись,

ответила Ульяна и обошла машину. Заметив, что Ванька так и не подчинился требованию шофера на вечер, Саф еще раз ткнула в него пальцем, а затем указала на пассажирское сидение. Мол, залезай.

— Ваня! — раздался радостный визг сзади, едва Иван захлопнул дверь.

Остатки кровожадных мыслей в мгновение ока вылетели из его головы.

— Эй, привет, пацан! — Он привычно ткнул кулаком в уже подставленный кулачок Лехи. — Когда в футбол гонять пойдём?

Парнишка задумался, но затем сказал:

— Послезавтра!

— Вот как? А что ж не завтра?

— Мама ездила далеко, только вернулась. Ей нужно отдыхать! А нас вдвоем она в парк не пустит.

Запомнил, значит, что с чужими нельзя.

— Правильно, маму необходимо беречь, — задумчиво протянул Ванька и коротко взглянул на Ульяну, которая от этих слов вздрогнула.

Отец, не скрываясь, хмыкнул.

— А откуда у тебя синяк? — спросил Алешка. И, не дождавшись ответа: — А меня укусила собака. Во такая! — Он раскинул руки, пытаясь продемонстрировать размер обидчицы. Судя по тому, что рук не хватало, парень повстречал волкодава.

— И как только ничего не отгрызла, — усмехнулся Иван.

— Она хотела! Теперь у меня есть ее зубы, — гордо сказал Лешка, а Ванька, зная парня, предположил, что это может быть буквальное заявление. Но тот всего лишь закатал рукав, обнажая огромный разноцветный синяк. — Папа сказал, что я теперь настоящий мужчина.

— Не совсем, — хмыкнул Ванька. — Но ты движешься в верном направлении.

— Так, достаточно! — резко сказала Уля. — Если ты не можешь без драк, не учи дурному моего сына. Меня не было неделю, а этот «настоящий мужчина» успел ободрать собаку и раздеть девчонку.

— Раздеть девчонку? — Гордеев-младший восхитился и ужаснулся одновременно. Он в свои четыре года такими подвигами похвастаться не мог. — Вот это...

— Цыц! — рявкнула Саф, злобно на него зыркнула и снова уставилась в лобовое стекло. Так и пришлось блюсти «вот это цыц» до самого конца поездки.

* * *

Ваня ожидал, что Саф скажет что-нибудь по поводу болезни его отца, но та подрулила к дому Гордеева-старшего, не сказав ни слова. Впрочем, она и после этого не заговорила, что навело Ивана на мысль. Ульяне было очень неловко сидеть с ним рядом после, фактически, отказа от продолжения отношений. Как она там сказала? Не может притворяться, что готова строить будущее, зная, что теряет ребенка? Что ж, Алексей сопит на заднем сидении, убаюканный долгой и скучной дорогой. Теперь ей придется придумать новую отговорку или старательно избегать неловких тем.

— Давай говорим, — предложила она, припарковавшись у Ванькиного дома.

Прежде чем начать, они неловко потоптались около подъезда.

— Сергей обещал передать мне опеку, — наконец, начала Саф.

— Да, я понял, — кивнул Ваня, засовывая руки в карманы.

— И передал дело о разводе в суд и в скором времени уезжает в Москву...

Плохая была тема. Иван не знал, как реагировать на такие слова. Новость могла бы быть хорошей, согласись Саф быть с ним, но Ваня предлагал, и не раз. Гордость не позволяла предпринимать что-либо снова.

— Ты ведь не знала об отце? — спросил в попытке перевести разговор в другое русло.

— Господи, нет конечно! Я бы сказала. Это тебе отец сообщил? Как-то на него непохоже.

— Новийский, — помявшись, признался Иван.

— Н-новийский? — хрипло переспросила Уля, будто не могла поверить ушам.

Ах да, она разводится с мужем, он не помог ее сестре, но все равно хороший. Ванька и рядом не стоял. Скрипнув зубами от досады, он взглянул в сторону подъезда. Так захотелось уйти. И все же он заставил себя задержаться.

— Поговори с отцом, пожалуйста, пусть пойдет лечиться, — попросил он Саф.

— Но... я бросила его, когда он заболел. Он винил меня и злился, я должна была догадаться, что что-то тут нечисто. Он мне платил огромные деньги в надежде, чем я его не оставлю. А я вот ушла. Какое у меня право указывать твоему отцу, что делать? — Она замолкла, смутилась и попробовала зайти с другой стороны. — Это ты можешь.

— Да ни черта я не могу, — взорвался Ванька. — Он сказал, что не собирается рисковать компанией ради возможности провести в одиночестве дополнительную пару месяцев.

— Так найди способ убедить его в том, что он будет не один! — воскликнула она, будто само собой разумеющееся.

— Слушай, Саф, это работает с маленькими детьми и девочками вроде Лоны. Нельзя переубедить взрослого мужчину словами, что он будет не один. Нужно что-то большее.

— Я с тобой согласна, — кивнула Саф. — Но я не о словах говорю. Вспомни Маню, о которой я писала. Она тоже не желала подвергать себя химиотерапии, потому что ей время не было нужно. Это сложный выбор, неоднозначный, а иногда неочевидный для посторонних.

— Маня жила ужасно, а отец...

Саф вдруг расхохоталась, даже схватилась за живот. А когда заговорила, в глазах ее блеснули слезы:

— Ваня, я ужасно жила в общежитии. Ну там кровать была неудобная, пол холодный, вещи негде сушить, соседи за стенкой поорать горазды. Кошмар просто. Но рядышком была сестра, у мамы все благополучно, можно куда-то стремиться и мечтать, не оглядываясь по сторонам. А потом я жила прекрасно. Спала в огромной постели, рядом с замечательным мужчиной, на ночь выпивала по бокалу дорогого вина и не знала ограничений в тратах. Но боялась лишней раз вздохнуть и навредить своим близким. Сестра в больнице, друзьям угрожают, сына страшно взять на прогулку. Ты знаешь, лучше жить ужасно, чем так. Сначала прочувствуй на собственной шкуре, что есть каждый из вариантов, а потом делай выводы. С чего твой отец должен тебе довериться, если один раз ты его оставил? Конечно он не поверит словам.

Внезапно Ванька улыбнулся, потому что речь шла совсем не об отце. Вряд ли Николай Гордеев мог чувствовать себя уязвимым перед сыном, а вот Уляна перед бывшим любимым человеком — вполне.

— Если хочешь задержать отца в своей жизни, придется дать ему почувствовать твою готовность идти на жертвы и перетерпеть несколько ударов, — продолжила она, не заметив перемены в настроении Ивана. — Если человек не социопат, как Петр, за агрессией он скрывает страх. Такова жизнь.

— И что ты предлагаешь? — голос прозвучал неожиданно мягко, и Ванька даже отругал себя за несдержанность.

— Пойти на уступки в отношении «ГорЭншуранс», — сказала она будто само собой разумеющееся.

— Ты издеваешься? — разозлился Ванька.

— Я не предлагаю тебе годами полировать попой директорский стул, но если хочешь вернуть в свою жизнь отца, какое-то время придется. Николай Гордеев отправится лечиться, только если найдет человека, которому можно доверить свое царство. Например, тебя.

— Не смейся.

— Зачем мне тебя обманывать? — Она тяжело вздохнула. — Слушай. Тебе он слабостей не покажет, он ведь твой отец. Пример для подражания, а потому старается быть сильным в любой ситуации. Я тоже так делаю, когда речь о Лоне и Алешке. Но, поверь мне, когда тебя нет рядом, Николай Давыдович ведет себя иначе. В отношении тебя, я имею в виду. Даже... волнуется. Ему не все равно, что у вас не сложилось. «ГорЭншуранс», из-за которого вы грызетесь годами, всего лишь криптонит. Перестань на него нападать, поумней, наконец, и используй эту слабость! Ему понравится.

Ваня снова улыбнулся и притянул Ульяну к себе, чтобы обнять. По пути наткнулся разбитыми костяшками пальцев на ее руку и зарычал от боли. Ночная драка с грушей и хук отцу не прошли даром.

— Что... — заметила Ульяна и схватила его за руку, присматриваясь внимательнее в сгущающихся сумерках. — Ты себе ничего не сломал?

— Я умею бить, — с гордостью заявил Иван.

— Ага, герой, — прозвучало скептически.

Саф автоматически погладила пальцами сухие трещинки на его коже, а затем опомнилась и выпустила руку.

— Хочешь подняться и пожалеть меня? — предложил Ванька.

— Кажется, да, — согласилась она негромко, неуверенно и так серьезно, что Гордееву стало стыдно за свою пошлую усмешку. — Но у меня ребенок.

— О боже мой. Нет его — плохо, есть он — тоже. Твой малец не будет против заглянуть в гости!

Он сам направился к машине и вытащил из детского кресла сонного Алексея. Тот причмокнул губами и доверчиво прильнул к его плечу. Чувство было незнакомое, и Ваня на мгновение задумался о том, что творит. Речь шла не только об Ульяне. Готов ли Иван попытаться построить отношения и с Саф, и с ее сыном? Это не в футбол поиграть, это то, в чем провалился его собственный отец. Никаких вторых шансов и сохранений. Не начнешь уровень заново. Неужели Ваня хотел именно этого? Растить ребенка Сергея Новийского? Дожился! Впрочем, это решение принимать не только Ваньке. Ульяна уже отказалась от него, дважды.

Уложив Алексея на диванные подушки, Иван потянул Саф на кухню и достал из холодильника лед. Привычно закатал его в пакет, полотенце и протянул Уле. А затем

плюхнулся на стул и выжидательно на нее посмотрел. Мол, действуй. Я весь в твоём распоряжении.

— Даже и не знаю, с чего начать, — издевательски изогнула она брови, подола ближе и перевела взгляд с подбитого глаза на покалеченные руки и обратно.

У Ваньки таких проблем не возникло, поэтому он потянул на себя коленку Ульяны. Слишком узкая юбка не позволила, и Саф покачнулась, схватилась за плечо Ивана, чтобы не упасть. Он не стал медлить и потянул ткань вверх, задирая до самых бедер.

— Ты что творишь? — зашептала Ульяна, впрочем, не мешая безобразничать. — Там мой ребенок.

— Ага, не по годам развитый парень. Знает, что понравившихся девочек следует раздевать.

Под юбкой обнаружили, конечно же, дико раздражающие колготки. Ваня просто ненавидел эту часть женского гардероба. Обманчиво тонкие, но вечно мешающие. Когда их следует снимать? Лучше сразу.

— Н-нет, Вань, так не пойдет! — на этот раз всерьез воспротивилась Ульяна и даже отступила на шаг.

— А ты что ты рассчитывала, поднимаясь пожалуйть парня, признавшегося тебе в любви? — поинтересовался он желчно.

— Я хотела поговорить.

— Если ты собиралась сказать, что ничего не будет, это можно было бы сделать у подъезда. Или вообще не делать, в прошлый раз все было предельно ясно. А раз ты здесь, я не вижу противоречий, — буркнул Гордеев.

Ульяна вздохнула, снова приблизилась и шлепнула ему на глаз лед.

— Я хотела сказать не это, но ты и сам понимаешь, что все серьезнее быстрого секса.

— Ты бы не обольщалась, — фыркнул Ванька. — Секс тебе никто не предлагал — не заслужила.

Щеки Ульяны стали ярко-красными. Серьезно, смутилась совсем как школьница. Это определенно был один из лучших ее румянцев, а Ваня помнил многие.

— А чего ты ожидала? — поинтересовался он. — Вышвырнула меня, как нашкодившего пса, а теперь прибежала обратно, и все нормально?

— Я не прибежала обратно! — возмутилась она так честно и искренне, ну точно оскорбленная невинность!

— Ты прибежала обратно, соберись с духом и признайся себе, наконец, что хочешь этого! Секса или чего-то еще, но чертовски хочешь. Где гребаная кнопка, которая каждый раз дает откат?

Она отняла лед от глаза Ивана, отложила на стол и нервно закружила по кухне. Тогда Ванька сам схватил пакет лед к руке. Той он был нужнее. А глазу уже ничто не поможет, Гордеев точно знал — опыт.

Радуюсь желанному холоду, Ваня следил за тем, как Ульяна мечется. В строгом черном пиджаке и задранной юбке. Забыла или осознанно оставила? Ванька надеялся на второй вариант, тот больше обнадеживал. Про себя, между тем, усмехнулся. Он видел кучу девчонок, одни были крутые, другие красивые, третьи корчили из себя умных. А Улька — классная. Вот так просто и неопределенно, и все же в точности такая, как ему надо. Без перегибов. Чего ей не хватает?

— Ну? — потребовал он, устав ждать.

— Когда я с тобой порвала... в первый раз. — Гордеев хмыкнул. — Все меня жалели.

— Да ты что, как неожиданно, — не сдержал он сарказм.

— Ни одна сволочь не поверила, что это была я. Спорю, ребята ставки делали, когда ты меня бросишь. И черта с два они прогадали бы. С высоты опыта, я бы и сама поддержала спор. Ты был холодным и равнодушным. То, что мы не расстались до твоего ухода — мой личный загон, а вовсе не чья-то заслуга. Одна Лона считала нас хорошей парой, но она и в Деда Мороза до десяти лет верила. Только от этого он, к сожалению, не ожил! С чего вдруг я тебе понадобилась, объясни? Из нас вышли отличные друзья, и мне совсем не хочется этим рисковать...

— Но из меня друг лучше, признай это, — перебил Ваня, заставив Улю покраснеть еще раз. — Так бывает, когда друг никакой не друг вовсе. Я знаю, что не был парнем мечты, но я собирался вернуться и все исправить. Мне чертовски нравилась эта мысль. Настолько сильно, что, казалось, раз самостоятельная жизнь ставит мозги на место, то нужно дать ей чуть больше времени... и связей. Поэтому я остался еще на год, встретил Зою и даже построил с ней бизнес. Но ты не стала ждать чуда, ты решила идти дальше без меня. Если честно, я думал, что ты не сможешь, ты не такая. Но, конечно, фактор Новийского я не учел. Этот сладкоголосый тип слишком гладко стелет. И однажды, давным-давно, ты описала мне его как своего идеального мужчину...

— Слушай, я уже говорила, что придумала это на ходу... — поморщилась Ульяна.

— Славно придумала, раз прожила в своей фантазии целых шесть лет. И чего ради было биться, если у тебя все так удачно сложилось? Вот и пошли дальше, Саф. Ты — с ним, а я — как умел. Я клянусь, что не собирался уводить тебя из семьи, не страдал по тебе и не представлял на месте девчонок, с которыми спал. Предпочитаю думать, что просто... просто я тоже славно придумал однажды, как могло бы быть, вернись я из армии. По крайней мере часть из этого не так давно начала сбываться, а это значит, история вышла хорошей.

Ульяна уже не носилась кругами по кухне, а стояла, опираясь о разделочный стол, и с интересом вслушивалась в слова.

— А что еще было в этой истории?

— Тебе версию для взрослых? — уточнил Иван, надеясь на положительный ответ.

— Не сейчас.

Увы и ах. Кажется, иногда Лона была не прочь посидеть с Лехой? Ваня надеялся, что так будет и впредь!

— Если без эротики, то ничего экстраординарного, — пожал плечами Ванька, осознав, что это действительно так. Тем не менее, Саф улыбнулась. — Все как у всех, разве что чуточку лучше. Ремонт без скандалов, загородный домик без единой грядки, замечательные отношения со всей родней и, разумеется, ни следа политических интриг.

— Звучит здорово, — признала Ульяна. — Давай так и будет?

Она подошла и уселась к Ивану на колени.

— Ты ведь сказал, что что-то из этого сбывается.

— Пока только часть для взрослых, — хмыкнул Ванька, откладывая лед.

Несколько следующих минут, покрывая поцелуями кожу Ульяны и проклиная невозможность ее раздеть, Ванька обдумывал способы нейтрализовать маленького обломщика кайфа на всю ночь. Когда нетронутого места стало не хватать, он содрал с Саф пиджак и спустил с одного плеча блузку, растягивая ворот.

— Остановись, стоп, — очень неубедительно просила Саф, когда Ванька добрался до застежки бюстгальтера.

— Мелкий спит, — прохрипел Ваня, уже расстегивая крючки.

— В самый ответственный момент проснется — поверь.

— Но до самого ответственного момента нам еще очень далеко.

Прикинув варианты, Ванька вытянул бюстгальтер прямо из-под блузки и спрятал под столом. На всякий случай. Так-то лучше.

В этот момент раздался громкий вопль:

— Ма-а-а-а-ам!

Ульяна странно подпрыгнула и попыталась пригладить волосы и оправить одежду. Будто четырехлетний пацан мог понять по внешнему виду, чем она занималась минуту назад. Ванька усмехнулся. Дети сейчас, конечно, развитые — девчонок вот раздевать начинают с пеленок, — но не настолько же.

Ульяна, тем временем, откашлялась, приняла до смешного строгий вид и направилась в комнату. Ванька последовал за ней.

— Выспался?.. — начала она и осеклась.

Оба так и замерли на пороге, глядя на Алексея, держащего в руках блестящий конвертик. Ребенок вовсе не спал, а сидел на полу и рассматривал найденный пакетик с презервативом.

— А что это такое? — спросил не в меру любознательный парень, внимательно изучая упаковку.

Саф определенно потеряла дар речи, поэтому пришлось вмешаться Ивану.

— Это, парень, то, без чего лет через двенадцать тебе нельзя будет выходить из дома, — отшутился Ванька.

— Двенадцать?! — возмутилась Ульяна.

— Ты права. Это я еще оптимистично, — хмыкнул Иван и постарался побыстрее уйти из-под обстрела. — Дай-ка сюда, — и отобрал у пацана совсем недетскую вещицу.

— А ты здесь живешь? — благо, переключился ребенок. — А у тебя есть игрушки?

— Не тараторь! — велела Уля.

— Я здесь живу, а вот игрушки придется поискать.

— Нет-нет, нам пора домой.

— Точно? — насмешливо поинтересовался Ванька.

— Естественно, у тебя же нет игрушек, — многозначительно подняла брови Саф. — Следовало подготовиться лучше.

Тут было не поспорить. И почему он сразу не подумал поставить на дверь спальни шпингалет?

Николай

Остановившая машину около неприметного дома с нуждавшимся в ремонте фасадом, Николай Гордеев фыркнул. Идея, посетившая его светлую голову, была отличной, но игра свеч не стоила. Он бы предпочел найти другой способ манипулировать собственным ребенком. Увы, с этим всегда были проблемы.

Странно, но так оказался манной небесной. И что ему не пришло в голову притвориться больным лет семь назад, когда Иван еще не сбежал в свою идиотскую армию? А впрочем, разыграть слабость ему бы ни за что не пришло в голову. Да и сын прежде бежал от ответственности, как от чумы. Приходится признать: время упущено, но не все потеряно.

Преодолевая боль, Николай вылез из машины, отдышался и двинулся в контору, которую Иван арендовал на пару с мужеподобной девицей, уже возмнившей себя единоличной владелицей заведения.

Шел седьмой час, сотрудники уже разбежались, и Гордеев-старший позволил себе осмотреться. Планировку, конечно, изменили, но не узнать в этом месте среднестатистическую хрущевку было невозможно. И как только сюда шли люди с приличными заказами? Тот же Новийский... Вздохнув, Николай утешился мыслью, что его плану это только в плюс.

— Вы к кому? — потребовала долговязая владелица агентства, появляясь из кабинета и недружелюбно поглядывая на припозднившегося визитера. — Мы уже закрыты.

— Ничего, для меня сделаете исключение, — буднично сообщил Гордеев, даже не стараясь скрасить первое впечатление.

Николай без приглашения прошествовал в кабинет Зои. Та окинула гостя неприязненным взглядом, но промолчала.

— Николай Гордеев, — представился, усаживаясь в кресло.

Брови девицы остались на месте: он ее не удивил. Наверняка искала информацию о своем компаньоне и видела фотографии. И слушала грустные байки Ивана о том, как несладко ему жилось с черствым и равнодушным отцом. Жалела, небось. Ранимый красавчик, девчонки не могли устоять перед таким сочетанием. Окинув мужиковатую Зою оценивающим взглядом, Гордеев-старший мысленно себя поправил: даже не совсем девчонки.

— Зоя Емельянова, — представилась она неохотно, явно предвкушая весьма неприятный разговор.

— Думаю, мы оба согласимся, что ходить вокруг да около все равно, что тратить время, поэтому я спрошу прямо: сколько?

— Сколько?

Вот теперь она удивилась.

— Сколько вы хотите за эту обшарпанную клетушку? Или полагаете, что я мог предложить вам нечто иное? — не скрывая презрения, поинтересовался Николай.

— Вижу, Иван характеризовал вас верно, — скривилась Зоя. — Ну так читайте по губам. — И наклонилась ближе. — Агентство не продается.

— Ну-ну, не надо рубить сплеча. Ваше партнерство закончилось в тот день, когда в газетах появились снимки Ивана и Ульяны. Мой сын в долгах и не сможет выкупить свою

долю. У вас финансовых затруднений нет, но не в меру горячий молодой нрав Ивана стоил вам продления контракта с Законодательным собранием, а сами вы наладить новые деловые связи неспособны. Я пришел сюда как потенциальный заказчик, вы не потрудились произнести слова приветствия. При этом закрываетесь в шесть, не предлагаете комфортных условий для переговоров... Рассчитываете работать на всякий ширпотреб, обслуживая уличные ярмарки и супермаркеты? — хмыкнул Николай. — Если Иван отойдет от дел, рыночная стоимость вашего предприятия сильно упадет, и, в конце концов, вы продадите свое дело за копейки.

Николай хмыкнул и с удовольствием взгляделся в пылающее гневом лицо девицы. У нее разве что пар из ушей не шел.

— Эх молодость, — закончил он, не став дожидаться ответа. — Переспите с этой мыслью, а завтра мне позвоните. — Положил на стол визитку. — Если нет, то попробую зайти с другой стороны и, уж поверьте, это предложение окажется менее выгодным. Смиритесь, вы уже все потеряли.

С этими словами Николай поднялся, не позволяя дрогнуть ни единому мускулу лица. После такой речи проявления боли или слабости неуместны.

Покидая игрушечное агентство сына, Гордеев-старший усмехался. Зоя не могла не согласиться. А Иван смирится, однажды и вовсе войдет со временем во вкус. Николай Гордеев знал наверняка.

Сергей

Просьба Алисы встретиться очень удивила Сергея. Что могло ей понадобиться от друга своего будущего мужа? На ум приходило только обсуждение предстоящей свадьбы, но тогда почему так рано и наедине? Впрочем, он не видел смысла отказывать в разговоре. В ожидании выборов он целыми днями скучал, разгуливая по галереям и выставкам Москвы, а вечерами налаживал контакты с нужными людьми. Любой досуг годился, чтобы гнать от себя мысли об оставленных в Петербурге близких. О сыне, об Ульяне. Впрочем, Уля теперь близка не ему. Потеряла это право, спутавшись с человеком, о котором долгие годы говорила в прошедшем времени, обманывая. К сожалению, приходилось признать, что дров наломала не она одна. Сергей и сам отличился, неправильно оценив ситуацию. Слишком юной и импульсивной оказалась Уля. Слишком преданной своим убеждениям. Возможно, через несколько лет она изменится, переборет свой юношеский максимализм и поймет причины поступка Сергея, но, увы, разница в возрасте оказалась губительной.

Такси остановилось около роскошного дома на Рублевке, и Сергей вышел из машины. Алиса открыла дверь сама, что навело Новийского на мысль об отсутствии прислуги. Он насторожился, поприветствовал ее, обменялся парой ничего не значащих фраз, а про себя в очередной раз подумал, какой же Петр кретин. Подбирая сыну будущую жену, Валерий Днепров расстарался. Алиса представляла собой образец идеальной жены. Из прекрасной семьи, обеспеченная, отлично образованная, с бритвенно острым умом и при модельной внешности. Иногда Сергей подозревал что все недовольство друга вызвано опасениями, что жена возьмет на себя роль лидера. Пожалуй, обидно.

Впрочем, Петр определенно отделался малой кровью. После истории с Илоной его сняли с Петербургских рейсов и запретили появляться в Северной столице под угрозой лишения протекции отца. И как только Валерий решил, что страсти утихли, велел своему

отпрыску жениться на Алисе. По мнению Сергея Новийского, Петру не на что было жаловаться. И тем не менее именно этим капитан занимался при каждой встрече.

— Могу предложить чай-кофе или не томить и перейти сразу к делу, — предложила Алиса, вежливо улыбаясь Сергею.

— Я только позавтракал, — отказался от напитков Сергей.

Он не соврал. Встреча оказалась ранней, на грани приличий. Алиса кивнула, сдержанно улыбнулась и повела гостя вглубь дома. Как ни странно, в свой кабинет. Происходящее нравилось Новийскому все меньше, несмотря на кажущуюся непринужденность визита.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что увидел и подтвердил. Или опроверг, — буднично сообщила Алиса, жестом предлагая Сергею присесть.

Затем она развернула ноутбук, и лицо Новийского вытянулось от вида Илоны Сафроновой на дисплее. Тоненькая и бледная сестрица Ульяны сидела за столом его Петербургской квартиры и, судя по стопкадру, что-то рассказывала.

— Откуда это? — первым делом поинтересовался Новийский. Осипший голос выдавал его с головой.

— Не поверишь, но это пришло мне на почту. К слову сказать, моя почта не афишируется. Достать ее не так просто.

— Значит, Ульяна постаралась, — буркнул он раздраженно.

Или Зарьяна, что не лучше. Едва Сергей услышал имя редактора, у которого собралась печататься супруга, сразу понял, что от тандема этих двух журналистских ведьм житья не будет.

— Да, я тоже так подумала, — не без интереса протянула Алиса, пристально наблюдая за собеседником. Но вопрос удержала. Сергей не сомневался, что это временно. Она уже интересовалась подробности краха его брака. То ли Петр где-то проболтался, то ли еще кто.

— Можно взглянуть?

Алиса кивнула и нажала на пробел, запуская видео. Цифровая версия Илоны Сафроновой рассказала именно то, что он подумал. О ночи, Ульяна вздумала спасти сестру из лап «монстра». Именно так она называла с тех пор Петра Днепровца. Получалось рвано и скомкано, хотя Сергей не сомневался, что Илона готовилась к «выступлению». Она предпочитала держаться в тени сестры и не чувствовала себя в безопасности, открываясь посторонним.

И все же ее рассказ о случившемся звучал страшно, грустно и, в то же время, естественно. Не казалось, что Илона пытается запугать слушателя. Просто констатация фактов, без громких и ярких эпитетов. Сергей невольно отметил, сколько раз встретились слова, подобные «не услышал крик», «не пришел на помощь», «не обратил внимания», «они были заняты». Это было неосознанно и честно. От Илоны просто отвернулись. Все, кроме сестры. Ну и Ивана, который таскался за его женой, куда бы та ни попросила.

Илона не врала: ее главной трагедией стало не избиение, а то, что никто не обратил внимания на насилие. Оно утонуло в массе подобных: без расследования, без наказания, без искупления. Люди сказали: перетерпит и будет жить дальше. Увы, но к ложным обещаниям политиков прислушиваются, а к крикам жертв насилия — нет. Сергей это понимал. И не собирался ничего менять, как и миллионы других людей в этом мире.

Алиса остановила видео, не дав дослушать. Да и не нужно.

— Я хотела узнать у тебя, правда ли это, — сказала она.

Сергей мог соврать, даже собирался. Подумаешь, слова девчонки. У нее даже справка из

психушки имеется. Плюс, расскажи Алиса о видео отцу Петра — все: карьера Новийского будет окончена. Но раз даже мышка Илона посчитала своим долго предупредить о возможных последствиях связи с капитаном, какое право на ложь имеет Сергей?

— Да, — ответил он ровно. — Это так.

— Спасибо, это все, что я хотела знать.

Алиса сдержанно улыбнулась, закрыла ноутбук и поднялась из кресла. Сергей последовал ее примеру.

— Можно вопрос? — решил он любопытствовать. — Что ты собираешься с этим делать?

— О, — искренне удивилась Алиса. — Ничего. Все будет в точности так, как мы планировали, — пожалала она плечами. — У меня будет красивый и состоятельный супруг с хорошими связями. А при наличии компромата, еще и шелковый. О большем мечтать глупо. Никто не узнает о твоём участии, не беспокойся. И передавай бывшей свояченице мою искреннюю благодарность.

Хм, возможно, у Петра были причины опасаться своей будущей супруги. Но Сергея это только позабавило. После того, что сделал «друг» с его браком, сочувствовать Петру Новийский не собирался.

Ванька

Странному дню — странное завершение. Так размышлял Иван, нажимая кнопку звонка квартиры Сергея Новийского. Ульяна настаивала, чтобы он приходил к ним с Алексеем домой, — приучала таким образом сына к его присутствию. Она утверждала, что согласно брачному контракту и обещаниям политика, могла делать с квартирой все, что заблагорассудится. Но Ванька не без оснований опасался, не доверяя словам политика. И чувствовал себя странно среди вещей этого человека.

Саф открыла дверь и помогла повесить на вешалку плащ, а потом провела столовую, где заканчивала статью для Зарьяны, параллельно заставляя сына читать по слогам газету. Неусидчивому Лехе занятия давались тяжело, а потому он очень обрадовался приходу Ивана, надеясь на избавление от горькой ученической участи.

— Ты выглядишь... пришибленным, — подметила Ульяна, удивительно точно охарактеризовав состояние Ваньки.

— Сегодня странный день, — пробормотал он. — Очень-очень странный.

Ваня плюхнулся на стул напротив Саф и потер уставшие глаза. Требовалось собрать мысли в кучу и определиться с отношением к целой куче неожиданностей.

— Что случилось?

— Началось с того, что отец показал мне новое завещание, по которому я наследую все его имущество и... холдинг «ГорЭншуранс».

Первая часть фразы Ульяну ничуть не удивила, а вот во второй попало слово, за которое журналист не мог не зацепиться.

— Холдинг? — переспросила она и откинулась на спинку стула, окончательно распрощавшись с мыслями о работе.

— Это вторая новость, — признал Ваня. — А третья в том, что холдинг образовался за счет присоединения к страховой компании моего охранного агентства. Щедрым покупателем, которым Зоя вынесла мне весь мозг, оказался «ГорЭншуранс».

Саф откинула голову и расхохоталась. Ничего не понимающий Леха посмотрел на маму и присоединился. Выглядело мило, но странно. Впрочем, для такого чудного дня в самый раз. Ванька вздохнул. Он никак не мог избавиться от потрясения.

— Что ж, Ваня, я с уверенностью могу заключить, что папа тобой доволен, — пожалала плечами Ульяна.

— Он хитрый ублюдок, Саф. Знает, что я не буду до конца жизни заниматься его тошнотворным страхованием и подкинул мне способ разнообразить деятельность, возложив на «ГорЭншуранс» функцию бездонного кошелька.

— Вот евреи вы, хоть и Гордеевы, — закатила глаза Ульяна.

— Да ладно тебе, — поморщился Ванька, даже не пытаясь отвести обвинения.

Это была шутка длиной в жизнь, но обижаться на нее дома было, почему-то, не принято. Николай Давыдович, хоть и пытался шифроваться, никогда не отрицал в себе наличия крови богом избранной расы. К слову, Ванька таковой в себе не ощущал. Иначе не профукал бы агентство, да и вообще бед не знал.

— Ну скажи, что тебе это тоже нравится, — закатила глаза Саф. — Иначе ты бы не взял на себя роль мозга в бизнесе с Зоей, не писал ночами бизнес-планы и не подмазывал жен политиков, дабы забраться повыше. И у тебя классно получалось. Не устану повторять, что вы с отцом похожи.

— Чур меня, — поморщился Иван.

Не пройдя испытание взрослыми разговорами, Лешка завозился и сбежал. Ульяна вздохнула, пошла с ним, а вернулась с кучей игрушек. Притащила радиоуправляемую машинку и плюшевых игрушек, а затем посоветовала устроить гонку на потеху зверью. Ванька сразу раскусил коварный замысел занять ребенка прочно и надолго. Какой мальчишка не мечтает поучаствовать в формуле один?

— Знаешь, у меня есть теория. — Ульяна снова села за стол и поджала ноги. Ванька оценил ее дальновидность уже спустя пару секунд, когда в соседний стул врезался потерявший управление игрушечный автомобиль. — Завещание является новым только потому, что «ГорЭншуранс» превратился в холдинг, и Николай Давыдович никогда не собирался лишать тебя наследства. Он слишком одинок, чтобы выбрать кого-то другого, и жаден, чтобы перевести деньги в чужой фонд.

Ваньке эта теория не понравилась.

— Ну не знаю. Служба озеленителей могла неплохо поживиться.

— Если верить детективным сериалам, теперь их лидеры тебя убьют, привяжут к трупу пару увесистых камней и бросят в речку. А деньги присвоят, — ей пришлось повысить голос, чтобы перекрычать не только странно повизгивающую машинку, но и жужжащего ей в такт Алексея.

— Саф... — покосился на нее Ванька. — Ты, кажется, не так давно жаловалась на параноидальные мысли? Завязывай с этой фигней и берись за классику.

Она засмеялась, но смех потонул в общей какофонии.

Иван покачал головой и предпочел выкинуть из головы то, что она сказала. О завещании, конечно. За последние месяцы жизнь и без того слишком напоминала американские горки. Не силен Ванька в теории межличностных отношений, ну и ладно.

— А в остальном как день прошел? — поинтересовалась Саф.

— Как и любой другой в «ГорЭншуранс», — хмыкнул Ваня. — Переговоры, скандал между юристами и IT-шниками, вязанка новых исков. Катерина узнала о раке отца и подала

заявление об уходе, якобы оскорбилась, что ей не сообщили. Я этого вслух не сказал, конечно, но, по-моему, это еще одна манипуляция. Отец не будет искать себе новую секретаршу, учитывая, что ему уже два года пророчат жить всего шесть месяцев. Придется заняться подбором помощника самому. Дальше начнется сказка о том, что мы в ответе за тех, кого приручили, и все. Замкнутый круг. Саф, я согласился заменить отца на время химиотерапии, а меня приковали наручниками к столу и даже поменяли караул в приемной! Я не юрист, чтобы виртуозно отбиваться от исков, как это делает старик. Зачем я в это ввязался?

— Для успокоения совести. А еще потому, что как дурак профукал свой бизнес.

— Как дурак, значит, — пробурчал он, прищурившись.

Ульяна улыбнулась, из чего стало понятно, что дураком она его не считает.

— Не хочешь выпить? — вдруг предложила она.

— Выпить? — насмешливо изогнул бровь Ванька. — И как же я домой поеду?

— Никак, — легко ответила она.

— Да неужели, — шире улыбнулся Иван.

— Алексей! — крикнула Ульяна, чтобы сын услышал сквозь рев и улюлюканье. — Ты не против, если Ваня останется у нас на ночь, как ты у тети Лоны и Шины?

— Ладно, — дал добро парень и серьезно добавил: — Но у нас скучно. У нас нет собаки.

— Осознал ошибку? — съехидничала Саф. — Зачем тебе оставаться, если нет собаки? Ничего не понимаешь.

С этими словами она слезла со стула и направилась к кухонным ящикам за выпивкой. Иван следил за ней и не мог перестать улыбаться. То был первый раз, когда Саф разрешила остаться на ночь при Алексее.

— Кстати, не хочешь побыть моей секретаршей? — в шутку предложил Ванька, когда она принесла ему стакан. — Это здорово разнообразило бы день. И с работой в «ГорЭншуранс» у тебя все клеилось.

— Вот любят Гордеевы понижать меня в должности, — ответила она в тон, а потом вдруг мечтательно вздохнула: — Не-ет, я хочу быть как Зарьяна. Кстати, она меня в последнее время хвалит. Представляешь? Я думала, она так не умеет.

Ванька энтузиазма не разделял. Хвалит — прекрасно, но претендовать на место Зарьяны может только самоубийца.

— Ты в курсе, сколько писем с угрозами приходят на ее почту? И не все они пустые, между прочим. На Зарьяну раз пять успешно нападали на улицах.

Это было правдой. Когда Ульяна устроилась работать в редакцию «последней независимой журналистки», Ваня навел справки. Результат не порадовал. Не просто так у Зарьяны не было ни детей, ни мужа, ни даже родственников в России. Она старательно следила, чтобы ее нечем было шантажировать. А у Саф полный комплект кнопок для давления. Увы, сказать ей об этом все равно, что сунуть голову под лезвие гильотины!

— Ну... — замялась Уля.

Ваня решил действовать окольными путями.

— Не вздумай. Хочешь, чтобы я кого-нибудь сгоряча пристрелил, и меня посадили?

— Не хочу, — покачала она головой, а потом хитро улыбнулась. — Но слышать это приятно. Когда ты так говоришь, я думаю, что люблю тебя.

Они довольно долго смотрели друг на друга, прежде чем Ульяна не выдержалась и смутилась.

— Не то, чтобы я оправдывала жестокость, но она может иметь место, если цель благородная, — забормотала она. — Проще говоря, девчонкам нравятся герои.

— Саф, — прервал Ванька. — Я тебя понял.

конец